

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор *Е. В. Шелестюк*

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент *А. А. Селютин*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **А. В. Бузгалин**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Качалов**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **А. Б. Невелев**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Нижегородцев**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция); **Н. Л. Худякова**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия); **П. Элиоуполос**, PhD, главный редактор научного журнала *Raputgi&Delti* (Греция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **И. В. Глухова**, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск)

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 350

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162 в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректра *М. В. Трифоновой*
Вёрстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 30.11.20.
Выход в свет 14.12.20.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 21,4.
Уч.-изд. л. 18,4.
Тираж 500 экз. Заказ 485.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: *UlrichsWeb Global Serials Directory*;
EBSCO's research collections.

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Professor

Executive secretary

A.A. Selyutin, Candidate of Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD

V.I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **N.N. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Tambovsky State University named after G. R. Derzhavin, Russia); **A.V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Katchalov**, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A.B. Nevelev**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Nizhegorodtsev**, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **J. Richard**, PhD, Professor at the Paris-Dauphine University (France); **N. L. Khudyakova**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **A.N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of RAS, Russia); **P. Eliopoulos**, PhD, Editor-in-chief of the Scientific Journal "PAPYRI&DELTI" (Greece)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor, Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **T.A. Borisenko**, Candidate of Philology, Deputy Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **G.K. Valeev**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **T.A. Vorontsova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **I.V. Glukhova**, Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Chelyabinsk); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.Yu. Dvinina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **L.A. Mesenyashina**, Doctor of Pedagogy, Professor (Chelyabinsk); **A.A. Mironova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **L.A. Nefedova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **N.S. Olizko**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **A.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **A.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
of. 350, 129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philology Sciences" editorial
office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share the
views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *M.V. Trifonova*
Imposition by *M.V. Trifonova*

Passed for printing 30.11.20.
Date of publication 14.12.20.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 21,4.
Ac.-publ. sh. 18,4.
Circulation 500 copies.
Order 485. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Баландина И. Д., Ключникова Д. К., Селютин Ал. А.</i> Отражение гендерных различий в художественном дискурсе (на материале англоязычного детективного романа)	7
<i>Бозорова М. А.</i> Лексико-стилистические особенности публикаций прессы, посвящённых вопросам противодействия торговле людьми	14
<i>Борисенко Т. В.</i> Концепт РОДСТВЕННИК/RELATIVE в русской и англоязычной лингвокультурах	24
<i>Волков В. В.</i> «Цифра», постчеловек и киборги: лингвистический и лингвоментальный аспекты	31
<i>Двинина С. Ю.</i> Особенности аккаунтов вузов в сети Instagram в период самоизоляции 2020	40
<i>Егодурова В. М.</i> Экзотизмы в русскоязычном романе И. К. Калашникова «Жестокий век» (на материале названий одежды, пищи и быта)	46
<i>Лаврова Н. А., Ботова Е. Ф.</i> Метаанализ продуктивности и типичных структурно-семантических моделей контаминации в английском языке: современное состояние вопроса и перспективы исследования	55
<i>Мазикова Н. Ю.</i> Повтор в письменной и устной речи как прагматическое средство актуализации авторских смыслов	63
<i>Первухина С. В.</i> Цифроцентрическая научная парадигма в лингвистике: современность или будущее?	73
<i>Петрова Е. И., Токарева Т. Е.</i> Речевое поведение немецких профессоров-филологов (на материале текстов академического дискурса)	81
<i>Питина С. А.</i> Эргонимы в современном локальном лингвистическом ландшафте (на материале названий парикмахерских)	89
<i>Питина С. А., Таскаева А. В.</i> Личностные идеологемы (на материале названий аэропортов)	94
<i>Попова Л. В.</i> Этнокультурная специфика древнерусского концепта «правонарушение»: ранний период	102
<i>Попова Н. Б.</i> Поэтическая картина мира французского символизма	110
<i>Рау С. Г.</i> Парцелляция как средство речевого воздействия в современной драматургии (на примере пьесы М. Хейфеца «Спасти камер-юнкера Пушкина»)	118
<i>Селютин Ан. А., Селютина Е. А.</i> Особенности языкового сознания студентов вуза	125
<i>Саубанова Л. А., Хуснутдинова Ф. А.</i> Каузативная семантика двусоставных конструкций слогана (на материале английского языка)	131
<i>Сюй Лили.</i> Концепт «упрямство» в русском языковом сознании: моделирование содержания и структуры	136
<i>Филатова Г. А.</i> Приёмы перевода перцептивных глаголов в контексте апелляций к читателю	143
<i>Харченко Е. В., Бай Сюйхаожань.</i> Этнокультурная специфика трактовки фразеологизмов с компонентом «животное»	150

<i>Харченко Е. В., Цзин Байлян.</i> Морфологические признаки частей речи в разнотипных языках (на материалах китайского, русского и английского языков)	158
<i>Чжан Канкан.</i> Экспрессивно-эмоциональные способы выражения глорификации в эпидейктической речи	166
<i>Шарафутдинова О. И., Поповская В. И.</i> Текст закона: специальный vs неспециальный	172
<i>Шестакова Л. И., Березовская Я. Л.</i> Создание и развитие партнёрской сети центров открытого образования на русском языке за рубежом как форма реализации языковой политики государства	178

 CONTENTS

<i>Balandina I.D., Kluchnikova D.K., Selyutin Al.A.</i> Gender Differences in Artistic Discourse (Based on English Detective Story)	7
<i>Bozorova M.A.</i> Lexical and Stylistic Features of Press Publications Devoted to Issues of Combating Human Trafficking	14
<i>Borisenko T.V.</i> Concept РОДСТВЕННИК/RELATIVE in Russian and English Linguocultures	24
<i>Volkov V.V.</i> “Digit”, Posthuman, and Cyborgs. The Linguistic and Linguo-Mental Aspects	31
<i>Dvinina S.Yu.</i> University Instagram Account in Spring and Summer 2020	40
<i>Egodurova V.M.</i> Exoticisms in I.K. Kalashnikov’s Novel “Cruel Age” as a Means of Displaying the Era of Genghis Khan (Based on the the Names of Clothes and Everyday Life).	46
<i>Lavrova N.A., Botova E.F.</i> Meta-Analysis of Productivity and Typical Structural and Semantic Patterns of Contamination in Modern English: the State of the Art and Avenues for Futher Investigation	55
<i>Mazikova N.Yu.</i> Repetition in Written and Oral Speech as a Pragmatic Means of Auctorial Meanings Actualization.	63
<i>Pervukhina S.V.</i> Digital-Centric Scientific Paradigm in Linguistics: Present or Future?	73
<i>Petrova E.I., Tokareva T.E.</i> Speech Behavior of German Philology Professors (Based on Texts of Academic Discourse)	81
<i>Pitina S.A.</i> Ergonyms in Modern Local Linguistic Space (on the Material of Hairdressing Salons Names) 89	
<i>Pitina S.A., Taskaeva A.V.</i> Personal Ideologemes in Commemorative Names	94
<i>Popova L.V.</i> Ethno-Cultural Specificity of the Old Russian Concept “Offence (Misdemeanor)”: Early Period.	102
<i>Popova N.B.</i> Poetic Life Picture of French Symbolism Aesthetics	110
<i>Rau S.G.</i> Parcelling as a Means of Persuasion in Modern Dramaturgy (exemplified by Mikhail Heifets’ play “Saving Kammer-Junker Pushkin”)	118
<i>Selyutin An.A., Selyutina E. A.</i> Features of Language Consciousness of University Students	125
<i>Saubanova L. A., Khusnutdinova F.A.</i> Causativity of Two-Part Slogan Constructions (as Exemplified by English Language Slogans)	131
<i>Xu Lili.</i> Concept “Stubbornness” in the Russian Language Consciousness: Modeling the Content and Structure.	136
<i>Filatova G.A.</i> Translation of Perceptual Verbs in the Context of Appellations to the Reader	143
<i>Kharchenko E.V., Bai Xuhaoran.</i> Ethnocultural Specific Treatment of Phraseologisms with Animal Components	150
<i>Kharchenko E.V., Jing Bailiang.</i> Morphological Features of Parts of Speech in Different Types of Languages (Based on Chinese, Russian and English Languages)	158

Zhang Kangkang. Expressive-Emotional Ways of Expressing Glorification in Epideictic Speech	166
Sharafutdinova O.I., Popovskaya V.I. Text of Law: Special vs Non-Special	172
Shestakova L.I., Berezovskaya Ya.L. Creating and Developing a Partner Network of Centers for Open Education in Russian Abroad as a Form of Implementing Governmental Language Policies	178

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале англоязычного детективного романа)

И. Д. Баландина¹, Д. К. Ключникова¹, Ал. А. Селютин²

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Часть статьи выполнена при финансовой поддержке гранта МГПИ «Дискурс кризиса: уроки прошлого и вызовы настоящего (на материале английского языка)», заявка № МК-20-04-17/5

Статья посвящена изучению лингвистических особенностей художественного (детективного) дискурса, предопределённых гендером авторов. Чтобы составить конкуренцию противоположному полу, авторам-женщинам приходится писать, как мужчина, используя те же художественно-изобразительные средства. Авторы статьи приходят к выводу, что единственная структурная особенность, выдающая «женский стиль написания», — это синтаксис, поскольку структурирование мыслей связано с преобладающим типом мышления.

Ключевые слова: *гендер, художественный дискурс, детективный дискурс, гендерные особенности, тропы.*

Одной из ведущих черт современной научной парадигмы является междисциплинарность. И это представляется логичным, поскольку мир многополярен и многообразен, большинство его явлений необходимо изучать с разных сторон. Общество, свободное от предрассудков, старается преодолеть многочисленные стереотипы: национальные, возрастные, гендерные, — становится толерантнее. В связи с этим закономерным представляется интерес лингвистов к гендерным исследованиям, которые ранее традиционно относились к социологии и культурологии, а именно к гендерной предопределённости разных видов дискурса. Этими аспектами и определяется актуальность данной статьи.

В данной статье рассматривается влияние гендера автора — участника художественного дискурса на лингвистические особенности последнего.

Идея о влиянии гендера на язык и речь не нова. Одной из первых данную тему начала исследовать Р. Лакофф [10], которая выделила ряд признаков «женского языка», отличающего его от «мужского». К ним относятся:

- специализированный словарь, связанный со сферами деятельности, традиционно считающимися «женскими»;
- особенности цветообозначения (более точное обозначение цветов и оттенков);
- аффективные прилагательные и слова-интенсификаторы;
- разделительные вопросы;

— слова и фразы, смягчающие категоричность выражения;

- супервежливость;
- склонность к эвфемизмам;
- гиперкорректность и т. д.

Каждая из гипотез Р. Лакофф впоследствии получила дальнейшее развитие в многочисленных исследованиях. Так, гендерно обусловленные различия изучаются при помощи социолингвистических методов: эксперимента, анкетирования и опроса.

Развитие феминистических идей привело к формированию гендерного направления лингвистических исследований, целью которого было изучение отражённых в языке гендерных стереотипов и особенностей речевого поведения мужчин и женщин [6].

В рамках данной статьи под речью мы понимаем письменную речь, генерированную женщинами и мужчинами в процессе создания художественного дискурса, а точнее, дискурса детектива.

В определении понятия «гендер» язык играет особую роль, поскольку пол и его отражения в языке не только выделяются, но им даётся некоторая оценка, количественный показатель которой зависит от моральных составляющих культуры, в которой тот или иной стереотип нашёл отражение [7].

Как известно, в современной лингвистической науке дискурс изучается и исследуется преимущественно в прагматическом контексте, как средство построения практически направленного текста или

сообщения, которые служат лишь для достижения цели коммуникации. Художественный текст имеет смысл тогда и только тогда, когда его кто-то читает, когда он преломляется в чужом сознании [9] — только в этом случае он достигает своей цели и становится компонентом дискурса. По устоявшемуся мнению, художественный дискурс является богатным материалом для исследования, поскольку он вбирает в себя черты многих видов дискурса, причём не только тематических (дискурса профессиональных областей, политического дискурса и т. п., в зависимости от тематики произведения), но и персональных и институциональных [5]. Так, в рамках одного художественного произведения можно встретить сочетание межличностного дискурса (если персонажи общаются между собой в неформальной беседе) и институционального (когда автор художественного произведения описывает взаимодействие персонажа как представителя определённого рода занятий и т. п.).

По общему мнению, художественный дискурс несёт в себе характерные черты культуры на определённом этапе развития человечества.

По словам Т. А. ван Дейка, рассмотрение художественного произведения как суммы разновидностей дискурса не совсем корректно. Как правило, художественные произведения очень разнородны с точки зрения языковых, грамматических и семантических признаков, и определяются эти различия жанром, идеей автора, особенностями его идиостиля. Следовательно, при анализе художественного дискурса приходится брать во внимание в первую очередь его прагматические функции и только потом — признаки [2].

Таким образом, под художественным дискурсом мы понимаем акт коммуникации, в котором прагматическая цель (вопрос, побуждение, угрозы, обещания) вторична и выражена неявно, в отличие от выражения цели в межличностной коммуникации.

Художественный дискурс — связанный с речетворчеством мыслительный процесс, целью которого является формирование языкового произведения, а текст — заключительный этап формирования речевой коммуникации, заключённый в конкретную законченную (и представленную в определённом виде) форму. При этом художественный дискурс создаётся не только его автором, но и его читателем, особенностями его восприятия, мышления, культурного уровня и т. д. [1].

Художественный дискурс относится к продуцированной, или порождённой, речи, автор которой

строит её исходя из своих коммуникативных намерений: описать некие явления, объяснить свою точку зрения и т. п. [3]. В связи с этим логичным представляется предположение, что личность автора непосредственно влияет на характер созданного им произведения.

Одной из разновидностей художественного дискурса является детективный дискурс, который обладает определённой структурой, связанностью и единством.

Детективный текст понимается как повествование о раскрытии тайны, расследовании некоего опасного и запутанного преступления в ограниченном пространстве в определённых временных рамках. Поскольку расследование преступления осуществляется, опираясь на законы логики, детективный текст имеет чёткую логическую структуру: композиция — завязка — описание преступления, развитие — процесс расследования тайны и раскрытия преступления — кульминация — идентификация преступника.

Детективный текст обусловлен правдоподобием вымысла, малым количеством ярких персонажей и их типовых функций. В детективном тексте можно выделить пять основных типов персонажей:

- главный герой (сыщик-детектив);
- герой-рассказчик (часто это правая рука детектива);
- заказчик (потерпевший);
- персонажи, которые играют второстепенную роль в расследовании (свидетели);
- преступник [9].

В качестве основного подхода определения гендерных различий в детективных романах принято считать коммуникативный подход: произведение является коммуникативным продуктом автора, продуктом, в котором подразумевается вторичная коммуникативная деятельность читателя.

Материалом для нашего исследования послужили детективные романы А. К. Дойля [12], А. Кристи [11], Э. Макбейна [14] и Г. Флинн [13]. Нам представляется важным и актуальным проследить гендерную обусловленность продуцированных текстов в диахронии. Мы исходили из следующей гипотезы: гендерные исследования и отказ от гендерных стереотипов изменяют характер порождённой письменной речи.

Первые два автора — это общеизвестные классики детективного жанра. В романах А. К. Дойля, А. Кристи мы сконцентрировали наше исследование на образе самого сыщика. Произведения Э. Макбейна и Г. Флинн представляют собой

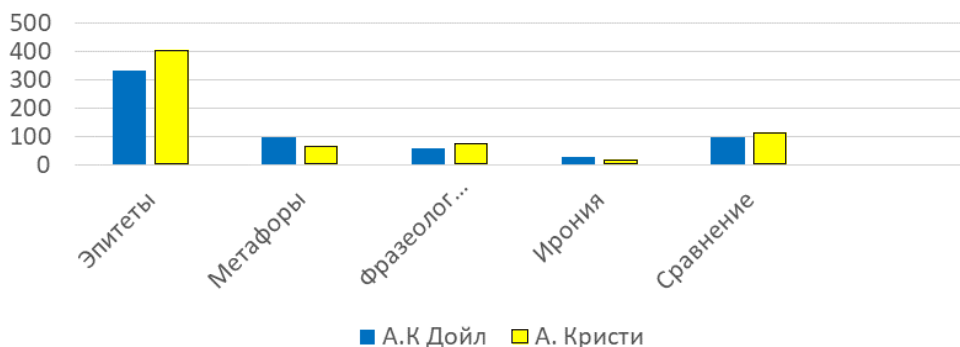

Рис. 1. Анализ лексических и художественных особенностей дискурса классического детектива

пример современного детективного дискурса. Однако по утверждению исследователей последних лет, в современном детективе главная роль отведена злодею, в связи этим в романах Э. Макбейна и Г. Флинн мы обратили более пристальное внимание на лингвистический портрет убийцы.

Произведения данных авторов были проанализированы нами по следующим параметрам:

- лексико-художественный уровень (сюда мы относим тропы и выбор лексических средств);
- синтаксический уровень (особенности построения предложений, осложнённые конструкции и т. п.).

Несмотря на общее, что сближает центральные фигуры детективных романов А. Кристи и А. Дойла (они оба одиночки, но у обоих есть верный товарищ, у обоих есть странности и хобби), в образах детективов можно проследить существенные различия, предопределённые, как нам кажется, гендером создавших их авторов. Так, Шерлок Холмс точно соответствует характерному образу мужчины, вбирая в своё поведение все характерные мужские стереотипы. В образе же Эркюля Пуаро А. Кристи сделала акцент на качествах, свойственных больше женскому началу, сохранив при этом черты мужского образа. Проведя сравнение двух персонажей, созданных писателями разных полов, можно проследить влияние гендерных различий и характеристик с точки зрения художественного дискурса, в том числе и на материалах детективного романа.

Результаты анализа лексико-художественного уровня детективного дискурса классического детектива, демонстрирующие количественное соотношение художественных средств в романах А. К. Дойла “The adventure of the Engineer’s thumb” и А. Кристи “Murder on the Orient Express”, отражены на рис. 1.

Как можно заметить, гендер автора детектива лишь незначительно предопределяет различия

в продуцированном им тексте. Незначительные расхождения в количестве использованных эпитетов и случаев употребления иронии могут служить примером влияния пола автора на создаваемое им произведение. Однако не следует забывать, что долгое время детектив считался не женским жанром, и, чтобы преуспеть в нём, женщинам приходилось подстраиваться под мужской стиль написания.

Что касается синтаксических особенностей генерированной речи, то, как известно, именно синтаксис определяется типом мышления, отражая формы и ступени познания в структуре языковых единиц [8]. В связи с этим важным представляются результаты исследования, отражающие значительные расхождения в использовании осложнённых синтаксических конструкций, к которым мы относим инверсию, эллипс, незаконченные предложения, анафору и т. д. (рис. 2). Подобные конструкции больше характерны для автора-мужчины, что связано с меньшей спонтанностью речи. Диаграмма отражает удельные доли общей совокупности осложнённых синтаксических конструкций, использованных в романах обоих авторов. Таким образом, А. К. Дойл использует 61 % и А. Кристи 39 % от общей совокупности конструкций (100 %).

Рис. 2. Анализ синтаксических особенностей дискурса классического детектива

В результате анализа лингвистических особенностей произведений можно сделать следующие выводы:

1. А. К. Дойл чаще употребляют сложные синтаксические конструкции, такие как анафора и инверсия («...*Were it not for the ugly wound upon my hand, all that had passed during those dreadful hours might have been an evil dream...*»), а А. Кристи склонна упрощать синтаксис своих детективов, и часто в её арсенал входят такие синтаксические приёмы, как инверсия и незаконченные предложения («*Ah! and you return home — when?*») «*It's so beautiful! I wish — I wish —*»). А. К. Дойл чаще используют нейтральные высказывания, что обусловлено его психологическим типом. В то же время А. Кристи использует большое количество эпитетов, которые описывают внешность и манеру поведения героев практически досконально («*A tight-fitting little black coat and skirt, white satin blouse, small chic black toque perched at the fashionable outrageous angle*»), что обусловлено тем фактом, что женщин-писателей больше, чем авторов-мужчин, волнует то, как будет выглядеть герой.

2. Женщины широко используют в речи слова благодарности и вежливого поведения, в том числе и А. Кристи, чей персонаж обладает всеми этими, как правило приписываемыми женщинам, чертами. Что касается мужской речи, то высока частотность нейтральной лексики, но отношение к событиям просматривается через употребление различных форм иронии, как, например, в детективе А. К. Дойла.

3. Данные, полученные в результате сравнительного анализа, говорят нам о несовершенстве теории в отношении влияния гендера на стиль написания детективных романов. На примерах мы можем увидеть, что стиль Агаты Кристи вовсе не присущ гендеру, к которому она относится, при этом стиль её написания резко отличается от сти-

ля написания А. К. Дойла. Да, в стиле А. Кристи прослеживаются некоторые черты, традиционно приписываемые женщинам: употребление более ярких, красочных эпитетов при описании поведения героев и их внешности; главный сыщик Эркюль Пуаро имеет больше женских черт. Однако при более глубоком анализе соответствие гендерным особенностям теряется и синтаксис указывает на то, что стиль Агаты Кристи присущ больше мужчинам, нежели женщинам, поскольку отсутствует напыщенность и распространённость речи, но присутствует большое количество простых предложений, незаконченных предложений и часты случаи инверсии.

4. Стиль А. К. Дойла, наоборот, в некоторых аспектах расходится с общепринятыми представлениями о мужском стиле речи. Так, детективный дискурс А. К. Дойла метафоричен и изобилует эпитетами — т. е. чертами, традиционно приписываемыми «женской» речи.

С развитием жанра детективных романов смещается акцент с главного героя сыщика на главного героя убийцу, что мы и упоминали ранее. Однако это далеко не единственное отличие современного детектива от детектива прошлого века. Лингвистический аспект написания детектива также изменился.

За основу лингвистического анализа в произведениях, где главный персонаж — убийца, мы взяли «*He Who Hesitates*» Э. Макбэйна и «*Gone Girl*» Г. Флинн. В современном детективе рассматривается уже не сыщик, а убийца, поскольку читателю интересней наблюдать за убийцей и за ходом действий, которые он или она будет предпринимать. Тем не менее поведение, манеры и действия таких персонажей заметно отличаются, и объективация признаков гендерных ролей различна.

На рис. 3 приведены результаты исследования материала, отобранного в современном детектив-

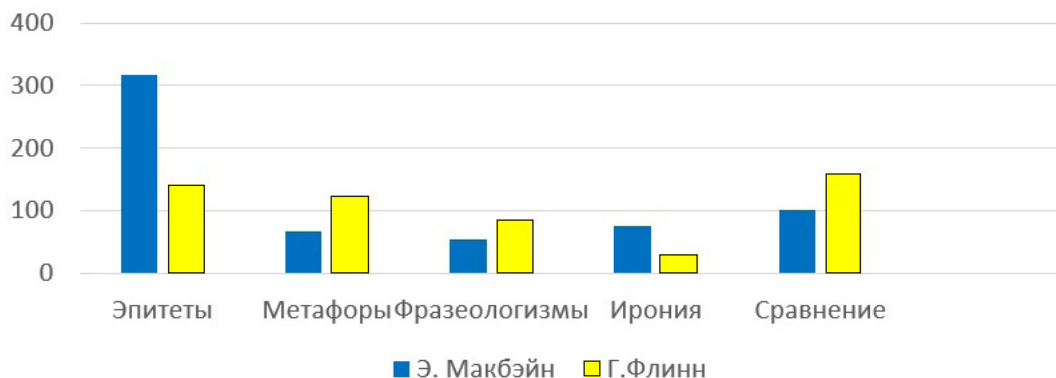

Рис. 3. Анализ лексических и художественных особенностей дискурса современного детектива

ном дискурсе. Как можно заметить, значительные изменения произошли в использовании эпитетов. Автор-мужчина использует их в два раза чаще, чем женщина. И этому, как нам кажется, есть несколько причин:

– в современном мире гендерные роли становятся всё более размытыми, неслучайно некоторые исследователи разграничивают понятия «пол» (как понятие физиологическое) и «гендер» (как понятие социальное) [4]. Соответственно, генерированная мужская речь не обязательно означает сухая, лишённая художественных средств и приёмов;

– дискурс детектива подразумевает некоторое противоречие в гендерных ролях и отход от гендерных стереотипов, поскольку, с одной стороны, расследование преступлений традиционно считалось мужской сферой деятельности, с другой — внимание к деталям и тщательное описание событий, внешности персонажей и т. п. долгое время рассматривалось как сугубо женские черты.

Синтаксические особенности современного детективного дискурса отражены на рис. 4, в основу которой легла методика подсчёта и синтаксические конструкции рис. 2. Из неё наглядно видно, что, несмотря на все происходящие в обществе и сознании изменения, мышление, построение фраз трансформируются гораздо медленнее. Поэтому характерные черты «женской» речи по-прежнему сохраняются в детективном дискурсе.

Проанализировав примеры из обоих произведений, можно сделать следующие выводы:

1. Э. Макбэйн использует значительное количество эпитетов, для максимально реалистичного представления об убийстве и убийце, который его совершает. Также он прибегает к использованию синонимических рядов глаголов, которые помогают представить нам сам процесс убийства.

Рис. 4. Анализ синтаксических особенностей дискурса современного детектива

2. Несмотря на принадлежность к женскому полу, Г. Флинн в своём детективном романе минималистична в использовании эпитетов, но при этом она использует большое количество метафор. В отличие от Э. Макбэйна у Г. Флинн иногда прослеживается использование ненормативной лексики, что помогает передать настоящий всплеск эмоций в происходящем ужасе.

3. В детективе Э. Макбэйна наблюдается использование разных синтаксических конструкций, что привносит элемент напряжённости в сюжете. Автор использует большое количество незаконченных предложений, чтобы привлечь внимание читателя к деталям, в то время как Г. Флинн очень часто использует параллельные конструкции и элементы сравнения, которые придают большую выразительность тексту, создают динамичность и более реалистичное представление о происходящем.

Итак, на основании проанализированного материала мы приходим к следующим наблюдениям:

– мужчины чаще употребляют реплики-вопросы, риторические вопросы, что также обусловлено такими признаками, как доминирование, умственное превосходство мужчин; выбор вербальных средств коммуникации детерминирован социокультурным фактором;

– женщины часто прибегают к репликам-переспросам, эллипсису с целью интимизации разговора;

– вербализация тактики поддержания разговора осуществляется в женской и мужской речи с помощью реплик-реакций (коммуникативов функциональной зоны согласия, подтверждения, коммуникативов функциональной зоны, модально-когнитивных оценок, куда входят коммуникативы, передающие соответствие и несоответствие чего-либо ожиданиям говорящего);

– мужчины чаще используют нейтральные высказывания, что обусловлено психологическим типом мужчин;

– женщины используют реплики-реакции, что показывает их эмоциональное восприятие;

– женщины широко используют в речи слова благодарности;

– в мужской речи высока частотность форм повелительного наклонения (в разговоре с сотрудниками, женщинами и детьми), что объясняется профессиональным статусом мужчины.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что гендерные различия действительно отражаются в письменной речи писателей-детективистов, однако некоторые характеристики речи мужчин

и женщин в силу стиля писателей теряют свою силу или утрачиваются совсем. Письменная речь автора в значительной степени определяется не только его гендером, но и особенностями идиостиля и художественным замыслом писателя. Детектив как жанр, изначально считающийся «не женским», предопределяет необходимость создавать произведения по законам мужской логики,

что не может не отражаться на лингвистическом уровне произведений. Изучая детективные произведения, относящиеся к разным эпохам, мы пришли к выводу, что требования и особенности жанра имеют наибольшее влияние на письменную речь писателя независимо от гендера, предопределяя выбор лексики, художественно-изобразительных средств и стилистических приёмов.

Список литературы

1. Асратян З. Д. Дискурс художественного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М., 2015. С. 30–34.
2. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса. Нью-Йорк, 1998. 384 с.
3. Демьянков В. З., Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Продуцирование, или порождение речи // Краткий словарь когнитивных терминов (под общей редакцией Е. С. Кубряковой). М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 129–134.
4. Милтон Д. Пол и гендер — это и не одно и то же (пер. с англ. А. Кудриной) // Развитие личности. — 2013. № 2. С. 204–215.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
6. Кирилина А. В. Гендерные исследования в зарубежной и отечественной лингвистике // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 138–145.
7. Кирова А. Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Вестник ТГПУ. 2009. № 8. С. 138–140.
8. Малинович Ю. М., Малинович М. В. Синтаксис как отражение динамики мышления и языкового сознания в онтогенезе // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2s (18). С. 156–162.
9. Мельничук О. А., Мельничук Т. А. Стратегии детективного дискурса (на примере романов А. Кристи) // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2. С. 156–167.
10. Lakoff R. Language and Women's Place. New-York, 1975. 309 p.
11. Christie A. Murder On The Orient Express. New York, Harper, 2011. 220 p.
12. Doyle A. C. The adventure of the Engineer's thumb. Oxford, Oxford University Press, 2012. 25 p.
13. Flynn G. Gone Girl. Great Britain, Weidenfield and Nicolson, 2012. 530 p.
14. McBain E. He Who hesitates. An 87th Precinct mystery / Ed. McBain. London, Pan Books, 1979. 157 p.

Сведения об авторах

Баландина Ирина Давидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск, Россия. irfrish@mail.ru

Ключникова Дарья Константиновна — студентка факультета иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск, Россия. D.Angel34@mail.ru

Селютин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией «Цифровые гуманитарные исследования», доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 7–13.*

GENDER DIFFERENCES IN ARTISTIC DISCOURSE (Based on English Detective Story)

I.D. Balandina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. irfrish@mail.ru

D.K. Kluchnikova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. D.Angel34@mail.ru

Al.A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexsell@mail.ru

The purpose of the article is to study the influence of an author's gender on the artistic discourse. As a source of the material the authors of the article have used detective novels as a bright example of a produced written speech. While studying theories of gender linguistics the authors make the point that the key features of the written speech are determined by the gender of the author. However having analyzed detective discourse synchronically and diachronically the authors arrive to some unpredictable conclusions. Thus it turns out that the first aspect that specifies the use of tropes and artistic means is not the gender but the nature and unwritten laws of detective discourse where male's speech prevail and women are forced to think and create like men. It is worth mentioning that this tendency can be easily traced both in classical and modern discourse. The only part where women can reveal their nature is syntax which bears characteristic features of female's cognitive process. So the general finding is that it is the laws and nature of the discourse that determines its features rather than author's gender.

Keywords: *gender, artistic discourse, detective discourse, gender peculiarities, tropes.*

References

1. Asratyan Z.D. (2015) Diskurs hudozhestvennogo proizvedeniya [Artistic discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Theoretical and practical aspects]. Moscow. Pp. 30–34. [in Russ.].
2. Van Deik T.A. (1998) K opredeleniyu diskursa [Defining the discourse]. New York. 384 p. [in Russ.].
3. Demyankov V.Z. (1996) Producirovaniye, ili porozhdeniye rechi [Speech production or birth]. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Small dictionary of cognitive terms]. Moscow. Pp. 129–134. [in Russ.].
4. Milton D. (2013) *Razvitiye lichnosti* [Personal development], vol. 2, pp. 204–215. [in Russ.].
5. Karasik V.I. (2000) O tipah diskursa [Discourse types]. *Yazykovaya lichnost': institucional'nyĭ i personal'nyĭ diskurs* [Speech personality: institutional and personal discourse]. Volgograd. Pp. 5–20. [in Russ.].
6. Kirilina A.V. (2000) *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social science and the present], vol. 4, pp. 138–145. [in Russ.].
7. Kirova A.G. (2009) *Vestnik TGPU* [TPGU Herald]. Tyumen, 2009, pp. 138–140. [in Russ.].
8. Malinovich Yu.M., Malinovich M.V. (2012) *Vestnik IGLU* [IGLU Herald], no. 2s (18), pp. 156–162. [in Russ.].
9. Melnichuk O.A., Melnichuk T.A. (2012) *Voprosy psiholingvistiki* [Psycholinguistic aspects], vol. 2, pp. 156–167. [in Russ.].
10. Lakoff R. (1975) *Language and Women's Place*. New-York, 1975. 309 p.
11. Christie A. (2011) *Murder On The Orient Express*. New York, Harper, 2011. 220 p.
12. Doyle A.C. (2012) *The adventure of the Engineer's thumb*. Oxford, Oxford University Press. 25 p.
13. Flynn G. (2012) *Gone Girl*. Great Britain, Weidenfeld and Nicolson. 530 p.
14. McBain E. (1979) *He Who hesitates*. An 87th Precinct mystery. London, Pan Books, 1979. 157 p.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИКАЦИЙ ПРЕССЫ, ПОСВЯЩЁННЫХ ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

М. А. Бозорова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Рассматривается лексико-стилистическое оформление материалов газет Узбекистана и России («Народное слово», «Правда Востока», «Аргументы и факты», «Мир новостей» за 2018–2019 гг.) по тематике торговли людьми. По результатам исследования в большинстве материалов узбекистанской прессы преобладают стандартные структуры, а в российских — экспрессивно-эмоциональная лексика. Однако наблюдается и тенденция эффективного использования образно-выразительных средств журналистами обеих стран.

Ключевые слова: *торговля людьми, пресса Узбекистана и России, лексико-стилистические особенности, лексические единицы, константы.*

Введение. Стремительные процессы глобализации на рубеже XX — начала XXI в. серьёзным образом повлияли на «стирание» границ социально-правового пространства государств. Вследствие этого у каждого человека появилась возможность беспрепятственно передвигаться из одного уголка земли в другой. С одной стороны, это оказывает положительное воздействие на развитие государств, но, с другой, открываются двери для проникновения транснациональной организованной преступности, одним из видов которой является торговля людьми — траффинг.

Торговля людьми, выступая сложным видом преступной деятельности, имеет серьёзные психологические, духовно-нравственные, физические последствия и сказывается в постэксплуатационной жизни жертвы, что напрямую отражается на темпах реабилитации пострадавшего.

По причине того, что невозможно определить точное количество рабов в современном мире, официальные источники представляют разные данные. В отчёте «The Global Slavery Index» за 2018 г. сообщается, что «сегодня в руках работорговцев находятся 40 300 тысяч человек» [36]. В отчёте ООН за 2018 г. указано, что «количество пострадавших в 2016 году составляет 25 400 человек, что на 40 % больше по сравнению с 2011 годом» [35].

По версии ООН, зафиксированной в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющем Конвенцию против транснациональной организованной преступности, под

торговлей людьми понимается «вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путём угрозы, силой или её применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путём подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо» [17].

По Я. В. Ванюшевой, классификация траффинга включает наиболее 20 его видов, к которым относятся торговля людьми, особенно женщинами и детьми, с целью сексуальной эксплуатации, особенно детьми и инвалидами, с целью попрошайничества, эксплуатации рабского труда, браки в целях эксплуатации, принуждение к суррогатному материнству, репродуктивным функциям, принудительного усыновления/удочерения, использование в вооружённых формированиях, для принудительной трансплантации органов и тканей, использование солдат для принудительных работ и др. [4, с. 150].

Средством воздействия СМИ на аудиторию, их ключевым оружием, безусловно, выступает слово. Словом высказывается цель повествования, посредством лингвистических «игр» осуществляется манипуляция читателем, в общественное сознание внедряется определённая идеология. Влияние кажущегося для потребителя информации на первый взгляд простого набора слов непосредственно отражается на выводах читателей, а впоследствии — на его поведении и выборе жизненной позиции. В этом смысле академик В. В. Виноградов «воздействие наряду с общением и сообщением» счи-

тал тремя важнейшими функциями языка [5, с. 20]. Иными словами, как верно подметил российский исследователь Л. Г. Навасартян, «язык регулирует межличностные и социальные отношения, эмоции и поведение людей» [14, с. 8].

Объекты исследования. Эмпирическую базу исследования составляют материалы газет «Народное слово», «Правда Востока», «Аргументы и факты», «Мир новостей», опубликованные с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2019 г. Газеты «Народное слово» и «Правда Востока» являются русскоязычными государственными общественно-политическими изданиями Узбекистана, а еженедельник «Аргументы и факты» распространяется за пределами России (международная), использует различный характер подачи информации. Таковы же периодичность и охват аудитории издания «Мир новостей», однако её предметно-тематическая направленность ближе к бульварной, так как в ней преобладают материалы релаксационного спектра.

СМИ и торговля людьми. Торговля людьми никогда не являлась «дискурсивно нейтральной территорией» [34] и связана «с более широкими политическими, экономическими и идеологическими сферами» [38; 37]. В силу этого СМИ могут способствовать предупреждению, выявлению фактов торговли людьми (посредством журналистских расследований) или установлению контроля над преступными группировками (посредством активизации общественного контроля). Это с одной стороны. А с другой стороны, массмедиа могут играть и отрицательную роль, выступив мощным фактором пропаганды данного вида преступности среди населения. Выходит, они потенциально могут способствовать формированию у адресатов информации неверного представления о траффинге и его участниках. В силу этого крайне важно правильно подбирать и использовать лексику в журналистском тексте на столь серьёзную тему. В этом свете нельзя не согласиться с мнением М. Б. Серпиковой о том, что «автор-публицист несёт ответственность за последствия своей речевой деятельности, которая, будучи одной из форм социального взаимодействия, нередко носит конфликтный характер, что может в некоторых случаях требовать судебного разбирательства» [22, с. 46]. Исходя из вышесказанного можно полагать, что лингвистические особенности реализуют такие важные функции массмедиа, как информационная и воздействующая [15, с. 59–64].

Язык текстов СМИ о теме торговли людьми. Публицистический стиль обладает таким свой-

ством, как «интерстилевое тонирование — включение в речевую ткань журналистского текста иностилевых элементов» [22, с. 22].

М. Б. Серпикова считает, что «медiateкст обладает утилитарностью (текст предназначен для «здесь» и «сейчас») и перформативностью (действие текстов)» [22, с. 33]. Учитывая научные доводы исследователя, считаем, что материалы СМИ на проблему торговли людьми должны отличаться своевременностью и высокой эффективностью. В частности, нами установлено, что узбекистанские СМИ в большинстве случаев преподносят аудитории «новоиспечённые» новости, что прямо пропорционально их степени действенности, в то время как темы, выбранные авторами российских изданий, не теряют свою актуальность с течением времени в связи со злободневностью анализируемых проблем. В материалах чаще всего указывается и время события. Например, узбекистанский автор Г. Тангирова поясняет, что «*на Telegram-канале Минюста сообщается о внедрении порядка выдачи удостоверения самозанятым гражданам для легализации труда и выхода из “теневой экономики”*» [29, с. 3]. Другой публицист акцентирует внимание на том, что «*...законопроект в эти дни активно обсуждается в Законодательной палате Олий Мажлиса*» (Узбекистан) [1, с. 1–2]. Ещё примеры: «*10 лет назад в Узбекистане был принят Закон “О противодействии торговле людьми”*». *Эту дату отметили за круглым столом*» (Узбекистан), «*В последнее время всё чаще стали говорить о запрете суррогатного материнства в России*», «*...в 2019 году социальное расслоение начнёт зашкаливать*» (Россия) [28, с. 5; 30, с. 6; 19, с. 9] и др.

Российский учёный также выделяет принцип единства «стандарта и экспрессии и принцип диалогичности — текст обращён к массовой аудитории, или к какому-то сегменту этой аудитории» [22, с. 38]. Первый принцип предполагает опору на виды лексики, которыми оперировал автор при написании текста материала. Для публикаций по теме торговли людьми характерна преимущественно нейтральная лексика, так как это касается личности граждан, их чести и достоинства. Например, это слова и словосочетания «*ответственность*», «*обстановка*» (Узбекистан), «*центр*», «*сегодня*», «*работа*», «*культурный*», «*бытовой*», «*встреча*», «*деньги*», «*налоги*», «*жизнь*» (Россия) и др. [28, с. 5; 2, с. 9; 9, с. 13; 26, с. 6]. Однако в них используется и разговорная лексика (в большей

степени в российских изданиях), которая встречается не только в прямой речи, но и в повествованиях автора. Особенно это характерно для репортажа и аналитических жанров. Например, в текстах встречается разговорная лексика типа «...блуждать по скверу», «...**теребить** в руках школьный пенал...»; «...в **здеших** местах»; «**братишка**»; «**малышка**»; «**хоть как-то** решить... проблемы»; «**мало того**, придётся выполнять все требования руководства»; «**увы**», «**куда деваться?**»; «...**элементарно** не интересуются именами и фамилиями...»; «**кто-то** вообще **умудряется** отдать паспорт»; «а ещё большинство жертв **просто** боится рассказывать о случившемся» (Узбекистан); «**ничтожно** малы»; «**мало у кого**»; «**моментально** выяснить»; «**ну и, конечно**»; «задачи **поважнее**»; «**дескать**» (Россия) [23, с. 3; 32, с. 1–3; 20, с. 9; 19, с. 9; 10, с. 7] и др. Безусловно, такая лексика содействует быстрому восприятию передаваемых данных, полному представлению описываемого события. Однако, на наш взгляд, чрезмерное использование лексики данного ряда создаёт эффект «несерьёзности» рассматриваемой темы.

В профессиональном обиходе печатных СМИ приживаются и жаргонизмы. Этот процесс языковеды называют термином «демократизация языка» [22, с. 23]. К примеру, «**Кодекс чести отдыхает**» (Узбекистан), «**Мигранты стали бичом** исключительно для Европы», «...народ **бухтит на «понаехавших тут»**» (Россия) [27, с. 1; 25, с. 14; 10, с. 7]. Сленг сближает адресата с адресантом информации, который говорит на доступном, «своём» для читателя языке. Однако значимость материалов на тему торговли людьми, касающихся личности и внутренних переживаний потерпевших, не должна быть снижена жаргонизмами. Исследователь Л. Г. Навасартян также считает, что «криминальные жаргонизмы придают информации негативную окраску» [14, с. 62].

Активно используются в текстах прессы также заимствованные слова и неологизмы: *преференция; рекрутинговые агентства; либерализация; реинтеграция; модификация; контрпродуктивно* (Узбекистан); *коллизия; реанимация; нотариально; гетто; антимиграционный; миграция; мигрантозависимые; коррекция миграционной конъюнктуры* (Россия) [29, с. 3; 1, с. 1–2; 7, с. 1–2; 20, с. 9; 19, с. 9; 25, с. 14] и др. Уместное употребление пришедших из других языков, а также авторских неологизмов способствуют убеждению читателя в том, что журналист полностью

компетентен в вопросах противодействия траффингу.

«Использование автором крылатых слов и выражений говорит о знании языка, его истории, умении пользоваться речевыми возможностями» [33], поскольку оживляет его речь. Нижеследующие фразеологизмы были использованы авторами при освещении торговли людьми, её причин и проявлений: *на свой страх и риск; в дом постучалась беда; начать с чистого листа; мир перевернулся с ног на голову* (Узбекистан); *...государство махнуло рукой на проблему иммиграции; ...эти цифры от лукавого* (Россия) [29, с. 3; 23, с. 3; 32, с. 1–3; 12, с. 2; 25, с. 14; 30, с. 6; 10, с. 7] и др.

Отдельного рассмотрения требует терминологическая лексика. Использование терминов обеспечивают тексту точность, краткость и недвусмысленность, что крайне важно при исследовании такой щепетильной темы, как траффинг: *принудительный труд; «теневая» экономика; внешняя трудовая миграция; торговля людьми, нелегальная миграция; сексуальная эксплуатация; реинтеграция беженцев; попрошайничество; реабилитация и адаптация женщин; вербовка; купля-продажа; уязвимые слои населения; пострадавшие* (Узбекистан); *изъять органы, потенциальный донор, презумпция согласия; иммиграция, коррекция миграционной конъюнктуры* (Россия) [18, с. 1; 29, с. 3; 1, с. 1–2; 28, с. 5; 27, с. 1; 7, с. 1–2; 23, с. 3; 32, с. 1–3; 20, с. 9; 25, с. 14] и др.

Какую цель преследует журналист при освещении проблемы траффинга, таково и соотношение стандартных конструкций и экспрессивных единиц в его тексте. Например, информационные жанры больше содержат стандартные структуры в силу того, что последние в сжатом объёме содействуют передаче большего количества информации, а в аналитических или художественно-публицистических жанрах преобладает экспрессивно-эмоциональная лексика. В узбекистанских печатных изданиях чаще всего публикуются материалы информационных жанров, а в российских — аналитических. Соответственно, стиль журналистов Узбекистана узнаваем, известен по часто используемому стандартному набору выражений, стиль же авторов российских газет — индивидуален, экспрессивен.

Следует отметить, что клише имеют свои преимущества: содействуют оперативному написанию медиатекста и облегчают его восприятие аудиторией, особенно при освещении тем, касающихся прав и свобод человека. Таковыми явля-

ются сбор хлопка; верховенство закона; оказание услуг; миграционный процесс; приобрела глобальный характер (Узбекистан); защитить права человека; рост уровня безработицы; занятость мигрантов в теневом секторе (Россия) [18, с. 1; 29, с. 3; 7, с. 1–2; 20, с. 9; 25, с. 14] и др. Однако эти же устойчивые словосочетания, «утрачивая свежесть, нередко становятся штампами» [22. С. 37]: ...меры, осуществляемые...; проводимые в стране кардинальные преобразования..., ...сформирована целостная законодательная база; надёжная защита прав и законных интересов...; ведётся работа по налаживанию (Узбекистан); прослеживается интересная тенденция (Россия) [18, с. 1; 1, с. 1–2; 7, с. 1–2; 2, с. 9] и др. Вследствие того, что узбекистанские авторы часто обращаются к общеупотребляемым стандартным фразам (для обеспечения оперативности), материалы носят характер шаблонов. В российских изданиях эта тенденция прослеживается редко.

В текстах журналистов также выявлены канцеляриты, которые утяжеляют процесс их восприятия читателем: объект исчисления единого социального платежа; нижеследующий; создание правовой регламентации; согласно проекту (Узбекистан); коррекция миграционной конъюнктуры (Россия) [29, с. 3; 1, с. 1–2; 25, с. 14] и др.

По мнению М. Б. Серпиковой, «роль экспрессивных элементов могут выполнять самые различные языковые единицы»: «тропы и фигуры речи»^{*}; «словосочетания с необычным лексическим наполнением; броские, заинтриговывающие читателей заголовки и др.» [22, с. 8]. В силу этого полагаем, что при освещении темы торговли людьми журналист призван осторожно обращаться с экспрессивными средствами, так как они в той или иной мере отражают отношение, оценку автора материала к событию, героям публикации и выражают его эмоции. Малейшая невнимательность к выбору лексической единицы приведёт к дискриминации героев или же к выражению в отношении них нетолерантности автора. В этом смысле в материалах прессы Узбекистана и России встречаются следующие тропы и фигуры речи:

1. Синекдоха: Узбекистан пригласил МОТ и местных активистов для мониторинга ситуа-

^{*} К ним можно отнести эпитет, олицетворение, метафору, сравнение, метонимию, синекдоху, перифразу, аллегория, иронию, гиперболу, литоту, анафору, эпитифору, антитезу, оксюморон, градацию, эллипсис и др.

ции; рекрутинговые агентства, которые будут оказывать услуги предприятиям...; ...МОМ реализует...; Министерство внутренних дел Узбекистана предложило ужесточить наказание за попрошайничество (Узбекистан); И Минздрав уже разработал законопроект...; ...приезжие из среднеазиатских республик, которые превращаются в бесправных рабынь, помогающих частным клиникам зарабатывать огромные деньги (Россия) [18, с. 1; 1, с. 1–2; 7, с. 1–2; 23, с. 3; 20, с. 9; 30, с. 6].

2. Эпитеты: нелёгкая работа; масштабное мероприятие; активные усилия; дождливый вечер (Узбекистан); несчастные родители; азиатские девочки; возрастающая исламизация; сухой закон; бесправные рабыни (Россия) [29, с. 3; 28, с. 5; 3, с. 2; 23, с. 3; 20, с. 9; 19, с. 9; 25, с. 14; 30, с. 6].

3. Сравнения: История Зухры Бобокуловой и её сына Искандара похожа на сюжет из кинофильма; ...как продажа наркотиков и оружия, насилие и так далее (Узбекистан); моего ребёнка, как поросёнка, распотрошили; это пока не 20-й район Парижа, где китайские районы плавно перетекают в арабский базар; В 90-е и начале 2000-х уровень образования иммигрантов в целом был на среднестатистическом российском уровне, сейчас — в два раза ниже (Россия) [3, с. 2; 32, с. 1–3; 20, с. 9; 19, с. 9; 25, с. 14].

4. Гиперболы:...мешки аккуратно друг на друга ставились возле мусоропровода так, что не подойти, а окурки ковром устилали пол; Новосёлы обивали пороги чиновников в надежде..., Не успели построить здесь первые кварталы, как начались проблемы с «резиновыми» квартирами (Россия) [19, с. 9].

5. Олицетворение: внутри поселяется страх (Узбекистан); Он [закон] гарантирует, что пересадка органов живого донора допускается исключительно с его согласия (Россия) [32, с. 1–3; 20, с. 9].

6. Эллипсис: Одних на это толкает сложное материальное положение, а вот других — нежелание честно трудиться и возможность получить лёгкие деньги (Узбекистан); В одну сторону — бульвар с азиатскими девочками по вызову, в другую — рынок, где торгуют краденными вещами (Россия) [23, с. 3; 19, с. 9].

7. Лексические повторы: Просто находят пустую квартиру, взламывают замок, вставляют свою личинку, замок и живут. А потом мы выгоняем их, закрываем эту квартиру, вставляем опять замки; ...мы видели её состояние в первый и в последующие дни, видели улучшения, у неё менялась температура тела, на глазах были слёзки,

я это видела, когда мы заходили к ней в палату (Россия) [19, с. 9; 20, с. 9].

8. Антитеза: ...минимализация негативных моментов — максимализация положительного развития личности (Узбекистан) [7, с. 1–2].

9. Акромега: О смерти дочери Елена узнала не от врачей, а от позвонившего ей утром похоронного агента; Для гастарбайтеров работает собственное радио, да не в интернете, а в строгом FM-диапазоне (Россия) [20, с. 9; 19, с. 9].

10. Риторический вопрос: Никогда не думала, что буду просить помощи. А что делать? (Узбекистан) [23, с. 3].

11. Тавтология: До истечения срока его действия самозанятый может повторно обратиться за получением нового трудового удостоверения, при этом количество повторных обращений не ограничивается (Узбекистан) [29, с. 3].

12. Анафора: Счастливы биологические родители. Счастлив родившийся ребёнок... (Россия) [30, с. 6].

13. Градация: Вызывали полицию. Приезжали люди в масках. Уезжали. А жильцы, ..., оставались (Россия) [19, с. 9].

14. Инверсия: К тому же обыскивать вещи и документы пострадавшего при аварии врачи скорой не имеют права; Но сколько-нибудь заметного влияния на миграционную политику он не оказал (Россия) [20, с. 9; 10, с. 7].

В стилистике текстов СМИ функционируют такие инвариантные черты, как «шкала ценностей, оценочность, идеологема и образ автора» [22, с. 48]. Первая константа основывается на смысловой оппозиции «своё»/«чужое». По мнению А. Н. Демченко, «преобладание “мы” над “они” создаёт эмоциональный фон, который ориентирует читателей на преодоление негатива, и поддерживает командный дух» [6, с. 28–30]. Однако мы не солидарны с данной точкой зрения. Напротив, частое использование этой конструкции «способствует формированию мировоззрения о бинарности мироустройства, членение на «своё» (признаваемое, одобряемое, безопасное) и «чужое» (отвергаемое, неодобряемое, враждебное)» [14, с. 48]. Следует отметить, что в узбекистанских материалах авторы не придерживаются данного изоляционного взгляда. В российских печатных СМИ смысловая оппозиция «своё/чужое» иногда встречается: Мигранты идут в те сферы труда, куда “свои” не очень-то и стремятся... (Россия) [10, с. 7].

Оценочность бывает «имплицитной и эксплицитной». В текстах СМИ имплицитные оценки

могут быть выражены при помощи: «нейтральной лексики с рационально-оценочной коннотацией, известной носителям языка из общечеловеческого или национального опыта» [21, с. 84–110]; образно-выразительных средств, особенно, метафор, которые призваны создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения» [22, с. 52]. К примеру, лёгкие деньги; трагичное лицо; охотники за лёгкими деньгами (Узбекистан); ужасники о проданных на «запчасти» детях ходят по всему интернету; стайка подростков; «резиновые» квартиры; ...гастарбайтеры тормозят рост реальной зарплаты; целые отрасли завязаны на мигрантах (Россия) [23, с. 3; 20, с. 9; 19, с. 9; 25, с. 14] и др. Встречаются и эвфемизмы — замена грубых, неприличных или неуместных в данном контексте выражений нейтральными словами или словосочетаниями [24]: Нередко суррогатного ребёнка без проблем заказывают нетрадиционные пары, пользуясь тем, что в российском законодательстве не прописано, что генетическим донором не может быть одинокий мужчина (Россия) [30, с. 6]. Данные средства «нейтрализуют негативные ассоциации читателя о событии, явлении или людях» [13, с. 41]. В текстах печатных СМИ имеют место и дисфемизмы (придание автором негативной окрашенности изначально нейтральному понятию): целые нашествия мигрантов; Даже специалисты Центробанка России отмечают, что гастарбайтеры тормозят рост реальной зарплаты (Россия) [19, с. 9; 25, с. 14] и др.

Идеологема, по выражению М. М. Бахтина, «это экспликация, способ репрезентации той или иной идеологии» [8, с. 8–25]. В узбекистанской прессе идеологема выражается в таких словосочетаниях, как «проводимые в стране кардинальные преобразования...; благоприятные условия; привлечение иностранных инвестиций; сформирована целостная законодательная база [1, с. 1–2], а в российской периодике — Ведь после распада СССР многие ставшие независимыми государства оказались в бедственном положении; И если ранее во многих бывших республиках СССР любили поговорить о том, что они, дескать, «кормят Москву», а теперь за «кормом» пришлось ехать в Россию [10, с. 7]. Такие идеи ориентируют массовое сознание в заданном направлении.

И, наконец, последняя инвариантная черта в стилистике текстов СМИ — образ автора-журналиста, который также проявляется в стилистике повествования. Одним из творческих элемен-

тов его стиля служит «интертекстуальность (использование журналистами «вкраплений» чужих текстов в собственные) [22, с. 63]. Её основными приёмами являются аллюзия, реминисценция, намёк, перифраз и др. В прессе чаще используются:

а) перифраз: «работающие на свой страх и риск» (самозанятые); социальная язва (попрошайничество); говорящие орудия труда (жертвы торговли людьми) (Узбекистан); спорный способ репродукции (суррогатное материнство) (Россия) [29, с. 3; 23, с. 3; 32, с. 1–3; 30, с. 6];

б) реминисценция: «громадьё планов» (из поэмы В. Маяковского) (Россия) [10, с. 7];

в) аллюзия: Кто-то из наших мудрецов верно подметил, что в России нужно жить долго, чтобы увидеть, что натворила власть (Россия) [10, с. 7].

Приёмы интертекстуальности предпочтительны тем, что адресат информации стимулируется на мыслительную деятельность.

Ирония в качестве «вида комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния, в отличие от юмора, носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» [31, с. 221]. По С. В. Ляпуну, данный сатирический приём «создаёт подтекст, тем самым активизирует читательское восприятие и мышление» [11, с. 115–120]. Примеры иронии: *Некоторые «профессионалы» считают, что на заводе либо в каком-нибудь учреждении таких денег платить никто не будет (Узбекистан); Правда, никто из опрошенных нами экспертов не припомнил случая, чтобы ещё живого человека принуждали отдать сердце или почку, а он отчаянно сопротивлялся (Россия)* [23, с. 3; 20, с. 9] и др.

Заключение. Таким образом, авторы материалов прессы, с одной стороны, способствуют предупреждению, выявлению фактов преступления или установлению контроля над преступными группировками, а с другой — могут содействовать восприятию случаев траффинга, смерти, насилия, педофилии, похищения людей или кровавых сцен как нормальных явлений. По этой причине медиатексты по торговле людьми должны обладать утилитарностью и перформативностью. Установлено, что принцип конструктивности и диалогичности также немаловажен при описании случаев траффи-

кинга. Кроме использования нейтральной лексики, журналисты применяют в речи разговорные слова и жаргонизмы. Особенно это заметно в российских СМИ. Журналистами активно используются неологизмы, заимствованные слова, крылатые слова, выражения. В целях придания разнообразия и «живости» тексту необходимо использовать и экспрессивные элементы (тропы и фигуры речи и др.). В материалах прессы Узбекистана и России наблюдается использование метонимии, эпитетов, сравнений, гипербол, олицетворения, эллипсисов, лексических повторов, антитез, акротез, риторических вопросов, тавтологии, многосоюзия и др. В текстах СМИ о торговле людьми оценочность выражается через нейтральную лексику, образно-выразительные средства, особенно метафоры; эвфемизмы, дисфемизмы (иногда встречаются в текстах массмедиа). Интертекстуальность, которая служит творческим элементом авторского стиля, и в узбекистанской, и в российской периодике часто встречается в виде цитирования, перифразы, реминисценции, аллюзии, с помощью которых у читателя активизируется умственная деятельность. Однако они не рассчитаны на массовую аудиторию. Весьма часто наблюдается использование иронии.

Значит, воздействие СМИ особенно проявляется при освещении криминальных вопросов. Это обусловливается тем, что, как показал анализ прессы, авторы материалов, применяя различный набор лингвистических приёмов и методов при описании торговли людьми, максимально содействуют читателю мысленно попасть в этот мир, виртуально почувствовать и нарисовать образы преступников, которые соответствуют действительности, сблизиться с ними, увидеть ужасы, пережитые жертвами траффинга, услышать слёзы, крики, противостояния. Однако этому мешают тенденции к однообразности, использованию штампованных фраз и выражений, внедрения конкретных идеологем. У СМИ большие возможности прямого воздействия на сознание читателя, ведь «при контакте адресант информации активен, а адресат пассивен: ему предлагается уже готовый и словесно оформленный продукт размышления, а сам он при этом никаких самостоятельных умственных усилий не прилагает» [16, с. 277].

Список литературы

1. Азимбетова С. Трудоустройством займутся рекрутинговые агентства // Народное слово. 2018. 5 апреля. С. 1–2.
2. Богданова Т. Игра на нервах // Аргументы и факты. 2018. 4. С. 9.
3. Боялась, что больше не увижу сына. ИА «Дунё» // Народное слово. 2019. 1 февраля. С. 2.
4. Ванюшова Я. В. Торговля людьми как социально-правовое явление // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 150.
5. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М. : Высш. шк., 1981.
6. Демченко А. Н. Лингвистические особенности освещения конфликтов в СМИ. Пятигорск : ПГЛУ. С. 28–30. URL: <https://www.pglu.ru/upload/iblock/9f9/11.pdf>.
7. Икрамова А. Миграция: как снизить негативный эффект? // Правда Востока. 2018. 6 декабря. С. 1–2.
8. Косиков Г. К. «Человек бунтующий» и «человек чувствительный» (М. М. Бахтин и Р. Барт) // Лики времени : сб. ст. М. : Юстицинформ ; Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. С. 8–25.
9. Костиков В. Европа в Осаде // Аргументы и факты. 2018. № 28. С. 13.
10. Костиков В. Как быть с понаехавшими // Аргументы и факты. 2019. 17. С. 7.
11. Ляпун С. В. Ирония в газетной публицистике конца XX — начала XXI веков: стилистический приём и стилевая тенденция // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 1. С. 115–120.
12. Мавлянова И. Право быть свободным // Правда Востока. 2018. 31 июля. С. 2.
13. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка : учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград : Перемена, 1999.
14. Навасартян Л. Г. Языковые средства и речевые приёмы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов : СНИГУ им. Чернышевского, 2017.
15. Палий Т. П. Стилистические особенности освещения военных конфликтов в англоязычных СМИ // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2017. № 10. С. 59–64.
16. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 5. Языкознание. Екатеринбург, 2002. С. 277.
17. Предупреждение и пресечение торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказание за неё : протокол, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принят 15 ноября 2000 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml.
18. Принудительный труд недопустим // Народное слово. 2018. 14 ноября. С. 1.
19. Пуртова Н. В столице могут появиться районы-гетто // Мир новостей 2019. 6 февраля. С. 9.
20. Пуртова Н. Как остановить охотников за органами? // Мир новостей. 2018. 2 мая. С. 9.
21. Романцова Т. Д. Оценочность современных СМИ-текстов // Язык и стиль современных медиатекстов : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012.
22. Серпикова М. Б. Язык и стиль СМИ : курс лекций. М. : РУТ (МИИТ), 2017.
23. Синотова Э. Попрошайничество — жизнь за чужой свет? // Правда Востока. 2018. 15 декабря. С. 3.
24. Справочник для писателя. Образовательный сайт. URL: <https://www.avtoram.com/evfemizm>.
25. Степовой В. Зачем Россия подсела на мигрантов // Мир новостей. 2018. 21 февраля. С. 14.
26. Степовой В., Александрова Е. Всем выйти из тени! // Мир новостей. 2018. 20 июня. С. 6.
27. Тангирова Г. Кодекс чести тут отдыхает // Народное слово. 2018. 15 ноября. С. 1.
28. Тангирова Г. Партнёры придут на помощь // Народное слово. 2018. 2 мая. С. 5.
29. Тангирова Г. Пора выйти из тени // Народное слово. 2019. 13 июля. С. 3.
30. Хакимова Е. На кого работают суррогатные матери? // Мир новостей. 2018. 24 января. С. 6.
31. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : слов.-справ. / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2012.
32. Юн Е. Современное рабство: как остановить торговлю людьми? // Правда Востока. 2018. 4 декабря. С. 1–3.

33. Юрпольский А. Отражение фразеологизмов в материальной и духовной культуре русского народа. 2017. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2017/11/11/doklad-na-temu-otrazhenie-frazeologizmov-v-materialnoy-i-duhovnoy>.
34. Doezenia J. Sex slaves and discourse masters: The construction of trafficking. London : Zed Books Ltd, 2013.
35. Global Report on Trafficking in Persons 2018. Vienna : UNODC, 2018. P. 23.
36. Global Slavery Index 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CcJGsqCaaKo>.
37. Weitzer R. Human trafficking and contemporary slavery // Annual Review of Sociology. 2015. № 41. Pp. 223–242.
38. Weitzer R. The social construction of sex trafficking: Ideology and institutionalization of a moral crusade // Politics and Society. 2007. № 35 (3). Pp. 447–475.

Сведения об авторе

Бозорова Махзуна Алижон кизи — базовый докторант, кафедра журналистики, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека. Ташкент, Узбекистан. mahzuna.bozorova@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 12 (446). Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 14–23.

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF PRESS PUBLICATIONS DEVOTED TO ISSUES OF COMBATING HUMAN TRAFFICKING

M.A. Bozorova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan. mahzuna.bozorova@gmail.com

At the beginning of the 21st century human trafficking is a multidimensional threat to all peoples. Many international, governmental, non-governmental organizations are involved in the fight against the modern slave trade. In this case the media play a key role in this mission as well. Their task is to transmit accurate and reliable information on human trafficking as a phenomenon in general, to form a tolerant attitude of the audience towards victims of trafficking and public condemnation of this type of crime. In view of this, media workers should carefully select every word when writing material on such a sensitive topic. This article discusses the lexical-stylistic design of materials from newspapers in Uzbekistan and Russia “Narodnoye Slovo”, “Pravda Vostoka”, “Argumenty i Fakty”, “Mir Novostey” for 2018–2019 on human trafficking. According to the results of the study, standard structures prevail in most materials of the Uzbek press, and expressive and emotional vocabulary prevail in the Russian press. However, there is a tendency for the effective use of figurative and expressive means by journalists of both countries.

Keywords: *human trafficking, the press of Uzbekistan and Russia, lexical and stylistic features, lexical units, constant*

References

1. Azimbetova, S. (2018) *Narodnoe slovo* [People’s Word], 5 апреля, pp. 1–2. [in Russ.].
2. Bogdanova, T. (2018) *Argumenty i fakty* [Arguments and facts], 2018, no. 4, p. 9. [in Russ.].
3. Boialas’, chto bol’she ne uvizhu syna (2019) [I was afraid that I would not see my son again]. IA «Dune». *Narodnoe slovo* [People’s Word], 1 February, p. 2. [in Russ.].
4. Vanyushova, Ya.V. (2018) *Torgovlya lyud’mi kak social’no-pravovoe yavlenie. Problemy statusa sovremennoj Rossii: istoriko-pravovoj aspekt: Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ufa, 2018. P. 150. [in Russ.].
5. Vinogradov, V.V. (1981) *Problemy russkoj stilistiki* [Problems of Russian stylistics]. Moscow. [in Russ.].
6. Demchenko, A.N. *Lingvisticheskie osobennosti osveshcheniya konfliktov v SMI* [Linguistic features of media coverage of conflicts]. Piatigorsk, PGLU Publ., pp. 28–30. Available at <https://www.pglu.ru/upload/iblock/9f9/11.pdf> [in Russ.].

7. Ikramova, A. (2018) *Pravda Vostoka* [The Truth of the East], 6 December, pp. 1–2. [in Russ.].
8. Kosikov, G.K. (2009) «Chelovek buntuiushchii» i «chelovek chuvstvitel'nyi» [“Rebel man” and “sensitive man”] (M. M. Bakhtin i R. Bart). *Liki vremeni: sbornik statei* [Faces of time: Digest of articles]. Moscow, Iustitsinform Publ., pp. 8–25. [in Russ.].
9. Kostikov, V. (2018) *Argumenty i fakty* [Arguments and facts]. no. 28, p. 13. [in Russ.].
10. Kostikov, V. (2019) *Argumenty i fakty* [Arguments and facts]. no. 17, p. 7.
11. Liapun, S.V. (2009) *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History], no. 1, pp. 115–120. [in Russ.].
12. Mavlianova I. (2018) *Pravda Vostoka* [The Truth of the East], 31 July, p. 2. [in Russ.].
13. Moskvina, V.P. (1999) *Evmizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo iazyka: uchebnoye posobie k spetskursu* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language: a textbook for a special course]. Volgograd : Peremena Publ. [in Russ.].
14. Navasartian, L.G. (2017) *Iazykovye sredstva i rechevye priemy manipulatsii informatsiei v SMI (na materiale rossiiskikh gazet)* [Language tools and speech techniques for manipulating information in the media (based on Russian newspapers). Thesis]. Saratov, SNIGU im. Chernyshevskogo. [in Russ.].
15. Popova, E.S. (2002). *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of the Ural State University. Humanitarian sciences.]. Issue 5. *Iazykoznanie*, no. 24, p. 277. [in Russ.].
16. Poteriakhina, I. (2016) *Iazykovye markery konfliktogenosti v angloiazychnoi delovoi kommunikatsii* [Linguistic markers of conflict in English-speaking business communication]. Professional'naia kommunikatsiia: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei [Professional communication: current issues of linguistics and methodology: inter-university collection of scientific articles]. Iss. 9. Piatigorsk : PGLU Publ. Pp. 63–67. [in Russ.].
17. *Preduprezhdenie i presechenie torgovli lyud'mi, osobenno zhenshchinami i det'mi, i nakazanie za nee. Protokol, dopolnyayushchii Konvenciyu OON protiv transnatsional'noj organizovannoy prestupnosti. Prinyat 15 noyabrya 2000 goda.* Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocoll.shtml.
18. *Prinuditel'nyi trud nedopustim* (2018) [Forced labor is unacceptable]. *Narodnoe slovo* [People's Word]. 2018, November 14, p. 1. [in Russ.].
19. Purtova, N. (2019) *Mir novostei* [World of News], February 6, p. 9. [in Russ.].
20. Purtova, N. (2018) *Mir novostei* [World of News], May 2, p. 9. [in Russ.].
21. Romantsova, T.D. (2012) *Otsenochnost' sovremennykh SMI-tekstov* [Evaluation of modern media texts] / Romantsova T. D. *Iazyk i stil' sovremennykh mediatekstov: ucheb. Posobie* [The language and style of modern media texts: a tutorial]. Irkutsk, IGU Publ. [in Russ.].
22. Serpikova, M.B. (2017) *Iazyk i stil' SMI: kurs lektsii* [Language and Media Style: Lecture Course]. Moscow. [in Russ.].
23. Sinotova, E. (2018) *Pravda Vostoka Vostoka* [The Truth of the East], December 15, p. 3. [in Russ.].
24. *Spravochnik dlia pisatel'ia* [Handbook for the writer]. *Obrazovatel'nyi sait* [Educational site]. Available at <https://www.avtoram.com/evfemizm>. [in Russ.].
25. Stepovoi, V. (2018) *Mir novostei* [World of News], February 21, p. 14. [in Russ.].
26. Stepovoi, V., Aleksandrova E. (2018) *Mir novostei* [World of News], June 20, p. 6. [in Russ.].
27. Tangirova, G. (2018) *Narodnoe slovo* [People's Word], November 15, p. 1. [in Russ.].
28. Tangirova, G. (2018) *Narodnoe slovo* [People's Word], May 2, p. 5. [in Russ.].
29. Tangirova G. (2019) *Narodnoe slovo* [People's Word], July 13, p. 3. [in Russ.].
30. Khakimova E. (2018) *Mir novostei* [World of News], January 24, p. 6. [in Russ.].
31. Skovorodnikova A.P. (2012) *Effektivnoe rechevoe obschenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective Speech Communication (Basic Competencies): Reference Dictionary]. Krasnoyarsk, Publ Sibirskogo federal'nogo universiteta. [in Russ.].
32. Iun E. (2018) *Pravda Vostoka* [The Truth of the East], December 4, pp. 1–3. [in Russ.].
33. Iurpol'skii A. (2017) *Otrazhenie frazeologizmov v material'noi i dukhovnoi kul'ture russkogo naroda* [Reflection of phraseologisms in the material and spiritual culture of the Russian people]. available at <https://ns->

portal.ru/ap/library/drugoe/2017/11/11/doklad-na-temu-otrazhenie-frazeologizmov-v-materialnoy-i-duhovnoy.
[in Russ.].

34. Doezema, J. (2013) *Sex slaves and discourse masters: The construction of trafficking*. London, Zed Books Ltd.

35. *Global Report on Trafficking in Persons 2018*. Vienna, UNODC, 2018. P. 23.

36. *Global Slavery Index 2018*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=CcJGsqCaaKo>.

37. Weitzer, R. (2015) *Annual Review of Sociolog*, no. 41, pp. 223–242.

38. Weitzer, R. (2007) *Politics and Society*, no. 35 (3), pp. 447–475.

КОНЦЕПТ РОДСТВЕННИК/RELATIVE В РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Т. В. Борисенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Проведён анализ концепта РОДСТВЕННИК/RELATIVE. Цель статьи — исследование содержания концепта в русской и англоязычной лингвокультурах на материале ассоциативных, толковых и этимологических словарей. В результате анализа были выявлены особенности восприятия концептов в языковом сознании носителей каждой лингвокультуры, выделены основные признаки концепта.

Ключевые слова: *концепт, лингвокультура, языковое сознание, родственники, ассоциативно-вербальная сеть.*

1. Введение. В жизни любого человека родственники и отношения с ними играют важную роль. Распределение обязанностей, значимость тех или иных членов семьи, выстраивание взаимоотношений между ними может быть неодинаковым в разных культурах. В данной статье произведена попытка сравнения содержания концепта РОДСТВЕННИК/RELATIVE в русской и американской лингвокультурах. Актуальность исследования подтверждается необходимостью понимания особенностей различных лингвокультур для установления более продуктивных межнациональных взаимоотношений. При анализе были применены лингвокультурологический и сравнительный методы исследования, методы анализа ассоциативно-вербальных сетей, предложенные Ю. Н. Карауловым.

В работах Т. Н. Ушаковой отражена следующая идея о выделении двух целей познания: «узнавание окружающих объектов» и «понимание связей, в которых они находятся» [11, с. 16]. На основе этого Н. Ф. Алефиренко утверждает, что основой узнавания объектов «является их сходство в рамках единичного и общего», что означает категоризацию предметов на основе адгерентных признаков. Понимание связей базируется на «осмыслении роли каждого участника этой связи», что указывает на категоризацию путём определения ингерентно-ассоциативных признаков, входящих в одну и ту же категорию. Объединение ингерентно-ассоциативных и адгерентных признаков в определённое смысловое образование называется концептом [1, с. 61].

Концепт — ментальная, ненаблюдаемая сущность [10, с. 6]. Он представляет собой «семантический эмбрион», «смысловой ген» языкового

знака, является «кирпичиком» для строительства концептосферы и языкового сознания [Там же]. Это определённый смысл, или «идея, имеющаяся у нас в сознании». Такая идея существует как «оперативная единица», чётко отделяющаяся от других смыслов и идей [6, с. 317]. Концепт как единица концептуальной системы человека, по утверждению Е. С. Кубряковой, является «главной составляющей инфраструктуры человеческого мозга, характеризующей его как homo sapiens'a» [7, с. 70].

Е. С. Кубрякова даёт следующее определение концепта: концепт — «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [12, с. 90].

Концепт лежит в основе семантической структуры языкового знака, который «формируется в процессе языковой объективизации концепта» [1, с. 61]. Семантические структуры по Р. У. Лангакеру являются концептуальными структурами, пробуждёнными в языковых выражениях [12, с. ix]. В языковой системе существуют как вербализованные концепты, так и пред-концепты (т. е. смыслы). Для актуализации в языке нового концепта в ментальном пространстве вокруг пред-концепта группируются определённые структуры, которые позже обретают языковую форму и получают «статус» вербализованного концепта [7, с. 71]. Отдельное слово не полностью представляет концепт. Оно содержит ряд признаков, важных для передачи мысли, но полностью концепт раскрывается в «совокупности средств языка». В значении

слова, актуализирующего концепт, выделяются семы, каждая из которых репрезентирует ту или иную сторону концепта [10, с. 15–16]. Рассмотрение языковой единицы с разных сторон позволяет говорить о том, что одна и та же языковая единица может быть «единицей номинации с собственным значением», средством актуализации одного концепта и средством вербализации объединения концептов [7, с. 72].

Н. Н. Болдырев указывает на то, что суть языковой интерпретации мира построена на принципе «единства многообразия и обусловлена концептуальной неоднородностью передаваемого опыта взаимодействия с миром и самих знаний о выделяемых объектах, событиях, их свойствах и характеристиках» [2, с. 17].

Согласно А. В. Кравченко концепт представляет собой и оперативную структуру сознания [5, с. 89]. Языковое сознание, в свою очередь — это совокупность «перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [9, с. 7].

Содержание концепта РОДСТВЕННИК/RELATIVE, отражённое в толковых и этимологических словарях. Для исследования содержания концепта РОДСТВЕННИК/RELATIVE мы провели лексикографический анализ. В работе были использованы этимологические и толковые словари. Толковые словари указывают на закреплённые в сознании многих носителей языка основные значения слов. Этимология (исходная форма), по словам Ю. С. Степанова, входит в состав структуры концепта [8, с. 43].

Английское существительное *relative* образовано от древнефранцузского *relatif*, которое в XIV в. пришло в английский язык со словосочетанием *relative pronoun* («относительное местоимение»). Сама лексема *relatif* произошла от латинского слова *relatus* («относящийся, имеющий связь с чем-то»). *Relatus* — форма глагола *referre* («отсылать, относиться»), который образован с помощью приставки *re-* («назад») и корня *ferre* («носить, вынашивать»). *Ferre* пришёл из протоиндоевропейского **bher-* («носить», «вынашивать ребёнка»). Впервые значение «родственник, член одной семьи» у лексемы *relative* появилось в английском языке 1650-х гг. [20].

Современное русское существительное *родственник* в XVI в. имело форму *родьствьньникъ* («тот, кто находится в родстве с кем-нибудь»). Слово было образовано от *родствен/родство* («кровная близость»). Лексемы произошли от старосла-

вянского *rodъ*, которое несло значение «основная ячейка первобытного строя», «ряд поколений». *Rod* является родственным таким словам, как *рождение, двоюродный, родной* [19, с. 359]. Этимология лексемы *rod* до сих пор однозначно не определена. Предположительно, слово восходит к праславянскому **ordъ*, который, в свою очередь связан с индоевропейским *ǵordh-* («высокий, выросший») [20, с. 491].

Таким образом, исходя из этимологии слов можно утверждать, что в содержание рассматриваемых концептов входят такие признаки, как «связь с кем-либо», «близость к кому-либо». Следует отметить также и то, что русская лексема *родственник* является родственной словам *рождение* и *родной*, что осознаётся носителями языка и, соответственно, влияет на содержание концепта РОДСТВЕННИК, включая в его содержание такой признак, как «близкий по праву рождения». Внутренняя форма слова *relative* не отсылает англоязычных носителей к значению «вынашивать ребёнка», с другой стороны, явно ощущается связь со значением «относящийся», «связанный», что укрепляет в содержании англоязычного концепта признак «связь с кем-либо».

В толковых словарях отражены значения слов, которые обычно отражают ядерные признаки концепта, вербализуемого посредством этих лексем. В русских и английских словарях не наблюдается большого разнообразия значений, предписываемых исследуемым существительным. Так, существительное *родственник* определяется как «тот, кто находится в родстве с кем-либо [13; 15; 17]. В свою очередь, *родство* — это «связь между людьми, основанная на происхождении одного лица от другого (прямое родство) или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях» [17]. Таким образом, в ядре концепта РОДСТВЕННИК находятся признаки «близкий по праву рождения», «близкий по праву брачных отношений». Второе значение существительного *родственник*, указанное в словаре Т. Ф. Ефремовой, переносное: «тот, кто близок по духу, привычкам, убеждениям» [15]. Переносное значение к лексической единице *бедный родственник* предложено в словаре С. И. Ожегова: «человек, которому покровительствуют, помогают из милости». В рассматриваемых словарях не были отражены другие переносные значения существительного, которые появляются, когда речь идёт о родственных предметах/представителях животного или растительного мира/явлениях (например, родственные

языки, народы, растения). *Родственный* означает «близкий другому (другим) по содержанию, происхождению, каким-либо признакам» [18]. Так, мы видим, что РОДСТВЕННИК в сознании носителей русского языка не только человек, близкий кому-либо по праву рождения/браку, но и человек/существо/предмет/явление, обладающий общими признаками/общим происхождением/ситуацией и т. п. То есть к рассматриваемому концепту относится также такой признак, как «что-либо/кто-либо, обладающий общностью с чем-либо/кем-либо». Этот признак также входит в ядро русского концепта.

Английское существительное *relative* обозначает члена семьи, особенно того, который не живёт с вами [21; 22]. Таким образом, концепт RELATIVE уточняется признаком «близкий по праву семейных отношений, но живущий отдельно». Также *relative* — это «растение или животное, имеющее общее происхождение и принадлежащее к одной группе растений или животных» [22]. В этом значении проявляется признак «что-либо/кто-либо, обладающий общностью с чем-либо/кем-либо». Синонимом слову *relative* является существительное *relation*, обозначающее «членов вашей семьи» [21; 22], то есть людей, связанных между собой определёнными взаимоотношениями. Лексема *relation* обычно употребляется в ситуациях, когда необходимо указать, является ли этот человек членом конкретной семьи и кем он приходится говорящему [21]. На основании этого можно выделить такой ядерный признак концепта RELATIVE, как «член семьи».

Содержание концепта РОДСТВЕННИК/RELATIVE, отражённое в ассоциативных словарях. Содержание концепта РОДСТВЕННИК/RELATIVE рассмотрено в Русском ассоциативном словаре (РАС), Эдинбургском ассоциативном словаре (ЕАТ) и Словаре свободных ассоциативных норм Университета Южной Флориды (USF-FAN). Частотность реакций будет указана в скобках. Количество реакций на стимулы *родственник* и *relative* примерно совпадают во всех словарях (107 респондентов в РАС, 121 в USF-FAN и 95 в ЕАТ). При анализе были применены методы исследования ассоциативно-вербальных сетей, предложенные Ю. Н. Карауловым [4, с. 191–203].

Первые две реакции на стимул *родственник* — *близкий* (14) и *дальний* (12). Такой ответ дали 13 и 11 % респондентов соответственно. Если учесть другие формы лексем *близкий* и *дальний*, предложенные участниками опроса, то количество ответов, указывающих на близость/дальность отно-

шений в семье, увеличится. Считаем возможным объединить такие ответы, как *близкий* (14), *близкий* (2), *близкий человек* (1), *близко* (1) и *дальний* (12), *далёкий* (1), *дальний=непрошенный* (1). Таким образом, доли ответов, выражающих близость/дальность отношений, составляют 16 и 13 %. Очевидно, что ядерными признаками концепта РОДСТВЕННИК в русской лингвокультуре являются «близость отношений» и «дальность отношений».

В британском словаре ЕАТ первыми двумя реакциями на стимул *relative* стали *aunt* (16) и *friend* (9), что составляет 16 и 9 % соответственно от общего числа ответов. К ним можно добавить формы слов *auntie* (1) и *friends* (1). В американском словаре USF-FAN ассоциат *aunt* (25) — 20 % также находится на первом месте. На втором месте реакция *family* (17) — 14 %.

В толковом словаре *aunt* (тётя) определяется как «сестра матери или отца либо жена дяди» [22, с. 84]. То есть это член семьи, но живущий, скорее всего, отдельно от вас. Таким образом, первая реакция на стимул *relative* в британском и американском словарях указывает на признак концепта, выделенный нами при анализе дефиниций в толковых словарях: «близкий по праву семейных отношений, но живущий отдельно». Также во втором ассоциате американского словаря реализуется признак «член семьи». Интересна реакция *friend* в британском словаре. Согласно определению, *friend* — «тот, кого вы хорошо знаете, кто вам нравится, но не является членом вашей семьи» [22, с. 600]. Но в сознании англоязычного носителя другом может быть член семьи. Вероятно, здесь проявляется признак «что-либо/кто-либо, обладающий общностью с чем-либо/кем-либо», кроме того, считаем возможным выделить на основе этой реакции признак «свой», то есть принадлежащий нашей группе. Обоснованием может послужить оппозиция *друг-враг*, аналогичная оппозиции *свой-чужой*. Тот, кто является членом нашей семьи, — свой человек, друг.

Следующим этапом исследования является группировка ассоциатов для определения того, какого типа реакции встречаются чаще всего. В русском ассоциативном словаре представлено 58 различных реакций на стимул *родственник*. Наиболее обширными группами ассоциатов оказались группы «чей родственник» — 18 % ответов (*мой, друга, отца, по матери* и т. п.) и «что случилось с родственником» — 17 % ответов (*заболел, уехал, родил, сбежал, покойник* и т. п.), «наименование родственника» — 20 % (*мама, сестра, брат* и т. п.).

Ассоциаты, называющие членов семьи очевидны. Мы не обнаружили существенной разницы между количеством реакций, описывающих ближних и дальних родственников, поэтому для русскоязычного человека такое деление не принципиально. Важнее то, кому принадлежит родственник и какие с ним отношения. Вообще принадлежность членов семьи к кому-либо является ведущим признаком для многих русских концептов, принадлежащих категориальному концепту СЕМЬЯ [3]. Это указывает на то, что представителям русского языкового сознания необходимо чётко определять, кто с кем связан и кто в каких отношениях находится. Признак «чей» является ядерным не только для концепта РОДСТВЕННИК, но и для концепта СЕМЬЯ. Признак «что случилось с родственником» также является показательным для русского языкового сознания. Он говорит о повышенном интересе к жизни окружающих. Ответы такого типа не встречаются в англоязычных ассоциативных словарях.

В англоязычных ассоциативных словарях группа «наименование родственников» занимает лидирующую позицию. Из 46 различных ассоциатов словаря ЕАТ 18 — наименования родственников, что составляет 39 % от общего числа ответов (*aunt, mother, granny, father* и т. д.). Это самая обширная группа в словаре Дж. Киша и единственная группа в Словаре свободных ассоциативных норм Университета Южной Флориды. В последнем мы обнаружили 11 различных реакций в группе «наименование родственников», что соответствует 68 % (количество разных реакции в словаре — 16). При таком анализе нами не была обнаружена существенная разница между наименованиями близких и дальних родственников. Соотношение ответов примерно одинаковое: 7 дальних и 9 ближних родственников в ЕАТ и 4 дальних и 5 ближних родственников в USF-FAN. Таким образом, «наименование родственника» является таким же ядерным признаком концепта RELATIVE в англоязычном языковом сознании.

Определим типичные для рассматриваемых лингвокультур зоны, связанные с концептом РОДСТВЕННИК/RELATIVE. На данном этапе мы

сконцентрируемся на менее обширных зонах. Это позволит выявить признаки рассматриваемого концепта, не входящие в его ядро.

В русском ассоциативном словаре, помимо указанных выше, наблюдаются следующие зоны: «плохой/нелюбимый родственник» (*жмот, идиот, осёл, мать его*), «хороший/любимый родственник» (*любимый, забота, любимый человек, любить, радость, родной человек*), «финансовое состояние родственника» (*бедный, богатый, рубль*). Соответственно этим зонам можно обозначить признаки концепта, находящиеся на периферии в русском языковом сознании. Можно отметить, что отрицательные характеристики родственников немного уступают по количеству положительным. Но в целом считаем, что указание на отношение к родственникам равнозначно и связано с личным опытом респондентов.

В Эдинбургском ассоциативном словаре выделяются зоны «взаимоотношения» (*relation, comparison, related*), «финансово-материальные отношения» (*money, present*), «отношение к родственникам» (*ugh, importance, positive, safe, great, rubbish*). Остальные лексемы немногочисленны, и их невозможно объединить. Например, *fact, subject, Einstein*. Их следует отнести к индивидуальным реакциям, связанным с личным опытом респондентов. В словаре USF-FAN также обнаружены единичные реакции: *person, stranger, close*.

Выводы. Итак, проведённый анализ показал, что ядерными признаками русского концепта РОДСТВЕННИК являются «близкий по какому-либо критерию», «близость/дальность отношений», «чей родственник», «что случилось с родственником», «наименование родственника». На периферии находятся такие признаки, как «плохой/хороший родственник» и «финансовое положение родственника».

В англоязычной лингвокультуре к ядру концепта RELATIVE принадлежат такие признаки, как «член семьи», «свой», «наименование родственника», «близкий по праву семейных отношений, но живущий отдельно». К периферии относятся признаки «взаимоотношения», «финансово-материальные отношения», «отношения к родственникам».

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 60–65.
2. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докладов и сообщений Международной научной

конференции, посвящённой юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М., Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2016. С. 16–25.

3. Борисенко Т. В. ДОЧЬ/DAUGHTER, СЫН/SON в русской и англоязычной лингвокультурах (анализ на материале ассоциативных словарей) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 4. Филологические науки. Вып. 121. С. 28–33.

4. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Этнокультурные исследования языкового сознания. М., 2000. С. 191–206.

5. Кравченко А. В. Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления // Жанры речи. 2005. № 4. С. 84–102.

6. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560с.

7. Кубрякова, Е. С. О концептах, схваченных знаком / Е. С. Кубрякова // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 2009. № XVIII. С. 69–75.

8. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. 992 с.

9. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / под ред. Н. В. Уфимцевой. М. : Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.

10. Попова З. Д., Стернин И. А. и др. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии : коллективная монография. Воронеж, 2002. 314 с.

11. Ушакова Т. Н. Природные основания речезыковой способности (анализ раннего речевого развития) // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000. С. 7–23.

12. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Gramma. Walter de Gruyter, 2010. 410 p.

Лексикографические источники

13. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

14. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 245 с.

15. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный / под редакцией Т. Ф. Ефремовой. М. : Русский язык, 2000.

16. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / под редакцией Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой, Ю. Н. Караулова, Е. Ф. Тарасова. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (дата обращения 14.08.2020)

17. Толковый словарь русского языка / под редакцией С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. 3-е изд. М. : Аз, 1996. 928 с.

18. Этимологический словарь английского языка. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 14.08.2020)

19. Этимологический словарь русского языка / под редакцией Г. П. Цыганенко. 2-е изд. Киев : Рад. шк., 1989. 511 с.

20. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под редакцией М. Фасмера. 4-е изд. М., 2007.

21. Longman Dictionary of Contemporary English online. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 14.08.2020)

22. Macmillan English Dictionary for advanced learners / M. Rundell. Macmillan, 2007. 1748 p.

23. The Edinburgh Associative Thesaurus. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/> (дата обращения 14.08.2020)

24. University of South Florida Free Association Norms. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/> (дата обращения 14.08.2020)

Сведения об авторе

Борисенко Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. tatiana-tv11@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 24–30.*

CONCEPT РОДСТВЕННИК/RELATIVE IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES

T.V. Borisenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tatiana-tv11@yandex.ru

This article deals with the concept РОДСТВЕННИК/RELATIVE. The purpose of the work is to study this concept in Russian and English-speaking linguocultures. The research will allow broadening the understanding of the language consciousness of Russian and English native speakers. Methods of linguacultural and comparative analysis are used here. We also employ methods of associative-verbal nets study suggested by Yu. N. Karaulov. As a result we come to a conclusion that nuclear features of the concept in Russian linguoculture are “close/remote relative”, “whose relative it is”, “what happened to a relative”, while nuclear features for English linguoculture are “smb’s own”, “member of the family”, “member of the family that lives separately”. Non-nuclear features of the concept have also been defined.

Keywords: *concept, linguoculture, language consciousness, relatives, associative-verbal net.*

References

1. Alefirenko, N.F. (2004) *Vestnik VGU. Seriya: Gumanitarny`e nauki* [VGU Bulletin. Homan Sciences Series], no. 2, pp. 60–65. [in Russ.].
2. Boldyrev, N.N. (2016) Tipologiya konceptov i yazy`kovaya interpretaciya [Concept typology and Language interpretation]. *Novaya Rossiya: tradicii i innovacii v yazy`ke i nauke o yazy`ke* [New Russia: traditions and innovations in language and science]. 28–30 September. Yekaterinburg, Russia. Moscow, Yekaterinburg. Pp. 16–25. [in Russ.].
3. Borisenko, T.V. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], no. 4, pp. 28–33 [in Russ.].
4. Karaulov, Yu.N. (2000) Pokazateli nacional`nogo mentaliteta v asociativno-verbal`noj seti [National mentality in associative-verbal nets]. *E`tnokul`turny`e issledovaniya yazy`kovogo soznaniya* [Ethnocultural studies of language consciousness]. Moscow. Pp. 191–206. [in Russ.].
5. Kravchenko, A.V. (2005) *Zhanry` rechi* [Speech genres], no. 4, pp. 84–102. [in Russ.].
6. Kubryakova, E.S. (2004) Yazy`k i znanie. Na puti polucheniya znanij o yazy`ke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol` v poznanii mira [Language and Knowledge. On the way to getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view]. Moscow, Yazy`ki slavyanskoj kul`tury` Publ. 560 p. [in Russ.].
7. Kubryakova, E.S. (2009) *Studia Linguistica*. no. XVIII, pp. 69–75 [in Russ.].
8. Stepanov Yu.S. (2004) Konstanty`: Slovar` russkoj kul`tury [Constants of modern Russian Culture]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ. 992 p. [in Russ.].
9. Tarasov, E.F. (1996) Mezhhul`turnoe obshhenie — novaya ontologiya analiza soznaniya [Interindividual communication — new onthology od consciousness analysis]. *E`tnokul`turnaya specifika yazy`kovogo soznaniya* [Ethnocultural peculiarities of language consciusnee] edited by N. V. Ufimcevoj. Moscow, Linguistics Institute of RAN Publ. Pp. 7–22. [in Russ.].
10. Popova Z.D., Sternin I. A., etc. (2002) Yazy`k i nacional`noe soznanie: Voprosy` teorii i metodologii [Languages and national consciousness: theoretical and methodological questions]. Voronezh, 2002. 314 p. [in Russ.].
11. Ushakova T.N. (2004) Prirodny`e osnovaniya recheyazy`kovej sposobnosti (analiz rannego rechevogo razvitiya) [Natural reasons for speech and language abilities]. *Yazy`kovoje soznanie: Formirovanie i funkcionirovanie* [Language sonsciousness: forming and functioning]. Moscow, 2000. p. 7–23. [in Russ.].

12. Langacker, R.W. (2010) *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Walter de Gruyter. 410 p.

Dictionaries

13. Bolshoj tolkovyj slovar russkogo yazyka (2000) [Big definition dictionary of Russian language] edited by S. A. Kuznetsova. Saint-Petersburg, Norint Publ. 1536 pp. [in Russ.].

14. Kratkij slovar' kognitivny'x terminov (1997) [Short dictionary of cognitive terms] edited by E. S. Kubyakova. Moscow. 245 p. [in Russ.].

15. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo obrazovatelnyj (2000) [New Russian language dictionary. Definitions and word-formative], in 2 volumes, edited by T. F. Efremovoj. Moscow, Russkij yazyk Publ. 1209 pp. [in Russ.].

16. Slavyanskij assotsiativnyj slovar. Russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij [Slavonic associative dictionary. Russian, Belorussian, Bulgarian], edited by N. V. Ufimtseva, etc. Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (accessed 19.02.2020) [in Russ.].

17. Tolkovyj slovar russkogo yazyka (1996) [Definition dictionary of Russian], edited by S. I. Ozhegova, Shvedovoj N. Yu. Moscow, Az Publ. 928 pp. [in Russ.].

18. Etimologicheskij slovar anglijskogo yazyka [English etymological dictionary]. Available at: <https://www.etymonline.com/> (accessed 14.08.2020)

19. Etimologicheskij slovar russkogo yazyka (1989) [Russian etymological dictionary], edited by G. P. Tsyganenkoю Kiev. 511 pp. [in Russ.].

20. Etimologicheskij slovar russkogo yazyka (2007) [Russian etymological dictionary], edited by M Phasmer. Moscow. [in Russ.].

21. Longman Dictionary of Contemporary English online. Available at: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 14.08.2020)

22. Macmillan English Dictionary for advanced learners (2007). Macmillan. 1748 p.

23. The Edinburgh Associative Thesaurus. Available at: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/> (access 14.08.2020)

24. University of South Florida Free Association Norms. Available: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/> (access 14.08.2020)

«ЦИФРА», ПОСТЧЕЛОВЕК И КИБОРГИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В. В. Волков

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Констатируется, что лексемы *цифра*, *постчеловек* и *киборг* в современном публичном дискурсе выступают как средство речевого манипулирования. Эти лексемы применительно к «наивному» сознанию носителей языка, не обладающих специальными познаниями, нуждаются в интерпретациях, основывающихся на строгих лингвистических процедурах. Задача статьи — методами когнитивной лингвистики и филологической герменевтики выявить и интерпретировать неявные значения и смыслы этих лексем и соотносительных с ними понятий.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика, цифра, трансгуманизм, постчеловек, морфосемантика, манипуляция сознанием.*

Существительное *цифра* и его производное — прилагательное *цифровой* используются в самых разных сферах современной жизни и в публичном дискурсе с неопределённо широким кругом участников, большинство которых не обладает глубокими специальными познаниями в математике или кибернетике, технике или экономике (так называемые наивные носители языка). Какие актуальные смыслы прячутся за привычными значениями лексем *цифра* и *цифровой*? Насколько новая семантика, с одной стороны, очевидна для «наивного» реципиента, бессознательно ориентированного на фиксированные в толковых словарях общеупотребительные значения, и насколько, с другой стороны, фантомный, а следовательно, опасный характер этой семантики очевиден специалистам? Насколько сами специалисты по современным информационным технологиям сознают скрытые угрозы, связанные с «цифрами» и с фундаментальными «цифрой» идеями трансгуманизма о «постчеловеке» и «киборге»?

Вынесенные в название статьи лексемы «*цифра*» (в завышенном виде, поскольку имеется в виду не общеизвестное словарное, а новое терминологическое значение), *постчеловек* и *киборг* используются в современном публичном дискурсе как именованья таких феноменов, которые якобы реально существуют либо находятся в стадии вхождения в реальность. Однако «предметно-вещная», реальная бытийность феноменов, обозначаемых данными лексемами, представляется отнюдь не очевидной, во многом это не реальные феномены, а семантические фантомы — симулякры.

Цель данной статьи — показать, что подспудно декларируемая данными лексемами соотносённость с реальностью частично носит фантомный характер, что часть представлений, которые ими модулируются, к «предметно-физической», «вещной» реальности имеет опосредованное отношение, а именно: не отношение «знак (слово) — денотат / референт (феномен реальной или возможной действительности, обладающий “вещной” бытийностью)», но отношение «знак (слово) — сигнификат как “умственный конструкт”, лукаво притворяющийся осязаемой вещью».

«Лукавое притворство» в рассматриваемом случае основывается на метонимии как отношении смежности, то есть «вместе, рядом расположенности во времени и пространстве» некоторых феноменов: в поле зрения реципиента оказывается некоторый феномен (1), обладающий в его глазах реальной бытийностью, что ведёт к некритическому приятию бытийности некоторого феномена (2), который на деле является фантомом, «семантическим призраком» (симулякром), но в силу смежности с феноменом (1) воспринимается как тоже обладающий бытийностью.

Задачи статьи сводятся к тому, чтобы, основываясь на методологическом аппарате когнитивной лингвистики и следуя традициям филологической герменевтики, вскрыть метонимически-фантомную природу обозначаемого лексемами «*цифра*», *постчеловек*, *киборг*, а именно: 1) основываясь на академических словарных данных, установить компонентный состав семантики данных лексем (лексико-семантический анализ); 2) интерпретировать полученные сведения

(феноменолого-герменевтический синтез); 3) реконструировать модулируемое данными лексемами восприятие и понимание их денотативно-референциальных смыслов как соотносящихся к реальностью; 4) эксплицировать семантические процессы, приводящие к смешению реального и фантомного в восприятии семантики рассматриваемых лексем.

Ключевое для данной работы понятие «**симулякр**» в предельно краткой характеристике — «семантический фантом». По философскому определению, симулякр — «...способ осуществления событийности, который реализуется в акте семиозиса и не имеет иной формы бытия, помимо перцептивно-символической... <...> Фундаментальным свойством симулякра <...> выступает его принципиальная несоотнесённость и несоотнесимость с какой бы то ни было реальностью» [10, с. 900]. В другом определении: симулякр (от лат. *simulacrum* 'образ, подобие') — «...псевдовещь, замещающая реальность, образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие. <...> Чтобы стать чистым симулякром, образ проходит ряд последовательных стадий, где отражение глубинной реальности сменяется её деформацией, затем — маскировкой её отсутствия и, наконец, — утратой какой-либо связи с реальностью, заменой смысла анаграммой... <...> Симуляция выдаёт отсутствие за присутствие и смешивает всякое различие между реальным и воображаемым» [14, с. 860].

«Цифра» и цифровой, кибернетика и кибернетический. На сайте Правительства РФ во вкладке «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» размещено значительное количество документов, которые включают выступающие в функции терминов словосочетания с прилагательным *цифровой*: *цифровое развитие* (доминанта всего ряда), *цифровая трансформация /технологии/платформа/новостка/профиль/ контур*, однокоренное существительное *цифровизация*, а также название профильного министерства. Толкования или пояснения семантики прилагательного *цифровой*, определения понятий, номинируемых словосочетаниями с этим прилагательным, на сайте Правительства не представлены [12].

Прогулка по просторам Интернета побуждает предположить, что прилагательное *цифровой* в приведённых словосочетаниях можно понимать через такие (условные) синонимы либо семантически смежные слова, как *электронный*, *вычислительный*, *электронно-вычислительный*, *компьютерный*, *кодовый*, *счётный*, *двоичный*, *мультиме-*

дийный и др. Однако название имеющегося в нашей стране *Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций* плохо соотносится с полученным квазисинонимическим рядом при доминанте *цифровой*, наталкивает на близкий, но иной ряд семантически смежных слов, а именно — с доминантой *кибернетика/кибернетический* и такими составляющими, как *вычислительный*, *счётно-решающий*, *электронный*, *компьютерный*, *программный*, *самообучающийся*, *коммуникационный* и др. — вплоть до выводящего на совсем иной уровень размышлений словосочетания *искусственный интеллект*.

Самостоятельный подбор читателем, далёким от властных структур, близких по значению слов с целью осмыслить официальную терминологию едва ли можно считать оптимальной стратегией установления взаимопонимания между властью и населением. Понимание прилагательного *цифровой* и связанных с ним терминов, начиная с *цифровой экономики*, вызывает затруднения не только у «наивных» носителей языка, но и у специалистов, ср.: «В настоящее время общепризнанное определение понятия цифровой экономики не выработано ни в отечественной, ни в иностранной литературе. Оно не закреплено в российской нормативной правовой базе»; «...под цифровой экономикой в общем случае понимается производство благ на основе использования цифровых технологий» [7, с. 109, 107]; *цифровая экономика* — «...подсистема экономики традиционной, отличающаяся активным использованием цифровых технологий и оборотом специфических электронных товаров» [5, с. 38]. Как видим, *цифровая экономика* трактуется через словосочетание *цифровые технологии*, которое также остаётся без определения. Какие смыслы и какая реальность (экономическая, политическая, социальная) связана с этой терминологической неологией, неясно; специально исследовавший этот вопрос А. П. Сегал отмечает необычную «метонимическую трансформацию» терминов *цифра* и *цифровой* и утверждает, что эта трансформация выступает как средство конструирования фиктивного обозначаемого, «*обозначающего без обозначаемого, т. е. симулякра*» [15, с. 2898–2899].

С тем, что в терминах, ассоциируемых с *цифрой*, налицо необычная «метонимическая трансформация», согласимся, однако отметим: существо этой трансформации нужно по возможности ясно и точно охарактеризовать, после чего, как явствует из существа самого феномена метонимии, ожидается, что одно из двух (возможно, более) зна-

чений — исходное либо метонимически связанное с исходным — окажется подлинным знаком, способным к референциальному употреблению (ясному соотносению с реальностью), а другое — симулякром, к денотативно-референциальному употреблению неспособным, оказывающимся вне связи с реальностью или вводящим в заблуждение относительно существа этой связи.

Иными словами: 1) симулякр — не концепт «цифра» в целом, в потенциальной соотносённости со всем деревом значений лексемы *цифра*, не «цифра вообще»; 2) симулякр — концепт «цифра» в соотносённости с одним (или несколькими) из значений лексемы *цифра* и, далее, с соответствующими употреблениями этой лексемы и конкретизированными её смыслами.

В исходном словарном значении (общеупотребительном, общеизвестном и общепонятном) *цифра* — это «знак, обозначающий число» (есть арабские, римские цифры), а *цифровой* — «обозначенный в цифрах, выраженный в цифрах. *Цифровой результат. Цифровое выражение. Цифровые показатели урожая*» [13, с. 1466]. Ключевой семантический множитель — ‘число’, соотносящийся с представлениями о количестве (параметры ‘мало’ — ‘много’). Очевидно, что в словосочетании *цифровые технологии* и подобных ему по семантике ключевые семантические параметры — иные, связанные с компонентом ‘число’ лишь метонимически, по «смежности».

Академический толковый словарь новых слов и значений, ориентированный на отображение семантических ядер лексикографируемой неологии таким образом, чтобы новые актуальные толкования были вняты всем пользователям, включая «наивных», не обладающих специальными познаниями в какой-либо конкретной области, содержит словарные статьи с заголовочными *цифра* и *цифровой* в той семантике, которая актуальна для использования не «чисел» как таковых, но для применения в самых разных сферах жизни (техника и производство, экономика и государственное управление, образование, здравоохранение и т. д.) новых *информационных технологий*, ср.: «**Цифра**... Разг. Цифровой формат, цифровая форма представления. <...> К “цифре” пора привыкать. С каждым днём появляется всё больше устройств с новыми возможностями. <...> Новые круглосуточные передатчики рассчитаны на “цифру” и прослужат как минимум 15 лет»; «**Цифровой**... Переводящий информацию в двоичный код с помощью электронных систем; предназначенный

для обработки, хранения, передачи и т. п. такой информации. <...> *Цифровые носители данных. Цифровой компьютер. <...> Области применения компьютерной техники расширяются — уже сейчас во всём мире наблюдается бум цифровой фотографии и довольно заметно укрепляет свои позиции цифровое видео. <...> Цифровое качество связи исключает любые помехи»* [16, с. 1063].

Из приведённых толкований следует, что «цифру» в контексте информационных технологий следует соотносить с синонимическим рядом (точнее, с совокупностью семантически смежных слов, то есть с полем), привязанным к доминантам *кибернетика/кибернетический* и лексемам *компьютер/компьютерный, программа/программный* и т. п. Ключевой семантический множитель, метонимически связанный с «цифрой» в её актуальных прочтениях, — ‘управление’, что явствует из академического толкования: «**Кибернетика**... Наука об общих закономерностях процессов управления и связи в организованных системах (в машинах, живых организмах и обществе» [13, с. 426]. Хорошо проясняется ключевая сема ‘управление’ в этимоне: *кибернетика* — из др.-гр. *kybernētikē (technē)* ‘искусство управления’ (кораблём или управления вообще) — от *kybernetes* ‘кормчий > правитель’ < *kybernao* ‘управлять кораблём > вообще управлять’ < *naus* ‘корабль’ [6, с. 911]; заметим: родственное — *губернатор* ‘рулевой > управляющий’ (из лат.).

Таким образом, семантическое ядро закавыченной нами в знак неотерминологизации лексемы «цифра» сводится к двум компонентам: ‘управление’ + ‘программа (компьютерная)’; в суммирующей интерпретации семантика современного термина «цифра» — это «управление посредством (специально создаваемых) программ, реализуемых на компьютерах — машинных носителях управляющих программ». Полученный герменевтический итог неполон: не назван **объект** управления: *что/кто* управляется «цифрой»? Цитированное выше академическое толкование кибернетики включает перечень объектов, который основывается на названии знаменитой книги Норберта Винера, одного из основоположников современной кибернетики: «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» [3]. Добавляя объект «общество», получаем **список объектов** управления: 1) живые существа (любые биологические объекты), 2) техника (машины, любые механизмы), 3) общество (любые социальные группы, вплоть до государств и их совокупностей).

Принципиально важный вопрос: кто является **субъектом** управления, *кто* управляет посредством «цифры»? Очевидно, что не «сам» компьютер и не «сама» программа, но их владельцы и/или идеологи, разработчики. Кто они? Очевидно, что этот вопрос выходит за пределы филологической герменевтики и компетенции автора данной работы, задача которой — лингвистическая проблематизация феномена «цифры» и смежных с ней явлений.

Постчеловек, трансгуманизм, поствитализм. Существительное *человек* (равно соотносительные с ним гуманитарный концепт и научное понятие) по семантике относится к числу так называемых первичных понятий, которые интуитивно ясны, однако в герменевтическом отношении поддаются лишь относительно свободному (субъективному) *разъяснению*, но не достаточно строгому *определению* (таковы и ближайшие к человеку *Бог* и *личность*).

Разъяснение осуществляется посредством перечисления фундаментальных, сущностно необходимых признаков — атрибутов, применительно к человеку — **антропологических констант**, в совокупности отображающих особенности человека как биологического, социального и духовного существа. Набор антропологических констант не является чем-то точно известным, их общепризнанного перечня не существует. Академическое словарное толкование: «**Человек**... Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессах общественного труда» [13, с. 1471]. Обратим внимание, что толкование строится опять-таки через набор «первичных понятий», ср.: что такое *жизнь* (*живое*), *мышление* (*мысль*), *речь*? Эти феномены даны как «непосредственно знаемые», как понимаемые, но внятному объяснению не поддающиеся.

Другой способ выявления антропологических констант — например, в рамках «теории метамотивации» А. Маслоу, — через набор «метапотребностей» («бытийных ценностей»), список которых можно наметить, начать, но едва ли можно исчерпать и закрыть: *истина, добро, красота, жизненность, индивидуальность, совершенство* и т. д. (см.: [9]). Частично сходный набор констант, в других формулировках, — в философской антропологии: *самотождественность, самоотрансценденция, целостность, открытость, духовность, свобода, ответственность, творческая активность* и др. [11, с. 98]. Обсуждать, что в такого рода списках нужно «оставить», а что «убрать», лишён смыс-

ла, — несомненно одно: «Фундаментальные антропологические константы — это определённые границы, при разрушении которых человек перестаёт быть человеком» [Там же].

Таким образом, в контексте проблемы границы, отделяющей (собственно) человека от *постчеловека*, ключевым является вопрос: в этом существе, которое «пост» (= «после») человека, фундаментальные антропологические константы сохраняются?

Поскольку вариантов ответа только два — «да» или «нет», отрицательный ответ очевиден. Никакой «середины» нет. Человек — «первичное» и в силу этого «абсолютное» понятие, к которому неприменимы градуальные операции типа «больше — меньше». Не может быть «больше» или «меньше» *Истины* (особенно если с большой буквы), *совершенства*, *самотождественности* и т. д. — они либо есть, либо их нет. Из истории хорошо известно, что приложение градуальных семантических операторов ведёт к разрушению понятия «человек», а в проекции на социальную жизнь — к катастрофам, как, например, в случае с *недочеловек, унтермениш*, де-факто тождественным «*не человек*» и практическим следствиям *расизма, нацизма*. Обратный пример: «сверхчеловек» возмечтал стать, как известно из Библии, Адам, и равно известно, что за этим воследовало и по сей день никак не завершится.

Отсюда: «постчеловек» — это «*не человек*».

Приведённая логическая аргументация поддерживается всматриванием в особенности внутренней морфемно-словообразовательной формы лексемы *постчеловек*. Приставка *пост-* (из лат. *post* 'сзади, позади > затем, потом, после, позже, впоследствии') делит течение времени на «до» и «после» некоторой границы. Отсюда: *постчеловек* — букв. «тот (всё ещё человек?), кто *после* человека». Иными словами, на оси времени *постчеловек* «преодолеывает», а следовательно, «обнуляет», «устраняет» *человека* в привычном смысле слова и в привычном жизненном облике, в неотделимом от него наборе антропологических констант. Перевыразим это соображение в более мягкой, вопросительной форме: *постчеловек* — это «продолжение» (наличного сейчас) *человека* или его «отмена»? Если «продолжение», негласно синонимизирующееся с «развитием», «совершенствованием», то в чём оно заключается? Если «отмена», то что именно «отменяется»? И не включает ли возможное «продолжение» *человека* его «отмену» (хотя бы в чём-то)? Если включает (именно так это

и видится), тогда всё сводится только к «отмене». Пусть не всего «собственно человеческого» сразу, пусть понемногу, — существа дела это не меняет.

Чаемый адептами безоглядного (безрассудного?) техноэлектронного развития путь к постчеловеку и постчеловечеству фиксируется терминами *трансгуманизм* и *поствитализм*. В морфемно-словообразовательной внутренней форме этих лексем, как и в *постчеловек*, отчётливо прочитывается семантика «преодоления» и, далее, «обнуления» того, что ассоциируется с морфом, следующим после приставки: в случае приставки *trans-* эта семантика основывается на исходном пространственном значении «сквозь, через» (как в *трансарктический* или *транссибирский*), в случае приставки *post-* — на временном значении «после». Существо идеологии *трансгуманизма* — в «преодолении» привычного человеческого, в «перешагивании» (< *trans-*) через *homo* ‘человек’, в «преодолении» всех его констант, фиксируемых терминологизирующими именованиями типа *homo sapiens/religiosus/socialis/politicus/creativus* и т. д. (подробнее см.: [4]). Существо идеологии *поствитализма* — в «преодолении» средствами техноэлектроники *витального* (биологического). Латинское *vita* — «жизнь»; отсюда: целеполагание *поствитализма* — в «обнулении» той *жизни*, которой только и может *жить* человек, оставаясь в пределах своих антропологических констант. Можно ли, например, существование «сознания» или, тем более, «личности» в виде набора электрических импульсов считать (потенциально бессмертной) *жизнью*, как мнится *поствиталистам*? Обсуждение этого вопроса выходит за пределы компетенции автора данного материала как филолога, поскольку ответ определяется мировоззрением и ценностными ориентациями субъекта размышления. Автор солидаризируется в отношении течений типа «*пост-/транс-*» с афористически точной формулировкой В. А. Кутырева: это «...культивируемая на переднем крае познания как пост(транс)модернизм, идеология изживания человеком самого себя, объявившая об его конце во всех ипостасях...» [8, с. 64]. Фундаментальные антропологические константы по большей части в постчеловеке «минуются», — и центральный в этой ситуации вопрос: что «прибавляется» в постчеловеке по сравнению с «просто» человеком? Какие «постантропологические» константы? Есть ли они вообще, стоит ли их ожидать или, резче, культивировать, и возможна ли вообще «культивация человека»,

коль скоро чаемый «постчеловек» — творение рук самого человека?

Киборг и киборгизация. Футуристические грёзы писателей-фантастов, деятелей кино и смежных творческих сфер о киборгах как технически совершенных (био)механических имитациях людей, проникая в (науку?) футурологию и далее в плоскость делового планирования, включают в объём понятия «киборг» едва ли не любого реального человека с протезами (чем сложнее протезы — тем «киборгичнее»), а то и всё человечество, которое уже не может обойтись без технически совершенных орудий труда, вроде стиральных машин-автоматов или говорящих холодильников.

Оставляя вопрос о границах понятия «киборг» специалистам по кибернетике и инновационным технологиям, сосредоточиваем внимание на семантическом ядре лексемы *киборг*. «Предметно-физические», образные, «вещные» визуализации *киборга* для «наивного» сознания основываются на представлении о возможности органичного «синтеза» человека и машины в одном «машино-существо», «человекомашине», в двух основных вариантах: либо некий механизм антропоморфного вида с ногами, руками, туловищем и головой, либо человек с вживлёнными в его тело (в перспективе и в мозг) техническими/электронными приспособлениями. Эти обиходные представления фиксируются в авторитетных словарях русского языка.

1. Академический толковый словарь новых слов и значений синонимизирует *киборга* и *робота*: «**Киборг**... Сокр. Кибернетический организм, робот» [16, с. 453], — толкование строится «от техники», де-факто отождествляется техническое устройство («робот») и человек.

2. Словарь иностранных слов: «**Киборг**... — приспособление, в котором в определённой мере осуществлён *симбиоз* физических и интеллектуальных способностей человека и технических средств автоматизации» [2, с. 265], — толкование «от биологии и антропологии», де-факто декларируется возможность совершенствования человека за счёт «дополнения» техническими средствами.

Проблематизирующий вопрос по толкованию: «симбиоз» биологического *существа* и технического *устройства* — возможен ли? И можно ли всерьёз говорить о «симбиозе» *существа* и технического *устройства*, — если существительное *симбиоз*, по самой своей сути, являющейся из внутренней морфемно-словообразовательной формы (из др.-гр. *syμβίωο* ‘жить вместе с кем-л.’,

где приставка *суп-* — в значении ‘вместе с...’), свидетельствует о со-жительстве, то есть совместной жизни? *Живёт* ли — в том смысле, которое мы вкладываем в слово *жизнь* — техническое устройство?

Внутренняя морфемно-словообразовательная форма существительного *киборг* основывается на скрытом плеоназме — семантической тавтологии, которая в явных случаях в экзаменационных работах школьников засчитывается как лексическая ошибка, а в терминологических играх используется как неочевидное манипулятивное средство, прокламирующее фантом под маской реальности.

Киборг — слоговая аббревиатура от словосочетания *кибернетический организм*. **Организм**, по словарным толкованиям, с одной стороны, в исходном значении (1): «Живое целое (существо или растение) с его согласованно действующими органами. <...> *Организм человека*», с другой стороны, в производном значении (2): «То, что представляет собой сложное организованное единство. *Общественный организм*» [13, с. 724].

Отметим по толкованию (1): «согласованное действие (органов)» предполагает *самоуправление*, и *организм* как «живое целое» является *самоуправляющимся* «живым целым». «Самоуправление» при этом предполагает, что управляющая инстанция — **внутри** организма (= сам организм).

Толкование (2) представления о *само-*управлении не предполагает. Напротив, толкование «сложное организованное единство» предполагает наличие **внешней** управляющей, *организующей* инстанции (например, трактор — тракторист, общество — персонифицируемые в лидере/лидерах властные элиты, компьютер и компьютеризованные устройства — заказчик/программист → программа и т. д.).

Таким образом, понятие «кибернетический» с ключевым его компонентом ‘управление’ (по показательному уточнению Н. Винера: «в животном и машине») в составе представлений о *киборге* может прочитываться двояким образом: (1) как *само-*управление, (2) как внешнее управление.

По отношению к представлениям о *киборге* как «роботе» возможно только **внешнее** управление (посредством управляющих программ), по отношению к *киборгу* как «симбиозу» человека и технических (электронных) средств возникает вопрос о соотношении (1) *само-*управления (человек сам управляет собой) и (2) внешнего (программного) управления прилагаемыми к человеку техническими устройствами.

Существительное *киборг* как *кибернетический организм*, с позиций филологической герменевтики, — некое «семантическое недоразумение»:

1) если *киборг* — это человек (с какими угодно дополняющими его техническими приспособлениями), то он **организм**, который по определению — самоуправляющаяся (то есть «кибернетическая») система *органов*; определение *кибернетический* в этом случае избыточно, плеонастично;

2) если *киборг* — это робот (хотя бы и антропоморфный), то он **не организм, а механизм**, независимо от степени сложности его изготовления.

Отсюда вопрос: по отношению к какому феномену, обладающему «предметно-физической», «вещной» реальностью использование именованного *киборг* оказывается лишённым этих противоречий? Иначе: при каком условии/условиях именование человека и/или механизма *киборгом* оказывается имеющим смысл в глазах «наивного» носителя языка, ожидающего конкретной визуализованности, «вещности»? Мой «говорящий холодильник» — киборг? Инвалид с хорошими протезами — киборг?

Два пути в поисках ответа: 1) «от человека к киборгу», то есть к гибриду, «помеси» человека и машины; 2) «от (некоего) механизма к киборгу» как машине, обретающей некое подобие человека. Оставляя за скобками вариант (2), тождественный проблеме очеловечивания машин, сосредоточиваемся на варианте (1).

Получаем: трансформация человека в киборга (= киборгизация?) возможна при условии, что человек осмысляется как механизм — «биоробот» («белковый робот»), отличающийся от технического/электронного устройства только наличием биологических компонентов. Трансгуманизм оборачивается опасной для всего человечества идеологией расчеловечивания человека. Резко и точно об этой опасности пишет С. С. Хоружий: «Действительная опасность — отнюдь не прогресс науки, а явно обозначившаяся, упорная *игра Человека на понижение* (самого себя). <...> В проекте — невообразимое, не снившееся никогда усиление мощи интеллекта, создание “суперинтеллекта”, — но вести нас к суперинтеллекту собираются, похоже, крикливые пиарщики с куриным интеллектом и одержимые с интеллектом, развитым вдоль одной прямой линии, — убеждённые, по свидетельствам, что “человек — машина из мяса, носящая в черепе компьютер”» [17, с. 30].

Человек, по философскому определению, — «биосоциодуховное существо, способное активно

действовать, приспосабливаться к обстоятельствам...» [1, с. 1024]. «Биосоциодуховное» — значит, человек принадлежит миру природы, миру людей и миру духа. В традиционном (религиозном) прочтении, человек — триада: тело — душа — дух. Следовательно, трансформация человека в «постчеловека» — киборга возможна только в случае редукции этой триады до компонента «тело», включая обеспечивающие возможность функционирования тела управляющие функции отдельных органов, в том числе мозга, который должен «мыслить», применять «суперинтеллект» строго в целях удовлетворения постоянно растущих потребностей тела, витального (пища, кров, секс, безопасность, отдых и т. п.).

Вывод: человек = киборг при условии изъятия у человека душевной и духовной составляющих. Следовательно, киборг = «человек без души» (тем более «без духа»).

В полученном выводе нет ничего нового, кроме, как надеется автор, демонстрации того пути (лингвогерменевтического), следуя которым, мы к данному выводу пришли, и прямолинейности итожащих формулировок.

В заключение — **вопрос о прогрессе и совершенстве**. Не следует ли эти характеристики путей движения в будущее посредством «цифры» — к постчеловеку, киборгу и другим трансгуманистическим новациям — заключить в кавычки? Не являются ли эти «прогресс» и «совершенство» движением инволюционным? Заметим: всё, что удаётся людям придумать и воплотить в жизнь, всегда оказывается лишь примитивным аналогом того, что возникает в результате органичного/органического развития. Несопоставимы по степени сложности, по *совершенству* — механическое подобие человека (робот-андроид) — и живое человеческое тело, крыло птицы — и самолёта, живая клетка — и сколь угодно сложная фабрика по изготовлению чего бы то ни было, человеческий разум — и искусственный «интеллект», которому недоступны живое переживание красоты и истины, потребность самопожертвования из любви к своему ребёнку или родной стране. *Прогресс* без кавычек — тоже есть, в технике и производстве. Но какое отношение имеет этот прогресс к самому человеку?

Список литературы

1. Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 1091 с.
2. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. М. : Мартин, 2008. 704 с.
3. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М. : Наука, 1983. 341 с.
4. Волков В. В. Семантическое ядро концепта «Человек» в зеркале латинских и латинизированных именований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 83–92.
5. Волкова А. А., Плотников В. А., Рукинов М. В. Цифровая экономика: сущность явления, проблемы и риски формирования и развития // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 38–49.
6. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1. 1043 с.
7. Зайцев В. Е. Цифровая экономика как объект исследования: обзор публикаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. С. 107–122.
8. Кутырев В. А. Здравствуйте, зомби! // Вестник Российского философского общества. 2015. № 1 (73). С. 63–67.
9. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл, 2011. 496 с.
10. Можейко М. А. Симулякр // Новейший философский словарь. Минск : Интерпрессервис, 2001. С. 900–901.
11. Моторина Л. Е. Философская антропология : учебник. М. : Академический Проект, 2009. 270 с.
12. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/>.
13. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2008. 1536 с.
14. Полозова И. В. Симулякр // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+, 2009. С. 860–861.

15. Сегал А. П. «Цифра» и «цифровое общество» как симулякры XXI века (о терминологической строгости при описании процессов коммуникации) // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 3. С. 2898–2908.

16. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М. : Эксмо, 2008. 1136 с.

17. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергической антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10–31.

Сведения об авторе

Волков Валерий Вячеславович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета, Тверь, Россия. volk7valery@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 31–39.*

“DIGIT”, POSTHUMAN, AND CYBORGS. THE LINGUISTIC AND LINGUO-MENTAL ASPECTS

V.V. Volkov

Tver State University, Tver, Russia. volk7valery@yandex.ru

The purpose of the article is to model semantic processes taking place during hermeneutic interpretation of the terminological lexemes “digit”, “digital”, “posthuman”, “cyborg”. Scientific originality of the paper lies in the fact that these terms are analyzed from the point of view of cognitive linguistics and philological hermeneutics. The findings indicate: 1) lexemes “digit” and “digital” in relation to ordinary consciousness are synonyms to lexemes “computer” and “management”, and are means of speech manipulation in the modern public discourse; 2) a “posthuman” as a product of technical improvement of a human being cannot be regarded as a “perfect human being” in the modern sense of the word; 3) a “cyborg” is a simulacrum, a product of futuristic fantasies, a “semantic misunderstanding” based on the pleonasm of the word-combination “cybernetic organism”. The practical implications of the obtained theoretical results lie in the possibility of using them for a critical evaluation of social construction projects.

Keywords: *cognitive linguistics, philological hermeneutics, digit, transhumanism, posthuman, morphosemantics, consciousness manipulation.*

References

1. Bachinin, V.A. (2006) *Entsiklopediia filosofii i sotsiologii prava* [Encyclopedia of philosophy and sociology of law]. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Publ. 1091 p. [in Russ.].
2. Bulyko, A.N. (2008) *Bol'shoi slovar' inostrannykh slov* [Large dictionary of foreign words]. Moscow, Martin Publ. 704 p. [in Russ.].
3. Viner, N. (1983) *Kibernetika ili upravlenie i sviaz' v zhitvotnom i mashine* [Cybernetics, or control and communication in the animal and the machine]. Moscow, Nauka Publ. 341 p. [in Russ.].
4. Volkov, V.V. (2015) *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, no. 1, pp. 83–92. [in Russ.].
5. Volkova, A.A., Plotnikov, V.A., Rukinov, M.V. (2019) *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 4, pp. 38–49. [in Russ.].
6. Dvoret'skii, I.Kh. (1958) *Drevnegrechesko-russkii slovar': v 2 t.* [Ancient Greek-Russian dictionary: in 2 vol.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ. Vol. 1. 1043 p. [in Russ.].
7. Zaitsev, V.E. (2019) *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia*, no. 3, pp. 107–122. [in Russ.].
8. Kut'yrev, V.A. (2015) *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*, no. 1 (73), pp. 63–67. [in Russ.].

9. Maslou, A. (2011) *Novye rubezhi chelovecheskoi prirody* [The farther reaches of human nature]. Moscow, Smysl Publ. 496 p. [in Russ.].
10. Mozheiko, M.A. (2001) Simuliakr [Simulacrum]. *Noveishii filosofskii slovar'*. Minsk, Interpresservis Publ. Pp. 900–901. [in Russ.].
11. Motorina, L.E. (2009) *Filosofskaia antropologiya: uchebnik* [Philosophical anthropology: textbook]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ. 270 p. [in Russ.].
12. Natsional'naiia programma "Tsifrovaia ekonomika Rossiiskoi Federatsii" [National program "Digital economy of the Russian Federation"]. Available at: URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/>, accessed 24.05.2020. [in Russ.].
13. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2008) *Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The latest large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ. 1536 p. [in Russ.].
14. Polozova, I.V. (2009) Simuliakr [Simulacrum]. *Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki*. Moscow, Kanon+ Publ. Pp. 860–861. [in Russ.].
15. Segal, A.P. (2019) *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, vol. 9, no. 3, pp. 2898–2908. [in Russ.].
16. Skliarevskaia, G.N. (ed.) (2008) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka nachala XXI veka: Aktual'naiia leksika* [Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century: Current vocabulary]. Moscow, Eksmo Publ. 1136 p. [in Russ.].
17. Khoruzhii, S.S. (2008) *Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 10–31. [in Russ.].

ОСОБЕННОСТИ АККАУНТОВ ВУЗОВ В СЕТИ INSTAGRAM В ПЕРИОД САМОИЗОЛЯЦИИ 2020

С. Ю. Двинина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются аккаунты трёх вузов одного города, Челябинска, в социальной сети Instagram во время дистанционной приёмной кампании. Представлены теоретические основы по истории вопроса: характеристики медиатекстов, коммуникативные стратегии в социальной сети Instagram, коммуникативные задачи поста, особенности виртуальной языковой личности. Приведены примеры визуализации вуза для целевой аудитории.

Ключевые слова: *дискурс, образование, социальная сеть Instagram, медиатекст, креолизованный текст, пространство.*

В последнее время мы наблюдаем значительные изменения отношения к реальности и виртуальной среде, когда «мир в мониторе» больше не нечто эфемерное, а наоборот, становится ближе и реальнее окружающего нас физического мира. События весны 2020 г. показали, что времени на привыкание к новой виртуальной реальности нет — мы уже в ней живём. Дистанционный характер отношений затронул практически все сферы, в том числе сферу образования и, в частности, приёмную кампанию. Так, приёмная кампания 2020 столкнулась с рядом проблем, которые ранее, казалось, находились на периферии, а теперь стали ключевыми в привлечении абитуриентов и удержании их внимания.

Вузы стали намного активнее использовать дистанционные технологии: проводить дни открытых дверей онлайн, оперативнее работать в социальных сетях. Однако важным вопросом остаётся то, как стать «реальным» в виртуальном коммуникативном пространстве, визуализировать «жизнь», чтобы целевая аудитория воспринимала вуз «своим» и осталась равнодушной к «чужим».

На наш взгляд, социальная сеть Instagram как «ненавязчивое» средство массовой информации предоставляет такую уникальную возможность. Рассмотрим особенности постов в Instagram как медиатекстов. Когда мы переносим любой текст в СМИ, то он получает новые смысловые оттенки и медийные добавки [4]. Более того, медиатекст выходит за пределы знаковой системы языка и приближается к семиотическому пониманию текста [17]. При этом медиатексты можно классифицировать, например, по категории автора: авторские и коллегиальные [4; 5].

Некоторые исследователи предлагают новый тип медиатекста — сетевой мегагибрид, и выделяют следующие свойства: интерактивность, нелинейность; модульность, ускорение времени и сжатие пространства, конвергенция, жанровая диффузность [5].

Отметим, что социальная сеть Instagram представляет собой публикацию изображений. При этом мозг человека обрабатывает изображения в 60 000 раз быстрее текста, а информация, полученная не визуальным способом, составляет лишь 10 % [14]. В виртуальной коммуникативной среде Instagram важную роль играет креолизованный текст. Кроме того, в настоящее время выделяют четыре тенденции развития Instagram:

- 1) увеличение доли вербального текста;
- 2) эстетизация коммуникации;
- 3) определение целевой аудитории;
- 4) применение инфографики [7].

Также важной составляющей социальной сети Instagram являются комментарии, которые можно исследовать как ответ на эмоциональное воздействие визуального контента. Комментарий — это языковая оценка, и на первый план выходит человеческий фактор [18]. Таким образом, категория оценки обусловлена антропоцентрически и позволяет эксплицировать постоянно меняющуюся картину мира, а основной функцией социальных сетей становится самопрезентация. При этом в деформированной структуре виртуальной коммуникации, где ориентация не на себя, а на другого, пользователи, пытаясь завоевать лояльность, реализуют разные коммуникативные стратегии, среди которых особо можно выделить следующие:

- расширение аудитории;
- идеализированная самопрезентация;
- демонстрация компетентности;
- заимствование информации;
- манипулирование;
- самореклама [6].

Пользователь любой социальной сети, в том числе Instagram, в качестве виртуальной личности свободно выстраивает свой образ в зависимости от цели, ситуации и настроения, пользуясь разными стратегиями одновременно, и в результате имеет возможность почти абсолютного управления впечатлением о себе.

Пост в Instagram можно считать одним из жанров манипулятивной имиджевой коммуникации. Речевой замысел поста в Instagram близок, во-первых, рекламному сообщению, так как нацелен на то, чтобы привлечь внимание, создать интерес, пробудить желание, осуществить запланированное адресантом действие [11; 16], а во-вторых, — PR-текстам, которые стремятся к двусторонней коммуникации [12].

Жанр поста характеризуется следующими основными коммуникативными задачами:

- 1) фатическая (установление контакта);
- 2) дискурсивная (позиционирование);
- 3) информационная;
- 4) аксиологическая (оценка) [8; 11].

При этом в Instagram первичную коммуникативную задачу — установление контакта — берёт на себя визуальная составляющая, и лишь затем в игру вступает вербальная часть.

Особенно важной составляющей в социальной сети Instagram становится персонификация, поскольку важна сама личность, а значит, все посты формируют или обогащают виртуальный имидж личности и в совокупности выполняют дискурсивную и информационную задачи. Для решения аксиологической задачи публикуются, например, мнения специалистов.

В нашей работе мы продолжаем исследование массмедийной составляющей трёх основных университетов Челябинска (Челябинский государственный университет (ЧелГУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ), Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЮУрГГПУ)) [19]. Кроме того, продолжено развитие идей о пространственной составляющей [20]. В данной статье рассмотрены аккаунты и особенности постов указанных вузов в социальной сети Instagram за период 23 марта — 31 августа 2020 г., который соответ-

ствует самоизоляции и переходу на дистанционные технологии.

Следует отметить, что аккаунты вузов в сети Instagram представляют собой коллегиальное творчество, одной из прагматических установок которого является привлечение абитуриентов. Превалирование визуального ряда над вербальной частью позволяет «приблизить» пространство вуза, сделав его «своим» для пользователей, гипертекстуальность способствует расширению пространства, интерактивность вовлекает в деятельность этого пространства. «Жилое» пространство социальной сети [13] обеспечивает сохранность и защищённость.

В качестве виртуальной личности выступает лицо не физическое, а юридическое — высшее учебное заведение. Абитуриенты чаще всего не знакомы с выбираемым вузом лично, а значит, для них вуз-адресант будет виртуален [9], а участники виртуального дискурса не будут иметь актуальную когнитивную модель друг друга [3]. Реальный вуз будет для них условным образом, состоящим из набора ассоциируемых с ним характеристик [2; 9; 10; 15; 21].

Нельзя отрицать и тот факт, что условный образ вуза создаётся адресатом на основе его мировоззрения и мироощущения, а значит, полностью достичь цели при конструировании своей виртуальной личности адресанту сложно, ведь то, что является положительным моментом для одного адресата, может оттолкнуть другого даже в правильно выбранной целевой аудитории. Следовательно, в данном исследовании следует рассматривать виртуальную языковую личность как новый тип языковой личности, особой характеристикой которой является изменившееся отношение ко времени и пространству.

Рассмотрим виртуальную языковую личность каждого из указанных вузов. Аккаунт ЮУрГГПУ «ведёт» сова Улула — символ университета, что несколько снижает уровень формальности. Аккаунт ЧелГУ обращается к пользователям на «ты» («Ждём **твои** фото с тегом #ЧелГУ»), что в обычной университетской среде редкость, но для школьников, наоборот, привычно, а значит, такое сокращение социальной дистанции становится положительным фактором. В аккаунте ЮУрГУ обозначено «своё» пространство вуза априори для всех пользователей посредством употребления местоимения «наш» — «Жизнь **нашего** университета в фотографиях». Таким образом, профиль каждого аккаунта определяет общее пространство с подписчиками.

Определим, насколько активны были аккаунты вузов в Instagram в период самоизоляции (23 марта — 31 августа 2020 г.). Сова Улула (аккаунт ЮУрГГПУ) опубликовала только 20 постов за этот период, что является очень низким показателем для такого длительного периода. Тем не менее некоторые наблюдения мы можем сделать. Несмотря на дистанционный характер работы в этот период, мы находим реализацию пространства университета посредством иконических средств выражения локативности [1]: в 13 постах отражены интерьеры университета, в 10 из которых мы встречаем сову Улулу, которая своим присутствием преобразует пространство в «жилое», а значит, уютное для абитуриентов-адресатов.

Аккаунт ЧелГУ насчитывает 33 поста за период с 23 марта по 31 августа 2020 г., что также является довольно низким показателем. 21 запись связана с физическим представлением университета. Интересно отметить, что в 9 постах акцент сделан на природной составляющей: представлен ботанический сад, показаны работы в нём, цветы и деревья, а фоном (иногда едва угадываемым) выступают корпуса университета. Объединение внешнего и внутреннего пространств, во-первых, характерно для весенне-летнего периода, а во-вторых, соответствует рекомендациям самоизоляции не посещать университет. Таким образом, управляя впечатлением о себе, виртуальная личность университета самопрезентует себя как выполняющая требования эколичность, обладающая необходимой инфраструктурой для отдыха.

Аккаунт ЮУрГУ содержит 151 пост за этот период. 78 постов представляют собой либо изображение здания ЮУрГУ, либо интерьеры (пустые или с людьми). Важно, чтобы физический образ стал неотъемлемой ассоциируемой характеристикой виртуальной личности вуза, так как это способ-

ствует конвергентной модели при конструировании образа университета адресантом и адресатом и служит сближению их индивидуальных представлений. Отметим, что иконическое изображение главного корпуса университета встречается и в постах, непосредственно не связанных с деятельностью вуза. Например, пост от 17 июня 2020 г. о правилах поведения в интернете. Креолизация в данном случае обеспечивает связь двух пространств — физического и виртуального. Кроме того, метафорический ряд изображения — имитация протёртого сине-голубого стекла (университетские цвета), сквозь которое просматривается здание, — словно намекает на «прорыв» в пространстве и вновь обеспечивает сближение с пространством университета.

Среди публикаций всех трёх аккаунтов встречаются изображения «дома» (рабочий стол, ноутбук на диване и т. д.). Следовательно, можно говорить об общей тенденции аккаунтов вузов нивелировать разницу домашнего и университетского пространства в период самоизоляции 2020 и продемонстрировать свою компетентность в дистанционном формате обучения, в том числе для абитуриентов.

Таким образом, мы рассмотрели теоретические основы медиатекстов, определили коммуникативные стратегии в социальной сети Instagram, обозначили коммуникативные задачи поста, выделили особенности виртуальной языковой личности, сделали первичный обзор Instagram-аккаунтов трёх основных вузов Челябинска в период самоизоляции 2020, когда основная работа приёмной кампании проводилась в дистанционном режиме. В дальнейшем необходимо продолжить анализ постов и комментариев для оценки эффективности работы аккаунтов для привлечения целевой аудитории.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М. : Академия, 2003.
2. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.
3. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55–67.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2008.
5. Ильичева И.Л., Карпиевич М. Н. Модусная мультимодальность медиатекста // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2019. № 1. С. 19–27.

6. Карпоян С. М. Функции комментария на различных коммуникативных платформах социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–2. С. 242–245.
7. Кашеев О. В. Головкин В. Я. Креолизованный текст в Instagram как симбиоз визуального искусства и текста // Всероссийская научно-практическая конференция «ДИСК-2018»: сборник материалов. М., 2018. С. 273–276.
8. Клиник Е. А. Коммуникативная цель PR-жанра в контексте проблемы понимания в сфере манипулятивных текстов // Понимание в коммуникации: человек в информационном пространстве: сб. науч. трудов: в 3 т. / под общ. ред. Е. Г. Борисовой, Н. В. Аниськиной. Ярославль, 2012. Т. 1. С. 312–315.
9. Лутовинова О. В. Виртуальная языковая личность: к определению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). С. 288–292.
10. Лутовинова О. В. Языковая личность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 124–139.
11. Медведева Е. В. Жанровая специфика поста как медиатекста в социальной сети Instagram // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации: сборник научных трудов: в 2 т. / под общ. ред. Н. В. Аниськиной, Л. В. Уховой. Ярославль, 2017. Т. 1. С. 54–59.
12. Минаева Л. В. Основы лингвоимиджологии // Речевая коммуникация в современном обществе / под общ. ред. проф. Л. В. Минаевой. М.: НОПАЗ, 2002. С. 191–206.
13. Морозова А. А., Селютин А. А. Социальная сеть как «жилое» пространство: текстуально-графическое обустройство // Горизонты цивилизации. 2015. № 6. С. 117–131.
14. Овчинникова О. Энциклопедия про жизнь: мозг на 100%. Интеллект. Память. Креатив. Интуиция. М.: Эксмо, 2015.
15. Пупышева И. Н. Языковая личность: расширение сетевых коммуникативных горизонтов // Вестник Тюменского государственного университета. Философия. 2012. № 10. С. 90–95.
16. Соболева Л. Феномен Инстаграма. Как раскрутить свой аккаунт и заработать. М.: Изд-во АСТ, 2017.
17. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7–16.
18. Шмелёва А. А. Оценочность в прагматике высказывания // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней. Современные проблемы лингводидактики. Бирск: Бирский гос. пед. ин-т, 2004. С. 109–114.
19. Dvinina S. Yu. Cultural and Educational Aspects of Publications on University Websites (Case Study of Regional Universities) // Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication. Proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA). М.: RUDN University, 2019. P. 264–273.
20. Dvinina S., Pitina S. Language Culture of a City in Cyberspace // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 69. The conference proceedings. P. 00032. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900032>
21. Rannenberг K., Royer D., Deuker A. The Future of Identity in the Information Society. Challenges and opportunities. Berlin, 2009.

Сведения об авторе

Двинина Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ana-dvinska@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 40—45.*

UNIVERSITY INSTAGRAM ACCOUNT IN SPRING AND SUMMER 2020

S.Yu. Dvinina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. lana-dvinska@mail.ru

The article discusses Instagram accounts of three universities in one city of Russia, Chelyabinsk, during the period of “self-isolation” in spring and summer of the year 2020. This period is characterized by the distant activity, including admission campaign. The work dwells on the theoretical basis of media-texts, communicative strategies in Instagram, communicative functions of posts and virtual language personality. The author analyzes the given Instagram accounts to define the visual image of universities and outline its peculiarities and similarities. The article shows a general strategy of universities to modify space. It concludes that there is a necessity to continue researching posts and commentaries to assess the effectiveness of university Instagram accounts to attract prospective students.

Keywords: *discourse, education, Instagram, media text, creolized text, space.*

References

1. Anisimova, E.E. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovannyh tekstov)* [Text linguistics and cross-cultural communication (on the material of creolized texts): textbook for university students of a foreign language faculty]. Moscow, Akademiya Publ. [in Russ.].
2. Asmus, N.G. (2005) *Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo komunikativnogo prostranstva* [Linguistic peculiarities of virtual communicative space. Abstract of thesis]. Chelyabinsk. [in Russ.].
3. Bergelson, M.B. (2002) *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Moscow University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and cross-cultural communication], no. 1, pp. 55–67. [in Russ.].
4. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya anglijskaya mediarech'* [Media linguistics: systematic approach to the study of the Media language: contemporary English Media speech]. Moscow, Flinta, Nauka Publ. [in Russ.].
5. Ilicheva, I.L., Karpievich, M.N. (2019) *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk* [Polessk State University Bulletin. Ser. of social and human sciences], no. 1, pp. 19–27. [in Russ.].
6. Karpoyan, S.M. (2015) *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Human, social and economic sciences], no. 11–2, pp. 242–245. [in Russ.].
7. Kashcheev, O.V., Golovko, V.Ya. (2018) *Kreolizovannyj tekst v Instagram kak simbioz vizualnogo iskusstva i teksta* [Creolized text in Instagram as symbiosis of visual arts and text]. *Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya “DISK-2018”* [All-Russian scientific conference ‘DISK-2018’], pp. 273–276. [in Russ.].
8. Klink, E.A. (2012) *Kommunikativnaya tsel' PR-zhanra v kontekste problemy ponimaniya v sfere manipulativnyh tekstov* [Communicative goal of PR in the context of understanding in manipulating texts]. *Ponimaniye v kommunikatsii: Chelovek v informacionnom prostranstve v 3 tomakh* [Understanding in communication. A human in information space: coll. of works in 3 vol.]. Yaroslavl, vol. 1, pp. 312–315. [in Russ.].
9. Lutovinova O.V. (2015) *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], no. 1 (50), pp. 288–292. [in Russ.].
10. Lutovinova O.V. (2016) *Yazykovaya lichnost' v internet-kommunikacii* [Language personality in the Internet communication]. *Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya* [Internet communication as a new speech formation: coll. monograph]. Moscow, Flinta, Nauka Publ. Pp. 124–139. [in Russ.].
11. Medvedeva E.V. (2017) *Zhanrovaya specifika posta kak mediateksta v socialnoj seti Instagram* [Genre specifics of a post as media text in Instagram]. *Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii: v 2 tomakh* [A human in information space. Understanding in communication: coll. of works in 2 vol.]. Yaroslavl. Vol. 1, pp. 54–59. [in Russ.].

12. Minaeva, L.V. (2002) Osnovy lingvoimidzhologii [Basics of linguistic imagology]. *Rechevaya kommunikaciya v sovremennom obshchestve* [Speech communication in modern society]. Moscow, Nopayaz Publ. Pp. 191–206. [in Russ.].
13. Morozova, A.A., Selyutin, A.A. (2015) *Gorizonty tsivilizatsii* [Civilization horizons], no. 6, pp. 117–131. [in Russ.].
14. Ovchinnikova, O. (2015) Enciklopediya pro zhizn: Mozg na 100 %. Intellekt. Pamyat. Kreativ. Intuitsiya [Encyclopedia about life. Brains on 100 %. Intellect. Memory. Creativity. Intuition]. Moscow, EKSMO Publ. [in Russ.].
15. Pupyshcheva, I.N. (2012) *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Tyumen State University Bulletin. Philosophy], no. 10, pp. 90–95. [in Russ.].
16. Soboleva, L. (2017) Fenomen Instagrama. Kak raskrutit svoj akkaunt i zarabotat [Instagram phenomenon. How to build your account and to earn money]. Moscow, AST Publ. [in Russ.].
17. Solganik, G.Ya. (2005) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Ser. 10. Journalism], no. 2, pp. 7–16. [in Russ.].
18. Shmeleva, A.A. (2004) Ochenost v pragmasemantike vyskazyvaniya [Assessment in pragmatic semantics of speaking]. *Strukturno-semanticheskie, kognitivnye, pragmaticheskie i drugie aspekty issledovaniya edinic raznyh urovnej. Sovremennye problemy lingvodidaktiki* [Structural, semantic, cognitive, pragmatic and other aspects in researching units of different levels]. Birk, Birk state pedagogical institute Publ. Pp. 109–114. [in Russ.].
19. Dvinina, S.Yu. (2019) Cultural and Educational Aspects of Publications on University Websites (Case Study Of Regional Universities). *Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication. Proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA)*, Moscow, RUDN University Publ. Pp. 264–273.
20. Dvinina, S., Pitina, S. (2019) Language Culture of a City in Cyberspace. *SHS Web of Conferences. The conference proceedings*, vol. 69, p. 00032. Available at: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900032>
21. Rannenber, K., Royer, D., Deuker, A. (2009) The Future of Identity in the Information Society. *Challenges and opportunities*. Berlin.

ЭКЗОТИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ И. К. КАЛАШНИКОВА «ЖЕСТОКИЙ ВЕК»

(на материале названий одежды, пищи и быта)

В. М. Егодурова

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия

Статья посвящена выявлению экзотизмов в романе с точки зрения их роли в русскоязычном художественном тексте для отображения национальной картины мира монголоязычных народов, а также рассмотрению реализации региональных особенностей русского языка в Байкальском регионе для достоверного её воссоздания в языке произведения.

Ключевые слова: экзотизмы, иноязычная культура, безэквивалентная лексика, историзмы, региональный русский язык.

Обращение к теме обусловлено новым подходом к изучению языка художественных произведений в современной лингвистике с точки зрения описания в них национальной картины мира. Язык художественных произведений, воссоздающих картины мира разных народов России средствами русского языка, как показывают работы последних лет, выступает также одним из источников изучения актуальной проблемы — изучение особенностей регионального функционирования русского языка в пространстве многонациональной России. В контексте указанной проблемы исследование языка романа позволит пополнить данные о вариантном функционировании русского языка в Байкальском регионе при воссоздании монголоязычной национальной картины мира.

В нашей статье рассмотрим, как И. К. Калашников, русскоязычный писатель, сумел раскрыть национальную картину мира монголоязычных народов в своём произведении. Основная цель работы: рассмотреть употребление экзотизмов в романе с точки зрения их роли в русскоязычном художественном тексте для воссоздания описываемой картины мира, отметить региональный характер их функционирования в русском языке на территории Байкальского региона.

Роман И. К. Калашникова «Жестокий век» — это исторический роман-эпопея о Чингисхане — «человеке тысячелетия», написанный на русском языке [6]. В нём воплощена широкая панорама событий конца XII — начала XIII в., происходивших на огромной территории, участниками которых выступают многочисленные степные племена Монгольской империи; описаны завоевательные

походы Чингисхана, создание монгольского государства.

Впервые затронула проблему изучения языка романа «Жестокий век» И. К. Калашникова О. А. Нечаева [9], позднее вышла статья К. Н. Матвеевой [8]. О. А. Нечаева отмечает большое количество монгольских, китайских, тибетских слов, использованных для создания колорита природы, обычаев восточных народов. К ним относятся бытовая лексика, названия растений, оружия, племён и т. д. Автор приводит следующие примеры из романа: «заросли *харганы*», «нарезать *дэрисуна*», «алые угли *аргала*», «*дзерены*», «широчайшая *норма*» (одежда); племена: *тайчиуты*, *меркиты*, *кэрэиты*, *хунгираты* и др. [9, с. 107].

Об употреблении большого количества монголизмов — названий титулов степной аристократии древних монголов, их вассалов, рабов-прислужников, слуг при создании картины жизни древней Монголии для исторической стилизации пишет и К. Н. Матвеева. Приводятся следующие примеры названий людей: *баурчи*, *нукер*, *агтачи*, *харачу*, *богол* и др.; названий поселений, территориальных единиц: *ордо*, *улус*, *курень*, *нутуг*, *аил*; названий множества монгольских племён: *кераиты*, *меркиты*, *хунгариты*, *тайчиуты* и др.; лексика диких степных животных, растений: *хуланы*, *дзераны*, *хилгана*, *дерисун*, *хамхул*; названий кушаний: *тарак*, *хурут*, *шулюн*; названий одежды, обуви: *бахтаг*, *гутулы*, *номрог* и др. [8, с. 65]. Анализируя эту лексику, автор рассматривает каждое из выявленных слов монгольского происхождения, приводя к ним соотносительные русские лексические номинации из близкой семантической сферы, и аргументирует, почему их нельзя заменить рус-

ским словом. Например: «Слово *нойон* общемонгольского происхождения. Означает “господин, князь, начальник”. В древней Монголии так называли главу аристократического дома, при этом предводители получали власть не по старшинству в роде, а по качествам: наиболее сильные, смелые, ловкие, богатые. И. К. Калашников не мог заменить русским словом *князь*, так как слова *нойон* и *князь* имеют различия в семантической структуре, связанные с различиями в культуре монгольского и русского народов [8, с. 65].

В рассмотренных статьях авторы затронули проблему языка русскоязычного произведения, в котором изображается иноязычная культура, и отметили языковые средства, использованные автором для передачи колорита описываемой восточной культуры. Эти языковые средства вполне соответствуют требованию Г. О. Винокура, писавшего о том, что язык исторического произведения должен быть понятным, эстетически удовлетворительным для читателя и отвечать его желанию почувствовать колорит эпохи [2, с. 408, 411].

Языковые единицы, использованные в романе для изображения восточной культуры, требуют дальнейшего исследования в свете отмеченных нами новых задач. Объём работ О. А. Нечаевой, К. Н. Матвеевой не позволил сделать полную выборку и анализ всех монголизмов из романа И. К. Калашникова, поэтому имеются перспективы для работы.

Как показывают наши наблюдения, восточная лексика, включённая в языковую ткань произведения, имеет национально-культурную окраску, которая придаёт особое звучание языку всего романа. Восточная лексика относится к безэквивалентной лексике. По мнению многих современных исследователей, безэквивалентная лексика с национально-культурной семантикой, включающая экзотическую, этнографическую лексику, относится к языковым средствам воплощения языковой картины мира. В настоящей работе термины «безэквивалентная» и «экзотическая» лексика мы употребляем как синонимичные.

Осмысление нами авторского замысла, связанного с выбором языковой формы произведения, позволяет отметить, что написать его мог только писатель, глубоко погружённый в культуру монгольских народов. И. К. Калашников родился и вырос вблизи исторических мест, где происходили описываемые им события, с детства знаком с монголо-бурятской культурой, изучал историю родного края, впитывая в себя всё богатство бу-

рятской культуры, фольклора, языка. Известно, что, стремясь создать художественную систему, которая позволила бы точнее, выразительнее представить монгольскую национальную картину мира в художественном произведении на русском языке, И. К. Калашников глубоко изучал древние манускрипты в монастырских библиотеках Монголии, обучался монгольскому языку, погружался в изучение монгольской культуры, чтобы приблизиться к языку изображаемой эпохи и культуры народа. Для передачи особенностей культуры изображаемого им народа автор отбирает и включает в язык произведения лексические единицы, которые воссоздают дух эпохи, традиций, обычаев, колорита местности, в которой происходит действие. Сознательное, художественно мотивированное включение языковых единиц, организуя художественный текст, отражающий описываемую культуру, позволяет ему передать неповторимый колорит монгольской культуры далёкой эпохи.

Методом сплошной выборки мы выявили из романа И. К. Калашникова «Жестокий век» экзотические слова наделённые национально-культурной семантикой (см.: 3, 4, 5). Выявленная экзотическая лексика в основном относится к общемонгольской лексике, поэтому для русскоязычных читателей (в том числе билингвов), владеющих родными монгольскими языками (бурят, калмыков), не составляет трудности для понимания. Эти слова органично вписываются в текст произведения, достоверно воссоздавая изображаемую картину мира. Но для широкого круга читателей экзотическая лексика требует от автора умелого введения её в язык романа, что составляет одну из задач нашего исследования. Итак, одной из задач исследования является изучение метаязыка романа — использование лингвостилистических приёмов словесного оформления экзотизмов.

Настоящая работа, посвящённая изучению языковой картины мира в художественном произведении о Чингисхане, является продолжением изысканий, начатых в ранее опубликованных нами трудах [3–5]. В данной работе проанализируем лексику — названия одежды, пищи и быта (22 слова), использованных автором в романе для воссоздания монгольской культуры, а также культуры других восточных народов. Названия одежды, пищи и быта входят в большую группу этнографических слов-реалий, к которой относятся и слова, обозначающие религиозные представления, реалии традиционного искусства, фольклора.

Представим методику анализа названной группы слов. Разделив выбранные слова на тематические группы (подгруппы), рассмотрим приёмы введения безэквивалентных слов в текст произведения, определим их контекстуальные значения и дадим их описание по словарям, в которых они зафиксированы [7; 12–14], и интернет-источникам. Словарь К. М. Черемисова, а также приводимое нами описание слова в научной литературе (в некоторых случаях) позволит определить принадлежность слова к монголоязычной лексике, «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова покажет особенности употребления этих слов в региональном русском языке, словарь Л. П. Крысина раскроет происхождение заимствованных слов из различных восточных языков, фиксация тех или иных заимствованных слов в «Словаре современного русского литературного языка» (далее ССРЛЯ) отражает их бытование не только как региональных, но и распространённых на всей территории России. Такой анализ позволит определить, какие реалии действительности, обозначаемые анализируемыми словами, широко известны носителям русского языка, какой культурный фон создают эти слова в языковой ткани романа, насколько оправданно включение этих слов в произведение на русском языке.

Выделены следующие подгруппы слов **названный одежды**:

1. Названия обуви. Например: *Перед собой он видел гутулы Тайр-Усуна с загнутыми носками* [«Жестокий век» (далее Ж.в.), ч. 1, с. 10].

Автор вводит слово *гутулы* без пояснений, контекстуально можно определить, что речь идёт об обуви. Возможно, автор не счёл нужным толковать значение слова *гутал* как известного русскоязычному читателю в пространстве России.

Толкование слова имеется в словарях К. М. Черемисова [13, с. 161] и Л. Е. Элиасова [14, с. 96]. Описание этого вида обуви дано в монографии Ц. Б. Базаровой [1, с. 46].

Отметим, что *гутулы* современные буряты не носят, поэтому слово перешло в пассивный запас лексики, относится к историзмам.

2. Названия головных уборов. Например: *малахай*: *Сдвинув на затылок малахай, Чиледу долго вслушивался.* [Ж. в., ч. 1, с. 17]. Писатель не даёт пояснений к слову.

В «Бурятско-русском словаре» К. М. Черемисова: *малгай* — *шапка*, шляпа, головной убор [13, с. 291]. В словаре Л. Е. Элиасова находим другое толкование: *Малахай* — верхняя одежда, шитая

больше необходимого размера. Пример из словаря: *Пальто до пят, такой малахай носить не буду* (Хилок) [14, с. 193]. [См. также: 1].

В ССРЛЯ [1957, т. 6, с. 522]: Малахай, -я, м. 1. Тёплая меховая или подбитая мехом шапка с широкими наушниками и плотно прилегающей к шее задней частью. *Одетые в дублёные полушубки, тулупы, нахлобученные башкирскими глухими малахаями, весело бежали мужики за своими возами.* С. Акс. Буран. *Тут были и татары, и башкиры в серых войлочных зипунах и меховых бараньих треугольных шапках, или малахаях.* Решетн. Где лучше? *На голове у меня малахай из меха молодого барана, обшитый сверху зелёным бархатом.* Пришв. Длинн. ухо. 2. Обл. Широкий кафтан без пояса. *Тут Иван с печи слезает, Малахай свой надевает. Хлеб за пазуху кладёт, Караул держать идёт.* Ёрш. Конёк-горбунок. — Слов. Акад. 1793: малахай. — От калмыцк. махла.

Чалма: *Они стали двумя рядами, опустив головы в шёлковых чалмах* [Ж.в., ч. 2, с. 366]. Название головного убора в текст художественного произведения вводится без пояснения. По-видимому, автор не счёл нужным толковать значение слова как известное русскоязычному читателю в пространстве России.

В словаре Л. П. Крысина: *чалма* [тюрк. *сата*] — у мусульман мужской головной убор — длинный кусок ткани, туго обёртываемый вокруг головы, другого головного убора [7, с. 876].

Бохтаг: *На голове покачивается, взблескивает спица бохтага.* Автор даёт пояснение к этому слову в скобках сразу после употребления следующим образом: [Бохтаг — головной убор женщин эпохи XII–XIII вв.] [Ж. в., ч. 1, с. 28].

Слово относится к историзмам. И. К. Калашников даёт следующий комментарий: «Слово упоминается в летописи “Алтан тобчи” как “бокто”». В словарях это слово отсутствует.

Имеется толкование слова в работе французского исследователя Ж.-П. Ру (перевод на русский З. З. Сажиновой): *Бохтаг* — специфичный очень высокий головной убор и причёска монгольских замужних женщин [10, с. 612].

3. Названия верхней одежды. Например: **номрог**: *Широкие складки номрога — одежды замужних женщин — скрывают очертания её тела, но всё же ему кажется, что Оэлун заметно пополнила* [Ж.в., ч. 1, с. 28]. Автор даёт описательное толкование слова **номрог** в самом предложении как приложение. Слово относится к архаической лексике, в словарях отсутствует.

Доха: *Перед отъездом она достала из своей повозки доху чёрного соболя, подбитую узорчатым шёлком, с поклоном преподнесла Оэлу* [Ж.в., ч. 1, с. 123]. Слово вводится в текст без пояснений автора. По нашим наблюдениям, это слово употребляется в региональном русском языке, т. е. заимствовано русским языком с сохранением звукового облика.

В словаре К. М. Черемисова: **дах** — доха, зимний тулуп [13, с. 189]. Описание этого вида верхней одежды дано в монографии Ц. Б. Базаровой [1, с. 46].

В ССРЛЯ [1954, т. 3, с. 1066]: Доха́, -й, мн. до́хи, ж. Шуба с верхом и подкладкой из меха. *Поверх шинели [красноармейца] накинута огромная баранья доха с широчайшим воротником. Доха длинная, до самых пят, в ней тепло даже в лютую вьюгу.* Н. Остр. Как закал. сталь, ч. II, гл. 4. — С иным написанием: даха́. — Даль, Слов.: до́ха и даха́; Слов. Акад. 1895: доха́.

Чапан: *Первыми шли туркмены в косматых бараньих шапках и узких чапанах* [Ж.в., ч. 2, с. 456]. Слово вводится в текст без пояснений автора. В словаре Л. П. Крысина: **чапан** (*чепан*) [тюрк. *sarap*] — у народов Средней Азии: стёганый халат без пуговиц с поясом [7, с. 877].

Лексика, обозначающая жильё, мебель, посуду и другие предметы быта.

Юрта: *Там люди живут не в войлочных юртах, не в кибитках, у них дома из глины* [Ж.в., ч. 1, с. 258]. Слово вводится в текст без пояснений автора.

В словаре Л. П. Крысина: **юрта** [тюрк. *jurt* — место жительства, стоянка, жилище] — у народов Центральной и Средней Азии, переносное жилище, состоящее из деревянного каркаса, покрытого войлоком, с крышей конической или куполообразной формы [7, с. 938].

Гарем: *Я боюсь, что меня отдадут кому-нибудь в гарем* [Ж.в., ч. 2, с. 425]. Слово вводится в текст без пояснений автора.

В словаре Л. П. Крысина: **гарем** [араб. *haram* запретный] — 1) женская половина дома у мусульман, куда было запрещено входить мужчинам (кроме мужа и сыновей); 2) собир. жёны и наложницы богатого мусульманина [7, с. 179].

Фанза: *Глинобитная фанза в предместье столицы — его родной дом — стояла заколоченной, бумага на окнах порвалась и висела клочьями* [Ж.в., ч. 1, с. 105]. Слово вводится в текст без пояснений автора.

В словаре Л. П. Крысина: **фанза** — [кит. *fan-czu*] тип традиционного жилища в Китае, Коре:

небольшой дом на каркасе из деревянных столбов [7, с. 814].

В ССРЛЯ [1964, т. 16, с. 1243]: Фанза, -ы, ж. Китайское или корейское жилище сельского типа. *Уже попадают корейские фанзы, с их плоскими камышовыми крышами, покрытыми верёвочной сеткой, с их отдельно стоящими, высокими деревянными трубами, их бумажными окнами и дверями.* Гарин, Из дн. кругосв. путеш. 1. *Пошли дожди, мы перебрались из палаток в китайскую фанзу.* Верес. На япон. войне, 4. *Я вошёл в одну из фанз. Тонкие стены её были обмазаны глиной изнутри и снаружи.* Арсен. По Уссур. краю, 3. — С иным удар.: фанза́. — Энци. слов. Березина: глиняная фанза (кирпич); БСЭ. фанза; Ушак. Толк. слов. 1940: фанза и фанза́; Ожегов, Слов. 1949: фанза́; Ожегов, Слов. 1952: фанза и фанза́; Ожегов, Слов. 1960: фанза. От кит. фан-цзы.

Ширдэг: <...> *И толстый постельный войлок — ширдэг, и мягкое одеяло из шкур молодых баранков...* [Ж.в., ч. 1, с. 122]. Слово вводится в текст с пояснением автора — постельный войлок.

В словаре К. М. Черемисова: **ширдэг** — бур. *шэрдэг* — матрац, стёганый тюфяк [13, с. 748]. Наблюдения показывают, что произошло фонетическое и семантическое освоение бурятского слова в региональном русском языке.

Олбог: <...> *и целая стопка стёганых войлоков — олбогов — для сидения — все её.* [Ж.в., ч. 1, с. 353]. В этом примере автор вводит безэквивалентное слово путём перевода. На наш взгляд, такой способ введения слова самый удобный: безэквивалентное слово (экзотизм) органично вписывается в контекст произведения.

В словаре К. М. Черемисова: **олбог** — подстилка, тюфяк, предназначенный для сидения [13, с. 366].

Хоймор: *В хойморе' юрты полукругом сидело человек десять нойонов* <...> Автор даёт пояснение безэквивалентного слова (экзотизма) в виде описательного перевода сразу после употребления его в скобках следующим образом: [*'Хоймор — почётная часть юрты.*] [Ж.в., ч. 2, с. 275].

В словаре К. М. Черемисова: **хоймор** — 1) северная сторона; 2) перен. почётное место (в юрте) [13, с. 577].

Кан: *В первой половине возле печки в куче мусора шуршали мыши, во второй, почти полностью занятой каном — лежанкой, серел толстый слой пыли* <...> [Ж.в., ч. 1, с. 105]. Значение безэквивалентного слова (экзотизма) дано путём перевода слова одновременно с его употреблением.

В ССРЛЯ [1956, т. 5, с. 742]: Кан, -а, м. В домах китайцев и корейцев — расположенный вдоль стены невысокий каменный или глиняный выступ, под которым проходят печные трубы; лежанка. У задней стены небольшой кан, т. е. китайская тёплая лежанка. Обруч. В дебрях Центр. Азии. Корейские фанзы все одинаковы. Внутри их имеется глиняный кан. Он занимает большие половины помещения. Под каном проходят печные трубы, согревающие полы в комнатах. Арсен. По Уссур-тайге. — Из китайск.

Дастархан. Слуги разостлали на ковре *скатерть-дастархан*, принесли тарелки с мандальным пирожным, вяленой дыней, запечёнными в тесте орехами [Ж.в., ч. 2, с. 361]. В этом предложении автор предваряет значение безэквивалентного слова путём его перевода — скатерть.

Дастархан — в Средней Азии, а также у некоторых других народов Востока скатерть, используемая во время трапез [ru.wikipedia.org].

Кумган: По правую руку у входа стояла широкая скамья, застланная льняной скатертью, на ней серебряные *кумганы* с кумысом и чаши [Ж.в., ч. 2, с. 437]. Автор вводит в текст слово **кумган** без пояснений.

Кумган (тюрк.) — металлический или керамический сосуд для воды и вина. Металлические кумганы известны с древности в странах Среднего и Ближнего Востока; обычно имеют форму узкогорлого кувшина с длинным носиком, ручкой и крышкой [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/1650].

В ССРЛЯ [1956, т. 5, с. 1834]: Кумган, -а, м. У тюркских народов и кавказских горцев — высокий кувшин с носиком. *Хаджи-Мурат засучил рукава бешимета на мускулистых, белых выше кистей руках и подставил их под струю холодной воды, которую лил из кумгана Садо.* Л. Толст. Хаджи-Мурат. По сторонам [кибитки] расставляются кумганы, особого рисунка чугунные рукомошники. Небольс. Расск. проезд. Перед ним [татарин] на столе стоял кунган с горячей водой. Печер. На Горах. — С иным напис. и произнош.: кунган (примеч. см. выше). — Опыт обл. слов. Акад. 1852: кумган. — Тюрк., кунган и кумган.

Названия других предметов.

Арык: Дверь дворцового покоя была распахнута настежь, во внутреннем дворике журчала вода *арыка* [Ж.в., ч. 2, с. 306]. Автор вводит в текст слово **арык** без пояснений.

В словаре Л. П. Крысина: *арык* [тюрк. *aryk*] — в Средней Азии: оросительный канал, канава [7, с. 92].

В ССРЛЯ [1950, т. 1, с. 202]: Арыки, -ов, мн. (ед. арык, -а, м.). Оросительные каналы (канавы) в Средней Азии. *Кругом зелень, камыши, вёстры. Бойкие реки, шумящие арыки с прохладной водой.* Неверов. За хлебом, 1У. Арычный, прил. Арычная вода. Энци. слов. Березина 1874: арык. — Тюрк. арык — водный канал.

Аргал: У неё на родине дров нет, там жгут *сухой навоз* — *аргал*. [Ж.в., ч. 1, с. 28]. В этом предложении автор предваряет пояснением значение безэквивалентного слова путём его перевода.

Слово зафиксировано в словарях К. М. Черемисова [13, с. 57], Л. П. Крысина [7, с. 84].

Пайцзы: Ему нужно встретиться кое с кем из купцов, передать им *серебряные пластинки* — *пайцзы*, <...> [Ж.в., ч. 2, с. 420]. Автор предваряет пояснением значение безэквивалентного слова путём его перевода.

В ССРЛЯ [1959, т. 9, с. 36]: Пайцза. См. 1. Пайза, -ы, ж. Табличка, выдававшаяся монгольскими ханами лицам, отправляемым с каким-либо поручением, и служившая им удостоверением и пропуском. *Золотая пайза. Иметь пайзу. Из тонкой кисеи чалмы выпала овальная золотая пластинка. Давиши поднял её...* — Это пайцза великого татарского кагана. Ян, Чингисхан. — С иным напис. и произнош.: пайцза (прим. см. выше), пайдза. — БСЭ (2-е изд.): пайза, пайдза. — Китайск. Paiz (пайцзы).

Слова, называющие пищу, напитки.

Архи: Там есть немного *архи* и сушёного мяса — *приготовил для встречи...* [Ж.в., ч. 1, с. 9]. Часто упоминающемуся в романе напиток писатель не даёт толкования, слово широко распространено в Байкальском регионе.

В словаре К. М. Черемисова: *архи* — арака, молочная водка, водка, вино [13, с. 60]. В словаре Л. Е. Элиасова: *архи* — самогон из молока [14, с. 55].

Хурут: Когда уходил в поход, в юрте осталось в запасе совсем немного *хурута*, но он надеялся, что жена недолго будет без работы, а если она работает — доит коров Есугея, — ей каждый день дают на пропитание молоко [Хурут — сушёный творог] [Ж.в., ч. 1, с. 33]. Автор даёт пояснение этому слову в скобках сразу после употребления.

В словаре К. М. Черемисова: *хурут* — бур. *хурууд* — спресованный творог, самодельный сырок [13, с. 603].

Тарак: Сорган-Шира делал для Таргутай-Кирилуха кумыс и *тарак*, у него всегда было в запасе что-нибудь съестное [Ж.в., ч. 1, с. 64]. [Тарак — молочный продукт]. Автор даёт пояснение этому слову в скобках сразу после употребления.

В словаре К. М. Черемисова: *тарак* — бур. *ta-rag* — простокваша [13, с. 101].

Кумыс: *Пей больше кумыса. Кумыс — напиток добрый* [Ж.в., ч. 1, с. 158]. Устами героя романа даётся пояснение названия этого продукта общеродовым словом — напиток.

В словаре Л. П. Крысина: *кумыс* — кисломолочный напиток из кобыльего молока [7, с. 416].

В ССРЛЯ [1956, т. 5, с. 1837]: *Кумыс*, -а, м. Напиток из перебродившего кобыльего молока. *Колена преклонив, она К его устам кумыс прохладный Подносит тихую рукой.* Пушкин. Кавк. пленник. — *А наступит весна, ожеребятся кобылы, начнёт башкир кумыс пить — в месяц его так разнесёт, и не узнаешь. — Неужто... от кумыса? — Да, кобылье молоко квашеное так называется.* Салт. Пошех. старина. *Все [киргизы] снова протянули свои чаши за кумысом к степному царю. И полилось кислое, пьянящее молоко на разгорячённые сердца.* Пришв. Черн. Араб. ~ На кумыс (поехать, отправить(ся) и т. п.). Поехать, отправиться и т. п. лечиться кумысом. — *Я послезавтра на Волгу поеду, — сказал Саша, — ну, а потом на кумыс. Хочу кумыса попить.* Чех. Невеста. — Срезневский: *кумызь*; Слов. Акад. 1847: *кумы́с*. — От тюрк. *кымыз*.

Как показывает проведённое исследование, в романе, написанном на русском языке, употребляется много слов из монгольских, тюркских языков, китайского, тибетского, арабского языков. Использование этих слов необходимо для воссоздания национального своеобразия культуры монголоязычных народов эпохи Чингисхана.

Рассмотрев метаязыковые способы введения в текст безэквивалентной лексики, можем отметить мастерство И. К. Калашникова как художника слова. Он умело вводит в текст романа экзотические слова, давая пояснения к ним разными способами: путём описательного перевода, синонимического перевода либо в препозиции, либо в постпозиции к безэквивалентному слову; сопровождает историко-культурологическими комментариями без нарушения общего стиля текста произведения. Создаваемые писателем метаязыковые контексты выступают как средство взаимодействия автора с читателем: метаязыковые комментарии, трактовки дают читателю нужные сведения, способствующие созданию у него необходимых ассоциаций, заданных автором, определяют общий для создателя текста и его читателя код. Их основная функция в тексте — предупредить возможные вопросы.

Писатель словно видит перед собой своего читателя и погружает его в описываемый мир через

введение слов-реалий, комментируя их, разъясняя для русскоязычного читателя. Восточная экзотическая лексика таким образом служит стилистическим средством отображения культуры создаваемой картины мира, одним из средств выражения принципа историзма художественного произведения, повествующего о реальных исторических событиях.

Как показывает исследование, язык художественных произведений может выступать источником изучения заимствованной (безэквивалентной, экзотической) лексики, употребляемой как ёмкое выразительное средство создания иноязычной культуры в русскоязычном произведении. В контексте проблемы исследования вариантных особенностей функционирования русского языка в России возникает вопрос о том, какие из рассмотренных слов можно отнести к освоенным русским языком, какие к частично освоенным, то есть употребляемым в русском языке, но с сохранением экзотической окраски; какие слова относятся к собственно экзотизмам, то есть их значение для русскоязычного читателя неясно, требует пояснений. Это сложный вопрос, решение которого требует дальнейшего изучения на более обширном языковом материале.

На рассмотренном нами материале можно отметить следующее. В полиязычном пространстве России некоторые из этих слов известны всем носителям русского языка (а также билингвам). Например: *чалма, юрта, гарем, арык, кумыс*. Кроме названных слов, есть и такие, которые широко распространены и употребительны в русском языке на территории Байкальского региона: *малахай, архи, доха, гутулы, тарак*. Следует отметить, что толкование некоторых экзотических слов, употреблённых в романе, отсутствует в словарях, поэтому они могут пополнить лексикографические источники. Например, историзмы монгольского языка, такие как *бохтаг, номрог* и др. С этой точки зрения изучение языка романа представляет особую практическую ценность, так как фиксирует монгольские слова, вышедшие из употребления в современном языке.

Интересно отметить, что слова *малахай, доха, фанза, кан, кумган, арык, пайцза, кумыс* зафиксированы в разных изданиях ССРЛЯ, хотя это не исключает их экзотического звучания и особого культурного фона, создаваемого ими при употреблении в русскоязычном тексте. Они и попали в ССРЛЯ из русскоязычных текстов, поэтому при их толковании в качестве иллюстративного

материала в словаре приводятся примеры из текстов художественных произведений.

Но некоторые слова сохраняют семантику экзотичности для жителей одних регионов, для жителей же других регионов они хорошо известны и не имеют экзотической окраски. Например, употребительные в русском языке на территории Байкальского региона: *малахай, архи, доха, гутулы, тарак* — не являются экзотизмами, для жителей других регионов — это экзотизмы.

Большинство экзотизмов относится к лексике из языков народов России (шире из языков народов, составлявших в недавнем прошлом Советский Союз), когда существовала глубокая интеграция во всех сферах жизни, проявившаяся в заимствованиях русским языком из национальных языков, что и нашло отражение в ССРЛЯ. Поэтому можно разделить экзотизмы, употреблённые в романе, с точки зрения иноязычной (иностранной) и российской (советской) в аспекте территориального распространения. В ССРЛЯ зафиксированы как слова из иностранных языков (напр., *фанза, кан, пайцзы*), так и лексика из языков народов России (*малахай, доха, дастархан, кумган, арык, кумыс*). Многие экзотизмы из языков народов СССР упо-

треблены И. К. Калашниковым без комментариев, что и отличает их от иностранных слов. По-видимому, автор счёл их широко распространёнными и известными русскоязычному читателю в пространстве России (например, *гутал, малахай, чалма, доха, чапан, юрта, гарем, кумган, арык, архи*).

Текст романа И. К. Калашникова представляет особый язык, насыщенный метаязыковыми контекстами (трактовыми), что составляет особенность идиостиля писателя. Специфика метаязыковых комментариев в романе во многом определяется индивидуальным стилем автора. Анализ безэквивалентной (экзотической) лексики в произведении показывает, что слова с национально маркированной семантикой создают в языковой ткани текста особый фон и выполняют в художественном произведении особую стилистическую роль. Их значимость обусловлена тем, что они выступают хранителями культуры, истории народа, поэтому их использование как одного из средств отображения исторической эпохи в романе позволяет писателю достоверно воссоздать в романе культуру монголоязычных народов эпохи XII–XIII вв.

Список литературы

1. Базарова Ц. Б. Национальная одежда агинских бурят. Лексико-семантический аспект. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2003.
2. Винокур Г. О. О языке художественной литературы // О языке исторического романа. М. : Высшая школа, 1991. С. 407–430
3. Егодурова В. М. Имена собственные в русскоязычном романе И. К. Калашникова «Жестокий век» как отражение эпохи Чингисхана // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы : материалы XI международной научной конференции, 20–23 декабря 2017 г. Майкоп, 2017. С. 188–194.
4. Егодурова В. М. Отражение менталитета монголоязычных народов в русскоязычном романе И. К. Калашникова «Жестокий век» (на материале пословиц и поговорок) // Мир Центральной Азии – 4 : материалы международной научной конференции, Улан-Удэ, 4–7 октября 2017 г. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 403–408.
5. Егодурова В. М., Эрдынеева В. Б. Экзотизмы как отражение восточной культуры в романе И. К. Калашникова «Жестокий век» (на материале лексики с номинацией социально-политического устройства монгольского общества Чингисхана) // Язык в различных сферах коммуникации : материалы международной научной конференции, 29–30 сентября 2016 г. / Забайкальский госуниверситет; сост. Т. Ю. Игнатович, Ю. В. Биктимирова. Чита : ЗабГУ, 2016. С. 61–63.
6. Калашников И. К. Жестокий век. М., 1978.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2008. 944 с.
8. Матвеева К. Н. Монголизмы в романе И. Калашникова «Жестокий век» // Язык художественных произведений писателей Сибири : сборник статей / М-во образования РФ, БГПИ им. Д. Банзарова. Улан-Удэ, 1992. С. 64–70.
9. Нечаева О. А. О языке и стиле романов И. Калашникова «Разрыв-трава» и «Жестокий век» // Язык художественной литературы Бурятии / АН СССР СО БФ Ин-т общ. наук. Улан-Удэ, 1982. С. 101–109.

10. Ру Ж-П. История империи монголов / пер. с фр. З. З. Сажиновой. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2006.
11. Русский язык : энциклопедия. — М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. 703 с.
12. Словарь современного русского литературного языка. в 17 т. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1957; 1954, 1964, 1956, 1950, 1959.
13. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М. : Совет. энцикл., 1973. 800 с.
14. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М. : Наука, 1980.

Сведения об авторе

Егодурова Виктория Макаровна — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Бурятский государственный университет. Улан-Удэ, Россия. egodurova52@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 46—54.*

EXOTICISMS IN I.K. KALASHNIKOV'S NOVEL “CRUEL AGE” AS A MEANS OF DISPLAYING THE ERA OF GENGHIS KHAN (Based on the Names of Clothes and Everyday Life)

V.M. Egodurova

Buryat State University, Ulan-Ude, Russia. egodurova52@mail.ru

The article is devoted to the identification of exoticisms in the novel from the point of view of their role in the display of the national world picture of the Mongolian peoples in the Russian-language literary text, as well as in the implementation of the regional features of the Russian language in the Baikal region for its reliable re-creation in the language of the novel. The methods of introducing equivalent words into the text of the work are considered, their contextual meanings are determined and their description is given according to the dictionaries in which they are recorded and to Internet sources. It was revealed that the novel, written in Russian, uses many words from the Mongolian, Turkic, Chinese, Tibetan, Arabic languages. The inclusion of a large number of equivalent-lacking words with national-cultural coloring in the Russian-language historical epic novel allowed the author to create a work of art with a great power of truthfulness, authenticity in depicting the real events of the Genghis Khan era through the exact recreation of the color and uniqueness of the Mongolian culture.

Keywords: *exoticisms, foreign language culture, equivalent vocabulary, historicisms, regional Russian language.*

References

1. Bazarova, C.B. (2003) Nacional'naja odezhda aginskih burjat. Leksiko-semanticheskij aspekt [National clothes of the Agin Buryats. The lexical and semantic aspect]. Ulan-Udje, Izd-vo BГУ, 2003. [in Russ.].
2. Vinokur, G.O. (1991) O jazyke hudozhestvennoj literatury [About the language of fiction. *O jazyke istoricheskogo romana* [About the language of a historical novel]. Moscow, Vysshaja shkola Publ. Pp. 407–430. [in Russ.].
3. Egodurova, V.M. (2017) Imena sobstvennye v russkojazychnom romane I. K. Kalashnikova «Zhestokij vek» kak otrazhenie jepohi Chingishana [Proper names in the Russian-language novel by I. K. Kalashnikov “Cruel Age” as a reflection of the era of Genghis Khan]. *Russkij jazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve juga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy*. Materialy XI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 20–23 dekabrja 2017 goda [Russian language and onomastics in the multicultural educational space of the south of Russia and the North Caucasus: problems and prospects. Materials of the XI international scientific conference December 20–23, 2017. Majkop, 2017. p. 188–194. [in Russ.].
4. Egodurova, V.M. (2017) Otrazhenie mentaliteta mongolozazychnyh narodov v russkojazychnom romane I. K. Kalashnikova «Zhestokij vek» (na materiale poslovic i pogovorok) [Reflection of the mentality of

Mongolian-speaking peoples in the Russian-language novel by I. K. Kalashnikov “The Cruel Age” (based on proverbs and sayings)]. *Mir Central'noj Azii – 4: sbornik nauchnyh statej. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Ulan-Udje, 4–7 oktjabrja 2017 g. [World of Central Asia — 4: a collection of scientific articles. Materials of the international scientific conference. Ulan-Ude, October 4–7, 2017]. Irkutsk, Ottisk Publ. Pp. 403–408. [in Russ.].

5. Egodurova, V.M., Jerdyneeva, V.B. (2016) Jekzotizmy kak otrazhenie vostochnoj kul'tury v romane I. K. Kalashnikova “Zhestokij vek” (na materiale leksiki s nominaciej social'no-politicheskogo ustrojstva mongol'skogo obshhestva Chingishana) [Exoticisms as a reflection of Eastern culture in the novel by I. K. Kalashnikov “Cruel Age” (based on vocabulary with a nomination of the socio-political structure of the Mongolian society of Genghis Khan)]. *Jazyk v razlichnyh sferah kommunikacii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 29–30 sentjabrja 2016 goda* [Language in various areas of communication. Materials of the international scientific conference September 29–30, 2016]. Chita, Zabsu Publ. P. 61–63. [in Russ.].

6. Kalashnikov, I.K. (1978) *Zhestokij vek* [Cruel age]. Moscow. [in Russ.].

7. Krysin, L.P. (2008) *Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Jeksmo publ. 944 p. [in Russ.].

8. Matveeva, K.N. (1992) *Mongolizmy v romane I. Kalashnikova «Zhestokij vek»* [Mongolisms in I. Kalashnikov's novel “The Cruel Age”]. *Jazyk hudozhestvennyh proizvedenij pisatelej Sibiri: sb.st./M-vo obrazovanija RF, BGPI im. D. Banzarova* [The language of literary works of writers of Siberia: Sat. / M-education of the Russian Federation, BGPI im. D. Banzarova]. Ulan-Udje. Pp. 64–70 [in Russ.].

9. Nechaeva, O.A. (1982) *O jazyke i stile romanov I. Kalashnikova «Razryv — trava» i «Zhestokij vek»* [On the language and style of I. Kalashnikov's novels “The Break — Grass” and “The Cruel Age”]. *Jazyk hudozhestvennoj literatury Burjatii* [Language of fiction of Buryatia]. Ulan-Ude. Pp. 101–109. [in Russ.].

10. Ru Zh-P. (2006) *Istorija imperii mongolov/per. s franc. Z. Z. Sazhinovoj* [History of the Mongol Empire / translation from French Sazhinova]. Ulan-Udje, BGU Publ. [in Russ.].

11. *Russkij jazyk* (1997) [Russian language. Encyclopedia.]. Moscow, Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ., Drofa Publ. 703 p. [in Russ.].

12. *Dictionary of modern Russian literary language* (1957; 1954, 1964, 1956, 1950, 1959). In 17 volumes. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ. [in Russ.].

13. Cheremisov, K.M. (1973) *Burjatsko-russkij slovar'* [Buryat-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ. 800 p. [in Russ.].

14. Jeliasov, L.E. (1980) *Slovar' russkih govorov Zabajkal'ja* [Dictionary of Russian dialects of Transbaikalia]. Mpscpw, Nauka Publ. [in Russ.].

МЕТААНАЛИЗ ПРОДУКТИВНОСТИ И ТИПИЧНЫХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ КОНТАМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. А. Лаврова, Е. Ф. Ботова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Цель исследования — провести метаанализ продуктивности и основных структурно-семантических моделей контаминации в современном английском языке. Метаанализ показал, что частотность использования контаминантов в современном английском языке постоянно возрастает, а наиболее актуальными вопросами изучения контаминации являются (1) продуктивность контаминации, (2) статус словообразовательных элементов контаминанта и (3) разграничение контаминации и других словообразовательных моделей.

Ключевые слова: контаминация, бленд, морфологический осколок, суффиксоид.

Введение. В настоящее время контаминация* является перспективным направлением исследований по морфологии и словообразованию. Распространение контаминированных конструкций в современных германских языках, в том числе в английском, можно объяснить в рамках новой научно-культурной парадигмы, в основании которой лежит синергетика — наука о самоорганизующихся системах. Учитывая то обстоятельство, что язык представляет собой одну из таких систем, в которой временная стабильность и устойчивость сменяются нестабильностью и неустойчивостью за счёт энтропии, контаминированные конструкции представляют собой эффективное средство и естественный механизм регулирования и самоорганизации языковой системы. В основании современной научно-культурной парадигмы лежат следующие принципы и особенности:

- принцип антропоцентризма;
- отказ от абсолютизации объективного и непротиворечивого познания мира и смещение акцента на субъективизм и индивидуализм в познании и интерпретации объективной реальности;
- перенос внимания на форму выражения с целью экспрессии и импресси;
- принцип вариативности описания и признака альтернативности в познании мира;

*В настоящем исследовании не проводится принципиального разграничения между терминами «контаминация» («контаминант») и «блендинг» («бленд»). Первые два термина традиционно используются в отечественном языковедении, вторые — в зарубежном.

— признание неоднозначности языкового выражения, смысл которого кристаллизуется в контексте употребления [3].

Представляется, что контаминированное слово полностью соответствует обозначенным принципам: во-первых, представляет собой относительно новое и эффективное средство имяназвания и означивания объективной действительности; во-вторых, является в известной степени индивидуально-субъективным отражением действительности, поскольку создаётся в речи с целью удовлетворения ситуативно-обусловленных потребностей субъекта; в-третьих, обладает имманентной формальной новизной, прежде всего за счёт известной непредсказуемости морфологических осколков, из которых оно конструируется; в-четвёртых, является реализацией принципа альтернативности в познании мира, так как нередко представляет собой эмоциональный, экспрессивный и/или оценочный синоним узуального слова; в-пятых, представляет собой контекстуально-обусловленную категорию: значение и смысл индивидуально-авторского контаминанта реализуются только в контексте.

Распространение контаминантов можно объяснить и тем, что «на основании минимального по объёму дифференцированного знания человеку предоставляется возможность познакомиться с результатами познания действительности» [4, с. 41].

Контаминированные образования суть признак и отражение процесса постоянного обновления языковой системы. При этом изучение контаминации «требует обязательного выхода в творческую

деятельность человека в языке, которая во многом опирается на способность человеческого сознания интегрировать разнородные концептуальные сущности в новые гибкие образования» [1, с. 11]. Кроме того, «...изучать каждое языковое явление надо в его использовании — в тексте и дискурсе, а когнитивный подход должен быть дополнен дискурсивным анализом и наблюдением за функционированием существующих форм и созданием новых» [2, с. 18].

Обзор литературы и метаанализ. В данной статье исследуются актуальные научные работы с целью проанализировать основные проблемы развития контаминации в настоящий момент и выявить перспективы исследования.

Предметом исследования в работе Е. Д. Йеремич и Е. Йосийевич *To blend so as to brand: a study of trademarks and brand names* (2019) является контаминация в названии торговых марок и брендов. В качестве источника контаминированных слов авторы используют *Portmanteau Dictionary* Д. Тернера [13]. В результате исследования было отобрано 602 контаминированных слова, зарегистрированных как названия торговых марок и брендов.

В статье приводится статистика, согласно которой 565 слов из 602 имеют общий фонетический и графический центр и лишь 37 слов не имеют общего центра. Для анализа структуры и частоты употребления используется классификация И. Фандрих [9, с. 113]. Среди контаминантов с общим центром выделяются следующие типы: слова-телескопы (*Shampooch, Winterlude*), начало первого слова и целое второе слово (*Monstickers, Kaleidiskettes*), целое первое слово и конец второго слова (*Deskretary, Legtronics*), начало первого слова и конец второго слова (*Chocclair, Immencils*), слово или часть его помещается внутри другого исходного слова (*Abracurldabra, Comfitables*), целое первое слово и начало второго (*Creamedic*), два морфологических осколка и целое слово (*Cosmedicake*) [10, с. 8].

Исследование Е. Д. Йеремич и Е. Йосийевич показало, что наиболее типичными и частотными являются слова-телескопы (309). Менее продуктивными оказались контаминанты, образованные путём соединения начала первого слова и целого второго слова (130), а также контаминанты, образованные путём соединения целого первого слова и конца второго слова (77), и контаминанты, образованные путём соединения начала первого слова и конца второго (42). Наименее продуктивными оказались слова с инкорпорированным вторым

компонентом или его частью (5), слова, образованные путём соединения целого первого слова и начала второго (1), а также слова, образованные путём соединения двух морфологических осколков и целого слова (1).

Среди контаминантов, не имеющих общего центра, авторы различают целое первое слово и конец второго (*Soygurt, Eggcessories*), начало первого слова и целое второе (*Liquifry, Identikit*), начало первого слова и конец второго (*Chudge, Yogonnaise*) и контаминанты, образованные путём соединения начала первого слова и конца второго при помощи соединительной гласной буквы (*Herbacue*) [10, с. 10].

Наиболее продуктивными оказались способы словообразования, при которых целое первое слово соединяется с концом второго (18) или начало первого слова соединяется с целым вторым (11). Также было найдено 7 контаминантов, образованных путём соединения начала первого слова и конца второго, и 1 контаминант, образованный путём соединения начала первого слова и конца второго при помощи соединительной гласной буквы.

Анализ Е. Д. Йеремич и Е. Йосийевич семантики контаминированных слов, используемых как названия брендов и торговых марок, показал, что данные названия встречаются в следующих сферах: продукты питания (68), электроприборы (65), игрушки и спортивные товары (56), канцтовары (50), косметика (49), посуда и кухонные принадлежности (47), а также одежда (38).

Обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что, по данным Е. Д. Йеремич и Е. Йосийевич, абсолютное большинство контаминированных слов имеет общий центр, а наиболее продуктивной моделью при образовании контаминированных слов является телескопия. Результаты семантического анализа Е. Д. Йеремич и Е. Йосийевич показали, что контаминанты наиболее часто употребляются в сферах, играющих важную роль в жизни человека и общества.

В статье Н. Беляевой *Blending creativity and productivity: on the issue of delimiting the boundaries of blends as a type of word formation* (2019) поднимается проблема продуктивности контаминации как способа словообразования и словотворчества. Автор отмечает сложность классификации контаминантов, так как образование одних контаминантов предсказуемо и их значение прозрачно, другие же образуются нетрадиционно, и их значение не всегда понятно. В некоторых случаях контаминация не только предсказуема, но и ста-

новится продуктивным способом словообразования: ср. *workcation* (work + vacation), *spacation* (spa + vacation), *staycation* (stay + vacation). Морфологический осколок *-cation* становится своего рода аффиксом, участвующим в образовании новых контаминированных слов [5, с. 9].

В качестве источника контаминированных слов Н. Беляева использует такие онлайн-ресурсы, как Word Spy [15], Urban Dictionary [14] и The Rice University Neologisms Database [12]. В ходе исследования морфологические осколки, образующие контаминанты, условно разделяются на две группы: образующие одно слово и образующие ряд слов. Этот критерий позволил Н. Беляевой определить продуктивность морфологических осколков. В результате исследования было найдено 22 продуктивных морфологических осколка, из которых 11 инициальные (adver-, alterna-, digi-, edu-, fabu-, fem(i)-, fin-, loca-, robo-, virt-, yester-) и 11 финальные (-burb, -cation, -(u)cation, -flation, -gasm, -(i)sode, -(a)noia, -(o)rexia, -(o)stalga, -zilla) [5, с. 11]. Исследование показало, что в данной модели контаминации продуктивные морфологические осколки в большинстве случаев (2 541 из 3 007) ведут себя как аффиксы: они присоединяются к целому слову и не имеют общего центра, за исключением соединительной гласной или общей согласной буквы. Наблюдаются также случаи соединения морфологического осколка с аффиксом (121) и аббревиатурами (128).

В результате исследования было установлено, что образование большинства контаминантов предсказуемо, однако некоторые из них образованы нетипично и потому выглядят неформально и шуточно. Однако в целом морфологические осколки, образующие ряд контаминантов, позволяют говорить о продуктивности данного вида словообразования.

В статье С. Вулф и С. Т. Гриса *Improving on observational blends research: regression modeling in the study of experimentally-elicited blends* (2019) выдвигается три гипотезы относительно наиболее типичной модели контаминации: 1) более короткое исходное слово больше способствует образованию контаминанта; 2) второе исходное слово предопределяет ударение в бленде чаще, чем первое; 3) контаминация максимизирует сходство между исходными словами и блендами [16, с. 2].

В своём исследовании авторы опираются на более раннее исследование, которое фокусировалось в основном на классификации контаминантов и на отличиях контаминации от других способов

словообразования. В ходе проводимого авторами эксперимента было отобрано 24 слова, объединённых в четыре семантические группы:

- fruit: banana, cantaloupe, cherry, grape, guava, plum;
- vegetables: bean, garbanzo, lentil, onion, potato, yam;
- dog breeds: chihuahua, lab, mastiff, poodle, pug, retriever;
- car brands: dodge, honda, jeep, kia, mercedes, Pontiac.

В каждой группе присутствуют односложные, двусложные и трёхсложные слова. Во всех группах присутствуют как наиболее часто употребляемые слова, так и редко употребляемые. Статистика о частоте употребления исходных слов была взята из Corpus of Contemporary American English (COCA) [6].

Участники эксперимента получили экспериментальную форму, содержащую 30 пар слов и 30 элементов-заполнителей, в качестве которых выступали простые математические задачи, призванные сместить фокус внимания участников эксперимента с процесса контаминации [16, с. 4]. Данный эксперимент проходил в два этапа: на первом этапе участники заполняли форму на листе бумаги, используя ручку, в то время как на втором этапе другой группе участников было предложено выполнить то же задание на компьютере устно. В первом этапе приняли участие 72 человека (было проанализировано 2 188 контаминантов), во втором этапе — 84 человека (было проанализировано 2 520 контаминантов). Результаты эксперимента подтвердили, хотя и не полностью, все три гипотезы авторов. В частности, было обнаружено что оба исходных слова практически в равной степени способствуют образованию контаминанта. Гипотеза о роли более короткого слова подтвердилась, хотя и не в той степени, в которой ожидалось. Результаты исследования также подтвердили вторую гипотезу о том, что второе исходное слово предопределяет ударение в контаминированном слове. Были также получены сведения о том, что в некоторых случаях более длинное исходное слово предопределяет ударение. Третья гипотеза также была экспериментально подтверждена.

В статье М. Элиза *A corpus-based analysis of new English blends* (2019) рассматривается синхронический аспект контаминации, а особое внимание уделяется новым английским блендам. В статье анализируется 245 блендов, датированных 1950–2010 гг., в количественном и качественном

аспектах, с целью переоценки важности феномена контаминации с точки зрения: 1) целесообразности создания нового специализированного словаря; 2) регулярности создания слов, содержащих часто употребляемые морфологические осколки. С теоретической точки зрения исследование направлено на классификацию контаминации как экстраграмматического феномена словообразования или как одного из видов словообразования. Исследование развивает тезис о том, что некоторые бленды являются уникальными (*glam-ma* ← *glamour* + *grandma*), в то время как другие являются частью серии блендов, образованных с помощью одного и того же рекуррентного слова (*eatertainment*, *irritainment*, *shoppertainment*). В статье ставятся следующие цели и задачи:

1) определение контекста, способствующего контаминации, начиная со сленга и заканчивая специальными областями;

2) анализ функций контаминантов, в частности, изучение номинативных и трансноминативных контаминантов, то есть тех, которые образуются с целью обозначить новый предмет, и тех, которые образуются с целью дать новое имя уже имеющемуся предмету;

3) детальное изучение конкретного типа контаминации, именуемого авторами «атрибутивный», при котором множество контаминантов образуется одним морфологическим осколком. В исследовании некоторые атрибутивные контаминанты рассматриваются как модели новых лексических блендов [8, с. 2].

В качестве источника контаминантов М. Элиза использует онлайн-версию словаря *Oxford English Dictionary, Corpus of Contemporary American English (COCA)* [6], а также *News on the Web* [7]. Исследование показало, что большой скачок в образовании контаминантов произошёл во второй половине XX в. В число контаминантов, датированных второй половиной XX в., вошли неологизмы и окказионализмы.

В структурном отношении в статье рассматриваются три классификации контаминантов: 1) по наличию общего центра, 2) по прозрачности значения, 3) по семантическому значению («равные/согласованные» и «атрибутивные»).

М. Элиза утверждает, что распространение и узнаваемость лексических блендов обусловлены тремя факторами [8, с. 6]. Во-первых, контаминанты получают широкое распространение, если исходные лексемы легко узнаваемы, а значение нового слова прозрачно. Во-вторых, лексикализа-

ция контаминантов определяется их престижем, то есть вероятностью того, что те лексические бленды, которые указывают на престижную норму речи, будут приняты узусом, значительно больше, чем те, которые престижными не являются. В-третьих, лексикализация и распространение блендов происходят быстрее, если носители языка испытывают объективную потребность в новом обозначении, когда бленд может обозначать новый предмет или явление или привносить стилистическую окраску по сравнению с имеющимся нейтральным синонимом.

В исследование вошли 245 блендов, из которых 209 — существительные (в том числе 48 — имена собственные), 32 — прилагательные, 4 — глаголы. Таким образом, номинативная функция контаминантов превалирует над описательной.

Исследование М. Элизы показало, что чаще всего контаминанты используются в сленге (7,3 %) и в разговорном стиле (7 %), но также велик процент контаминантов в жаргоне и специализированной речи (24,5 %). Бленды могут быть найдены в различных контекстах и обстоятельствах в зависимости от прагматического эффекта, который они должны произвести, а также от целей, поставленных говорящим. Например, в журналистике и рекламе бленды используются с целью привлечь внимание (ср. *Reaganomics* ‘*Reagan* + *economics*’, *Clintonomics* ‘*Clinton* + *economics*’, *Trumpflation* ‘*Trump* + *inflation*’ и т. д.), в то время как в сфере музыки и моды бленды обозначают новые понятия и предметы (*hip-hopera* ‘*hip-hop* + *opera*’, *soca* ‘*soul* + *calypso*’, *tankini* ‘*tank top* + *bikini*’, *skort* ‘*skirt* + *short(s)*’ и т. д.).

М. Элиза также отмечает, что многие бленды образуются по аналогии, с использованием морфологического осколка одного и того же исходного слова. В статье приводится ряд продуктивных морфологических осколков: ср. *-bot* (← *robot*), *-ercise* (← *exercise*), *-kini* (← *Bikini*), *-lish* (← *English*), *-(o)nomics* (← *economics*), *-tainment* (← *entertainment*), *-tarian* (← *vegetarian*), *-tel* (← *hotel*), *-umentary* (← *documentary*). Автор приходит к выводу о том, что данные морфологические осколки стали настолько часто употребляемыми, что их практически можно считать аффиксами.

В статье А. Б. Хурадо *A study on the ‘wordgasm’: the nature of blends’ splinters* (2019) рассматриваются продуктивные морфологические осколки, образующие кластеры контаминантов. Особое внимание уделяется морфологическому осколку ‘-gasm’, который является продуктивным и исполь-

зуются многократно при создании контаминантов. Исследование также направлено на изучение связей/отношений между первым исходным словом и продуктивным морфологическим осколком. Базу исследования составили 200 слов, отобранных автором среди различных онлайн-ресурсов, словарей и в речи носителей английского языка.

А. Б. Хурадо уделяет особое внимание одному из подходов к определению природы морфологических осколков, который подразумевает, что морфологические осколки являются суффиксидами, то есть словообразовательными элементами, напоминающими суффиксы. Тем не менее не все контаминанты имеют тенденцию образовывать новые морфемы, поэтому не все морфологические осколки становятся суффиксами: только некоторые морфологические осколки способны участвовать в создании «аналогичных образований»: ср. *advercasting* ‘advertisement + casting’, *advergame* ‘advertisement + game’, *advertainment* ‘advertisement + intertainment’). Однако данная точка зрения поддерживается далеко не всеми учёными, а потому морфологические осколки не могут в полной мере считаться суффиксами.

В статье также поднимается вопрос о рассмотрении морфологических отношений и как синтагматических, и как парадигматических. Традиционно принято рассматривать морфологические соединения в рамках синтагматических отношений: суффикс присоединяется к основе. Однако слова, образованные при помощи одного и того же суффикса, могут изучаться и в рамках парадигматических отношений. Процесс контаминации сложно описать исключительно с точки зрения синтагматических отношений, и поэтому парадигматический подход позволяет получить больше информации о семантике и структуре контаминантов [11, с. 9]. Это обусловлено тем, что, образуя новые слова, контаминанты апеллируют к знаниям носителей языка об исходных элементах, выступающих базой контаминанта.

С целью определения степени продуктивности морфологического осколочка *-gasm*, а также структурных моделей, в построении которых он участвует, было отобрано 200 контаминантов, содержащих морфологический осколок ‘*-gasm*’, из таких ресурсов, как *the Global Web-Based English*, *the Corpus of Contemporary American English* и *the English Web Corpus* [11, с. 13]. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе отобранные контаминанты рассматриваются в контексте. На втором они анализируются с точки зрения семантики с учё-

том отношений между первым исходным словом и вторым. В результате исследования А. Б. Хурадо выявляет две типичных структурных модели контаминантов с морфологическим осколком *-gasm*: 1) <[[X]Ni *gasm*]Nj ↔ [A sensation of physical or bodily pleasure produced by SEMi]j>; 2) <[[X]Ni *gasm*]Nj ↔ [A feeling of excitement or enthusiasm produced by SEMi]j>. Основное различие между двумя схемами заключается в значении морфологического осколочка ‘*-gasm*’: в первом случае морфологический осколок имеет значение физического удовольствия, во втором случае речь идёт о радостном чувстве [11, с. 18].

Таким образом, феномен контаминации разнообразен и с трудом поддаётся классификации. Возможные комбинаторные модели исходных слов, различные морфологические осколки, сохраняющиеся в конечном контаминанте, а также их семантический вклад в общее значение слова увеличивают число критериев для классификации. В отличие от слов, образованных словосложением, контаминанты сложнее разделить на исходные слова, так как графическая форма контаминантов часто бывает непрозрачной и трудно реконструируется из-за отсутствия частей исходных слов.

Заключение и выводы. Изучение современных научных работ, посвящённых контаминации, показало, что учёных прежде всего интересуют следующие аспекты данной словообразовательной модели: роль и значение ритма и интонации в формировании новых контаминантов в английском языке; прототипы и закономерности в образовании контаминантов; структурно-семантические типы контаминантов; интерпретация и поиск новых контаминантов. В результате метаанализа современных научных работ, посвящённых контаминации, можно сделать следующие выводы: 1) использование контаминантов становится всё более и более частотным, как в новых, так и в ранее известных контекстах; 2) контаминанты выполняют преимущественно номинативную функцию, то есть они используются либо для заполнения концептуальной и/или лексической лакуны, либо в качестве названий новых продуктов или торговых марок; 3) наиболее актуальной проблемой является продуктивность контаминации и связанный с ней вопрос о классификации продуктивных морфологических осколочков как аффиксов. Однако не все морфологические осколки способны образовывать ряд аналогичных контаминантов, поэтому сложно говорить о конкретных моделях в рамках данного способа словообразования.

Перспективы исследования представлены следующими направлениями изучения контаминации: 1) изучение лингвистических и экстралингвистических факторов и причин постоянно увеличивающегося количества контаминантов в современном английском языке; 2) изучение контекста употребления контаминантов, а именно их функ-

ций, семантических полей и тематических групп, которые они образуют; 3) чёткое разграничение продуктивных и непродуктивных морфологических осколков, а также уточнение морфологического статуса словообразовательных компонентов контаминанта.

Список литературы

1. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации : автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 2005. 50 с.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 556 с.
3. Лаврова Н. А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика: на материале современного английского языка : автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 2013. 52 с.
4. Манерко Л. А. Сложноструктурные субстантивные словосочетания: когнитивно-дискурсивный аспект: (На материале технической литературы современного английского языка) : дис... д-ра филол. наук. М., 2000. 425 с.
5. Beliaeva N. Blending creativity and productivity: on the issue of delimiting the boundaries of blends as a type of word formation // Lexis. 2019. № 14. P. 1–22.
6. Davies M. The Corpus of Contemporary American English (COCA): 400+ million words, 1990-present, 2008. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения 09.05.2020).
7. Davies M. Corpus of News on the Web (NOW): 3+ billion words from 20 countries, updated every day, 2013. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения 09.05.2020).
8. Elisa M. A corpus-based analysis of new English blends // Lexis. 2019. № 14. P. 1–28.
9. Fandrych I. Submorphemic elements in the formation of acronyms, blends and clippings // Lexis. 2019. № 14. P. 103–121.
10. Jeremić J. D., Josijević J. To blend so as to brand: a study of trademarks and brand names // Lexis. 2019. № 14. P. 1–19.
11. Jurado A. B. A study on the ‘wordgasm’: the nature of blends’ splinters // Lexis. 2019. № 14. P. 1–49.
12. Kemmer S. The Rice University Neologisms Database, 2003. URL: <http://neologisms.rice.edu/index.php> (дата обращения 09.05.2020).
13. Thurner D. Portmanteau Dictionary: Blend Words in the English Language, Including Trademarks and Brand Names. Jefferson : McFarland & Company, Inc., 1993. 190 p.
14. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения 09.05.2020)
15. Word Spy. URL: <https://wordspy.com> (дата обращения 09.05.2020)
16. Wulff S., Gries S. Th. Improving on observational blends research: regression modeling in the study of experimentally-elicited blends // Lexis. 2019. № 14. P. 1–21.

Сведения об авторах

Лаврова Наталия Александровна — доктор филологических наук, доцент кафедры фонетики и лексики английского языка, Московский педагогический государственный университет. Москва, Россия. lavrushca@gmail.com.

Ботова Елизавета Фёдоровна — студентка третьего курса Института иностранных языков, Московский педагогический государственный университет. Москва, Россия. elizaveta.botova@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 55—62.*

META-ANALYSIS OF PRODUCTIVITY AND TYPICAL STRUCTURAL AND SEMANTIC PATTERNS OF CONTAMINATION IN MODERN ENGLISH: THE STATE OF THE ART AND AVENUES FOR FUTHER INVESTIGATION

N.A. Lavrova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia. lavrushca@gmail.com

E.F. Botova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia. elizaveta.botova@yandex.ru

The aim of the research is to carry out meta-analysis of productivity, structural and semantic groups of blends in modern English. The meta-analysis revealed an exponential growth of new blends, which is explained by both notional and expressive lacunae. These lacunae emerge as a result of technological progress and advertising, when new hybridized products and services, which are enhanced versions of older entities, need to be named. Unlike other word-building patterns, blends are the most optimal strategy to nominate new hybridized objects, because they are isomorphic to extralinguistic objects or notions they nominate. Blends are created to reflect the seamless mixture of entities by selecting the most pragmatically justified word parts. The meta-analysis revealed that there is still disagreement among scholars as to the morphological status of blends' structural elements, hence the most urgent areas of research are (1) causes of productivity of blends, (2) the fluctuating status of morphological elements of blends and (3) differentiation between contamination and other word-building patterns.

Keywords: *contamination, blend, morphemic splinter, suffix-like element.*

References

1. Iriskhanova, O.K. (2005) *Lingvokreativnye osnovania teorii nominalizatsii* [Linguo-creative foundations of the theory of nominalization]. Moscow. 50 p. [in Russ.].
2. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. Towards gaining knowledge of the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow. 556 p. [in Russ.].
3. Lavrova, N.A. (2013) *Kontaminatsiya kak slovotvorcheskaya model': struktura, semantika, stilistika, pragmatika: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka* [Contamination as a word-making model: structure, semantics, stylistics, pragmatics: on the basis of modern English]. Moscow. 52 p. [in Russ.].
4. Manerko, L.A. (2000) *Slozhnostrukturnyye substantivnyye slovosochetaniya: kognitivno-diskursivnyy aspekt: (Na materiale tekhnicheskoy literatury sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Complex structural substantive phrases: cognitive-discursive aspect: (Based on the material of technical literature of modern English)]. Moscow. 425 p. [in Russ.].
5. Beliaeva, N. (2019) *Lexis*, no. 14, December, 2019, pp. 1–22.
6. Davies, M. (2008) *The Corpus of Contemporary American English (COCA): 400+ million words, 1990-present*. Available at: <https://corpus.byu.edu/coca/>, accessed at 09.05.2020.
7. Davies, M. (2013) *Corpus of News on the Web (NOW): 3+ billion words from 20 countries, updated every day*. Available at: <https://www.english-corpora.org/now/>, accessed at 09.05.2020.
8. Elisa, M. (2019) *Lexis*, no. 14, December, 2019, pp. 1–28.
9. Fandrych, I. (2008) *Lexis*, no. 2, November, 2008, pp. 103–121.
10. Jeremić J. D., Josijević, J. (2019) *Lexis*, no. 14, December, 2019, pp. 1–19.
11. Jurado, A.B. (2019) *Lexis*, no. 14, December, 2019, pp. 1–49.

12. Kemmer, S. (2003) The Rice University Neologisms Database. Available at: <http://neologisms.rice.edu/index.php>, accessed at 09.05.2020.
13. Thurner, D. (1993) *Portmanteau Dictionary: Blend Words in the English Language, Including Trademarks and Brand Names*. Jefferson, McFarland & Company, Inc. 190 p.
14. Urban Dictionary. Available at: <http://www.urbandictionary.com>, accessed at 09.05.2020.
15. Word Spy. Available at: <https://wordspy.com>, accessed at 09.05.2020.
16. Wulff, S., Gries, S. (2019) *Lexis*, no. 14, December, 2019, pp. 1–21.

ПОВТОР В ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ РЕЧИ КАК ПРАГМАТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ АВТОРСКИХ СМЫСЛОВ

Н. Ю. Мазикова

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

Рассматривается повтор как средство актуализации важных, выгодных для автора смыслов. Утверждается, что наиболее важной задачей авторов актуализирующей прозы, современного рекламного текста, спонтанной речи является выделение значимого признака или действия. Повторы также помогают адресанту передать свои эмоции, оценки. Так повторы становятся мощным прагматическим средством интенсификации авторского воздействия на адресата.

Ключевые слова: *прагматика, повтор, актуализация, художественный текст, рекламный текст, репортаж, речевое воздействие.*

Лингвистическую науку волновали и продолжают волновать вопросы, связанные с воздействием силой, прагматическим эффектом [3], которые возникают в тексте при использовании тех или иных языковых средств. Как на уровне лексики, семантики, морфологии, синтаксиса добиться того, чтобы текст «работал»: передавал смысл, вкладываемый в него автором, заражал чувствами, которые испытывает адресант или какие он хочет передать, внушить адресату, и, наконец, заставить реципиента, впечатленного текстом, измениться, жить иначе? Безусловно, последняя задача необходима самому же автору текста для решения его же цели. В зависимости от типа текста эти цели (назовём их конечными) могут быть различными.

В художественном тексте писатель часто выполняет культурную, социальную задачу: он намерен воздействовать на читателя таким образом, чтобы последний изменил своё мировоззрение, своё видение той или иной ситуации, например, мнение об определённом историческом событии, деятеле, исторической эпохе. Или писатель стремится воспитать в читателе гражданское чувство, патриотизм, хочет научить его ценить свою жизнь, семью, свой мир, страну и т. д., быть гуманным, нравственным. Это общекультурная задача писателя художественного текста.

Иную конечную цель преследует автор рекламного текста. Он стремится повлиять своим текстом на воспринимающего субъекта так, чтобы он купил тот или иной товар, рекламируемый продавцом. Цель, как видим, совершенно конкретная, вещественная, реальная. Здесь идёт речь о финансовой

выгоде продавца, то есть это субъективная цель. Эту же цель, по сути, будет преследовать и автор агитационного текста. Главное для политика — повлиять на выбор избирателя, который должен быть в пользу его персоны.

Интересной видится нам разговорная речь, поскольку она связана с дискурсом, погружена в жизнь. Полагаем, эта сфера наиболее сложная для анализа, поскольку существует множество самых разных речевых актов, речевых ситуаций, в каждой из которых конечные цели говорящего могут быть совершенно различными.

Изучение средств языка, прагматически сильных, в том или ином жанре, особых механизмов крайне важно, поскольку оно может помочь будущим авторам создавать новые тексты, воздействующие на адресата. Актуальность такого исследования велика, поскольку сегодня отмечается тенденция к внимательному составлению более качественных текстов (в частности, это касается рекламных и политических текстов).

Одним из таких прагматически сильных средств является **повтор**. В русском языке существует большое количество риторических тропов и фигур, созданных на основе повтора, прагматика которых велика. Выразительные и экспрессивные возможности повтора, множество функций, реализуемых им, ставят повторы в центр внимания и лингвистов, занимающихся актуальными вопросами языка того или иного текста (синтаксический, стилистический, текстовый аспекты) [10], и специалистов из смежных наук: прагматики [11], литературоведения, культуры речи, теории коммуникации, риторики [1], психолингвистики.

Мы будем рассматривать повтор как средство актуализации важных, выгодных для автора смыслов.

Объектом для исследования выступают виды повторов, созданные на уровне синтаксиса. Предмет нашего анализа — прагматика повторов в художественном тексте (актуализирующая проза — рассказы А. Солженицына), рекламном тексте (современная реклама) и в особой ситуации разговорной речи, спортивном репортаже (репортажи спортивного российского комментатора Дмитрия Губерниева). В этих различных жанрах нам интересно проследить активность личности адресанта, обладающего свободой выражения своих мыслей и чувств, воздействующего своим словом на адресата. Именно поэтому мы выбираем примеры текстов и устных обращений, заведомо обладающих прагматической силой, реализующих своеобразный диалог с читателем/слушателем, то есть содержащих черты свободной, живой разговорной речи.

К таким примерам, по нашему мнению, относятся современные рекламные тексты, блогерские тексты (анализ которых представляется перспективным для будущего исследования), телерепортаж, а также художественный текст, но не просто передающий художественный вымысел писателя, а являющийся площадкой для описания автором социальной действительности, выражения им своих оценок, для полемики с читательской аудиторией на остро актуальные для автора темы. В таких текстах, надо полагать, будут присутствовать в наибольшей степени черты разговорной и даже агитационной речи. Таким условиям отвечает актуализирующая проза, например, рассказы А. И. Солженицына. Как пишут о нём исследователи творчества, писателю присущ определённый индивидуальный стиль, «допускающий смешение прозы с проповедью, публицистики с исповедью, художественного познания с документальным исследованием» [4, с. 5].

Отметим, что учёные часто относят прозу малых жанров Солженицына к форме сказового нарратива. В его текстах отмечается сочетание различных повествовательных приёмов: от «я-формы» до сказа, — признаётся устно-стилевая установка. Теорию сказовой формы повествования детально разработали М. М. Бахтин [2], Б. М. Эйхенбаум, В. В. Виноградов и др. Форма сказа подразумевает двуголосое повествование, соотносящее автора и рассказчика. Такие тексты напоминают «устно произносимый, театрально импровизированный монолог человека, предполагающего сочувствен-

но настроенную аудиторию» [цит. по 4]. Подобная форма повествования необычайно эффективна для оказания определённого воздействия на читателя. В своих рассказах Солженицын часто как раз и стремится сделать собственные мысли публичными, трибунными, лозунговыми, передать «жизненную правду» и её связь с вечными духовными истинами.

Итак, перейдём к рассмотрению прагматических возможностей повтора на базе выбранного материала. Повтор, как известно, относится к синтаксическим средствам, расчленяющим речевой поток в тексте. При сегментации информация подаётся «порциями» (сегментами), хотя могла быть подана в форме единой конструкции. При этом «первый сегмент называет тему дальнейшего/ближайшего высказывания, которое следует за ним» [5, с. 85]. Повторяемость называется учёными неотъемлемой частью художественного текста. В анализируемой нами прозе А. И. Солженицына встречаются различные виды повторов: *анафорический, эпитетический повторы, многосоюзие, геминация, кольцо, анадиплосис (подхват), хиазм, синтаксический параллелизм*. Эти *фигуры прибавления* [1] делают текст выразительным (неслучайно они рассматриваются в риторике и стилистике), изобразительным, запоминаемым, приближают художественный текст к разговорному стилю [12, с. 150–159], что, безусловно, упрощает восприятие его читателем.

Один из ведущих в исследуемом материале является синтаксический параллелизм (повтор синтаксической структуры). Например: *Облетали листья, падал снег — и потом таял. Снова пахали, снова сеяли, снова жали. И опять облетали листья, и опять падал снег. И одна революция. И другая революция. И весь свет перевернулся.* («Матрёнин двор»). Видим, как в последнем примере автор намеренно использует несколько параллельных рядов, подчёркивая цикличность одних и тех же событий. При этом второй параллельный ряд (передающий информацию о действиях людей) заключён в середину первого (описывающего явления природы). Таким образом писатель показывает жизнь и трудовую деятельность крестьян нераздельно от природы. Третий параллельный ряд осложнён (повтор союза И, определения, существительного «революция», подлежащего) ещё и парцелляцией [8] и градацией, семантическим повтором. Это многократно усиливает прагматический эффект текста Солженицына. От событий в жизни крестьян на земле и в природе автор, как бы меняя кинематографически средний план

на общий, обращается к историческим событиям в жизни страны, где так же отмечает цикличность. В градационном восходящем ряду «одна революция — другая революция — весь свет перевернулся» мы явно видим, как крайний его элемент является акцентным, своеобразным резюме, настойчиво передаваемым автором текста читателям. Такой комплекс воздействующих средств не может не повлиять на читательское восприятие.

Лексические повторы с синтаксическим распространением — ещё одни из характерных для прозы Солженицына типов повторов. Такие повторы, в первую очередь, реализуют в художественном тексте экспрессивную функцию языка. Повторение той или иной словоформы сопровождается паузой и затем обязательным интонационным выделением, чаще всего повышением тона. Такое выделение, актуализация важных для автора слов или фраз делает лексический повтор с синтаксическим распространением эффективным прагматическим средством создания художественных акцентов.

В текстах рассказов А. И. Солженицына встречаются и контактные, и дистантные повторы. Первый из них, как известно, имеет схожесть с андиплосисом. Нередко он призван обратить внимание читателя на концептуально важные слова или сочетания слов. Например, в рассказе «Один день Ивана Денисовича»: *Десять суток! Десять суток здешнего карцера, если отсидеть их строго и до конца, — это значит на всю жизнь здоровья лишиться. Туберкулёз, и из больничек уже не вылезешь.* Здесь, как видим, повторение фразы, сопровождаемое переключением модально-речевого плана (из эмоционального оценочного модуса — в повествовательный), делает текст писателя экспрессивным и ритмичным.

Надо отметить, что контактные повторы являются часто средством языкового эпатажа, деавтоматизирующих читательское восприятие самим фактом расчленения гладкого текста на сегменты. Для писательского стиля Солженицыну такая особенность контактных повторов подходит, поскольку автор часто стремится максимально приблизить свои тексты (называемые исследователями актуализирующими) к разговорной речи.

Писатель нередко выносит повторяющийся элемент (а это почти всегда концептуально важное слово или выражение) в новое предложение, а первый элемент заключает в отдельное восклицательное предложение. Так художник слова указывает читателю на основные семантические, концептуальные ключи к пониманию его произведения, что,

безусловно, оказывает определённое воздействие на эмоции адресанта.

Дистантный повтор, встречаемый в текстах Солженицына, также служит логическому выделению авторской мысли. Повторяемые элементы при этом относятся к концептосфере автора, призваны обратить на себя внимание читателя и выразить определённые чувства: *Как жаль! — (кончал восклицанием корреспондент) — как жаль, что молодой энтузиаст не дождался до торжества своих светлых идей! что он не может взглянуть на преображённую долину!* («Как жаль»). Видим, как повторённая фраза является настолько важной, экспрессивной, что даже даёт название всему рассказу.

Нередко у исследуемого автора дистантный повтор слова сопровождается парцелляцией, при этом рематизируются значимые для писателя, концептуальные элементы. Так в сознание читателя закладывается важная подтекстная информация: *И Павло с лопатой медленно пошёл вниз.*

Ме-едленно... («Один день Ивана Денисовича»). Наблюдаем весьма характерную для А. И. Солженицына комбинацию повтора, парцелляции и экспрессивного абзацного членения. Такой комплекс воздействующих средств создаёт мощный перлюкутивный эффект.

Приём языковой игры, каламбур, построенный на лексическом повторе, имеющий структуру кольца или стыка, также обращает внимание читателя, делает текст выразительнее и создаёт эффект неожиданности: *Я говорю вам то, что вам сейчас нужно. А нужно вам — то, что я сейчас говорю* («Для пользы дела»). *Тут приходят бригады в черёд, и выдаёт повар в окошко миски, а в мисках тех дно покрыто кашицей, и сколько там твоей крупы — не спросишь и не взвесишь, только сто тебе редек в рот, если рот откроешь.* («Один день Ивана Денисовича»).

Мы рассмотрели основные повторы, относящиеся к явным, материально выраженным. А. И. Солженицын в своих текстах использует и материально не выраженные повторы, семантические. Они основываются на повторении семантики слов, связанных синонимическими, антонимическими, гиперо-гипонимическими отношениями. Семантический повтор, в первую очередь, участвует в формировании имплицитного смысла (*подтекста*), в котором автор представляет значимую информацию: *Не в глазах потемнело у лейтенанта — в груди. Муть какая-то поднялась. Грязь.* («Всё равно»). Семантический ряд «потемнело», «муть»,

«грязь», основанный на синонимии, создаёт яркую метафору, которая помогает автору выразить своё отношение к происходящему в стране вообще. Рематизация в отдельном парцелляте слова «грязь» может служить вердиктом, опять же своеобразным резюме писателя в его оценках действительности.

Обратимся к исследованию прагматических возможностей повтора в рекламном тексте. Необходимость анализа языка такого текста [9] сегодня не вызывает сомнений. Такое внимание, особенно со стороны специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью, легко объяснимо: как мы уже отмечали в начале статьи, это связано со вполне конкретными коммерческими задачами. Первая из них — изучить языковые средства рекламного текста, которые помогают реализовать главную цель производителя товара — стимулировать адресата к покупке продукции.

Воздействующая прагматическая функция (механизмы и эффекты речевого воздействия) повтора в рекламном тексте ещё мало исследована. Этим объясняется актуальность нашей работы. Интересно проследить, как на уровне синтаксиса рекламодателям удаётся убедить потенциальных покупателей в необходимости выбора товара, анонсируемого ими.

Сразу заметим, что, как показал анализ материала (рекламные тексты журналов для родителей «Мой ребёнок», «9 месяцев» за 2016 г. и женского журнала «Cosmopolitan» за январь 2020 г.), в рекламе повторы представлены весьма разнообразно. Это и лексические, и семантические повторы, контактные и дистантные, фразовые, контекстуальные синонимы и антонимы, однокоренные повторы. Встречаются в таких текстах анафора, эпифора, гомеология, геминация, анадиплозис, параллелизм, кольцо, хиазм и др. Все названные виды повторов так же, как и в художественном тексте, имплицитно выражают нужную автору информацию, актуализируют, усиливают смысл повторяемого компонента, становясь, таким образом, *средством создания рекламных акцентов*.

Следует признать частотным в рекламе **многократный лексический повтор** [7]. Он используется авторами тогда, когда нужно настойчиво воздействовать на сферу эмоций и чувств читателя, закрепив в его сознании главные характеристики, качества товара (которые являются важными для самого читателя, чьи потребности продавец заранее хорошо изучил) и создав в его мышлении совершенно определённый привлекательный образ: *Rose of Bulgaria* — *восхитительная косметика*

из экологически чистых компонентов с нежными натуральными ароматами с высоким содержанием чистого розового масла и розовой воды (реклама косметики «Rose of Bulgaria»); *В коллекции использованы преимущественно натуральные ткани, такие как хлопок, волокна вискозы, лён. Многие изделия содержат небольшое количество эластана, который в составе натуральных материалов позволяет лучше держать форму изделия, быть более приятным к телу и дольше сохранять первоначальный вид. «Большинство искусственных волокон — купра, вискоза, лиоцелл — долго разлагаются, тем самым загрязняя природу, — говорит дизайнер. — Натуральные же ткани можно сдать в переработку и не усугублять и без того сложную экологическую проблему в мире»* (коллекция одежды Alexandra Talalay). В последнем примере видим, как с помощью повтора усиливается основная характеристика товара, акцентируется внимание читателя на главном преимуществе коллекции — натуральности тканей. Автор текста намеренно приводит в рекламе прямую речь дизайнера, где ещё раз повторяется главная характеристика коллекции, искусно подчёркнутая и с помощью семантического антонимического повтора (*искусственных волокон* — *натуральные ткани*). Такое противопоставление, ещё и распространённое описанием некоторых фактов, играет на руку продавцу, поскольку служит здесь доказательством полезности натуральных тканей. Так автор текста с помощью нескольких повторов многократно усиливает признак товара, на который производитель делает главный акцент.

Лексические повторы часто употребляются в рекламе вместе с семантическими **синонимическими** повторами: *Инновация! New Hyaluron нового поколения. Эксперт в гиалуроновом омоложении. Серия New Hyaluron нового поколения открывает новую эру в антивозрастном уходе. Инновационные формулы на основе Glysohyal LW, микронизированной гиалуроновой кислоты и аквапоринов, получивших Нобелевскую премию, активизируют механизмы молодости в глубоких слоях кожи, обеспечивая беспрецедентную эффективность в процессах редукации морщин* (Eveline Cosmetics).

Самым частотным видом повтора в рекламе является **синтаксический параллелизм**. Такое средство непрямого воздействия на адресата способствует актуализации важных для рекламодателя понятий, созданию контраста в тексте: *Этот шампунь для повреждённых волос с драгоценным экстрактом календулы, который одновременно*

очищает как шампунь, облегчает расчёсывание как бальзам и интенсивно восстанавливает как уход (шампунь-уход 3 в 1 Elseve «Полное восстановление 5»); *РИНЗА-Син оказывает комплексное действие, устраняя все симптомы простуды. Поддерживает естественный иммунитет ребёнка для скорейшего выздоровления. Способствует устранению основных симптомов простуды и гриппа. Содержит витамин С, который помогает естественному иммунитету.* Здесь, видим, целый комплекс различных повторов, а также эллипсис и парцелляция параллельных глагольных рядов способствуют убеждению адресата в действенности препарата. Только по повторённым ключевым словам («симптомы простуды» и «естественный иммунитет») реципиент может сделать вывод о важности применения такого препарата, поддерживающего естественные силы организма.

Параллельные конструкции с глаголом помогают также создать в тексте определённый ритм, имеющий смысл перечисления множества положительных свойств товара. То есть автору текста важнее таким образом передать информацию не о самих качествах и действиях товара, а *сделать акцент на их количестве*, что будет говорить о действенности, пользе рекламируемого средства. Можем смело утверждать, что эта прагматическая цель будет преследоваться авторами во всех рекламных текстах, где используется такой вид повтора, как синтаксический параллелизм.

Очень часто в рекламных текстах синтаксический параллелизм используется в **комплексе с эллипсисом**. Обычно этот парадоксальный комплекс фигуры прибавления и фигуры убавления встречается в коротких и ёмких, энергичных слоганах. *Свободно дышим — крепко спим!* (реклама крема «Эфилипт-бэби»). Лозунговость, динамичность и лаконичность таких фраз, безусловно, привлекают внимание читателей, задают энергичный ритм, создают настроение эмоционального подъёма, а также способствуют лёгкому запоминанию, что, конечно, немаловажно для продавца: *Больше объём — больше возможностей* (реклама холодильника Candy); *Результат нашего исследования — ваша уверенность в завтрашнем дне!* (медицинская лаборатория KDL). В последнем примере опущено слово «сегодняшнего». Однако его имплицитное присутствие в тексте помогает создать контраст, поскольку умело создаётся семантический антонимический повтор (сегодняшний — завтрашний). Такая комбинация повторов помогает заложить в читательском сознании при-

чинно-следственные связи: сделаете исследование сегодня — получите уверенность в своём завтра.

Уже упомянутый нами семантический антонимический повтор помогает контрастно выделить нужный признак: *Если где-то притаился уха, горла, носа враг — обязательно поможет друг надёжный ОТОФАГ! Надёжная защита от вредных бактерий для всей семьи* (лор-гель «Отофаг»); *Твои волосы стали тусклыми и безжизненными? Не отчаивайся! Мы нашли для тебя 9 шампуней, которые восстановят их здоровье и красоту.*

Перейдём к рассмотрению прагматических возможностей повторов в разговорном дискурсе. Именно вопросы дискурса представляют особый интерес в лингвистике XXI в., поэтому актуальным становится изучение такой коммуникативной ситуации, как *спортивный репортаж*. Языковой анализ телевизионного репортажа связан с некими сложностями, поскольку приходится исследовать живой поток разговорной речи, сопровождаемый разными ситуациями, возникающими в самом спортивном состязании. Исследователь, как и репортёр, должен ориентироваться в том виде спорта, репортаж о котором он анализирует. Несмотря на эти сложности, именно изучение ситуативной, импровизированной речи позволит понять прагматику разговорной речи в чистом виде [6, с. 113].

Спортивный репортаж, как и практически любой жанр разговорной речи отличают отсутствие возможности править текст и, напротив, необходимость быстро осуществлять выбор нужной языковой единицы и синтаксической структуры. Для исследователя такой анализ особенно интересен, поскольку позволяет выделить самые яркие языковые приёмы в речи говорящего, типичные для его манеры говорения. Потому что в таких условиях живой речи журналист чаще всего не экспериментирует с новыми, а использует проверенные, на 100 процентов «работающие» (с точки зрения прагматики) приёмы.

В качестве примера мы выбрали спортивные репортажи по биатлону талантливого журналиста Дмитрия Губерниева, не раз становившегося лауреатом премии «ТЭФИ» (в 2007 г. в номинации «Спортивный комментатор, ведущий спортивной программы», в 2015 г. в номинации «Спортивная программа», в 2019 г. в номинации «Ведущий спортивной программы/спортивный комментатор» и «Ведущий информационной программы»). Цель нашего изучения — выявление особых средств языка, с помощью которых Губерниев умело воздействует на миллионную зрительскую аудиторию.

Мы проанализировали репортажи журналиста о биатлонных гонках Кубка мира за февраль 2016 г. и о гонках Чемпионата мира 2020 г. (мужской спринт и масс-старт).

Как показал наш анализ, в разговорной речи Дмитрия Губерниева наиболее распространёнными и прагматически эффективными являются следующие виды повторов: *лексический повтор с синтаксическим распространением, фразовый повтор, синтаксический параллелизм, семантические повторы с градацией, синонимические, антонимические повторы, морфемные: гомеология и гомеотелевтон, геминация (многократный повтор слов), анафора и эпифора, анадиплозис (подхват), кольцо*.

Все выявленные виды повтора призваны, в первую очередь, акцентировать внимание слушателей на фактах, людях, качествах, о которых говорит репортёр, на его эмоциях, выделить, актуализировать их. Эта функция способствует наибольшей выразительности, экспрессивности речи.

Наиболее частотной следует признать геминацию, многократный повтор слова или слов: 1) **Включаем, включаем!** *МатчТВ.ру, Спортбюкс.ру*; 2) **Идут-идут** [комментарии в «Инстаграм»]! *Все новые поклонники, друзья!* 3) **Посмотрите, волки за ним клацают зубками, зубками** (российского биатлониста преследуют соперники); 4) **И Мартен Фуркад, друзья! Мартен Фуркад!** (лидер подъезжает в огневому рубежу); 5) **Следим, следим, друзья! Но ждём, ждём!** В этих примерах, как видим, повтор слов сопровождается восклицательной интонацией, что создаёт особое напряжение. Такой повтор слова только на первый взгляд кажется избыточным. Он указывает на интенсивность чувств говорящего, который всеми средствами выделяет поражающую его деталь, человека или призывает вместе с ним совершить какое-то действие (примеры с повторяемыми глаголами). Волнение и азарт комментатора передаются зрителям.

Нередко в примерах с геминацией создаётся контраст, а также возникает эффект обманутого ожидания. Например: *Сегодня праздник у французов, и Логинов может этот праздник испортить*. Интересен случай такой геминации, когда при повторении слова происходит переключение модальных планов: 1) **Семнадцать секунд выиграл. Семнадцать!** 2) **Мартен! Мартен** на этом турнире выиграл две золотых награды, одну бронзовую. В первом примере при повторе видим смену информационного модального плана эмоциональным. Во втором примере обратный процесс: ком-

ментатор с помощью восклицательной интонации особо выделяет имя лидирующего французского биатлониста, сообщая подтекстную информацию (его личное восхищение точной стрельбой француза), а затем переключается в информационный план, представляя факты о прошлых победах спортсмена.

Другими популярными видами повтора в индивидуальном стиле Д. Губерниева являются **гомеология** и **гомеотелевтон**, то есть повтор морфем (чаще всего корня, суффикса и окончания). Повтор морфем помогает говорящему акцентировать, актуализировать значение этой части слова. Например: 1) *Борьба великих, по-настоящему величайших спортсменов современного биатлона!* 2) *Все ждут, что будет что-то запретное. Но не дождутся;* 3) *Ты, моя летняя зима, моё зимнее лето. Ты из музыки и света сама. Из музыки и света* (поёт). *Про Свету сейчас нет напряжённо, друзья*. Первый пример показывает, насколько важной и великой представляется комментатору спортивная борьба конкретных противников. Во втором примере гомеология в комплексе с кольцом создаёт контраст и эффект обманутого ожидания слушателя, что, безусловно привлекает внимание к информации говорящего. Третий пример, в котором Губерниев использует цитату из известной песни, а потом повторяет слово «свет», только употребляя его в другом значении (имя собственное Света), также создаёт эффект неожиданности. Такая игра слов и семантики приводит к юмористическому эффекту. Надо отметить, что чувство юмора, остроумие — весьма характерные качества речи этого журналиста.

Гомеотелевтон в речи спортивного журналиста является неожиданным, поскольку он не типичен для данного жанра. Дмитрий Губерниев же любит рифмовать свои мысли, часто используя для этой цели повтор окончаний слов, часто с гомеологией: *Посмотрим, будет ли одним махом семерых убивахом; Фуркаад! И сам черт ему не брат! Попадает наш Фуркад. Посмотрите, как он рад!*

Определённый ритм в речи репортёра задают многочисленные **анафоры** и (реже) **эпифоры**: 1) **Ай да Йоханес, ай да норвежский сын!** 2) **Нужно тренировать, нужно работать;** 3) **Не пускай его! Не пускай норвежца! Запри эту дверь на ключ!** 4) **Очень непростая борьба, очень непростая готовность к этому турниру;** 5) **Ждём апелляции. Ждём, что же будет дальше с российским биатлоном;** 6) **Кто же там ещё? Кто сможет бросить эту перчатку Логинову?** 7) **Александр**

Логинов — чемпион мира! **Дождался!** И мы **дождались!** В таких примерах, как можно наблюдать, повторяемые слова (иногда заключаемые говорящим в *риторические вопросы* и восклицания, что весьма характерно для воздействующей, убеждающей ораторской речи) усиливаются, интонационно и семантически выделяются.

Распространённым видом повтора в репортажах Губерниева можно считать и **кольцо**. Кроме определённой ритмичности (замкнутое движение по кругу), кольцевой повтор передаёт «зацикленность» мысли или события на чём-либо, показывает значимость первого слова, исходной точки: **Здоровья** нашим воинам! Ну и прекрасным дамам тоже **здоровья!** (поздравление с 23 Февраля); **Болеет** вся страна! А Астрахань как **болеет**, а Находка! **Может** бороться Саша, **может!** Устал Жаклен, конечно, **устал**. Причём даже если бы и попал, уже **усталость** просто съедает его сейчас. В последнем примере важный для комментатора факт усталости французского спортсмена, который он непременно хочет сообщить, доказать, уверить в нём слушателя, заключается в кольцевой повтор, а потом и в гомеологический.

Функцию выделения, актуализации важного понятия, часто связанную с эффектом обманутого ожидания, выполняет и такой вид повтора, как **анадиплозис** (подхват, стык). Например: 1) **Логинов молодец!** **Молодец** Саша! 2) **Пока на Матче биатлона нет. И не будет** его на Матче! На сайте только, в прямом эфире; 3) Ну что — кто кого? **Йоханес стойку** или **стойка Йоханеса?** (подхват с кольцом, приводящие к языковой игре, каламбуру); 4) **Какой у нас шанс бороться!** **Бороться за победу!** В последнем примере можно увидеть, как повторённый элемент рематизирует новый контекст, подчёркивая значимость высоких результатов российского спортсмена, претендующего, по мнению комментатора, не просто на призовое место, а на победу. Таким образом постепенно, последовательно усиливается градус эмоционального восприятия происходящего, усиливаются положительные оценки. Второй пример также представляет интерес. Здесь есть все черты устной речи: краткость, простота и стремление к языковой экономии. Стыковой повтор морфемы (гомеология), кроме того, сопровождается эллипсисом (опущено второе «нет»), логика фразы должна быть такой: на Матче **нет. Нет и не** будет).

Повторы в речи комментатора довольно часто сопровождаются градациями. **Повторы с градацией**, пожалуй, одни из основных в речевой манере

Д. Губерниева. Реализуемая с помощью градации функция нарастания обеспечивает эмоциональную напряжённость в речи журналиста, которая усиливается с каждым повторённым элементом, приводя к кульминации: **Снег пошёл, завертелся, повалил; Друзья в инстаграме, активничаем, присоединяемся, смотрим, болеем за наших!** **Выстраданная победа, великая победа, грандиозная!** **Умопомрачительная стрельба сегодня, очень зрелая и, главное, точная; Плотно, здорово, красиво, хорошо** (о будущем показе биатлонных гонок и программ); **Тем ценнее эта победа, с учётом травмы Логинова, с учётом больной спины, больного локтя; Считанные сотни метров, и даже десятки до финиша!** Представленные примеры показывают, что говорящий использует как восходящие градации, так и градации-антиклимакс. Основная цель употребления этого языкового средства в конкретном дискурсе — актуализация, особое выделение важного для говорящего признака или действия, которые он детализирует, уточняет. Этот процесс можно сравнить с художественным творчеством: адресант как бы рисует перед мысленным взором слушателей картинку, добавляя краски, детали, нюансы. Таким образом он старается как можно более точно передать свои эмоции, свои оценки, своё видение происходящего. Такой приём актуализации авторской оценки можно признать очень эффективным прагматическим средством.

В репортажной речи Д. Губерниева нередко встречаются и семантические повторы на основе синонимии, также призванные максимально детализировать, уточнить, расширить основное содержание высказывания, охарактеризовать его с разных сторон: **Вот как разрывают караван лучшие гонимые, лучшие бегунки; Труднейшая трасса. Очень сложный круг 3,3 км.**

Частотными в речи спортивного журналиста также являются **лексические повторы с синтаксическим распространением**, как контактные, так и дистантные. О выразительных, актуализирующих возможностях таких повторов мы писали ранее. Отметим лишь, что в разговорной речи комментатора они будут выполнять те же функции. Например: 1) **Немного ещё не отошёл от простуды. Демонстрирую вам лёгкие покашливания. Но что делать? Комментаторский хлеб. Нелёгкий комментаторский хлеб, друзья;** 2) **Это шанс для нас бороться за медаль. Но не просто за медаль будет бороться Логинов, а за победу!** 3) **Обратите внимание, как работают лыжи — прекрасно работают лыжи!** 4) **Промах у Якоба Фака! И вот**

уже не осталось сомнений. Их не осталось уже давно, дорогие друзья.

Как видим, многие примеры содержат в качестве основы, которая потом повторится и дополнится новым признаком, новой ремой, не только лексему, но и словосочетание. Таким образом подобные повторы становятся **фразовыми повторами**, которые способствуют обогащению смысла, созданию эмоционального напряжения, позволяют автору *актуализировать ремю*. И если в художественном тексте сквозные фразовые повторы часто становятся элементами создания лейтмотивов, то в спонтанной речи их главная задача — актуализации нового признака, ремы.

Вернёмся к представленным выше примерам. В третьем и четвёртом примерах мы видим, что наиболее важные в осмыслении происходящего говорящим и в передаче им своих оценок адресату, являются как раз добавленные вместе с повторёнными фразами ремы: комментатору важно не просто обратить внимание на работу лыж, а передать оценку, своё мнение о том, что лыжи работают *прекрасно*. Также Д. Губерниев старается усилить предостережение победы российского спортсмена, замечая (тоже в добавленной с помощью фразового повтора реме), что на протяжении длительного времени, *«уже давно»*, всем очевидно преимущество Логинова.

Итак, подведём итоги нашего исследования прагматических возможностей повторов. Намеренно взяв совершенно разный материал для анализа, мы предположили, что основной функцией повторов в разных текстах будет актуализирующая функция. Результаты проведённого исследования подтверждают эту идею. Действительно, наиболее важной задачей у авторов разных текстов: художественного (актуализирующая проза), рекламного — и даже разговорного дискурса является

актуализация, особое выделение значимого для говорящего признака или действия, которые он детализирует, уточняет.

Повторяя разными способами (мы убедились во множестве видов повторов, приводя разные примеры) те или иные слова или выражения, адресант старается также передать свои эмоции, оценки, своё видение происходящего, свою картину мира. Таким образом происходит актуализация авторской оценки, которую говорящий предлагает (а иногда — в случае рекламного текста — и заставляет) с ним разделить. При повторении важен и тот контекст, который сопровождает повтор. Часто добавленные вместе с повторёнными фразами ремы являются наиболее важными в осмыслении происходящего говорящим и в передаче им своих оценок адресату.

Надо отметить, что важными чертами актуализирующей художественной прозы А. Солженицына, а также репортажа являются *простота и экспрессивность, краткость, ритмичность, динамичность*. Создать такой текст, такую речь адресанту помогают именно повторы, выделяющие, актуализирующие ключевые понятия, важные детали, концептуальные, имплицитные смыслы (повторы, как мы отмечали, формируют подтекст, способствуют приращению смыслов). Это, безусловно, делает текст автора более выразительным, запоминающимся. Таким образом повтор становится мощным *средством интенсификации авторского воздействия*, то есть прагматически значим и эффективен. Полученные в ходе анализа выводы открывают перспективы для дальнейшего исследования. Так, например, целесообразно в качестве эмпирической базы взять современные тексты разных жанров: блогерский текст, современный художественный текст.

Список литературы

1. Анисимова Т. В. Риторика. Владивосток, 2004.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. 502 с.
3. Дудина Т. Б. Прагматические характеристики текста и его лингводидактическая направленность // Проблемы лингвистического анализа текста: коммуникативно-прагматический аспект : межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 1990. С. 45.
4. Ким Ын Хи. Формы художественного повествования в «малой прозе» А. И. Солженицына : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
5. Ключева Н. Ю. Прагматика синтаксиса художественного текста: на материале рассказов А. И. Солженицына : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2014.
6. Ключева Н. Ю. Реализация прагматической функции воздействия в спортивных репортажах Дмитрия Губерниева // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. 2017. Т. 2 (68), № 4. С. 113–121.

7. Куранова Т. П. Многообразный повтор как способ создания комического эффекта в игровой журналистике // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 2 (Гуманитарные науки). С. 194–198.

8. Марышова М. А. Стилистическая функция парцелляции в текстах разных жанров. URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/14Marisova.pdf>

9. Мягкова А. Ю. Непрямое речевое воздействие в политической рекламе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. Вып. 2. С. 71–74.

10. Покровская Е. А. Изобразительно-выразительные средства языка и парадигмы культуры (на материале синтаксиса художественной прозы XX века) // Язык в прагматическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. Ростов н/Д. : РГУ, 2003. С. 22–30.

11. Черкасова Л. Н. Коммуникативно-прагматический конфликт рекламного слогана // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации : труды пятой юбилейной Международной научно-практической конференции (14–15 сентября 2017 г.); часть 2. Ростов н/Д. : ФГБОУ ВО РГУПС, 2017. С. 186–191.

12. Шевцова, О. Н. Особенности функционирования диаграмматических фигур в современной художественной прозе // Язык в прагматическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. Ростов н/Д. : РГУ, 2003. — С. 150–159.

Сведения об авторе

Мазикова Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики, Ростовский государственный университет путей сообщения. Ростов-на-Дону, Россия. newnat46@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 63–72.*

REPETITION IN WRITTEN AND ORAL SPEECH AS A PRAGMATIC MEANS OF AUCTORIAL MEANINGS ACTUALIZATION

N.Yu. Mazikova

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don. newnat46@yandex.ru

This article discusses repetition as a means of conveying important meanings that are beneficial to the author. The study is conducted on the basis of prose (stories by A. Solzhenitsyn), modern advertising texts and sports reporting (reports by Russian commentator Dmitry Guberniev). It is argued that the most important task for the authors of such texts and spontaneous oral speech is to actualize and highlight the sign or action that is important, to clarify it, to emphasize key concepts, important details, conceptual implicit meanings. Repetitions also help the addresser convey their emotions, assessments. So repetitions become a powerful pragmatic means of intensifying the author's influence on the addressee. The selected examples of texts and oral addresses demonstrate how the addressee successfully carries out a kind of dialogue with the reader / listener, realizing his pragmatic goal.

Keywords: *pragmatics, repetition, actualization, literary text, advertising text, reportage, speech impact.*

References

1. Anisimova, T.V. (2004) *Rhetoric*. Vladivostok. [in Russ.].
2. Bakhtin, M.M. (1975) *Questions of literature and aesthetics*. Moscow. 502 p. [in Russ.].
3. Dudina, T.B. (1990) Pragmatic characteristics of the text and its linguodidactic orientation. *Problems of linguistic analysis of the text: communicative-pragmatic aspect: Interuniversity collection of scientific papers*. Irkutsk. P. 45. [in Russ.].
4. Kim Eun-hee. (2000) *Forms of artistic narration in «little prose» A. I. Solzhenitsyna* [Thesis]. Moscow [in Russ.].
5. Klyueva, N.Yu. (2014) *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Philological Sciences*, vol. 2 (68), no. 4, pp. 113–121. [in Russ.].

6. Klyueva, N.Yu. (2014) Pragmatics syntax of the art text: on a material of stories A.I. Solzhenitsyn [Thesis. Rostov-on-Don. [in Russ.].
7. Kuranova, T.P. (2011) *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, vol. I, no. 2, pp. 194–198. [in Russ.].
8. Myagkova, A.Yu. (2010) *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University*, issue 2, pp. 71–74. [in Russ.].
9. Maryshova, M.A. The stylistic function of parcellation in texts of different genres. Available at: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/14Marisova.pdf>, accessed 10.03.2020. [in Russ.].
10. Pokrovskaya, E.A. (2003) The expressive means of language and the paradigm of culture (on the basis of the syntax of 20th century art prose). *Language in a pragmatic aspect: expressive stylistics, rhetoric*. Rostov-on-Don, RSU Publ. Pp. 22–30. [in Russ.].
11. Shevtsova, O.N. (2003) Features of the functioning of diagrammatic figures in modern fiction. *Language in a pragmatic aspect: expressive stylistics, rhetoric*. Rostov-on-Don, RSU Publ. Pp. 150–159. [in Russ.].
12. Cherkasova, L.N. (2017) Communicatively pragmatic conflict of the advertising slogan. *Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations: Proceedings of the Fifth Anniversary International Scientific and Practical Conference (September 14–15, 2017); part 2*. Rostov-on-Don, FGBOU IN RGUPS Publ. Pp. 186–191. [in Russ.].

ЦИФРОЦЕНТРИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА В ЛИНГВИСТИКЕ: СОВРЕМЕННОСТЬ ИЛИ БУДУЩЕЕ?

С. В. Первухина

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Рассматриваются современные тенденции развития языкознания, отражающие цифровую культуру. Проводится последовательный анализ тенденций выбора материала научных исследований в области языкознания, а также методов лингвистических научных исследований и способов изложения научной мысли. Делается вывод об изменении модели коммуникации при её включении в цифровую среду, описываются отличия этой модели от традиционной.

Ключевые слова: *цифровая коммуникация, виртуальность, интернет-коммуникация, научная парадигма, креолизованный текст.*

Введение. В последнее время в связи с глобальными событиями в мире взаимодействие в социуме резко изменилось. Эти изменения заставили всех обратить внимание на процессы, которые начали зарождаться в конце прошлого века и приобретают широкий размах в настоящее время. Эти процессы связаны с тотальной цифровизацией всех сфер жизни человека [13, с. 127]. В науке можно заметить тенденцию, которая свидетельствует о смене научной парадигмы. Полагаем, что настало время говорить о появлении *цифроцентрической научной парадигмы*. Приведём ряд доказательств, которые говорят в пользу этой гипотезы.

Говоря о научной парадигме, принимается во внимание объект научного исследования и методы, которые нужны для изучения этого объекта. В сравнительно-исторической парадигме, основателями которой считаются Ф. Бопп, Я. Гримм, Р. Раск и А. Х. Востоков, объектом изучения языкознания был язык и сопоставлялись структуры разных языков на основе морфем (корней и флексий). Такой подход позволил А. Шлейхеру выявить родственные языки и установить праязыки, создав языковое дерево [6].

В системно-структурной научной парадигме, описанной Ф. де Соссюром, И. А. Бодуэном де Куртене, Ф. Ф. Фортунатовым, Л. Блумфильдом и другими, внимание исследователей сконцентрировалось на языке как системе, выяснялись свойства единиц системы, способы их организации [6].

В антропоцентрической парадигме объектом пристального внимания стал человек говорящий, после чего в фокус исследования попала ситуация коммуникации, мотивы её участников к общению. Это стимулировало развитие таких антропоцент-

рических направлений, как психолингвистика, прагмалингвистика, социоллингвистика, суггестивная лингвистика, экология языка и т. д. Модель коммуникации в рамках этой парадигмы включает общение по принципу «человек — текст — человек». Центральной проблемой для развития лингвистической науки была постановка вопроса, которая при крайнем упрощении звучала бы как «язык для человека». Человек рассматривался не как *homo sapiens*, а как *homo loquens* — человек говорящий. Теория коммуникации видит язык как среду обитания человека, прагмалингвистика считает язык орудием человека для достижения своих целей. Направление экологии языка рассматривает язык как способ создания психологического комфорта или дискомфорта человека при общении с миром. А мир меняется в сторону общения с машиной. Целью данной статьи является проследить тенденции использования цифровых методов в лингвистике, а также фактов опосредованной (цифровой) коммуникации в качестве объекта лингвистических исследований.

Постановка проблемы. Современная ситуация коммуникации всё чаще задействует цифровые технологии [3; 18; 19]. В последнее время наличие этих технологий становится необходимым условием для осуществления научной коммуникации: электронные книги, онлайн-журналы и газеты, дистанционная работа и обучение делают коммуникацию опосредованной [9]. Модель коммуникации изменяется, её основой становится опосредованность коммуникации «человек — машина — текст», о чём писал ещё В. А. Звегинцев, ссылаясь на своего предшественника Дж. Бернарда: «...счётные устройства и их коды могут материально воплотить

человеческую мысль в совершенно новые формы, в какой-то мере заменить язык» [7, с. 17]. Исследователи говорят о новой форме коммуникации «человек — машина», которая отличается от коммуникации «человек — человек». Исходя из этого, полагаем, что введение текста в эту модель перспективно, поскольку отражает коммуникацию именно на текстовом уровне. Необходимы дополнительные исследования для определения, возможна ли при этом коммуникация на дискурсивном уровне.

Присутствие машины в этой модели выполняет как функцию передачи информации, так и функцию её трансформации. И эта трансформация имеет достаточно широкое поле вариативности: от формы (озвучивание текста машинным способом, печать звукового текста, креолизация текста и т. д.) до содержания (изменение сути сообщения). Актуальным становится различие факта, фактоида и фейка, как указывается в работах В. И. Карасика [8] и А. В. Николаевой [14].

Особое значение имеет визуализация информации в цифроцентрической парадигме: если сравнительно-историческое языкознание в принципе не ставило такую проблему — все изучающиеся тексты рассматривались как вербальная последовательность знаков, то антропоцентрическое направление стало включать визуальный образ в этот текст. В исследовании Е. А. Артёмовой, например, исследуется карикатура в политическом дискурсе [1], а в работе Е. В. Козлова объектом изучения стал комикс [10]. Цифроцентрическая парадигма акцентирует присутствие визуального компонента в коммуникации и подчёркивает его значимость. Например, в коммуникации посредством программ-мессенджеров (Viber, WhatsApp и т. д.) многие коммуниканты используют эмодзи, которые передают как эмотивную, так и фактуальную информацию. Так, в исследовании Sampietro [29] изучается межличностное общение через WhatsApp и указывается, что эмодзи используются для усиления эффекта речи или сглаживания высказывания, а также активно используются в поздравлениях, пожеланиях и извинениях. По версии словаря Oxford Dictionary в 2015 г. словом года стала пиктограмма эмодзи «Face with Tears of Joy», что свидетельствует о вхождении визуального образа в коммуникацию на современном этапе развития науки [<https://languages.oup.com/word-of-the-year/2015>].

Креолизованный элемент появился во многих дискурсах. В учебном дискурсе он функционально

уместен [27], как и в цифровом [25]. При возникновении новых жанров идёт тенденция к креолизации текстов. Так, в жанре блога, возникшего с появлением социальных сетей, каждый текст (пост) состоит из визуального компонента (фотографии, видеосюжета или рисунка) без подписи, или креолизованного (мема, фотографии и подписи, фотографии и текста к ней). Вербальный текст может синтезироваться в картинку (рис. 1), или текст может следовать за изображением, составляя единое сообщение (рис. 2).

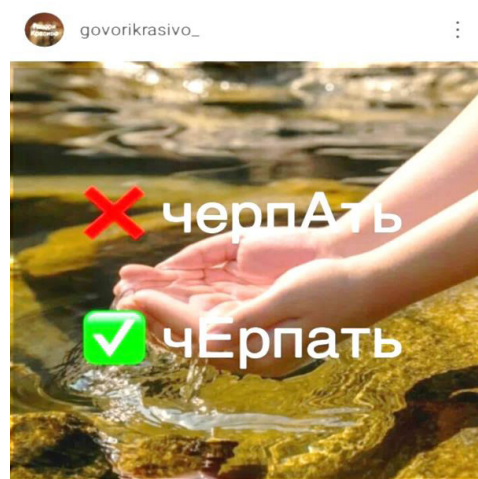

Рис. 1. Креолизованный текст с синтезированием сообщения в невербальный элемент

Рис. 2. Креолизованный текст с несинтезированным вербальным сообщением

Рис. 1 представляет собой один из постов блога о грамотности речи, где предлагаются вариан-

ты правильного, нормированного произношения или написания слов, а также частотные ошибки. На рис. 1 изображается действие — зачерпывание воды, которое сопровождается двумя вариантами: верным и неверным. Галочка и крестик маркируют верный и неверный варианты произношения, в данном случае — постановки ударения в слове. Изображение (невербальная часть) обращается к первой сигнальной системе, предлагая читателю подумать, как бы он обозначил это действие. Вербальная часть текста предлагает возможные варианты и невербальными элементами (условными обозначениями — галочка или крестик) отмечает верное и неверное произношение.

Рис. 2 представляет собой пост профессионального блогера-фотографа, работающего в высококачественных журналах (например, National Geographic). Он снабжает свои посты описанием местности, которую можно увидеть на фотографии, иногда — сообщением фактов истории этого места. Вербальный текст служит для привлечения внимания читателя, а также выполняет информирующую и эмотивную функции. Автор много путешествует и ведёт дневниковые записи своих путешествий, в которых креолизованный (невербальный) элемент несёт ряд функций: информирующую, аттрактивную, имиджевую. Выбираются точные ракурсы, говорящие о высоком профессионализме автора фотографий и блога.

Таким образом, невербальный элемент креолизованного текста служит связью сообщения с окружающим миром, восприятие мира связывается с текстом.

Метод. Количество работ, имеющих материалом исследования цифровые тексты, очень велико. Обозначим здесь основные направления этих исследований: медийный дискурс изучается на материале текстов сети Интернет и телевизионных материалов [15]; исследуется виртуальный дискурс и новые модели коммуникации в рамках этого дискурса [12]. Новостной дискурс предлагает телевидение, YouTube и Интернет в качестве источника фактического материала [2; 4; 5], начался процесс «медиализации науки», тесно связанный с цифровизацией медийной сферы [17], создание искусственного интеллекта (AI).

Посвящённые концептам исследования, которые относятся к антропоцентрической парадигме, используют компьютерные (цифровые) методы анализа: рассматриваются корпуса, позволяющие сделать выборку примеров более разносторонней, объёмной и достоверной [20; 22]. Дело не только

в том, что подавляющее число информации переходит в цифровой формат, а то, что этот формат даёт исследователям: обработка больших данных, работа с корпусами в областях лексикографии и лингвоконцептологии, создание цифровых технологий в области переводоведения и практики перевода. А. В. Плунгян справедливо полагает, что современные качественные исследования делаются с корпусами, используя гораздо большее количество примеров, чем раньше, что позволяет сделать более качественные выводы [16]. Наблюдается использование цифровых технологий и методов как обязательное подтверждение качества и скорости исследования.

В настоящее время появляются новые технологии компьютерной обработки текста в рамках мощного направления NLP (Natural Language Processing). Машинные переводчики нового поколения стали гораздо качественнее, в настоящее время они охватывают большое количество языков (Google-переводчик сейчас поддерживает 108 языков) [21] и содержат значительное количество терминологии разных профилей. Кроме этого, программы выходят на уровень автоматической трансформации текста: саммаризации, реферирования и адаптивирования (например, <http://rewordify.com/index.php> и <https://www.simplish.org/>). Возможности этих программ постоянно совершенствуются, и к настоящему моменту они достигли значительного уровня качества, что видно по экспериментам в работах R. Bhargava и др. (2020), M. Moradi (2018), J. Zheng и др. (2019) [23; 26; 30]. Если первые компьютерные программы предлагали саммаризацию на уровне только выискивания наиболее значимых предложений (extractive summarization), как описано в работе M. Сао и др. (2020) [24], то программы последнего поколения суммируют основные мысли в тексте на основе семантических анализаторов (abstractive summarization), что показано в публикациях J. Zheng и др. [30]. Создана программа CIBS, реферирующая тексты по медицинской тематике на основе синтактико-семантического анализа предложений [26]. Перечисленные выше исследования преследуют цель изучить механизмы построения и преобразования текстов на естественном языке и создать повторяющую их компьютерную модель в цифровом формате.

Цифровая коммуникация предлагает свои методы исследования как для прикладной, так и для фундаментальной лингвистики. Обширный фактический материал, доступный благода-

ря компьютерной обработке, делает исследование более достоверным и качественным.

Цифровая коммуникация как объект лингвистического исследования. Цифровая коммуникация стала объектом разных дисциплин, среди которых философия, социология, психология, экономика и т. д. Цифровой формат общения вносит свои изменения в привычные рамки. Лингвистика и теория коммуникации рассматривают специфические условия коммуникации, меняющие среду общения людей при появлении в этой среде компьютерных технологий.

Цифровая природа текста в любом дискурсе обуславливает ряд характеристик этого текста и специфику его функционирования. Во-первых, это *скорость* его распространения и, соответственно, *массовость* его передачи. В медийной коммуникации особенно остро стоит вопрос популярности источника информации, которая исчисляется количеством читателей/подписчиков.

Во-вторых, *объём* цифровых текстов имеет тенденцию к увеличению. Люди больше пишут: личное общение замещается перепиской в мессенджерах, растёт количество научных и профессиональных журналов, новостной дискурс также наращивает объёмы. Создание гипертекстов в цифровой коммуникации происходит проще и чаще, чем в нецифровой. Это означает, что, в-третьих, цифровой текст часто может характеризоваться *нелинейностью*, хотя это необязательное условие. Чтение одной статьи переходит в чтение другой статьи благодаря системе гиперссылок. Читатель следует в чтении не тексту, а своей мысли, переключаясь от одного текста к другому. Марк Пренски ввёл термины “*Digital Native*” и “*Digital Immigrant*” (которые теперь вошли в Oxford English Dictionary) для обозначения людей, которые родились в эпоху цифровой коммуникации и воспринимают её как свою естественную среду, и людей, которые воспитывались в доцифровую эпоху. М. Пренски отмечает разницу в мыслительных процессах таких людей [28].

В-четвёртых, *высокая вариативность* одного факта в разных источниках информации. Это означает, что один и тот же факт (событие, интервью и т. д.) может излагаться разными источниками, и чем значительнее этот факт для широких масс, тем большее количество источников его могут освещать. Такое явление наблюдается при освещении политических новостей, крупных спортивных событий (мировые матчи, Олимпиада и т. д.). Высокая вариативность информации бывает следствием

интертекстуальности, которая присуща цифровой коммуникации, где сильны межтекстовые связи за счёт тегов.

В-пятых, поскольку наблюдается огромный прирост текстов во всех сферах деятельности человека (как научной, так и профессиональной и межличностной), то, чтобы привлечь внимание к своему тексту, авторы прибегают к использованию *креолизации*. Чтение лекций в сопровождении презентации воспринимается как норма научной коммуникации, что знаменует прочное вхождение креолизованных текстов в ранее исключительно вербальный (не визуальный) дискурс. В-шестых, *виртуальное пространство как новая среда коммуникации* устанавливает новые формы и способы коммуникации, которые становятся объектом лингвистического исследования, как это показано в работе О. В. Лутовиновой. Полностью поддерживаем точку зрения автора, считающей, что Интернет обуславливает новый тип отношений, а значит — и коммуникации [11]. Особый статус приобретает адресат в цифровой коммуникации: у цифровой статьи или поста есть возможность комментирования и диалога автора с читателем или читателей между собой. Так, у цифрового текста проявляется особая перлокуция в виде последующих рефлексивных коммуникативных актов.

Если ранее отмечали воздействие языка на человека, то теперь отмечается воздействие цифровых технологий: создание фейковых новостей, мгновенное распространение информации по всему миру через социальные сети, увеличение общения через социальные сети, меняющее тип мышления людей.

Выводы. Отмечается, что самые яркие и значимые результаты исследования сейчас достигаются на стыке наук, в лингвистике открытия совершаются на стыке фундаментальной и прикладной науки. Это происходит в силу задействования компьютерных методов обработки данных и создания разнообразных компьютерных программ, позволяющих обратить новый взгляд на привычные вещи и получить более точные результаты. Кроме того, цифровая коммуникация предстаёт как новый объект исследования коммуникационных процессов, где каждый объект процесса (коммуниканты, ситуация общения, код, способ передачи сообщения) получает другое осмысление.

Становление новой научной парадигмы не проявляется одномоментно, это достаточно длительный процесс, в течение которого происходит аккумуляция данных и методов исследования, часто

затрагивая сферы более чем одной науки (мы наблюдали это в антропоцентрической парадигме). Полагаем, что компьютерные методы обработки и хранения языкового материала достаточно прочно укрепились в лингвистике, мы становимся свидетелями экспансии виртуальной коммуникации во всех сферах. Изучая язык и его функциониро-

вание, уже невозможно игнорировать его виртуальную ипостась.

Цифровизация меняет не только лингвистику, но и множество других областей знания, а также сфер деятельности человека. Цифра трансформирует среду обитания человека, который из *homo loquens* превращается в *homo digital*.

Список литературы

1. Артёмова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
2. Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика : автореф. дис... канд. филол. наук. Омск, 2014.
3. Бабенко О. В., Курмаева И. И., Рахимбирдиева И. М. Языковые тенденции в виртуальном пространстве на примере русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). Ч. 2. С. 282–288.
4. Баженова Е. Ю. Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах британских СМИ (на материале качественных интернет-газет) : автореф. дис... канд. филол. наук. Благовещенск, 2014.
5. Воротникова Ю. С. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ : автореф. дис... канд. филол. наук. — СПб., 2005.
6. Гируцкий А. А. Общее языкознание : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Тетрасистемс, 2001. 303 с.
7. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 336 с.
8. Карасик В. И. Фактоиды как лингвокультурное явление // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 21–30.
9. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М. : Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
10. Козлов Е. В. Коммуникативность комикса в текстуальном и семиотическом аспектах : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
11. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.
12. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Перемена, 2009. 477 с.
13. Муромцев В. В., Муромцева А. В. Особенности социализации личности в условиях современных виртуальных коммуникаций // Философские науки. 2012. № 9. С. 127–133.
14. Николаева А. В. Языковые особенности фейковых публикаций // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 55–59.
15. Оломская Н. Н. Когнитивно-прагматические и социокультурные основы коммуникации в дискурсах медиапространства (на материале английского и русского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2017. 419 с.
16. Плунгян А. В. Корпусная лингвистика : видеолекция. Постнаука. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ico0zGpiBzc>
17. Покотыло М. В. Медиализация науки — проблемная или перспективная зона для научных коммуникаций? // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации : материалы VII Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Ростов-на-Дону : РГУПС, 2019. С. 278–285.
18. Рубцова Е. В. Функциональный анализ цифровой коммуникации // Региональный вестник. 2018. № 4. С. 15–17.
19. Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сборник научных статей и материалов международной конференции. М., 2018. 452 с.
20. Щипицина Л. Ю. Информационные технологии в лингвистике : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2013. 126 с.

21. В Google Translate впервые за 4 года добавили 5 новых языков // Интерфакс. 2020. 27 февраля. URL: <https://www.interfax.ru/world/696897>
22. Andersen G. A corpus study of pragmatic adaptation: The case of the Anglicism [jobb] in Norwegian // *Journal of Pragmatics*. 2017. № 113. P. 127–143. doi:10.1016/j.pragma.2016.12.015
23. Bhargava R., Sharma Y. Deep Extractive Text Summarization // *Procedia Computer Science*. 2020. № 167. P. 138–146. doi:10.1016/j.procs.2020.03.191
24. Cao M., Zhuge H. Grouping sentences as better language unit for extractive text summarization // *Future Generation Computer Systems*. 2020. № 109. P. 331–359.
25. Gladkaya N. V. Logoepestisms in Creolised Texts of Internet Discourse // *Vestnik RUDN. Linguistics*. 2017. № 21 (2). P. 424–437.
26. Moradi M. CIBS: A biomedical text summarizer using topic-based sentence clustering // *Journal of Biomedical Informatics*. 2018. Vol. 88. P. 53–61.
27. Platonova Iu., Tarasova E., Golubinskaya A. Creolized Text as a Form of Modern Educational Discourse // *Worldwide trends in the development of education and academic research, 15–18 June 2015*. In *Proceedings — Social and Behavioral Sciences*. 214. P. 788–796.
28. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants, Part II: Do They Really Think Differently?* // *On the Horizon*. NCB University Press. 2001. Vol. 9, № 6. URL: https://marcprensky.com/writing/Prensky-Digital_Natives_Digital_Immigrants-Part2.pdf
29. Sampietro A. Emoji and rapport management in Spanish WhatsApp chats // *Journal of Pragmatics*. 2019. № 143. P. 109–120.
30. Zheng J., Zhao Z., Song Z., Yang M., Xiao J., Yan X. Abstractive Meeting Summarization by Hierarchical Adaptive Segmental Network Learning with Multiple Revising Steps // *Neurocomputing*. 2019. Vol. 378. № 22. P. 179–188.

Сведения об авторе

Первухина Светлана Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры мировых языков и культуры, Донской государственной технической университет. Ростов-на-Дону, Россия. s_pervuhina@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 73–80.*

DIGITAL-CENTRIC SCIENTIFIC PARADIGM IN LINGUISTICS: PRESENT OR FUTURE?

S.V. Pervukhina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. s_pervuhina@mail.ru

The article considers modern trends in the development of linguistics, reflecting digital culture. It is proved that these tendencies lead to a new scientific paradigm that is a digital centric linguistic paradigm. A consistent analysis of the trends in the choice of material for research in the field of linguistics, as well as methods of linguistic research and methods of presentation of scientific thought, is carried out. It is highlighted that there occurred new tendencies of visualization of information and text creolization. The author describes digital communication as an object of linguistic research, its characteristic features receive close scrutiny. It is concluded that the communication model changes when it is included in the digital environment, the differences between this model and the traditional one are underlined.

Keywords: *digital communication, virtuality, Internet communication, scientific paradigm, creolized text.*

References

1. Artemova, E.A. (2002) *Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa* [Caricature as a genre of political discourse. Thesis]. Volgograd. [in Russ.].
2. Atyagina, A.P. (2014) *Twitter kak novaja diskursivnaja praktika* [Twitter as a new discursive practice. Abstract of thesis.]. Omsk. [in Russ.].

3. Babenko, O.V., Kurmaeva, I.I., Rakhimbirdieva, I.M. (2018) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice], no. 11 (89), part 2, pp. 282–288. [in Russ.].
4. Bazhenova, E.Yu. (2014) *Diskursivnye strategii predstavlenija informacii v novostnyh tekstah britanskikh SMI (na materiale kachestvennyh internet-gazet)* [Discursive strategies for presenting information in the news texts of the British media (based on high-quality online newspapers) Abstract of thesis.]. Blagoveshchensk. [in Russ.].
5. Vorotnikova, Yu.S. (2005) *Realizacija novostnogo diskursa v jelektronnyh anglojazychnyh SMI* [Realization of news discourse in electronic English-language media. Abstract of thesis.]. St. Petersburg. [in Russ.].
6. Girutsky, A.A. (2001) *Obshee jazykoznanie* [General linguistics]. Textbook for university students. Moscow. 303 p. [in Russ.].
7. Zvegintsev, V.A. (2007) *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Moscow. 336 p. [in Russ.].
8. Karasik, V.I. (2017) *Politicheskaja lingvistika*. [Political Linguistics], no3 (63), pp. 21–30. [in Russ.].
9. Krasnykh, V.V. (1998) *Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'* [Virtual reality or real virtuality]. Moscow. 352 p. [in Russ.].
10. Kozlov, E.V. (1999) *Kommunikativnost' komiksa v tekstual'nom i semioticheskom aspektah* [Communicative comic in the textual and semiotic aspects. Thesis]. Volgograd. 235 p. [in Russ.].
11. Lutovinova, O.V. (2008) *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Gercena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after Herzen], no. 71, pp. 58–65. [in Russ.].
12. Lutovinova, O.V. (2009) *Lingvokul'turologicheskie karakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguocultural characteristics of virtual discourse]. Volgograd. 477 p. [in Russ.].
13. Muromtsev, V.V., Muromtseva, A.V. (2012) *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], no. 9, pp. 127–133. [in Russ.].
14. Nikolaeva, A.V. (2019) *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], no. 3 (18), pp. 55–59. [in Russ.].
15. Olomskaya, N.N. (2017) *Kognitivno-pragmaticheskie i sociokul'turnye osnovy kommunikacii v diskursah mediaprostranstva (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov)* [Cognitive-pragmatic and sociocultural foundations of communication in the discourses of the media space (based on English and Russian languages). Thesis]. Krasnodar. [in Russ.].
16. Plungyan, A.V. *Korpusnaja lingvistika* [Corpus linguistics]. Video lecture. Post-science. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ico0zGpiBzc> [in Russ.].
17. Pokotilo, M.V. (2019) *Medializacija nauki — problemnaja ili perspektivnaja zona dlja nauchnyh kommunikacij?* [Is the medialization of science a problem or promising area for scientific communications?] *Reklama i svjazi s obshhestvennost'ju: tradicii i innovacii*. [Advertising and public relations: traditions and innovations]. Part 1. Materials 7th International scientific and practical conf. Rostov-on-Don. Pp. 278–285. [in Russ.].
18. Rubtsova, E.V. (2018) *Regional'nyj vestnik* [Regional Bulletin], no. 4, pp. 15–17. [in Russ.].
19. *Cifrovoe obshhestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitija cheloveka*. Sbornik nauch.statej i matlov mezhdunar.konf. [Digital society as a cultural-historical context of human development. Collection of scientific articles and materials of the international conference]. Moscow, 2018. 452 p. [in Russ.].
20. Schipitsina, L.Yu. (2013) *Informacionnye tehnologii v lingvistike* [Information technology in linguistics]. Tutorial. Moscow. 126 p. [in Russ.].
21. For the first time in 4 years, 5 new languages have been added to Google Translate. Available at: <https://www.interfax.ru/world/696897> (available 06/26/2020) [in Russ.].
22. Andersen, G. (2017). A corpus study of pragmatic adaptation: The case of the Anglicism [jobb] in Norwegian. *Journal of Pragmatics*, no. 113, pp. 127–143. doi:10.1016/j.pragma.2016.12.015
23. Bhargava, R., Sharma, Y. (2020). Deep Extractive Text Summarization. *Procedia Computer Science*, no. 167, pp. 138–146. doi:10.1016/j.procs.2020.03.191
24. Cao, M., Zhuge, H. (2020). Grouping sentences as better language unit for extractive text summarization. *Future Generation Computer Systems*, no. 109, pp. 331–359.
25. Gladkaya, N.V. (2017) *Vestnik RUDN. Linguistics*, no. 21 (2), pp. 424–437.
26. Moradi, M. (2018). *Journal of Biomedical Informatics*, vol. 88, December, pp. 53–61.

27. Platonova, Iu., Tarasova, E., Golubinskaya, A. (2015). Creolized Text as a Form of Modern Educational Discourse. Worldwide trends in the development of education and academic research, 15–18 June 2015. In *Proceedings — Social and Behavioral Sciences*. 214. Pp. 788–796.
28. Prensky, M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants, Part II: Do They Really Think Differently? *On the Horizon*. NCB University Press, vol. 9, no. 6. Available at: https://marcprensky.com/writing/Prensky-Digital_Natives,_Digital_Immigrants-Part2.pdf
29. Sampietro, A. (2019). Emoji and rapport management in Spanish WhatsApp chats. *Journal of Pragmatics*, no. 143, pp. 109–120.
30. Zheng, J., Zhao, Z., Song, Z., Yang, M., Xiao, J., Yan, X. (2019). Abstractive Meeting Summarization by Hierarchical Adaptive Segmental Network Learning with Multiple Revising Steps. *Neurocomputing*, vol. 378, 22 February 2020, pp. 179–188.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ПРОФЕССОРОВ-ФИЛОЛОГОВ (на материале текстов академического дискурса)

Е. И. Петрова, Т. Е. Токарева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Методом объективного прагмалингвистического эксперимента исследовалось речевое поведение немецких профессоров-филологов по речевой стратегии скрытого воздействия «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии», описаны фрагменты их речевых портретов и диагностированы их индивидуальные и стереотипные черты, отражающиеся в создаваемых ими текстах академического дискурса.

Ключевые слова: *речевое поведение, речевой портрет, стратегии скрытого воздействия, скрытая прагмалингвистика, академический дискурс.*

С развитием антропоцентрической парадигмы фокус исследования переместился с чисто лингвистических явлений на функционирование языка в системе живого общения. Явления языка стали рассматривать не только в рамках формальной и стройной языковой системы, но и как бы «сквозь» человека, его намерения и интенции. Это привело к развитию такой лингвистической дисциплины, как прагмалингвистика, в сферу интересов которой входит изучение явлений, присущих исключительно человеку. Среди таких явлений важное место занимают феномены речевой деятельности и речевого поведения коммуникантов. Исследовательский интерес сосредоточен в настоящее время на изучении языка разных социальных групп с точки зрения выявления и анализа их стереотипных, а также индивидуальных черт. Не менее актуальным представляется функционирование языка в рамках различных дискурсов, которые накладывают свой отпечаток на выбор языковых средств отправителем текста.

Целью настоящей статьи является исследование речевого поведения немецких профессоров-филологов, составление речевого портрета и диагностирование их личностных качеств в рамках академического дискурса.

Понятие «дискурс» на сегодняшний день является одним из центральных для теоретического языкознания. В 1970-х гг. данный термин трактовался как последовательность речевых актов, связанный текст. Одно из фундаментальных определений дискурса принадлежит Н. Д. Арутюновой: дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и други-

ми факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [1, с. 136].

Классическое определение дискурса принадлежит также Т. ван Дейку, который предложил рассмотрение дискурса в широком и узком смысле. В широком смысле под дискурсом понимается коммуникативное действие — комплексное коммуникативное событие, протекающее между говорящим и слушающим/наблюдателем при определённых временных, пространственных и пр. условиях; в узком смысле дискурс определяется как продукт коммуникативного действия, который может быть завершённым или продолжающимся, — текст или разговор. При этом учёный разграничивает понятия «дискурс» и «текст», указывая на то, что дискурс — это произносимый здесь и сейчас или уже произнесённый текст, а текст как таковой — это отвлечённая грамматическая структура произносимого текста, касающаяся системы языка или формальных лингвистических знаний [2, с. 203].

Структура дискурса предполагает наличие двух сторон — адресанта и адресата. В связи с этим процесс речевого общения может рассматриваться с двух позиций: с точки зрения процесса порождения дискурса и с точки зрения его восприятия.

Разрабатывая классификацию дискурсов, А. А. Кибрик в качестве одного из критериев выделяет категорию формальности, которая базируется на характере социальных взаимоотношений между коммуникантами [5]. Категорию формальности можно соотнести с оппозицией личностно-ориентированного (персонального) и статусно-ориентированного (институционального) дискурса

в работах В. И. Карасика. Персональный дискурс находит своё выражение в близком и доверительном общении двух людей, когда оба открывают друг другу свой внутренний мир, делятся личными переживаниями и мыслями. Персональный дискурс существует в двух разновидностях: бытовой дискурс, отличающийся наличием сокращённого кода общения, способствующего тому, что люди понимают друг друга с полуслова, и бытийный дискурс, спецификой которого становится «нахождение и переживание существенных смыслов, художественное и философское постижение мира». Институциональный дискурс, напротив, определяется как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [4, с. 193].

Важной особенностью институционального дискурса является тот факт, что его участники могут быть и не знакомы друг с другом лично, но обязательным условием для них является соблюдение норм и правил коммуникации, бытующих в конкретной социальной общности. Ядро любого институционального дискурса, по мнению учёного, составляет базовая пара коммуникантов — преподаватель и студент, учитель и ученик и т. д., а также чёткая цель коммуникации и прототипное место её осуществления (университет, школа и т. д.) [4, с. 195].

Одним из видов институционального дискурса является академический дискурс. Под академическим дискурсом понимается процесс и результат коммуникативного взаимодействия в сфере высшего образования. Цель академического дискурса — передача профессиональных знаний и умений, формирование методологических основ осмысления фактов действительности и подготовка специалистов высшей квалификации. Академический дискурс может быть описан и как особый тип межличностного взаимодействия адресанта и адресата, при котором адресант целенаправленно влияет на когнитивную сферу адресата для формирования системы профессиональных знаний и профессионального мышления [11, с. 132]. Ж. Кизендаль определяет академический дискурс как совокупность всех коммуникативных жанров, реализуемых в рамках вузов [17, с. 17].

Академический дискурс отличает ряд социолингвистических признаков, к которым Я. В. Зуб-

кова относит цель коммуникации, агентов, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [3, с. 32]. Целью академического дискурса выступает профессиональное педагогическое общение в вузе, в фокусе которого находится подготовка специалистов в определённой области. Участниками академического дискурса выступают агенты — преподаватели высших учебных заведений — и клиенты — студенты. Хронотопом выступает сочетание присущего этому дискурсу типового времени и места (период обучения студента в вузе, собственно учебное заведение, лекции, семинары, практические занятия и т. д.). Ценности академического дискурса совпадают с ценностями педагогического: это прежде всего социализация, в процессе которой индивид приобретает систему общекультурных ценностей и установок [4, с. 255].

Наличие двух стратегий — преподавателя и студента — является обязательным для академического дискурса и определяет его институциональный характер. Стратегии преподавателя встроены в образовательный процесс и направлены на его развитие и урегулирование. Стратегии преподавателя включают обучение, воспитание, контроль и оценивание [3, с. 31].

К. Хайленд в своей работе «Metadiscourse» выделяет ещё одну ключевую особенность академического дискурса, которая не упоминается в работах отечественных лингвистов, — состоятельность [16, с. 2]. Суть этого свойства академического дискурса заключается в том, что никакой исследователь не станет создавать свои научные труды, что называется, в пустоту. Ему необходимо внести свой вклад в рассмотрение той или иной научной проблемы, выразив своё отношение к уже существующим по этой теме исследованиям и предложив свою точку зрения.

Жанры академического дискурса отличаются следующими характерными особенностями: 1) использование научного и делового стиля; 2) названия жанров отражают наполняемость дискурсивных действий [3, с. 31]. К прецедентным текстам академического дискурса относятся как учебники и методические пособия, так и научные труды, которые и будут рассматриваться в настоящем исследовании.

В настоящее время учёных привлекает возможность изучения языковой личности, являющейся участником такого типа дискурса, и анализа её речевого поведения. В настоящей статье речевое поведение трактуется с позиции скрытой прагма-

лингвистики, изучающей актуализацию скрытых категорий языка. В рамках этого направления речевое поведение рассматривается как неосознаваемый отправителем текста выбор грамматических и контекстуальных категорий. Этот выбор определяется речевым опытом, который в результате многократных повторений уходит вглубь сознания и становится мгновенным, автоматическим и машинальным [6, с. 22]. Речевое поведение отправителя текста складывается из речевых поступков [10, с. 27–28]. Речевые поступки запечатлены в тексте в виде малых синтаксических групп, через которые также выражаются планы стратегий речевого воздействия [7, с. 6].

Для анализа речевого поведения немецких профессоров-филологов мы воспользовались методом объективного прагмалингвистического эксперимента. Основные положения этого эксперимента были сформулированы профессором Г. Г. Матвеевой для идентификации прагмалингвистических элементов речевого портрета автора и описания его индивидуальных личностных черт [6, с. 50].

Целью проведённого нами объективного прагмалингвистического эксперимента является анализ текстов немецких профессоров-филологов и составление на их основе фрагментов их прагмалингвистических речевых портретов, а также диагностирование их личностных качеств в рамках академического дискурса.

Мы исходим из того, что тексты разных дискурсов предъявляют определённые требования к их отправителям. Академический дискурс ограничивает отправителя текста в выборе речевых сигналов и сдерживает его определёнными жанровыми канонами. Если при создании текстов в рамках академического дискурса авторы на неосознаваемом уровне строят свои тексты с учётом этих норм и ожиданий актуализации речевых стратегий скрытого воздействия, то это отражается в их стереотипичном речевом поведении и его можно будет описать.

В то же время речевая привычка автора текста находит своё выражение в прецедентных текстах дискурса, что позволяет нам диагностировать не только жанровообусловленные, но и индивидуальные черты отправителя текста.

Объектом анализа выступают личностные качества отправителей текстов, диагностируемые на основе речевого опыта и речевой привычки, доведённой до автоматизма. Здесь имеет смысл сказать о выявлении нюансов смысла — имплицитно актуализируемых отправителем грамматических

и текстуальных речевых сигналов, которые, накапливаясь в сознании получателя, позволяют ему выявить его индивидуальные личностные свойства [9, с. 223]. С позиции скрытой прагмалингвистики эти нюансы смысла выступают скрытыми воздействующими речевыми стратегиями отправителя текста на его получателя.

Предметом исследования выступают речевые сигналы скрытого воздействия, актуализируемые отправителем из набора потенциально возможных. Речевые сигналы автора текста — индивидуальные. Речевые сигналы, актуализированные автором в определённом тексте, можно просчитать и зафиксировать в виде таблицы. Такая таблица выявляет речевые предпочтения конкретного автора и может быть названа его прагмалингвистическим речевым портретом.

Прагмалингвистический речевой портрет автора представляет «речевую палитру языковых предпочтений конкретного автора, актуализирующего в конкретном тексте набор планов речевых стратегий для скрытого воздействия на конкретного получателя в конкретной ситуации» [6, с. 87]. В речевом портрете всегда скрыта речевая привычка автора, которую можно обнаружить на основании речевых сигналов актуализации их грамматических форм [8, с. 66]. Речевая привычка, по мнению Г. Г. Матвеевой, формирует идиостиль автора и в значительной степени помогает описать его реальный речевой портрет.

Материалом проведённого исследования послужили научные статьи, объединённые не только общей тематикой — особенностями интернет-коммуникации, но и экстралингвистическими параметрами. Все авторы статей мужчины одной возрастной группы (возраст на момент написания статьи — 55–65 лет). Авторы статей — авторитетные учёные, обладающие докторской степенью. Из шести скрытых воздействующих стратегий отправителя текста на получателя, описанных профессором Г. Г. Матвеевой [8], для анализа статей немецких профессоров-филологов мы воспользовались эмотивно-ориентированной стратегией «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии». Эта стратегия связана с отправителем текста и актуализируется в тексте в одном из трёх речевых планов: личном, социальном или предметном.

Каждый план выбранной нами стратегии имеет набор определённых речевых сигналов, и конкретный автор реализует в конкретном тексте речевые сигналы исходя из своего личного речевого опыта.

Выбранные для анализа статьи мы поделили на малые синтаксические группы (МСГ). Малая синтаксическая группа представляет собой актуализированную предикативную единицу и является единицей исследования в скрытой прагмалингвистике. К МСГ относят группы с финитными и нефинитными формами глагола [7, с. 76]. В каждой МСГ реализован речевой поступок, который формирует речевые планы и стратегии. У каждого автора было выбрано по 500 МСГ. Общее количество проанализированных МСГ у пяти авторов составило 2 500. Мы провели подсчёт актуализированных речевых сигналов стратегии скрытого воздействия по трём планам. Полученные данные приведены в таблице.

В таблице представлены данные по каждому из трёх планов-вариантов стратегии: МСГ каждого плана, абсолютные речежанровые показатели в процентах, средний речежанровый показатель идентификации плана, а также допустимый шаг отклонения и доверительный интервал.

Для проанализированных нами текстов академического дискурса средний речежанровый показатель актуализации авторами личного плана составил 3,1 %, социального — 6,9 %, предметного — 90,1 %. Отклонения от доверительно интервала именно от этих показаний позволяют нам сделать выводы о текстах академического дискурса и диагностировать речевое поведение авторов.

Как видно из таблицы, личный план в наименьшей степени актуализирован у всех пяти авторов, что, на наш взгляд, коррелирует с особенностями тестов академического дискурса. Такие низкие показатели актуализации личного плана свидетельствуют о том, что автор исключает себя из по-

вестования с целью повышения объективности, создания непредвзятого отношения к происходящему. Значительное отклонение от верхней границы допустимого шага наблюдается лишь у одного из авторов — Уве Вирта (5,2 %). Это подчёркивает статус учёного, говорит о его уверенности, авторитарности и готовности нести ответственность перед научным сообществом или получателями текста за высказанное им мнение.

Перейдём к рассмотрению социального плана, при котором отправитель текста как бы косвенно «задействует» получателя. Социальный план используется авторами лишь в 6,9 % случаев. Наиболее ярко этот план актуализируется у Михаэля Дюрра (11,8 %). Это подчёркивает открытость учёного к диалогу с научным сообществом, а также с иными потенциальными получателями, готовность к критике, стремление «вовлечь» получателя в ход своих мыслей и предугадать его возможные соображения на этот счёт.

Остановимся на особенностях актуализации предметного плана. Приведённые в таблице данные показывают очень высокий показатель актуализации предметного плана во всех проанализированных статьях — 90,1 %. Доминирование предметного плана вполне объяснимо требованиями, предъявляемыми к текстам академического дискурса. Мы с полной уверенностью можем утверждать, что все авторы проанализированных нами текстов стремятся к максимально объективному и беспристрастному изложению научных сведений и результатов своих исследований. Они избегают субъективности и оценочности в своих высказываниях, что делает их работы точными и доказательными. Отклонения в большую сто-

Речевое поведение немецких профессоров-филологов по речевой стратегии скрытого воздействия «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии»

Автор	МСГ	Личный план		Социальный план		Предметный план	
		МСГ	%	МСГ	%	МСГ	%
Gundolf F. Freyermuth	500	9	1,8	8	1,6	483	96,6
Stefan Habscheid	500	13	2,6	51	10,2	436	87,2
Uwe Wirth	500	26	5,2	42	8,4	435	87,0
Jannis Androutopoulos	500	11	2,2	14	2,8	477	95,0
Michael Dürr	500	19	3,8	59	11,8	422	84,4
СРП	2500	78	3,1	174	6,9	2253	90,1
Шаг отклонения			1,1		3,8		4,6
Доверительный интервал			1,9–4,3		3,1–10,8		85,5–94,7

рону от допустимого шага в рамках предметного плана наблюдаются у Гундольфа Ф. Фрейермута (96,6 %) и Яниса Андрутсопулуса (95 %), что говорит о наиболее ярком проявлении черт непредвзятости и непредубеждённости у этих авторов. Они стремятся в большей степени, чем другие исследуемые нами авторы, дистанцироваться от выражения собственного «я» в научном тексте, поскольку приоритетной чертой научного стиля является объективность изложения научных фактов. Также на такой высокий процент акцентуации предметного плана могла, на наш взгляд, повлиять и лингвистическая традиция, сформированная Х. Вайнрихом, которая предписывает всем служителям науки запрет на авторизацию и любое проявление авторской индивидуальности [18, с. 132–138].

Значения данных актуализации авторами личного, социального и предметного планов к среднему речеванровому показателю свидетельствуют о речевом поведении, соответствующем нормам, предъявляемым к текстам рассматриваемого дискурса. Отклонения от среднего речеванрового показателя у разных авторов свидетельствует об их индивидуальности.

Также мы проанализировали палитру языковых предпочтений авторов при актуализации ими речевых планов-вариантов скрытой воздействующей стратегии «участия/неучастия коммуникантов в речевом событии».

При выборе личного плана стратегии наиболее характерно употребление страдательного залога, конструкций с глаголом *scheinen* и лексем со значением «приходится». Приведём конкретные примеры:

- Употребление страдательного залога с невыраженным агенсом:

Dabei ist natürlich auch von Interesse, <...> mit welchen kommunikativen Grundhaltungen die Äußerungen im Chat produziert und rezipiert werden [19, с. 68].

- Использование конструкций с глаголом *scheinen*:

Parallel zur rapide zunehmenden Anzahl von Onlinepublikationen scheint sich in dieser Phase das Begriffsverständnis eines E-Zines zu verändern [12, с. 103].

Nicht anders scheinen nun die Disruptionen der jüngeren Vergangenheit ... [14, с. 28].

Использование страдательного залога и конструкций с глаголом *scheinen* указывает лишь на косвенное присутствие речевого авторского

«я» в тексте. Это связано, очевидно, с тем, что на протяжении многих лет в немецкой научной культуре существовал запрет на прямое выражение авторской индивидуальности, поскольку цель науки — это трансляция универсального знания, а не самовыражение. Однако на сегодняшний день некоторые учёные используют эксклюзивное личное местоимение *ich* в начале или конце своих исследований для того, чтобы описать общую картину исследования, цели, задачи, интенции. Так, у Г. Фрейермута находим часть описания учёным этапов своего исследования: *Auf dieser doppelten Grundlage — der Einsicht in das technologische Potenzial digitaler Kommunikation wie in die soziale Dynamik ihrer bisherigen Nutzung — unternehme ich es dann, die Kommunikationspraxis des kommenden Jahrzehnts einzuschätzen. <...> Zunächst skizziere ich den Stand und unmittelbar anstehende Fortschritte von Hard — und Software* [14, с. 15].

- Использование лексем со значением «приходится»:

Auf Grund konservatorischer Rücksichten müssen oft zeit- und kostenaufwändige Digitalisierungsformen gewählt werden... [13, с. 140].

Рассмотрим языковые предпочтения актуализации социального плана. Анализ текстов показал, что авторы актуализируют преимущественно следующие виды речевых сигналов: неопределённо-личное местоимение *man*, придаточные условия или образа действия, предикативные конструкции типа «можно», «нужно», «важно» и т. д.:

- Использование неопределённо-личного местоимения *man*. Часто *man* используется в составе условных придаточных предложений с глаголами, означающими ментальные или чувственные процессы:

Das gilt erst recht, wenn man Theorien nicht auf ihre (annäherungsweise) Korrespondenz mit Tatsachen hin bewertet, sondern in konstruktivistischer Manier nach ihrer praktischen Brauchbarkeit im Rahmen bestimmter Problemstellungen [15, с. 47].

Insbesondere in der lateinischen Brieftheorie ist die Briefsituation dadurch ausgezeichnet, dass man sich „wechselseitig die Anwesenheit des Partners vorstellt“ [19, с. 73].

- Предикативные группы выражаются в текстах исследуемых авторов с помощью конструкций *sich lassen + Infinitiv*, *sein + zu + Infinitiv*, а также с помощью модальных глаголов в сочетании с пассивным инфинитивом, а также с агенсом, подразумевающим как отправителя, так

и получателя. Сюда же можно отнести конструкции типа *lesbar / sichtbar sein* и т. д.:

Dieses terminologische Problem lässt sich umgehen, indem man massenmediale Kommunikationsereignisse als Prozesse mehrerer, teils indirekt, teils Face-to-Face realisierter Semiosen auffasst ... [15, с. 53]

Bei Zeitschriften ist ein ähnlicher Druck zu beobachten [13, с. 135].

Weblogs, Indymedia und E-Zines werden eine Reihe von gemeinsamen Kennzeichen zugeschrieben, die hier stichartig zusammengefasst werden sollen ... [12, с. 106]

Qualität und Verlässlichkeit der im Internet publizierten Inhalte sind unterschiedlich und oft schwer einschätzbar [13, с. 141].

Использование речевых сигналов социального плана в текстах академического дискурса придаёт им кооперативный характер. Отправители вовлекают своих потенциальных получателей в ход собственных рассуждений, предвосхищая возможные вопросы со стороны последних и заранее давая на них ответы.

Проанализировав речевое поведение немецких профессоров-филологов, мы можем сделать следующие выводы:

1. Актуализация речевых планов скрытой воздействующей стратегии «участия/неучастия ком-

муникантов в речевом событии» определяется дискурсом, к которому относится текст. В текстах академического дискурса доминантным является предметный план, личный и социальный план отличаются низкими показателями. Это говорит о стремлении учёных к объективности и непредвзятости, но при этом свидетельствует об их готовности взаимодействовать с научным сообществом и потенциальными получателями.

2. Отклонения показателей актуализации внутри планов определяются индивидуальными особенностями авторов. Отклонения от доверительного интервала позволили нам диагностировать у некоторых авторов такие черты, как авторитарность, уверенность, стремление к максимально исчерпывающей объективности, открытость, с одной стороны, и стремление дистанцироваться — с другой. Таким образом, речевая привычка находит своё выражение в прецедентных текстах дискурса, что позволяет нам диагностировать не только жанровообусловленные, но и индивидуальные черты отправителя текста.

3. Языковые предпочтения автора зависят от конкретной ситуации общения, от речевого опыта коммуникантов и ограничены рамками дискурса, в котором делается сообщение.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 360.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
3. Зубкова Л. И. Конститутивные признаки академического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. С. 28–32.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
6. Матвеева Г. Г. Диагностирование личностных качеств человека по его речи. Ростов-на-Дону, 1998.
7. Матвеева Г. Г., Петрова Е. И. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи // Актуальные проблемы коммуникации : международный сборник научных трудов. М. ; Пятигорск, 2005. С. 66–72.
8. Матвеева Г. Г., Зюбина И. А. Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15, № 4. С. 63–68.
9. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. М., 2015.
10. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.
11. Шпенюк И. Е. Научно-академический дискурс как институциональный вид дискурса // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2016. № 4 (97). С. 132–137.
12. Androutsopoulos J. Onlinemagazine und Co. Publizistische Nischenangebote im Internet // Websprache. net Sprache und Kommunikation im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schobliniski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York, 2005. S. 98–131.
13. Dürr M. Onlinepublishing und die Zukunft des Buches // Websprache.net Sprache und Kommunikation

im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schoblinski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York, 2005. S. 132–158.

14. Freyermuth F. G. Der große Kommunikator. Soziale Konsequenzen von mediamerging und Transmedialisierung // Websprache.net Sprache und Kommunikation im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schoblinski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York, 2005. S. 15–45.

15. Habscheid S. Das Internet — ein Massenmedium? // Websprache.net Sprache und Kommunikation im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schoblinski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York, 2005. S. 46–66.

16. Hyland K. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles // Applied Linguistics. 1996. № 17 (4). P. 433–454.

17. Kiesendahl J. Status und Kommunikation. Ein Vergleich von Sprechhandlungen in universitären E-Mails und Sprechstundengesprächen. Erich Schmidt Verlag, 2011. 393 s.

18. Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache // Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1989. S. 119–159.

19. Wirth U. Chatten. Plaudern ohne Mitteln // Websprache.net Sprache und Kommunikation im Internet / hg. von Torsten Siever, Peter Schoblinski, Jens Ruhnkehl. Berlin; New York : de Gruyter, 2005. S. 67–84.

Сведения об авторах

Петрова Екатерина Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия. eipetrova@sfedu.ru

Токарева Татьяна Евгеньевна — студентка 2-го курса магистратуры, кафедра немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия. tattokareva95@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 81–88.*

SPEECH BEHAVIOR OF GERMAN PHILOLOGY PROFESSORS (Based on Texts of Academic Discourse)

E.I. Petrova

Institute of Philology, Journalistic and Cross Cultural Communication, Southern State University, Rostov on Don, Russia. eipetrova@sfedu.ru

T.E. Tokareva

Institute of Philology, Journalistic and Cross Cultural Communication, Southern State University, Rostov on Don, Russia. tattokareva95@gmail.com

In the article the stereotypical and individual features of speech portraits of German philologists are described based on the analysis of their speech behavior in the framework of academic discourse. The purpose of the article is to identify the pragmalinguistic elements of the author's speech portrait. An analysis of 2500 small syntactic groups containing speech signals of a personal, social, and subject plan of a speech strategy of the latent effect of "participation / non-participation of communicants in a speech event" has shown that, by creating texts in the framework of academic discourse, the authors take into account the unwritten norms and expectations of actualizing speech behavior within this discourse. However, despite the limitations that institutional types of discourses impose on the speech behavior of the senders of the text, the speech habit plays a crucial role in the formation of the speech portrait of a German philologist, in particular of his personality.

Keywords: *speech behavior, speech portrait, hidden impact strategies, hidden pragmalinguistics, academic discourse.*

References

1. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. Moscow. 360 p. [in Russ.].
2. Dejk, T.A. van. (1989) Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. Moscow. [in Russ.].

3. Zubkova, L.I. (2009) Konstitutivnye priznaki akademicheskogo diskursa [Constitutive features of the academic discourse]. Volgograd. [in Russ.].
4. Karasik, V.I. (2002) Yazykovojkrug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd. [in Russ.].
5. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanr i drugie parametry klassifikacii diskursov [Modus, genre and other discourse classification parameters]. Moscow. [in Russ.].
6. Matveeva, G.G. (1998) Diagnostirovanie lichnostnyh kachestv cheloveka po ego rechi [Determination of personal qualities of a person by his speech]. Rostov on the Don. [in Russ.].
7. Matveeva, G.G., Petrova, E.I. (2005) Rehevaya deyatel'nost' i rechevoe povedenie kak sostavlyayushchie rechi [Speech activity and behavior as the basis of a speech portrait]. Pyatigorsk. [in Russ.].
8. Matveeva, G.G. (2016) Rehevaya privychka kak osnova rechevogo portreta govoryashchego (na material britanskogo politicheskogo diskursa) [Speech habit as the basis of a speaker (based on British political discourse)]. Volgograd. [in Russ.].
9. Matveeva, G.G. (2015) Osnovy pragmalingvistiki [The basics of pragmalinguistics]. Moscow. [in Russ.].
10. Formanovskaya, N.I. (2015) Rechevoj etiket i kul'tura obshcheniya [Speech etiquette and communication culture]. Moscow. [in Russ.].
11. Shpenyuk, I.E. (2016) Nauchno-akademicheskij diskurs kak institucional'nyj vid diskursa [Scientific and academic discourse as an institutional form of discourse]. Gomel. [in Russ.].
12. Androutsopoulos, J. (2005) Onlinemagazine und Co. Publizistische Nischenangebote im Internet [Online magazines & Co. nicheoffers in the Internet]. Berlin, New York. (In German).
13. Dürr, M. (2005) Onlinepublishing und die Zukunft des Buches [Online publishing and the future of a book]. Berlin, New York. (In German).
14. Freyermuth, F.G. (2005) Der große Kommunikator. Soziale Konsequenzen von mediamerging und Transmedialisierung [The great communicator. Social consequences of media merging and transmedialization]. Berlin, New York. (In German).
15. Habscheid, S. (2005) Das Internet — ein Massenmedium? [The Internet — a mass medium?]. Berlin, New York. (In German).
16. Hyland, K. (1996) Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. Oxford. (In English).
17. Kiesendahl, J. (2011) Status und Kommunikation. Ein Vergleich von Sprechhandlungen in universitären E-Mails und Sprechstundengesprächen [Status and Communication. Comparative studies of speech activities in e-mails and at consultations in universities]. Berlin. 393 p. (In German).
18. Weinrich, H. (1989) Formen der Wissenschaftssprache [The forms of the scientific language]. Berlin. (In German).
19. Wirth, U. (2005) Chatten. Plaudern ohne Mitteln [Chatting without devices]. Berlin, New York. (In German).

ЭРГОНИМЫ В СОВРЕМЕННОМ ЛОКАЛЬНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ (на материале названий парикмахерских)

С. А. Питина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Проанализированы универсальные характеристики и национально-культурные особенности названий парикмахерских Челябинска. Креативность в рассматриваемых эргонимах проявляется в создании гибридных транслитерированных или переданных в оригинальной форме иностранных неймов. В названиях парикмахерских представлены полные и сокращённые антропонимы, идентифицирующие профессиональные неймы, заимствования, оправданно и не всегда оправданно используемые прецедентные имена и феномены, неоднозначные ироничные названия.

Ключевые слова: эргоним, универсальные характеристики, национально-культурные особенности, креативность.

Введение. Рассматриваемая область лингвистики повседневности является одной из составляющих лингвистического ландшафта, репрезентируя актуальную для всех сферу услуг: индустрию красоты. Анализ и систематизации выявленных номинаций на основе общих номинативных характеристик и национально-культурной специфики посвящена данная работа. В исследовании на новом эмпирическом материале продолжено изучение эргонимов в современном локальном лингвистическом ландшафте, в котором реализуются основные тенденции номинации эргонимов.

В качестве иллюстративного материала в работе проанализировано 1318 названий парикмахерских Челябинска, что позволило выявить универсальные и уникальные тенденции номинации коммерческих организаций сферы красоты.

Исследуемые эргонимы входят в состав урбанонимов как открытая подсистема меняющихся под влиянием языковой моды микротопонимов, отражая состояние языка на уровне лингвистики повседневности.

Особенности современного нейминга детально рассматриваются в работах М. В. Голомидовой, О. С. Иссерс [2; 3], И. В. Крюковой [4; 5], Е. С. Самсоновой [7], Н. В. Шимкевича [9] и др. отечественных учёных. Интересен подход М. В. Голомидовой к исследованию проблем современного локального нейминга, который основывается на корреляции с интегральным образом города [1, с. 185–203]. Лингвистический ландшафт (термин ввели Лэндрт и Борхис в 1997 г.) анализируется в трудах П. Бакхауса [10], Д. Гортера [11] и многих других

зарубежных учёных. Так, мультилингвальное городское пространство изучается Д. Гортером как актуализация социальной мультилингвальности [11, с. 190].

В эргонимах отражены ценностные культурные представления этносоциумов, обусловленные не только особенностями языковых систем, но и спецификой культуры [8], поэтому их социолингвистический и лингвокультурологический анализ представляется актуальным для понимания как общих механизмов топообразования, так и для выявления специфики регионального сознания.

Выбор материала для исследования можно объяснить следующими причинами:

1. Эргонимы являются открытой к изменениям и менее устойчивой составляющей городского ономастикона.

2. Эргонимы в сфере индустрии красоты подвержены иноязычному влиянию. Для привлечения клиентов создаются гибридные и неассимилированные иностранные неймы.

3. Креативные неймы частотны для названий парикмахерских.

Отметим, что перечисленные особенности эргонимов характерны для названий магазинов, кафе, ресторанов и др.

Неймы-имена собственные и нарицательные. Около 40 % названий парикмахерских представлены антропонимами. Среди них встречаются полные и сокращённые имена собственные, названия с именем и фамилией владельца коммерческой организации. Антропонимы в изучаемых неймах репрезентированы в основном женскими именами,

обнаружено всего 5 мужских имён: *Мишель, Алекс, Кеша* (имя попугая используется в названии парикмахерской для детей и взрослых, представленном предложением *Кеша хороший*) и прецедентные имена *Лель* и *Руслан* в сохранившемся с советского периода названии парикмахерской *Руслан и Людмила*. Многочисленные женские имена включают в себя как полные: *Александра, Анастасия, Виктория, Ева, Инга, Лилия, Марина, Мария, Надежда, Рая, Яна*, так и сокращённые антропонимы: *Катюша, Маргаритка, Маруся, Лана, Лиса, Рита* и др. Нередко встречаются в названиях транслитерированные женские имена иностранного происхождения: *Анита, Жаннет, Иванна, Изабелла, Ирэн, Лили, МарЛен, Мерелин, Мэри, Натали, Шакира, Элис*. Только в пяти женских именах *Aleksa, Lysia* и *Lu-ly, Margaret, Rosa* использован латинский алфавит. Неоправданным и неоднозначно воспринимаемым является, на наш взгляд, выбор для названий парикмахерских прецедентных имён *Леди Ди, Галатhea, Кармен, Лолита, Мадам Баттерфляй, Мабель, ЧюЧю*. Немногочисленные конкретизирующие неймы призваны привлечь клиентов, подчеркнуть уверенность владельцев в своём мастерстве: *Салон красоты Шестаковой Жанны, парикмахерская Людмилы Чернявской, имидж-студия Елены Ивановой*. В эргониме *Людям Милая* приводится полная форма женского имени Людмила.

Преобладание женских имён в названиях парикмахерских можно объяснить желанием подчеркнуть имя владельца и доминированием женщин в данной профессии.

В неймах нередко встречаются семантически необоснованные топонимы. Названия городов представлены следующими эргонимами: *Амстердам, Рио, Сен Пари, Флоренция, Chicago, Paris*. Однако вполне оправданным считаем использование локальных микротопонимов в идентифицирующих (термин О. И. Иссерс [3]) неймах: *Сосновка, Мастро 74, Barbershop на Воровского, Beauty_Che, Creatif74*. В неймах с топонимами, в которых использован латинский алфавит, встречается разговорное сокращённое название города *Che* (Челябинск), указание на код области (74), транскрибирование (*Creatif74*) и гибридизация (*Barbershop на Воровского*). Следует отметить, что в названиях парикмахерских частотны пространственные указатели без конкретизации местоположения в лингвистическом ландшафте города: *центр, площадь, точка, дом, комната, студия, остров* и др. Такие пространственные маркеры зарегистрированы как

на иностранном, так и на русском языках: *Остров красоты, Парикмахерская центр, Стиль-бюро, Студия стрижки, Территория красоты, Точка красоты, Долина, Beauty House, Casa di Bellezza, H-Club, Kabinet Krasoty, Street Style_74*. Частотным названием является существительное *салон*, употребляемое в ядерных словосочетаниях *Салон Лолита, Салон красоты Соло, салон Причёска* и в однокоренном существительном *Салончик*.

Заемствованные и гибридные неймы. Креативность в названиях парикмахерских проявляется в гибридизации и в многочисленных неассимилированных заимствованиях. Заемствованные названия представлены английскими, французскими, реже испанскими словами и словосочетаниями как относящимися к профессиональной деятельности, так и не связанными с ней. Если выбор профессионально ориентированных названий вполне оправдан с маркетинговой точки зрения, то случайные названия могут не только привлекать клиентов, но и отталкивать, как парикмахерская *Meteor, Barber Hoodlum, Chop-Chop*. Иностраный язык влияет на форму и содержание эргонима, поскольку в нём «происходит смешение формы и содержания репрезентированного в эргониме микротопонимического концепта» [6, с. 695]. Английские заимствования могут идентифицировать тип парикмахерской. Так, мужские салоны представлены в следующих примерах: *Old Boy Barber shop, Best Barber, Barber Chel, Barber Hoodlum, Barber #1, Barbershop на Воровского*. Названия *Beauty, Beauty house, Beauty Evolution, Bliss hair, Changes, Glamour, Genial, Perfect, Restyle Studio, TopWay, Affection, HolyCut, Oval* не содержат прямых указаний на возраст и пол клиентов, обещая в результате красивые, роскошные, идеальные причёски. Аналогичны по семантике французские названия парикмахерских: *Belle*, зарегистрированных с ошибкой эргонимов *je Teime* (вместо *je T'aime*), *Visa Vis* вместо *vis-a-vis*, а также неймы *La Poetique, L'ete*, испанское словосочетание *Casa di Bellezza*. Если выбор слов со значением «красота», «поэтика» и даже «напротив» можно считать обоснованными и идентифицирующими, то нейм *L'ete* — лето и эргоним с орфографической ошибкой *je Teime* — я тебя люблю не связаны с профессиональной деятельностью парикмахеров.

Полными неассимилированными заимствованиями являются *City Style, Blackdog, Topgun, Chop-chop, Big Bro, Old Boy Barbershop* и многие другие. Не все названия парикмахерских на английском языке можно считать мотивированными

ми, а их выбор свидетельствует о стремлении владельцев коммерческих организаций к оригинальности. Использование латинского алфавита в эргонимах: *Apelsin, Chik-chik, Creatif74, Kabinet Krasoty, Kontora*, смешанного написания русских слов *Strижkoff, Тусилоff*, гибридных названий: *BrovkiStudio, Стрижка Fix, DVстиль, VP-Стиль*, транслитерированных неймов: *Синема, СанРайз, Ля Фам* и др. также считаем своеобразным маркетинговым ходом для привлечения клиентов.

Отражение профессиональной деятельности в названиях парикмахерских. Эргонимов, в которых реализуется профессиональная деятельность парикмахеров, довольно много, около 30 % всех названий.

Такие неймы включают:

1. Названия, отражающие тип коммерческого заведения, содержащие существительные *парикмахерская, студия, салон, центр*: *Парикмахерская Молодёжная, Парикмахерская центр, Салон Причёска, Студия стрижки, Центр моды причёсок*.

2. Названия, включающие в себя профессионального деятеля: *Волшебница, Дом Парикмахеров, Мастер, Маэстро74, Цирюльникъ, Чудесница*, неоднозначное название *Стриж*, метафоричное словосочетание *Ангелы красоты*, английские словосочетания *Barber № 1, Best Barber*.

3. Названия, в которых реализуются виды услуг: *Борода и Кудри, Ваш стиль, Весёлая причёска, Волна, Ноготочки, Просто стрижка, Стрижка, Прядки в порядке, Студенческий стиль, Фасон, Экспресс, Экономъ, Naturelle style, Street Style 74*.

4. Немногочисленные эргонимы с орудиями труда: *Расчёска*, звукоподражательные метонимические аллитерации *Chic-Chic, Chop-Chop*.

5. Многочисленные эргонимы, в которых представлен результат посещения парикмахерской: *Виктори, Волна, Гармония, Идеаль, Красота, Либерти, Любо, Магия, Марафет, Настроение, Очарование, Помпа, Революция, Смайл, Хорошее настроение, Хочу ещё, Чудеса, Шарм, Шик, Эталон, Эффект, Glamour, Beauty_Che, Blisshair, Top Way, Perfect*.

6. Гендерно маркированные: *Княжна, Мадонна, Мужики, Леди, ЛедиС, Ля фам, Velle* и гендерно немаркированные названия: *Для тебя, Лик* и др.

Наличие/отсутствие мотивации и эмотивности в названии парикмахерской. Не все названия анализируемых коммерческих организаций являются мотивированными. Данные эргонимы представлены как отдельными словами, так и словосочетаниями. Сложно объяснить выбор таких

названий для парикмахерских, как эргонимы с названиями фруктов, деревьев и трав: *Апельсин, Кипарис, Лайм, Мята, Незабудка, Слива*; эргонимы с зоонимами: *Аист, Павлин, Лиса, Пантера, Фламинго, Эдельвейс*; «ландшафтные» и пространственные эргонимы: *Вертикаль, Долина, Саванна, Арка, Контора, Комната*; поэтичные эргонимы *Солнечный вечер, Ветер перемен, Весна*.

Частично мотивированными можно считать эргонимы-кулинаронимы: *Ваниль, Карамель, Шоколад*, поскольку они могут обозначать и оттенок окрашивания волос. Выбор прецедентных имён для названий парикмахерских, таких как *Амазонка, Кармен, Леди Ди, Русалочка, Чио* и др., можно объяснить привлекательностью соответствующего женского образа для клиентов или непредсказуемым загадочным эффектом от посещения парикмахерской: *Руна*.

Если в немотивированных и частично мотивированных названиях парикмахерских реализуется стремление их владельцев к оригинальности, то в мотивированных эргонимах, которые составляют подавляющее большинство названий, прослеживается желание конкретизировать тип коммерческого заведения, имя собственника. Следует отметить широкий лексический диапазон мотивированных и немотивированных неймов: от разговорной лексики: *Марафет, Мужики, Шик* до нейтральной: *Мир, Парикмахерская, Парикмахерская Молодёжная, Сезон, Твой стиль* и намеренно возвышенной. Примерами могут служить: *Княжна*, устаревшее существительное *Лик*, отдельное написание названия *О Блик*, транслитерированное *Liko's*. Большинство русских, заимствованных и гибридных эргонимов-слов и словосочетаний являются эмотивами: *Гармония, Красота, Очарование, Чудесница, Людям Милая, Хорошее настроение, Ангелы красоты, Прядки в порядке, Top Way, Holy Cut*, а также единственный эргоним-восклицательное предложение *Мы едем к Вам!*

Заключение. Названия парикмахерских представлены многочисленными эргонимами, образующими подсистему урбанонимов современного лингвистического ландшафта. Номинация парикмахерских Челябинска отражает как универсальные, так и уникальные тенденции современной эргонимии.

Универсальные тенденции заключаются в реализации:

1) креативности, словотворчества при создании неймов;

2) гибридизации, заключающейся в графической, алфавитной гибридизации, брендинга;

3) ассимилированных и неассимилированных заимствований.

Уникальными тенденциями считаем:

1) частотное использование антропонимов, прецедентных имён и феноменов;

2) наличие названий, связанных с профессиональной деятельностью парикмахеров;

3) конкретизацию пространственной составляющей в эргонимах;

4) использование немотивированных и частично мотивированных названий.

Список литературы

1. Голомидова М. В. Имятворчество в эргонимии: традиции vs. актуальные тренды // Лингвистика креатива — 2 / под общ. ред. профессора Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2012. С. 63–72.

2. Иссерс О. С. Нейминг как объект лексикографического описания // Проблемы русской лексикографии : тез. докл. междунар. научн. конф. «Шестые Шмелевские чтения», 24–26 февраля 2004 г. М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2004. С. 38–40.

3. Иссерс О. С. Лингвокогнитивные основания креативных решений в нейминге // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX «Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований». М. ; Тамбов ; Белгород, 2017. С. 821–824.

4. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград : Перемена, 2004. 288 с.

5. Крюкова И. В. Когнитивные основы многозначности прецедентных рекламных имён // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX «Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований». М. ; Тамбов ; Белгород, 2017. С. 689–693.

6. Питина С. А. Влияние английского языка на русские локальные эргонимы // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX «Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований». М. ; Тамбов ; Белгород, 2017. С. 693–695.

7. Самсонова Е. С. Функционирование иноязычных средств в эргонимии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 6 (96). С. 16–20.

8. Сизова Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов: (на материале английского, русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 16 с.

9. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 178 с.

10. Backhaus P. Linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo. Clevedon, UK : Multilingual Matters., 2007. URL: <https://doi.org/10.21832/9781853599484>

11. Gorter, D. Linguistic landscapes in a multilingual world. Annual Review of Applied Linguistics: Cambridge University Press. 2013. № 33. P. 190–212. <https://doi.org/10.1017/S0267190513000020>

Сведения об авторе

Питина Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 89–93.*

ERGONYMS IN MODERN LOCAL LINGUISTIC SPACE (on the Material of Hairdressing Salons Names)

S.A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru.

Universal characteristics and national and cultural peculiarities of Chelyabinsk hairdressers and barber shops have been analyzed in the article. The hypothesis of general and local regularities coexisting in the formation of the open system of commercial place names has been proved by the study of numerous names of the city hairdressers and barber shops. Universal tendencies of naming the analyzed ergonyms include creative naming, complete or partial borrowing, formation of hybrid names, transliteration of foreign commercial place names into Russian and vice versa. Unique characteristics of the studied ergonyms are represented by the wide usage of complete or abbreviated anthroponyms, not always justified precedent names and phenomena, identifying professional names, mixed English-Russian hybrid names, borrowings from French, ironical names, ergonyms concretizing space parameters.

Keywords: *commercial place name, universal characteristics, national and cultural peculiarities, creativity.*

References

1. Golomidova, M.V. (2012) Imiatvorchestvo v ergonimii: traditsii vs. aktualnye trendy [Creative naming in commercial names: traditions vs. actual trends]. In *Lingvistika kreativa – 2*. Yekaterinburg. Pp. 63–72 [in Russ.].
2. Issers, O.S. (2004) Nejming kak objekt leksikographicheskogo opisaniya [Naming as an object of lexicographic description]. In *Problemy russkoj leksikographii*. Moscow. Pp. 38–40. [in Russ.].
3. Issers, O.S. (2017) Kognitivnye osnovaniya kreativnykh reshenij v nejminge [Linguo-cognitive grounds for creative naming]. In *Cognitive Studies of Language*. Vol. XXX Cognitive Linguistics in the Anthropological Paradigm. Papers of International Congress on Cognitive Linguistics September, 20–22. Moscow, Tambov, Belgorod. Pp. 821–824. [in Russ.].
4. Kryukova I.V. (2004) Reklamnoe imia: ot izobreteniya do pretsedentnosti [Advertising names: from invention to precedent phenomenon]. Volgograd, Peremena Publ. 288 p. [in Russ.].
5. Kryukova, I.V. (2017) Kognitivnye osnovy mnogoznachnosti pretsedentnykh reklamnykh imen [The cognitive bases for polysemy in precedent advertising names]. In *Cognitive Studies of Language*. Vol. XXX Cognitive Linguistics in the Anthropological Paradigm. Papers of International Congress on Cognitive Linguistics September, 20–22. Moscow, Tambov, Belgorod. Pp. 689–693. [in Russ.].
6. Pitina, S.A. (2017) Vliyanie anglijskogo jazyka na russkie lokalnye ergonimy [English influence on local Russian commercial names]. In *Cognitive Studies of Language*. Vol. XXX Cognitive Linguistics in the Anthropological Paradigm. Papers of International Congress on Cognitive Linguistics September, 20–22. Moscow, Tambov, Belgorod. Pp. 693–695. [in Russ.].
7. Samsonova, E.S. (2010). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6 (96), pp. 16–20. [in Russ.].
8. Sizova, E.A. (2004) Lingvokulturologicheskij analiz urbanonimov: (na material anglijskogo, russkogo i frantsuzskogo jazykov) [Linguocultural analysis of urban place names in English, Russian and French (Ph.D. author's transcript on Philology)]. Piatigorsk. 16 p. [in Russ.].
9. Shimkevich, N.V. (2002) Russkie kommercheskie ergonimy: pragmaticheskij i lingvokulturnij aspekty [Russian commercial ergonyms: Pragmatic and linguocultural aspects (Ph.D. thesis on Philology)]. Yekaterinburg, 2002. 179 p. [in Russ.].
10. Backhaus, P. (2007) *Linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon, UK: Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/9781853599484>
11. Gorter, D. (2013) *Annual Review of Applied Linguistics*, no. 33, pp. 190–212. <https://doi.org/10.1017/S0267190513000020>

ЛИЧНОСТНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ (на материале названий аэропортов)

С. А. Питина¹, А. В. Таскаева^{1,2}

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, Челябинск, Россия

Проведён лингвокультурологический анализ личностных идеологем как составляющей современной героической парадигмы. Выявлены общие тенденции номинации и национально-культурная специфика существующих наименований российских и зарубежных аэропортов. Продемонстрировано, что в памятных названиях имя героя приобретает статус личностной идеологемы, что способствует реализации ценностных и идеологических установок общества.

Ключевые слова: личностная идеологема, героизация, памятное название, лингвокультура.

Введение

В статье предпринята попытка проанализировать личностные идеологемы как составляющую героической парадигмы. Героическая парадигма трактуется как открытая сложная система концептов, отражающая идеологические, социальные, культурные и экономические особенности общества. В основе героической парадигмы лежит не всегда чёткое противопоставление концептов ГЕРОЙ — АНТИГЕРОЙ в конкретной лингвокультуре, приводящее к дегероизации при смене идеологии и непосредственно связанных с идеологией общественных ценностей.

Как справедливо отмечает В. Д. Плахов, проблема героизма оказывается насквозь политической, а в более общем плане — идеологической. С древнейших времён понятия героизма, героического являются неотъемлемыми элементами идеологических систем и органично включены в процессы личностной социализации. И то, какие образы героя, героического преобладают в государственной и религиозной политике, в системе воспитания и образования подрастающих поколений, в конечном счёте имеет судьбоносное значение для общества в целом [17, с. 23].

Памятные названия играли и играют значительную роль в создании культурно-исторического и идеологического имиджа регионов и страны в целом. Памятные топонимы и микротопонимы являются открытой лексической системой, поскольку для отечественной лингвокультурной ситуации, включая советский и современный периоды, характерны переименования идеологических названий и создание новых памятных имён.

В честь героев называют города, улицы, геогра-

фические объекты, учебные заведения, пишутся книги, ставятся памятники — всё это можно назвать канонизацией героя. Канонизация героев, по мнению В. Д. Плахова, выполняет целый ряд социально значимых функций и в частности функцию сохранения в социальной памяти образцов героического поведения [17, с. 110].

Анализ отечественных и зарубежных памятных названий как составляющей героической парадигмы представляется актуальным. В качестве эмпирического материала в настоящем исследовании были проанализированы итоги конкурса по наименованию 46 самых крупных аэропортов Российской Федерации международного и федерального значения с совокупным пассажиропотоком более 170 миллионов человек и более 100 официальных названий отечественных и зарубежных аэропортов.

Памятные названия аэропортов как личностные идеологемы

Целью работы является выявление основных тенденций в процессе выбора имён для героизации. Считаем, что поставленная цель может быть реализована с позиций сопоставительной лингвокультурологии, поскольку методом лингвокультурологического анализа возможно выявить как общие закономерности, так и национально-культурную специфику героизации в разных лингвокультурах.

Имена выдающихся деятелей, присваиваемые географическим объектам, являются олицетворением историко-культурных ценностей. Историко-культурные ценности, согласно типологии ценностей, предложенной Ю. Г. Вешнинским, — это «всё, что олицетворяет и символизирует “связь

времён”, культурную и историческую память, преемственность традиций, место человека» [2, с. 20]. Имена выдающихся людей используются в топонимике и микротопонимике в качестве памятных названий, нередко приобретая статус идеологем.

Термин «идеологема», введённый М. М. Бахтиным для обозначения объективно существующих форм идеологии [1], трактуется по-разному в современной лингвистике. Подробный анализ существующих в отечественной лингвистике подходов к изучению идеологем приведён в работах Е. А. Нахимовой [13–15 и др.]. Н. А. Купина понимает идеологему как «мировоззренческую установку (предписание), облечённую в языковую форму» [8, с. 43], как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или насаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [9, с. 183]. Идеологемы присущи любому обществу, отражая мировоззренческие, чаще всего ценностные установки. Идеологемы советской и постсоветской эпох изучаются в трудах отечественных лингвистов [4; 5; 7; 12; 16 и др.], доказывая универсальный характер существования идеологем. Н. А. Купина обоснованно выделяет два ведущих направления в трактовке идеологем: лингвистическое и когнитивное (лингвокогнитивное), разграничивая узкий (лексикологический) и широкий (семиотический) подходы в рамках первого направления. При узком лексикологическом подходе *идеологема* понимается как слово или устойчивое словосочетание, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [10, с. 91], имеющее «в своём значении идеологический компонент» [19, с. 92]. При широком семиотическом подходе, осуществляемом Г. Ч. Гусейновым, в качестве идеологемы выступает любой феномен, так или иначе акцентирующий принадлежность к советской идеологии [4]. При когнитивной трактовке идеологема является единицей когнитивного уровня, многоуровневым концептом особого типа, «в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [11, с. 35].

В концепции Н. И. Клушиной важное место занимают «личностные идеологемы», концептуализирующие руководителя государства и других политических лидеров — героев и антигероев

своего времени [6, с. 40]. Личностные концепты отдельных политических деятелей подробно рассматривает Г. Г. Слышкин [18]. Оправданным является утверждение о том, что аксиологический модус некоторых идеологем может значительно изменяться [20; 3].

Имена героев увековечиваются в памятных наименованиях, топонимах и микротопонимах, образуя открытую топосистему, в которой появляются новые памятные имена, нередко происходит переименование уже существующих названий, отражая конкретную лингвокультурную ситуацию. В результате присвоения географическим объектам имени героя, выдающегося деятеля памятный топоним приобретает статус личностной идеологемы, реализуя ценностные и идеологические установки общества.

Названия аэропортов, структурной частью которых является имя выдающегося деятеля, мы относим вслед за Н. И. Клушиной к личностным идеологемам. Первой частью этого наименования является установленное ранее и привычное для жителей и гостей города название аэропорта. Более того, присвоение географическому объекту (в нашем случае аэропорту) имени выдающегося деятеля не влечёт за собой изменения установленного наименования географического объекта. Так, происходит не переименование, а доименование. Вторая часть памятного наименования содержит имя выдающегося человека. Как отмечается на сайте «Великие имена России», такое «яркое запоминающееся наименование становится культурно-исторической составляющей имиджа территории. Целью проекта является сохранение исторической памяти и духовных традиций, создание культурно-исторического брендинга территорий для регионов и России в целом [23].

Результаты анализа

Мемориальные названия существуют во всех топонимических системах, реализуя как универсальные, так и уникальные тенденции номинации. Присвоение российским аэропортам имён выдающихся людей, отражающее универсальную тенденцию реализации личностных идеологем, началось относительно недавно по сравнению с другими странами. Так, аэропорт имени *Леонардо да Винчи* в Риме получил доименование в 1961 г., *Джона Кеннеди* в Нью-Йорке в 1963 г., *Федерико Филлини* в Римини в 1993 г. Крупные зарубежные аэропорты нередко названы в честь известных политиков: *Гейдара Алиева* (Баку), *Ататюрка*

(Стамбул), Бен-Гуриона (Тель-Авив), Джорджа Буша (Хьюстон), Индиры Ганди (Дели), Раджи-ва Ганди (Хайдарабад), Шарля де Голля (Париж), Джона Кеннеди (Нью-Йорк), Хосе Марти (Гава-на), Сардара Валлабхаи Пателя (штат Гуджарат), Рональда Рейгана (Вашингтон), Имама Хомейни (Тегеран) и др. Международный аэропорт Улан-Батора назван в честь основателя Монгольской империи Чингисхана.

Ряд зарубежных аэропортов носят имена выдающихся музыкантов, писателей: аэропорт имени Вольфганга Амадея Моцарта в Зальцбурге, Фридерика Шопена в Варшаве, Ференца Листа в Будапеште, Джона Леннона в Ливерпуле, Антуана де Сент-Экзюпери в Лионе [25]. Если прецедентные имена музыкантов, художников, писателей принадлежат мировой культуре, то имена политиков в памятных названиях нередко являются прецедентными именами конкретной лингвокультуры.

Памятные названия аэропортов США отличаются от рассмотренных выше. В американских памятных названиях аэропортов наблюдается героизация как известных, так и менее известных американцев. В США памятные названия получили не только крупные, но и небольшие коммерческие аэропорты. Так, в штате Аляска насчитывается около двадцати мемориальных аэропортов. Среди них аэропорты имени лётчиков Боба Бейкера в Копане, Джеймса Джонсона в Петербурге, Ральфа Вайена в Коцебу, Уайли Поста в Барроу и др. [26]. Локальная героизация характерна для американских памятных названий в целом. Вряд ли имена сенаторов Пэта Маккарана и Теда Стивенса известны многим американцам, однако международные аэропорты в Лас-Вегасе и Анкоридже носят их имена.

В основном в названиях зарубежных аэропортов преобладают имена известных людей, которые не обязательно являются представителями отдельной лингвокультуры. При такой героизации локальные личностные идеологемы приобретают одновременно статус универсальных.

Следует отметить, что присвоение имён выдающихся людей российским аэропортам началось в 2010 г., но не было таким массовым, как в 2018 г. Новые имена аэропортов дополнили список уже существующих памятных названий в честь космонавтов Юрия Гагарина в Оренбурге, Алексея Леонова в Кемерово, Германа Титова в Барнауле, лётчиков Суламбека Осканова в Магасе, Ахмет-Хана Султана в Махачкале, писателя Николая Карамзина в Ульяновске, атамана Донского каза-

чества Матвея Платова в Ростове-на-Дону и отражают положительную тенденцию героизации в отечественной лингвокультуре. Пять из семи существовавших до 2018 г. памятных названий связаны с небом и обусловлены локальной атрибуцией героев. При выборе наименования аэропорта также учитывались известность имени для жителей, причастность героя к определённому населённому пункту, выдающиеся достижения в науке, искусстве, профессиональной деятельности.

Локальная атрибуция в памятных названиях. Главная тенденция, которая прослеживается в наименовании аэропортов российских городов, — это наименование в честь выдающихся соотечественников, чья биография переплетается с историей городов. В 45 случаях из 46 основу наименования составляет **локальная атрибуция** личностной идеологемы, а именно: 1) место рождения; 2) место учёбы, место работы; 3) вклад в развитие города и региона; 4) основатель города.

Так, 98 % аэропортов присвоены имена выдающихся деятелей, чья жизнь так или иначе была связана с городом. Такая тенденция изначально заложена самой идеей конкурса. На официальном сайте «Великие имена России» уточняется, что «приоритетным критерием выдвижения имён претендентов в каждом конкретном городе или субъекте Российской Федерации должна быть их историческая связь с данной территорией» [23]. Анализ результатов конкурса продемонстрировал, что этот критерий был в основном реализован. Однако аэропорт Магадана назван в честь *Владимира Высоцкого*. Считается, что поэт прославил регион в песнях *Мой друг уехал в Магадан, Я расскажу тебе про Магадан*, но был в Магадане всего два дня. Оппоненты присвоения имени Высоцкого аэропорту Магадана вспоминают слова другой песни: *Открыты Лондон, Дели, Магадан, / Открыли всё, но мне туда не надо!*

Особо отметим тенденцию наименования аэропортов **в честь основателя города, в котором располагается аэропорт**. Шесть аэропортов получили такие названия. Примером повторной героизации являются имена недавних антигероев. В Краснодаре аэропорт назван именем *Екатерины II Великой*, которая в 1792 г. передала казакам земли между Кубанью и Азовским морем, где была основана крепость, а затем город Екатеринодар, современный Краснодар [21].

В Мурманске аэропорт получил имя *Николая II Романова*, так как история возникновения города связана с его именем. В 1915 г. был основан Мур-

манский морской порт и посёлок, получивший статус города и название Романов-на-Мурмане, ставший последним городом, основанным в Российской империи, переименованный в результате смены идеологии в 1917 г. в Мурманск [24].

В Норильске лидирующие позиции в народном голосовании занял *Николай Урванцев*, исследователь Арктики, доктор геолого-минералогических наук, исследователь окрестностей будущего Норильска.

В Петропавловске-Камчатском аэропорт назван в честь *Витуса Беринга*, мореплавателя, капитана-командора, основавшего город в 1740 г.

У жителей Ставрополя с моментом возникновения города ассоциируется имя русского полководца *Александра Суворова*. По мнению историков, город основан на месте стоянки Суворова, откуда берёт начало Ставрополь-Кавказский [22].

В Хабаровске аэропорту присвоено имя *Геннадия Невельского*, российского адмирала и исследователя Дальнего Востока, основателя города Николаевска-на-Амуре в Хабаровском крае. Общей тенденцией «новых» памятных названий является утрата отчества, что характерно не только для мемориальных топонимов.

Профессиональная деятельность в памятных названиях. По итогам конкурса согласно Указу «О присвоении отдельным географическим объектам имён лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» [27] аэропорты получили имена представителей четырёх сфер деятельности/профессий:

1. Представители искусства, культуры (14 имён). Среди них: *Фёдор Абрамов, Иван Айвазовский, Виссарион Белинский, Владимир Высоцкий, Фёдор Достоевский, Мустай Карим, Борис Кустодиев, Михаил Лермонтов, Платон Ойунский, Александр Пушкин, Юрий Рытхэу, Габдулла Тукай, Дмитрий Хворостовский, Антон Чехов.*

2. Учёные (12 имён). Среди них: *Владимир Арсеньев, Иван Губкин, Николай Камов, Дмитрий Карбышев, Сергей Королёв, Игорь Курчатов, Михаил Ломоносов, Дмитрий Менделеев, Фарман Салманов, Николай Урванцев, Константин Циолковский, Владимир Шухов.*

3. Государственные деятели, военные, мореплаватели (12 имён). Среди них: *Витус Беринг, Акинфий Демидов, Екатерина II Великая, Елизавета Петровна, княгиня Ольга, Николай Лемаев, Виктор Муравленко, Николай Муравьёв-Амурский, Геннадий Невельской, Николай II Романов, Пётр I Великий, Александр Суворов.*

4. Лётчики, космонавты (8 имён). Среди них: *Пётр Истомин, Владимир Коккинаки, Алексей Маресьев, Андриян Николаев, Александр Покрышкин, Виталий Севастьянов, Андрей Туполев, Валерий Чкалов.*

Закономерны названия аэропортов в честь **лётчиков, космонавтов, авиаконструкторов** (в приведённой выше классификации имена двух российских авиаконструкторов учтены в категории «Учёные»). Наряду с локальной атрибуцией героя, в новых личностных идеологемах реализована связь с **небом, полётами, космосом** в аэропортах Анапы (в честь лётчика-испытателя, дважды Героя Советского Союза, генерала-майора авиации *Владимира Коккинаки*); Волгограда (в честь военного лётчика-истребителя, Героя Советского Союза, полковника *Алексея Маресьева*); Москвы — Внуково (в честь советского учёного и авиаконструктора, генерала-полковника-инженера, доктора технических наук *Андрея Туполева*); Нижнего Новгорода (аэропорт назван именем советского лётчика-испытателя, Героя Советского Союза *Валерия Чкалова*); Новосибирска (в честь советского военачальника, маршала авиации, лётчика-аса, трижды Героя Советского Союза *Александра Покрышкина*); Самары (аэропорту присвоено имя российского учёного, конструктора ракетно-космических систем *Сергея Королёва*); Сочи (в честь лётчика-космонавта СССР, кандидата технических наук, дважды Героя Советского Союза *Виталия Севастьянова*); Сыктывкара (в честь первого коми лётчика *Петра Истомина*); Томска (аэропорту присвоено имя авиаконструктора, создателя вертолётов «Ка», доктора технических наук, Героя Социалистического Труда *Николая Камова*); Чебоксар (аэропорт назван именем третьего советского космонавта, дважды Героя Советского Союза, генерала-майора авиации *Андрея Николаева*).

В 22 % случаев российские аэропорты именованы в честь людей, чья жизнь была связана с небом — лётчиков, космонавтов, авиаконструкторов.

Этническая принадлежность в памятных названиях. Россия — многонациональная страна, поэтому при голосовании выбор имени был нередко обусловлен национальностью героя. Герой в данном случае выступает средством идентификации этнической принадлежности. Так, в столице Чукотского автономного округа городе Анадырь жители выбрали в качестве имени для аэропорта имя поэта *Юрия Рытхэу*, все произведения которого связаны с жизнью представителей его

народа — чукчей. В Казани победителем народного голосования стал татарский народный поэт, литературный критик, публицист, общественный деятель и переводчик *Габдулла Тукай*. Аэропорт Уфы назван в честь *Мустая Карима*, башкирского советского поэта, писателя и драматурга, народного поэта Башкирской АССР. В Якутске жители выбрали *Платона Ойунского*, основоположника якутской советской литературы, учёного-филолога и общественного деятеля.

Амбивалентность личностных идеологем в памятных названиях. Следует отметить неоднозначное отношение к конкурсу и его результатам. В нём приняли участие лишь 6,2 млн россиян. Героизация некоторых отечественных царей и цариц — характерная черта для постсоветского периода. В данный исторический период неоднозначно воспринимаются и ещё долго будут по-разному восприниматься жителями страны наименования аэропортов в честь Николая II, дочери Петра I Елизаветы, Екатерины II, княгини Ольги.

Аэропорт Краснодара назван именем императрицы *Екатерины Великой*, хотя многие жители города после подведения итогов голосования настаивали на присвоении аэропорту имени *Евдокии Бершанской*, которая командовала гвардейским ночным бомбардировочным Таманским полком, «ночными ведьмами».

В Воронеже аэропорт назван в честь *Петра I Великого*, последнего царя всея Руси и первого Императора Всероссийского. Несмотря на то, что Пётр I развернул масштабные реформы, в исторической науке и в общественном мнении с конца XVIII в. по настоящее время присутствуют диаметрально противоположные оценки как личности Петра I, так и его роли в истории России.

В Екатеринбурге аэропорт именован в честь *Акинфия Демидова*, статского советника, предпринимателя из династии Демидовых. Несмотря на то, что он построил семнадцать железных и медеплавильных предприятий и внёс значительный вклад в развитие Урала, фигура его также весьма неоднозначна.

Челябинский аэропорт получил имя физика *Игоря Курчатова*, «отца» советской атомной бомбы. Деятельность Курчатова также оценивается по-разному: кто-то считает его гением, кто-то злодеем.

Памятные имена в большинстве случаев не являются новыми идеологемами, поскольку они отражают общероссийские ценности и отношение к олицетворяющим их людям. Отечественная героическая парадигма в целом подвержена изменениям, которые могут проявляться как в переосмыслении героических образов в связи со сменой эпох и идеологий, разности интерпретации героических действий в зависимости от культуры, вероисповедания, так и в противоположности оценок деятельности одной и той же исторической личности в определённый временной период.

Заключение

В присвоении имён выдающихся людей аэропортам проявляется универсальная тенденция реализации личностных идеологем. Выбор имён для героизации может быть объяснён потребностью общества в новых личностных идеологемах, популяризацией выдающихся достижений в различных областях знания.

В названиях аэропортов Российской Федерации пропало отчество знаменитого человека, что является ещё одной общей тенденцией героизации, которая наблюдается и в названиях отечественных пассажирских самолётов. Среди отечественных личностных идеологем в названиях аэропортов преобладают имена лётчиков, космонавтов, учёных, писателей и художников, вновь героизируются дегероизированные в прошлом имена царей и цариц.

В названиях аэропортов России реализуется необходимость в создании и закреплении в массовом сознании новых идеологем, переосмысления старых при героизации антигероя недавнего прошлого. В названиях отечественных аэропортов используются известные всем или большинству жителей страны имена героев. В памятных названиях крупных зарубежных аэропортов доминируют имена людей, известных за пределами одной страны. Американские личностные идеологемы могут включать в себя имена как выдающихся, так и известных только местным жителям людей. В названиях небольших аэропортов наблюдается локальная героизация.

Современные тенденции героизации отражают как универсальные, так и национально-специфические особенности этого сложного процесса.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Вешнинский Ю. Г. Аксиология постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2010. 27 с.
3. Гаврилова М. В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2005. С. 486–496.
4. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М. : Три квадрата, 2003. 273 с.
5. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 23–31.
6. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М. : Медиа-Мир, 2008. 244 с.
7. Кузьмина Н. А. Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации: межвузовский сборник научных трудов. М., 2007. С. 192–198.
8. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь: Изд-во Уральского университета, 1995. 144 с.
9. Купина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2003. С. 90–92.
10. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. 2000. Вып. 1. М. : Азбуковник, 2000. С. 182–189.
11. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.
12. Мирошниченко А. А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1996. 16 с.
13. Нахимова Е. А. Идеологема СТАЛИН в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 152–156.
14. Нахимова Е. А. Мифологема Александр Невский в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 105–108.
15. Нахимова Е. А. О лексикографическом представлении идеологем // Современная политическая лингвистика : материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2003. С. 123–124.
16. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109–123.
17. Плахов В. Д. Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы : монография. СПб. : КАРО, 2008. 239 с.
18. Слышкин Г. Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // Обозреватель-Observer. 2004. № 8 (175). С. 116–125.
19. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.
20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.

Список источников исследуемого материала

21. «Ночная ведьма» против императрицы: переименование аэропорта Краснодара рассорило город. URL: http://www.tsargrad.tv/news/nochnaja-vedma-protiv-imperatricy-pereimenovanie-ajeroporta-krasnodara-rassorilo-gorod_170290 (дата обращения 25.09.2019).
22. Аэропорты Ставрополя получают имена Суворова и Лермонтова. URL: <http://www.stav.kp.ru/daily/26912/3958359/> (дата обращения 2.09.2019).
23. Великие имена России. URL: <http://www.великиеимена.рф/about> (дата обращения 14.09.2019).
24. Кратко о Мурманске. URL: <http://www.murhist.ru/shortly> (дата обращения 3.09.2019).
25. Крупнейшие аэропорты мира, названные в честь великих людей. URL: <https://liter.kz/ru/articles/show/> (дата обращения 27.09.2019)
26. Список аэропортов штата Аляска. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/685105> (дата обращения 27.09.2019)

27. Указ «О присвоении отдельным географическим объектам имён лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/59264> (дата обращения 28.09.2019).

Сведения об авторах

Питина Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания. Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru

Таскаева Анна Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского; доцент кафедры восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Востока, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. taskaeva_anna@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 94—101.*

PERSONAL IDEOLOGEMES IN COMMEMORATIVE NAMES

S.A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru

A.V. Taskaeva

South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky; Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. taskaeva_anna@bk.ru

Language and cultural analysis of personal ideologemes in heroic paradigm has been conducted in the article. The research is targeted at finding out the main tendencies of heroization in commemorative names of Russian and foreign airports. Commemorative names are important in creating cultural, historical and ideological image of the country. The analysis has shown that the name of an outstanding person acquires the status of a personal ideologeme implementing social values and ideology. Personal ideologemes are an essential component of heroic paradigm, an open lexical system that realizes the concepts HERO — ANTIHERO in a specific language and cultural situation. Personal ideologemes in commemorative names of Russian and foreign airports are viewed in the article, general trends of naming and national and cultural peculiarities of existing names are revealed. The choice of names for heroization can be explained by the need of new personal ideologemes, the revival of old ones, popularization of outstanding achievements in various fields of knowledge.

Keywords: *personal ideologeme, heroization, commemorative name, national values, language and cultural approach.*

References

1. Bakhtin, M.M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki [Questions of Literature and Aesthetics]*. Moscow, Khudozhestvennaja literatura. 504 p. [in Russ.].
2. Veshninsky, Yu.G. (2010). *Aksiologiya kul'turnogo prostranstva na rubezhe tysyacheletij [Axiology of Cultural Space on the Border of Millennia. Thesis]*. Moscow. 26 p. [in Russ.].
3. Gavrilova, M.V. (2005). *Ponyatie «patriotizm» v russkom politicheskom diskurse nachala XXI veka [Notion «Patriotizm» in Russian Political Discourse at the Beginning of XXI Century]*. In *Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i nauke o yazyke: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Ekaterinburg. Pp. 486–496. [in Russ.].
4. Gusejnov, G.Ch. (2003). *Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-h [Soviet Ideologemes in Russian Discourse of the 1990s]*. Moscow, Tri kvadrata Publ. 272 p. [in Russ.].
5. Zemskaja, E.A. (1996). *Voprosy jazykoznanija*, no. 3, pp. 23–31. [in Russ.].
6. Klushina, N.I. (2008) *Stilistika publicisticheskogo teksta [Stylistics of Journalistic Text]*. Moscow, Media-Mir Publ. 244 p. [in Russ.].

7. Kuz'mina, N.A. (2007). Deideologizatsiya ili novaya ideologizatsiya? (Ideologemy novogo vremeni) [Deideologization or New Ideologization? (Ideologeme of the New Time)]. In *Yazyk i stil' sovremennyh sredstv massovoj informacii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Moscow. Pp. 192–198. [in Russ.].
8. Kupina, N.A. (1995). Totalitarnyj yazyk: slovar' i rechevye reaktsii [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions]. Ekaterinburg, Perm'. 144 p. [in Russ.].
9. Kupina, N.A. (2000). Yazykovoe stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem [Language Construction: from the System of Ideologemes to the System of Culturemes]. In *Russkij yazyk segodnya*. Moscow, Azbukovnik Publ. Pp. 182–189. [in Russ.].
10. Kupina, N.A. (2003). Ideologemy kak klyucheveye edynitsy politicheskogo yazyka [Ideologemes as Key Units of Political Language]. In *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. Ekaterinburg. Pp. 90–92. [in Russ.].
11. Malysheva, E.G. (2009). *Politicheskaya lingvistika*, no 4 (30), pp. 32–40. [in Russ.].
12. Miroshnichenko, A.A. (1996). Lingvo-ideologicheskij analiz yazyka massovyh kommunikatsij [Linguistic and Ideological Analysis of Mass Communication Language. Thesis]. Rostov on Don. 16 p. [in Russ.].
13. Nahimova, E.A. (2003). O leksikograficheskom predstavlenii ideologem [On Lexical Representation of Ideologemes]. In *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. Ekaterinburg. Pp. 123–124. [in Russ.].
14. Nahimova, E.A. (2010). *Politicheskaya lingvistika*, no. 3, pp. 105–108. [in Russ.].
15. Nahimova, E.A. (2011). *Politicheskaya lingvistika*, no. 2 (36), pp. 152–156. [in Russ.].
16. Odesskij, M.P., Fel'dman, D.M. (2008). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 109–123. [in Russ.].
17. Plakhov, V.D. (2008). Geroi i geroizm: opyt sovremennogo osmysleniya vekovoj problemy [Heroes and Heroism: Experience in Modern Understanding of Centennial Problem]. St. Petersburg, KARO Publ. 239 p. [in Russ.].
18. Slyshkin, G.G. (2004). *Obozrevatel*, no. 8 (175), pp. 116–125. [in Russ.].
19. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*. Moscow, Flinta, Nauka. 256 p. [in Russ.].
20. Sheigal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]*. Moscow, Gnozis. 326 p. [in Russ.].

Sources of analyzed material

21. URL: http://www.tsargrad.tv/news/nochnaja-vedma-protiv-imperatricy-pereimenovanie-ajeroporta-krasnodara-rassorilo-gorod_170290. (mode of access: 25.09.2019) [in Russ.].
22. URL: <http://www.stav.kp.ru/daily/26912/3958359/> (mode of access: 2.09.2019) [in Russ.].
23. URL: <http://www.великиеимена.рф/about>(mode of access: 14.09.2019) [in Russ.].
24. URL: <http://www.murhist.ru/shortly>(mode of access: 3.09.2019) [in Russ.].
25. URL: <https://liter.kz/ru/articles/show/>(mode of access: 27.09.2019) [in Russ.].
26. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/685105>(mode of access: 27.09.2019) [in Russ.].
27. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/59264>. (mode of access: 28.09.2019) [in Russ.].

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ДРЕВНЕРУССКОГО КОНЦЕПТА «ПРАВОНАРУШЕНИЕ»: РАННИЙ ПЕРИОД

Л. В. Попова

<https://orcid.org/0000-0003-2690-246X>

Челябинский государственный университет, Миасский филиал, Миасс, Россия

Реконструирована трёхчастная структура древнерусского концепта «правонарушение»: межкультурно обусловленные номинативные модели «проказа», «согрешение/грех» в русско-греческих договорах X в. и неполноэквивалентная модель «обида» в кодексе Русская Правда и более поздних актах. В древнерусском правосознании до официального принятия христианства, но под влиянием византийской традиции сформировалась социо-этико-религиозная концепция правонарушения, в которой доминировал этноспецифичный концептуальный признак 'несправедливость': нравственное страдание жертвы как части коллектива (*обида*).

Ключевые слова: *концепт «правонарушение», обида, проказа, грех, этнокультурный концепт, юридический термин, древнерусское юридическое языковое сознание.*

В современной науке недостаточно информации об истории русской юридической коммуникации в контексте этнокультурной истории. В юридическую коммуникацию вовлечены различные по статусу и функциям субъекты, и все они являются носителями этнической ментальности. Нормы и принципы официальной коммуникации в значительной мере обусловлены этнической ментальностью, поэтому проявление последней в официальной сфере заслуживает особого внимания. Исторически язык юридической коммуникации ориентирован на этнические нормы, ценности, стереотипы. Юридический язык необходимо рассматривать не только как неотъемлемую часть национального литературного языка, но и как своеобразный транслятор этнокультурной информации.

Способы номинации правовых понятий в историческом аспекте интересны для изучения, поскольку отражают эволюцию и правового мышления, и этнокартины мира в целом. Понятие правонарушения — одно из ключевых наряду с правовой нормой и наказанием. Варьирование его номинативных моделей связано, с одной стороны, с рефлексией причин и последствий противоправного поведения, с другой стороны, с представлением о правомерном поведении, то есть в целом с развитием образа члена социума. В связи с этим ожидаемые результаты исследования необходимы для оценки динамики степени этнокультурной идентичности правового мышления, для уточнения представления о нормативных и ценностных установках русской культуры.

Анализ материала исторических документов позволяет реконструировать категории правового мышления. При исследовании использована комплексная методика: интен-анализ документов, выборка номинативных средств концепта «правонарушение» из текстов документов, контекстологический и валентностный анализ, этимологический анализ, дефиниционно-компонентный анализ, лингвокогнитивная интерпретация. Для достижения объективности результатов привлечены и критически оценены данные специализированных словарей и указателей к юридическим текстам, авторитетных научных работ.

Древнейший письменный период древнерусского права представлен юридическими текстами, в которых зафиксированы и правовые обычаи, сложившиеся в дописьменную эпоху, и более поздние нормы. Сохранившиеся в разных формах источники дают представление и о внутрисоциальном регламентировании социальных отношений, и о международных нормах по линии Древняя Русь — Византия. По материалам текстов правовых актов можно сделать вывод о существовании нескольких типов языкового моделирования правонарушения, имевших различную степень актуальности в древнерусском правовом мышлении. Языковой образ правонарушителя уже в древности был многоаспектным, отражая как нормы дохристианской славянской культуры, так и влияние византийской культуры. Этот образ оказал определённое воздействие и на дальнейшее развитие правосознания.

Продуктом государственного и культурного взаимодействия Руси с Византией до официальной христианизации стали договоры X в., сохранившиеся в составе «Повести временных лет» [7] как копии на древнерусском языке с греческих экземпляров, что обусловило отражение в текстах ряда переработанных норм византийского права [6, вып. 1, с. 3–4]. Близость зафиксированных в договорах норм к нормам «Краткой Правды» XI в. признана историками права [6, вып. 1, с. 16]. Этот факт мог быть подтверждён и совпадением терминологии ключевых понятий, в частности правонарушения. Однако мы наблюдаем расхождение в обобщённом названии правонарушения в текстах договоров и Русской Правды.

Терминами родового уровня в русско-греческих договорах являются *проказа*, *согрешение/грех*, используемые идентично для номинации правонарушения. В филологическом и юридическом переводах данные термины заменяются соответственно на *злодеяние* и *преступление/беззаконие* [7; 6, вып. 1, с. 11, 34]. Термины *проказа* и *согрешение* введены в начальном блоке договора 911 (912) г., определяющем принципы доказательств правонарушения и вынесения приговора; далее следуют пункты, квалифицирующие конкретные правонарушения (убийство, увечье, кража и др.): «А о главах, иже ся ключит **проказа**, урядимся сице: да елико явѣ будетъ показании явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явлении, а емуже начнуть не яти вѣры, да *кленется* часть та, иже ищетъ неятю вѣры, да егда клѣнется по вѣрѣ своей, будетъ казнь, якоже явится **сыгрѣшение**» («А о главах, касающихся возможных преступлений, договоримся так: те обвинения в преступлениях, которые будут явно удостоверены <вещественными доказательствами>, пусть считаются бесспорно доказанными; а если какому-либо <доказательству> не будут верить, пусть клянётся та сторона, которая домогается, чтобы ему не доверяли; и когда поклянётся сторона та, пусть наказание будет соответствовать характеру преступления»). Термин *проказа* в договоре 944 (945) г. сохраняет родовое значение; термин *грех* имеет родо-видовое значение при квалификации правонарушения против здоровья: «Или аще ключится **проказа** нѣкака от грѣкъ, сущихъ подѣ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повелѣньемъ царства нашего, да примет, якоже будетъ створиль» («Если же будет совершено преступление кем-нибудь из греков, — наших царских поданных, — да не имете права наказывать их, но по нашему царскому

повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка»); «Или аще ударит мечемъ, или копьемъ, или кацемъ инымъ съсудом русинь грѣчина, или грѣчинъ русина, да того дѣля **грѣха** заплатитъ серебра литръ 5 по закону рускому...» («Если же ударит мечом или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то преступление пусть заплатит виновный 5 литров серебра по закону русскому...»).

По нашему мнению, значение и функциональное соотношение указанного ряда терминов недостаточно определено как в историческом правоведении, так и в историческом языкознании. Если термин *проказа* включён в словарь древнерусских юридических терминов ('ущерб, преступление') [4, с. 85], то термины *согрешение/грех* в нём отсутствуют. Термины *согрешение* (договор 911 г.) и *проказа* (договоры 911, 944 гг.) с идентичным значением 'преступление' включены в терминоуказатель историко-правового издания [6, вып. 1], а термин *грех* в нём не учтён. В словаре древнерусского языка у многозначной лексемы *проказа* (от *проказити* 'вредить, губить') отмечено производное юридическое значение 'преступление, злодеяние', иллюстрируемое именно фрагментами русско-греческих договоров 911, 944 гг. [11, вып. 20, с. 148]. Значение лексемы *согрешение* (от *согрешати* 'грешить' и 'совершать проступок') [11, вып. 26, с. 82], как и *грех* [11, вып. 4, с. 130–131], в том же словаре двупланово: религиозное 'грех' и нравственно-обыденное 'проступок, вина'; отсылка к юридическим текстам не приведено, хотя в юридическом дискурсе производное терминологическое значение, очевидно, было актуальным. Таким образом, суммарно в юридических и лингвистических словарях большее внимание уделено юридическому значению лексемы *проказа*, что не в полной мере отражает законодательную практику и специфику правового мышления в Древней Руси.

Русская Правда в XI в. стала обобщением правовой практики (устного права) восточных славян, предположительно VIII — первой половины IX в., то есть в дохристианскую эпоху. Письменная кодификация осуществлена благодаря распространению кириллицы в связи с официальным принятием христианства [10]. Поэтапность кодификации обусловила существование различных по хронологии и составу текстовых вариантов: древнейшая, краткая и пространная Правда, а также различные дополнения к ней. «Краткая Правда» сохранилась в двух списках середины XV в. в составе Новгородской первой летописи младшего извода.

На протяжении нескольких веков Русская Правда использовалась в судебной практике и включалась в состав крупнейших правовых актов до XVII в. Следовательно, язык документа, в том числе и терминология, были предметом профессиональной рефлексии нескольких поколений законодателей и правоприменителей.

Родовым термином для понятия правонарушения в Русской Правде выступает *обида*. Он относился к различным преступлениям против жизни, здоровья, имущества и использовался при определении санкции за ущерб (штрафа). Примеры терминопотребления в Краткой редакции памятника: «2. Или будеть кровавь или синь надъраженъ, то не искати ему видока челоуѣку тому; аще не будеть на немъ знамени никоторагоже, то ли приидеть видокъ; аще ли не можеть, ту тому конецъ; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за **обиду** 3 гривнѣ, а лѣтцю мьзда» («Или кто будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку свидетеля; если на нём не будет никакого признака ударов, то пусть придёт на суд свидетель; если же не сможет прийти, то тому делу конец; если кто за себя не может мстить, то взять за него князю за **обиду** 3 гривны и оплату врачу»); «4. Аще утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за **обиду**» («Если кто ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью, то 12 гривен за **обиду**»); «13. Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо портъ, а познаеть въ своемъ миру, то взяти ему своё, а 3 гривнѣ за **обиду**» («Если кто возьмёт чужого коня, или оружие, или одежду, а хозяин опознает в своём миру, то взять ему своё, а 3 гривны за **обиду**») [10].

Показательным, на наш взгляд, является текстовое варьирование эллиптического типа: термин *обида* употреблён не в каждом пункте, фиксирующем виды правонарушений, хотя в смысловом отношении он необходим: «4. Аще утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за **обиду**»; «5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука любо усохнуть, то 40 гривенъ» (подразумевается <за обиду>); «7. Аще ли персть утнеть которыи любо, 3 гривны за **обиду**»; «8. А во усѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ» (подразумевается <за обиду>) и т. д. Данный факт, с одной стороны, формально обусловлен отсутствием жёсткой регламентации конструкций правового языка, с другой стороны, свидетельствует о ядерном статусе понятия «обида» в юридическом языковом сознании: чередование эксплицитного и имплицитного вы-

ражения возможно при облигаторности подразумеваемого понятия.

Рецепция термина *обида* отражена в актах XII–XV вв.: княжеских уставах, договорах внутригосударственного и международного значения. Продуктивность первичного термина выразилась в образовании производных: *обидные дела* (Коростынский договор Великого Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире XV в. [6, вып. 2], *обидеть* кого-либо, суд, *преобидеть* устав (Устав князя Владимира Святославича XII–XIII вв. [6. Вып. 1], Устав князя Всеволода Мстиславича XIII в. [6, вып. 1]). Устойчивость юридического значения ‘правонарушение’ подтверждается смысловой идентичностью терминов *преобидеть* и *переступить*, например, в последних двух упомянутых уставах (ср.: *преобидеть* устав и *переступить* правила).

В словаре древнерусских юридических терминов *обида* трактуется как двузначный термин: ‘несправедливость, оскорбление’ и ‘ущерб, преступление’ [4, с. 65]. Аналогичный подход к дефиниции данного термина представлен в терминоподсказателе историко-правового издания [6, вып. 2, с. 409]: ‘правонарушение’ и ‘притеснение, злоупотребление’. По нашему мнению, значение ‘правонарушение’ выступает как родовое. В словаре древнерусского языка у лексемы *обида* выделено три значения: ‘несправедливость, нарушение прав, оскорбление’, ‘ссора, вражда’, ‘презрение’ [11, вып. 12, с. 49]. К первому значению среди прочих иллюстраций приведён фрагмент «Краткой Правды», то есть юридическое значение стало производным от нравственно-обыденного и, очевидно, долго сохраняло тесную связь с ним.

Итак, применение контекстологического и валентностного анализа, дефиниционно-компонентного анализа номинативных средств концепта «правонарушение» в сочетании с интен-анализом древнерусских юридических документов позволило детально охарактеризовать значение и функционирование сходных терминов. Выявлены три номинативные модели для понятия правонарушения в семантическом пространстве древнерусского права «проказа», «согрешение/грех», «обида». При совпадении формально-юридической семантики наблюдается функциональное разделение номинаций. Доминантным в языке внутрисударственного права был термин *обида*. Он не вступал в варианты отношения с *проказа*, *согрешение/грех*, которые были закреплены в международно-правовых актах.

Лингвокогнитивная интерпретация позволяет выявить причину юридической дифференциации рассмотренных номинативных моделей правонарушения. Официальный характер принятия любого правового акта предполагает продуманность отбора языковых средств, точно выражающих необходимый смысл и способствующих достижению коммуникативной цели. Идентифицирующим концептуальным признаком всех номинаций можно считать ‘нарушение нормы’: *проказа, согрешение/грех, обида* — обозначения конкретного действия, причиняющего физический, имущественный, моральный вред человеку. Дифференциальными концептуальными признаками являются следующие: *проказа* — ‘вред’, *грех* — ‘вина’, *обида* — ‘несправедливость’. Данный ряд отражает тенденцию не только называть конкретное противоправное действие, но оценивать его по нравственной и религиозной шкале.

Совместное функционирование номинативных моделей «проказа» и «грех» обусловлено потребностью комплексной характеристики правонарушения с точки зрения древнего правосознания: преступный замысел, вина, антирелигиозный характер поступка. Все эти характеристики сосредоточены на субъекте правонарушения. Выбор именно таких номинаций для международных договоров можно объяснить целями межкультурной коммуникации — адекватный перевод с сохранением официально-торжественной стилистики. При письменной коммуникации в X в. наибольшей близостью обладали старославянский и греческий языки. Греческие варианты договоров не сохранились, однако взаимодействие языков (в том числе калькирование) в условиях рецепции византийского церковного права очевидно. Благодаря общеславянским истокам семантика старославянских и древнерусских лексем *проказа* (и *проказьство*) и *грех, согрешение* была тесно связана, причём первые имели в основном книжный характер, поэтому семантически и стилистически вполне соответствовали официально-торжественному дискурсу [12, с. 179, 521, 647].

Как было отмечено, в собственно русском законодательстве с XI в. (Русская Правда и др.) номинативные модели «проказа» и «грех» не нашли применения, хотя в формальном отношении могли выражать необходимый юридический смысл. Сложившуюся лингвоправовую ситуацию можно объяснить влиянием этнокультурного фактора. Дифференциальный концептуальный признак ‘несправедливость’ номинативной модели «оби-

да» обусловил её этнокультурную облигаторность в русской юридической коммуникации и неполноэквивалентность в межкультурной коммуникации. *Обида* в русском правосознании — это не только нарушение нормы, вина правонарушителя, причинённый его поступком вред, но и возникающее у пострадавшего и всего коллектива ощущение несправедливости. Внимание при концептуализации акцентировано на дисгармонизации межличностных отношений и духовном мире жертвы, правонарушение осмыслено в первую очередь как результат безнравственного поведения в отношении другого члена коллектива.

Предлагаемая нами интерпретация подтверждается данными авторитетных этимологических, этнолингвокультурных исследований и словарей. Концепт «обида» — один из ключевых для русской ментальности, он выражает идею нравственного страдания из-за несправедливости: «уязвление души и сердца как следствие причинённого злой волей вреда или ущерба» [5, т. II, с. 530]. В основе концептуального признака ‘несправедливость’ лежит внутренняя форма ‘неодобрительно посмотреть’ либо ‘причинить беду’ [15, с. 263–264], то есть пропозиция межличностных отношений. В юридической коммуникации на основе этой пропозиции сформировалось формализованное значение, однако закрепление языкового знака в первичной форме *обида*, безусловно, обеспечивало сохранение фоновой нравственной коннотации. Поддержка коннотации обеспечивалась и религиозным дискурсом: в старославянском (церковнославянском) языке лексема *обида* также передавала представление о несправедливости, вреде [12, с. 390–391].

Ещё раз подчеркнём приоритетность юридической номинативной модели «обида» по сравнению с «проказа» и «грех», а также уникальность в отношении не используемой в изучаемый период модели «преступление». Системный подход к анализу этнолингвокультурного сознания демонстрирует непосредственную связь концептов «обида», «справедливость», «правда». Идея справедливости (ключевые лексемы *справедливость, правда, обида*) относится к константам национального менталитета, достаточно сослаться на [12, с. 12] при наличии многих работ на эту тему. *Обида* (наряду с *несправедливостью, неправдой*) представляет негативный полюс русского этнолингвокультурного сознания, *справедливость* и *правда* — позитивный полюс. По-видимому, речь идёт об архетипе национального правосознания: правонарушение как причинение

обида отдельному человеку противоречит справедливости во всём социуме. Историки национально-го права подчёркивают, что *справедливость* была одной из смысловых составляющих обобщающего древнерусского термина *правда* [9, с. 41].

Результаты языковой реконструкции свидетельствуют об архаичной индоевропейской связи права, справедливости, порядка [1, с. 299–301]. При этом в общеславянской картине мира идея нравственной основы права доведена до высшей степени, что отражено и в древнерусском языке: семантический синкретизм русских понятий «справедливость» и «право»/«закон» на фоне дифференциации исходных и производных понятий в неславянских языках (лат. *ius*: *lēs*, фр. *droit*: *loi*, англ. *right*: *law*, нем. *Recht*: *Gesetz*) [3, с. 235]. В частности, можно обратить внимание на противопоставленность европейского и славянского/русского понимания юридической правды: так, если в древнегерманской языковой картине мира ядерными концептуальными компонентами являются физически обусловленные признаки ‘крепость, твёрдость, неизменность’, то есть право понимается как совокупность реальных норм [13, с. 53–54], то в древнерусской языковой картине мира доминантный концептуальный признак ‘справедливость’ как представление не только о сложившемся, но и о должном, идеальном социальном устройстве. Синкретичность семантики и нравственная коннотация этимологически обусловлены: в праславянскую эпоху **pravъda* — производное от **pravъ*, которое на основе первоначального значения ‘вперёд направленный’ (как и индоевроп. **prōcos*) развило дальнейшие значения ‘прямой, ровный’ и ‘истинный, такой, как надо’, ‘справедливый’ [15, с. 323–324; 14, т. III, с. 352; 16, с. 178], соответственно **pravъda* — ‘истина’, ‘норма’, ‘справедливость’.

В лингвосемиотическом поле древнерусского права, таким образом, наблюдается органическая связь базовых понятий «норма» и «правонарушение» по способам их номинации. Этнокультурное значение названия кодекса Русская Правда подразумевает ‘свод истинных и справедливых правовых норм’, тем же значением обладал термин *правда* в нарицательном употреблении [8, с. 328–331]. *Обида* — любое ‘нарушение справедливости’, поэтому можно было *преобидеть* устав, *обидеть* суд, преступая императивно справедливые нормы.

Рассмотренные нами русско-греческие договоры и кодекс Русская Правда, безусловно, обладают статусом прецедентных текстов, причём не только для юридической сферы, но и в определённой

степени для обыденного правосознания в исторической перспективе. Представляется важным исследование дальнейшей судьбы рассмотренных древнерусских номинативных моделей для реконструкции языкового образа правонарушителя в ходе эволюции правового мышления в парадигме этнокультуры.

Подводя итоги исследования, необходимо констатировать достижение поставленной цели — реконструкции древнерусского концепта «правонарушение» в ранний период кодификации права. Комплексная методика работы с законодательными текстами, справочными и научными источниками позволила выявить и проанализировать компоненты концепта с учётом дискурсивных характеристик (социальных, культурных).

Структура концепта уже в X–XI вв. была трёхчастной, причём компоненты обладали неодинаковой функциональной значимостью. При наличии нескольких типов языкового моделирования правонарушения общей тенденцией была оценочность номинативных моделей: противоправное действие не только обозначалось, но и оценивалось по нравственной и религиозной шкале. Доминантной номинативной моделью был термин *обида*. Он функционировал в национальном кодексе Русская Правда и опирающихся на него актах XII–XV вв., преимущественно внутригосударственного значения. Двумя другими, причём взаимосвязанными, моделями были термины *проказа*, *согрешение/грех*, закреплённые в актах международного значения (русско-греческих договорах X в.).

В международных актах с помощью номинативных моделей «проказа» и «грех», поддержанных функциональной близостью старославянского и греческого языков, моделировался языковой образ правонарушителя с религиозным оттенком (отступник от нравственно-религиозного долга), что придавало текстам стилистическую приподнятость, обеспечивая эффект речевого воздействия. В древнем международном политико-юридическом дискурсе славяно-русская номинативная модель «обида» была неполноэквивалентной, имея избыточную для официальной коммуникации этнокультурную коннотацию — концептуальный признак ‘несправедливость’. Если выражение семантики несправедливости правонарушения не входило в коммуникативную цель международных договоров (на греческом языке и русских переводов), то для национального кодекса Русская Правда и других законодательных актов эта семантика была облигаторной. В собственно русской юри-

дической коммуникации при обозначении правонарушения в центре внимания был не столько субъект, нарушающий норму, сколько жертва, испытывающая страдание из-за несправедливости, то есть в целом концептуализировалась ситуация дисгармонизации отношений вследствие безнравственного поведения.

Несмотря на отсутствие внутритекстовых связей между *обида* и *проказа*, *согрешение/грех*, можно сделать вывод о том, что в древнерусском правосознании до официального принятия христианства, но под влиянием византийской традиции сформировалась оригинальная комплексная концепция преступления — социо-этико-религиозная. Языковая модель правонарушения была многоаспектной:

включала в себя и противоправное действие, наносящее вред (*проказа*), и субъективное состояние преступника, знающего о своём долге, но отступившего от него (*грех*), и нравственное страдание жертвы как части коллектива из-за несправедливости (*обида*), причём последний упомянутый компонент был доминантным, придавая этнокультурную специфику концепту «правонарушение». Следовательно, степень этнокультурной идентичности древнерусского правосознания и юридического языкового сознания была достаточно высока. По предварительным данным, реконструированная многоаспектная языковая модель правонарушения оказала определённое воздействие на дальнейшее развитие правосознания.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М., 1995. 456 с.
2. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. 696 с.
3. Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание : VIII Междунар. съезд славистов, Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. : докл. совет. делегации. М., 1978. С. 221–240.
4. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001. 119 с.
5. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб., 2014. 592 с.
6. Памятники русского права. Вып. 1–8. М., 1952–1961.
7. Повесть временных лет / подготовка текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Электронные публикации Ин-та рус. лит. РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 14.02.2020).
8. Попова Л. В. Этнокультурная специфика номинаций русских законодательных документов: диахронический аспект // Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2018. С. 328–331.
9. Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX — середины XVII в.). М., 2006. 269 с.
10. Русская Правда (краткая редакция) / подготовка текста, пер. и коммент. М. Б. Свердлова // Электронные публикации Ин-та рус. лит. РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4946> (дата обращения: 14.02.2020).
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1991. Вып. 1–17; 1992–. Вып. 18–.
12. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. 842 с.
13. Топорова Т. В. Древнегерманские представления о праве и правде // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 52–55.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Б. А. Ларина. 3-е изд., стер. СПб., 1996.
15. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1989. 511 с.
16. Шаповалова О. А. Этимологический словарь русского языка. Ростов н/Д., 2007. 240 с.

Сведения об авторе

Попова Людмила Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии Миасского филиала, Челябинский государственный университет. Миасс, Россия. mila_fil@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 102—109.*

ETHNO-CULTURAL SPECIFICITY OF THE OLD RUSSIAN CONCEPT “OFFENCE (MISDEMEANOR)”: EARLY PERIOD

L.V. Popova

Miass branch of Chelyabinsk State University, Miass, Russia. mila_fil@mail.ru

The article focuses on ethno-cultural patterns of the development of Russian legal language consciousness. We test a hypothesis that legal concepts are comprehended through the prism of ethnical moral values by the common and official legal language consciousness. A complex of linguistic methods was used in our research: intent-analysis of the documents, contextual and valence analysis, definitional and componential analyses, lingual and cognitive interpretation. The article three-part structure of the Old Russian concept “offence (misdemeanor)” was reconstructed: the intercultural-based nominative models “prokaza”, “sin” occurring in the Russian-Greek agreements of the 10th century and the not fully equivalent model “obida” present in the Russian Truth code and the later legislative acts. The Old Russian legal consciousness was developing before the official adoption of Christianity, then under the influence of the Byzantine tradition the socio-ethical-religious concept of offence was formed, in which the ethnically specific conceptual feature “injustice” retained dominance implying the moral suffering of the victim as part of the collective (“obida”). The results can be used in lexicographic, didactic and educational works, in ethno- and socio-cultural projects.

Keywords: *offence (misdemeanor) concept, obida (offence, misdemeanor), prokaza (offence, misdemeanor), sin (offence, misdemeanor), ethnic and cultural concept, legal term, Old Russian legal language consciousness.*

References

1. Benvenist, E. (1995) Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov [Dictionary of Indo-European social terms]. Moscow. 456 p. [in Russ.].
2. Zaliznyak, Anna A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. (2012) Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow. 696 p. [in Russ.].
3. Ivanov, V.V., Toporov, V.N. (1978) O yazyke drevnego slavyanskogo prava (k analizu neskol'kih klyuchevyh terminov) [On the language of ancient Slavic law (to the analysis of several key terms)]. *Slavyanskoe yazykoznanie*. VIII Mezhdunar. s'ezd slavistov, Zagreb–Lyublyana, sent. 1978 g.: dokl. sovetskoj delegacii. Moscow. Pp. 221–240. [in Russ.].
4. Isaev, M.A. (2001) Tolkovyj slovar' drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizan tiej do ustavnyh gramot Moskovskogo gosudarstva [Explanatory dictionary of Old Russian legal terms: From contracts with Byzantium to authorized diplomas of the Moscow state]. Moscow. 119 p. [in Russ.].
5. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V., Haritonov, A.A. (2014) Slovar' russkoj mental'nosti [Dictionary of the Russian mentality]: in 2 vol. St. Petersburg. [in Russ.].
6. Pamyatniki russkogo prava (1952–1961) [Monuments of the Russian right]. Issue 1–8. Moscow. 288 p. [in Russ.].
7. Povest' vremennyh let [Story of temporary years]. *Ehlektronnye publikacii Instituta russkoj literatury RAN*. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869>. (Accessed: 14.02.2020). [in Russ.].
8. Popova, L.V. (2018) Etnokul'turnaya specifika nominacij russkikh zakonodatel'nyh dokumentov: diahronicheskij aspekt [Ethnocultural specificity of denominations of the Russian legislative documents: diachronic aspect]. *Yazyk. Pravo. Obshchestvo*: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Penza. Pp. 328–331. [in Russ.].
9. Rogov, V.A., Rogov, V.V. (2006) Drevnerusskaya pravovaya terminologiya v otnoshenii k teorii prava (Ocherki IX — serediny XVII vv.) [Old Russian legal terminology in the relation to the theory of the right (Sketches of IX — the middle of the 17th centuries)]. Moscow. 269 p. [in Russ.].

10. Russkaya Pravda (Kratkaya redakciya) [Russian Truth (Short edition)]. *Ehlektronnye publikacii Instituta russkoj literatury RAN*. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4946> (Accessed: 14.02.2020). [in Russ.].
11. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (1975–1991) [Dictionary of Russian of the 11–17th centuries]. Moscow. Issue 1–17; 1992–. Issue 18–. [in Russ.].
12. Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) (1994) [The old Slavic dictionary (according to manuscripts of the 10–11th centuries)] / Ed. Blagova, R. M. Cejtlin, S. Gerodes. Moscow. 842 p. [in Russ.].
13. Toporova, T.V. (1995) Drevnegermanskije predstavleniya o prave i pravde [Ancient German notions of law and truth]. *Logicheskij analiz yazyka: Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke*. Moscow. Pp. 52–55. [in Russ.].
14. Fasmer, M. (1996) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian]: in 4 vol. 3 ed. St. Petersburg. [in Russ.].
15. Cyganenko, G.P. (1989) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian]. 2 ed., revised and supplemented. Kiev. 511 p. [in Russ.].
16. Shapovalova, O.A. (2007) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian]. Rostov on Don. 240 p. [in Russ.].

ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА ФРАНЦУЗСКОГО СИМВОЛИЗМА

Н. Б. Попова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается понятие «поэтическая картина мира», под которым понимается совокупность образов поэтического сознания, преломлённого через призму стиховой организации, специфической для каждой национальной культуры, каждого эстетического направления и каждого поэта в отдельности. Материалом для исследования послужили тексты французских поэтов-символистов, которые поэтизируют материальные символы увядания, уныния, печали и тоски. Утверждается, что в поэтической картине мира французского символизма доминирует принцип нарушения устоявшихся поэтических образов либо нарушения симметрии традиционной стиховой организации, принцип, который определяет специфику французской поэзии исследуемого периода.

Ключевые слова: *картина мира, французский символизм, александрийский стих, короткий метр, нечётный стих.*

Актуальное для современной науки понятие картины мира (КМ), введённое М. Хайдеггером, связано с общефилософским понятием «мировоззрение» и частными вариантами картин мира в разных сферах научного знания. Восприятие мира как картины свидетельствует о наличии у человека как мыслящего субъекта особого отношения к миру. При этом многие связи внешнего мира, возникающие в сознании человека, могут не существовать объективно. Всё это даёт возможность для дальнейшей разработки понятия КМ в рамках филологии. Основные выделяемые здесь разновидности картин мира — это *концептуальная картина мира* (ККМ), *научная картина мира* (НКМ), *языковая картина мира* (ЯКМ), подробно рассмотренные О. А. Корниловым в исследовании «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [3, с. 3–25].

Концептуальная и научная картины мира универсальны, так как связаны с объективным представлением знания о мире. *Языковая картина мира* — субъективна, она отражает восприятие мира конкретным этносом, зависит от культурных, исторических, этнических, социальных и собственно личностных факторов. ЯКМ, отражая «дух народа», зафиксирована в пословицах, поговорках, устойчивых выражениях конкретного этноса, которые функционируют во всех сферах общения и широко используются в художественных и поэтических текстах.

Таким образом, ЯКМ получает отражение в так называемой *художественной картине мира* (ХКМ), ещё одно производное понятие от понятия КМ. В рамках ХКМ может рассматриваться

языковая и художественно значимая картина мира того или иного автора как создателя произведения, может исследоваться в целом литературно-эстетическое направление и отдельный исторический период формирования той или иной литературно-художественной школы.

Отметим, что актуальное для современной лингвистики понятие художественной картины мира заимствует и то противоречивое единство, которое свойственно художественной литературе в целом как вербальному искусству, объединяющему художественную прозу и поэзию. При этом поэзия осознаётся как специфическая модель реального мира, как «особая проекция реальности», представленная поэтическим текстом с его метрическим делением на соизмеримые отрезки (стихи). В современной поэтике и поэтической лингвистике осуществляется изучение взаимодействия стиховой формы со словами. Сопоставление слов в условиях ритма и рифмы, отчётливое выявление звуковой стороны речи, взаимодействие ритмических и синтаксических построений создают сложные оттенки художественного слова и тончайшие сдвиги художественного и поэтического смысла, которые невозможно воплотить иным способом, кроме как в поэтическом тексте [11, с. 1046].

Именно поэтому мы разделяем точку зрения лингвистов, например, Ж. Н. Масловой [5; 6], о необходимости выделения понятия *поэтической картины мира* (ПКМ) как производного от понятия ХКМ. Однако, в отличие от авторов, использующих понятие поэтической картины мира, мы, вслед за Ю. М. Лотманом, акцентируем особое внимание на роли стиховой организации, которая

делает поэзию поэзией и которая была предметом пристального внимания этого крупного исследователя лингвистической поэтики [4].

Заметим, что понятие поэзии эволюционно первично по отношению к художественной прозе. Слово «поэзия» восходит к греческому *poiesis* (от *poieo* — делаю, творю). Представление о художественной прозе выводится из понятия поэзии в начале XIX в. наряду с выражением «изящная словесность», отгесняя исходное осмысление поэзии на второй план: 1) вся художественная литература в отличие от литературы нехудожественной; 2) стихотворные произведения в их сопоставимости с художественной прозой. Об этом свидетельствуют энциклопедические и специализированные словари [11, с. 1046; 13, с. 285–286].

Таким образом, в понятии поэтическая картина мира мы подчёркиваем организующую роль стиховой структуры как значимой составляющей, от которой во многом зависит преобразование вербального высказывания в эстетически значимый дискурсивный комплекс под названием «поэзия» или, используя современную терминологию, «поэтический дискурс».

Предметом настоящего исследования является *поэтическая картина мира* периода эстетики французского символизма, под которой мы понимаем все основные составляющие поэтического творчества французских поэтов периода символизма: мировосприятие и поэтический замысел, поэтические и художественные образы, поэтический язык и поэтический синтаксис, преобразованные стиховой структурой в особый слой поэтической образности.

Эстетика французского символизма — это специфический художественно-поэтический мир, требующий многократного осмысления подготовленным читателем конкретного поэтического текста в его разных аспектах. Одним из таких аспектов является осмысление эволюции французского стиха, институциональные критерии которого были заложены в XVII веке эстетикой французского классицизма в виде жёсткой схемы александрийского размера, представляющего собой 2 стиха по 12 слогов, объединённых парной рифмой и цезурой на 6-м слоге. Институциональные критерии французского стихосложения практически остаются неизменными вплоть до XIX–XX вв., хотя попытки введения разговорных элементов и разговорных интонаций способствуют расшатыванию и ломке традиционной схемы французского стихосложения. И этот долгий процесс охваты-

вает многие поэтические направления и школы эстетики романтизма, поэзии периода декаданса, включая эстетику символизма. При этом институциональные критерии организации поэтического высказывания и стихового размера в рамках дискурса поэзии французского символизма характеризуются уже устоявшейся общей тенденцией их нарушения, хотя нередко внешне сохраняется традиционная форма классицистического александрийца [10, с. 127–129].

Символизм развивается в условиях обострения кризиса французского и в целом европейского общества в 1870–1880-е гг., периода кануна войны и социальных революций. Социальная неудовлетворённость отражается и в кризисе культуры общества и, в частности, в неудовлетворённости натуралистическим методом, который ограничивал задачи искусства механическим воспроизведением внешних форм буржуазного быта с его житейской практичностью и духовной бедностью. Отвергая натурализм как метод и, одновременно, не принимая окружающую действительность, эстетика символизма характеризуется в целом пессимистическим настроением. Пессимизм поэтов-символистов представляется гораздо глубже, чем пессимизм романтиков, которые всё-таки верили в возможность воплощения своих идеалов. Поэты-символисты с исключительной остротой переживают трагедию личности. Отсюда крайний индивидуализм и субъективизм, протест против общества, облакающего личность на жалкое существование и погибель, бегство от реальной действительности в так называемую башню из слоновой кости, то есть к «искусству для искусства».

В эстетике символизма предметы материального мира трактуются как символы нематериальных представлений, как переход от реального мира к миру воображения, граничащего с миром мистическим. И в этом плане эстетика символизма близка философии Платона, который считал, что конкретные предметы и явления являются бледным и несовершенным отражением абстрактных идей, их тенями или иероглифами [12, с. 349–350].

Займствуя всё, что было идеалистического в романтизме, поэты-символисты создают поэзию ещё более идеалистическую, сравнимую с религиозным культом, метафизическим знаком, символом. Интуиция и ощущение становятся знаками коммуникации, символизирующей силой.

Идея французского символизма как призыв к трансцендентальной эстетике наиболее обобщённо звучит в сонете Ш. Бодлера «Соответствия»:

*Природа — это храм, где ряд живых колонн
О чём-то шепчет нам невнятные словами,
Лес тёмный символов знакомыми очами
На проходящего глядит со всех сторон.*

*Как людных городов созвучные раскаты
Сливаются вдали в один неясный гром,
Так в единении находятся живом
Все тоны на земле, цветы и ароматы.*

(перевод К. Бальмонта)

Природа — это храм, полный символов, видимые стороны которых соответствуют невидимым ощущениям, которые сами находятся между собой в тех или иных соответствиях. Роль поэта — уловить и передать эти соответствия, проникнув в тайну их непостижимой красоты.

Поэтическая синестезия, декларируемая Бодлером, отражает характерный признак сложной структуры символа в эстетике символизма. Поэтическая синестезия — это психологический феномен как элемент в составе целого, которым является поэтический символ новой эстетики. У Бодлера, например, в стихотворении «Маяки», а затем и у Малларме в стихотворении «Окна» поэтическая синестезия функционирует на основе зрительно-слуховых и обонятельных образов при описании боли, страдания и умирания через впечатления, вызванные слуховыми, зрительными и тактильными ощущениями.

Символ в отличие от синестезии — явление эстетическое, обладающее самостоятельной значимостью. Символ, как и метафора, это скрытое сравнение двух противоположных явлений: мира реальности с отрицательным знаком и мира воображения и вдохновения с положительным знаком. Структура поэтического символа во французском символизме вслед за первичным, а иногда и вторичным открытым сравнением предполагает одновременное функционирование нескольких значений в рамках того или иного элемента явного или скрытого сравнения. Иными словами, символ в эстетике символизма обладает многозначностью, неопределённостью, зыбкостью, подвижной и постоянно меняющейся структурой, как в плане меняющихся смыслов, так и в плане особенностей стиховой организации, от которой зыбкость и неопределённость смыслов находится в непосредственной зависимости.

Если Бодлер был предшественником и вдохновителем французского символизма, то его теоретиком становится Стефан Малларме, в доме которого проводились беседы и литературные чтения. Творческое объединение поэтов-символистов рождается

в 1880-е гг., тогда и был написан Жаном Мореасом манифест символизма. Хотя основные его представители, сам Малларме, Верлен и Рембо, были известны широкой публике уже в 1860–1870-х гг., период, когда их творчество развивалось независимо друг от друга в одном направлении, направлении эстетики символизма.

Эстетика символизма в общем и целом характеризуется тенденцией растворять конкретное в абстрактном, трактовать бытовые детали как символы нематериальных представлений. Так, любовная лирика символистов воспевала не женщину, а идеал женственности через какой-либо её атрибут, красоту осенней природы — через печаль опавшего листа. Глубокая печаль и чувство безнадежности — преобладающее настроение символистской поэзии. Человек у символистов беспомощен и обречён. Излюбленные образы поэтов-символистов — опавшие листья, лепестки увядшего цветка, звон погребального колокола, потухшая свеча, последние искры догорающего камина.

Художественные и поэтические приёмы поэтов-символистов, непосредственно связанные с их эстетическими принципами, определяют поэтическую картину мира символистического мировосприятия. Поэтика символизма ориентирована на внушение мистической тайны. Стремясь воздействовать на интуицию читателя, символисты придавали особое значение ритмической и звуковой форме вплоть до того, что превращали в самоцель музыкальное звучание слов. Они смотрели на поэзию как на разновидность музыкального искусства, они использовали полнорифмные рифмы, лёгкие ассонансы и изящные аллитерации, меняли ритмические основы стиховых размеров. Расширяя палитру классического двенадцатисложного стиха, они узаконили и его третичное деление (триметр), они ввели нечётные ритмы (11-, 9- и 7-сложные размеры). Стремясь усилить нарушение гармонии чётности в поэзии, они вводили разговорные интонации и короткий метр.

Ярким примером расширения поэтических возможностей стиховой структуры в эстетике французского символизма может послужить поэтическая картина мира Поля Верлена. С одной стороны, она отражает характерные в полной мере для поэзии символизма осенние и сумеречные тона, а с другой — чистоту и искренность переживаний, нежное отношение к изменчивой красоте природы, что свидетельствует о близости поэта к живописному импрессионизму.

Поэтика красоты увядания уже намечена в первом поэтическом сборнике Поля Верлена «Сатурновские стихотворения». Это стихи «Осенняя песня» и «Закаты». В «Осенней песне» коротким метром 4–4–3 передаётся состояние печали через абстрактные «рыдания скрипок осени», которые ранят сердце поэта «монотонной тоской»:

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon Coeur
D'une langueur
Monotone.

(Протяжные рыдания / Скрипок / Осени /
Ранят моё Сердце / Тоской / Монотонной)

(Verlaine. Poèmes Saturniens,
Chanson d'automne)

Практически поэт технически разбивает нечётный 11-сложный размер двух стихов, объединённых парной рифмой l'automne = monotone, напоминающий 12-сложный размер александрийского стиха:

4–4–3 Les sanglots longs / Des violons / De
l'automne //

4–4–3 Blessent mon Coeur / D'une langueur /
Monotone.

Однако это уже не классический александриец: в нём чётко ощущается внутреннее деление на 3 части, как у триметра, а не на 2, и эта нечётность в сочетании с нечётностью 11-сложника порождает новый тип симметрии — симметрию нечётности.

Волнообразное движение короткого метра сопровождает волнообразные изменения ассонансов разных регистров звука [o] (закрытого, открытого, носового) и аллитераций на ликидные согласные [l — m — r]. В этом гармоничном тоскливо-монотонном движении ритмико-звуковых конфигураций резко выделяется ритм 1–3, который своим неожиданным ударением на первый слог в глаголе Blessent (ранят) пронизывает болью описываемую гармоничную тоску в сердце поэта (mon Coeur) [8, с. 177–178].

Что касается стихотворения «Закаты», то оно тоже написано нечётным коротким метром (5-сложный размер) и тоже передаёт состояние тоски, хотя и не такое болезненное. Это, скорее, состояние печали (меланхолии) на закате перед ранним рассветом нового дня:

2–3 Une aube affaiblie
1–4 Verse par les champs
0–5 La melancolie
3–2 Des soleils couchants

0–5 La melancolie
1–4 Berce de doux chants
2–3 Mon coeur qui s'oublie
3–2 Aux soleils couchants.

(Ослабленный рассвет / Разливает по полям /
Меланхолию / Закатов. / Меланхолия /
Убаюкивает тихим пением / Моё сердце,
которое забывается (засыпает) / На закате).

(Verlaine. Poèmes Saturniens, Soleils couchants)

На 8 приведённых строк стихотворения приходится 4 ритма с двумя повторами каждого. Из них ритмы 2–3 и 1–4 имеют внутренние акценты, выделяющие наиболее значимые смысловые единицы стихотворения. Акцент 2 выделяет слова aube (рассвет) и coeur (сердце), которые объединённые параллелизмом метрическим, морфологическим и синтаксическим, сближают слова в семантическом аспекте, раскрывая в своей конкретике центральную метафору творчества П. Верлена «пейзаж души». Более сильное выделение акцента 1 приходится на глаголы Verse (разливать) и Berce (убаюкивать), которых сближает ещё и внутренняя рифма и которые входят в ритмико-синтаксический параллелизм обоих стихов с богатой, ко всему прочему, внешней рифмой par les champs = de doux chants.

Поэтический образ «пейзаж души» характерен в целом для сборника «Романсы без слов». Поэт как бы суггестирует в стихах этого сборника душевное настроение через фрагментарное описание разных явлений природы. Достаточно сослаться на такие настроения и состояния, как томление души, томление лесов и трав (Ariette oubliée I), плач дождя (Ariette oubliée III), образ заснеженной равнины с её бесконечной тоской (Ariette oubliée VIII).

Остановимся на «забытой песенке III» (Ariette oubliée III), известной как «Песнь дождя», стихотворении, написанном чётным 6-сложным размером:

2–4 Il pleure dans mon coeur
3–3 Comme il pleut sur la ville; //
1–5 Quelle est cette langueur
3–3 Qui pénètre mon coeur?

(Плачет моё сердце / подобно плачу дождя,
который идёт в городе. // Откуда эта тоска, /
Проникающая в моё сердце?)

(Verlaine. Romances sans paroles, VIII)

Это стихотворение может быть легко восстановлено в размере традиционного 12-сложника эстетики классицизма, которому до александрийского стиха недостаёт только парной рифмы:

6–6 Il pleure dans mon coeur / Comme il pleut sur la ville; //

6–6 Quelle est cette langueur / Qui pénètre mon coeur?

Одновременно с ритмическим обновлением стиха Верлен акцентирует его звуковую сторону протяжным и повторяющимся звуком закрытого и открытого [oe], входящим во внутреннюю и внешнюю рифму, объединяющего смыслы плача (Il pleure) и дождя (il pleut). При этом рифма у Верлена не воспринимается как организатор метрической структуры стиха, она — элемент гармонизации стиховой структуры, имеющей свободу локализации. Тот же звук [oe] волнообразным движением объединяет смыслы тоски (langueur) и сердечной боли (coeur). Рифма П. Верлена естественно соединяется с разговорной интонацией и мелодическим движением короткого метра. При этом внешняя (клаузальная) рифма получает тенденцию к ослаблению за счёт усиления рифмы внутренней и за счёт внутренних созвучий. Создаётся волнообразное движение стиха с ощущением передачи настроения как бы через ритмико-звуковой гипноз [9, с. 128–130].

Таким образом, в «пейзажах души» Верлена символизация звука достигается структурой короткого метра как чётного, а чаще нечётного стиха, которая становится мотивированной, так как вводит в подсознание смыслы конкретной лексики, вынося на поверхность поэтический ритмико-звуковой образ, обретающий художественный смысл.

Главным и наиболее последовательным теоретиком эстетики французского символизма является Стефан Малларме. Он создал целую галерею символических образов, которые эволюционируют в плане эксплицитности от метафизического осмысления символа к многоплановости его интерпретаций. Структура символа Малларме опирается чаще всего на синестезию, посредством которой воспроизводится не сама вещь, явление или понятие, а производимые ими впечатления или ощущения.

Показательным в этом плане может быть стихотворение «Окна» (Les Fenêtres), изображающее картину скорби, стихотворение, написанное под влиянием стихотворения «Маяки» Бодлера.

6–6 Las du triste hôpital, / et de l'encens fétide //

6–6 Qui monte en la blancheur / banale des rideaux//

6–6 Vers le grand crucifix / ennuyé du mur vide, //

6–6 Le moribond sournois / y redresse un vieux dos, //

(Устав от печальной больницы и от зловонного ладана, // Который поднимается над простенькой белизной занавесок // К огромному распятию на пустой стене // Умирующий медленно разгибает старую спину) //

6–6 Se traîne et va, moins pour / chauffer sa pourriture //

6–6 Que pour voir du soleil / sur les pierres, coller //

6–6 Les poils blancs et les os / de la maigre figure //

6–6 Aux fenêtres qu'un beau / rayon clair veut hâler. *(Едва передвигаясь, он движется, не столько, чтобы согреть себя, // Сколько чтобы увидеть солнечный свет на камнях, чтобы приложить // Седые волосы и своё худое лицо // К окнам, которых коснулся прекрасный солнечный луч).*

(St. Mallarmé, Poésies, Les Fenêtres)

Символ Малларме рождается не на базе реальных образов (больница, распятие, умирающий старый человек), символизирующих в стихотворении идею боли, страдания и умирания, а на впечатлениях, вызванных обонятельными слуховыми, зрительными и тактильными ощущениями. Это запах ладана, белизна голых стен и занавесок, это ещё теплящееся желание умирающего ощутить призрачный свет через оконное стекло. Глаза умирающего, с трудом добравшегося до окон больницы, надеются ощутить луч солнца, как идеальный мир таинственной красоты божественного света.

Таков первый план поэтического символа Малларме. При этом символ скорби и страдания является одновременно переходным моментом к созерцанию прекрасного идеала, окном, открытым в мир мечты.

12-сложный размер стихотворения нестабилен, очень подвижен внутри и в конце стиховой строки. Ощущается намеренное введение разговорных интонаций, которые проявляются в виде реже и стиховых переносов, размывающих стабильное течение классического 12-сложника внутри и в конце стиха: la blancheur / banale; crucifix / ennuyé; un beau / rayon clair; moins pour / chauffer; coller // Les poils. Неопределённость и размывость границ стиховой структуры соответствуют размывости и неопределённости самих символов боли и печали в поэтической картине мира Малларме.

Ещё одним примером развития метафизического символа Малларме в рамках структуры александрийского размера, сдерживающего и одновременно формирующего неоднозначное осмысление этого символа, может послужить стихотворение «Видение» (Apparition) [10, с. 126–131].

Через описание видения луны на мокром асфальте и воспоминаний о первом поцелуе поэт представляет себе зыбкий образ волшебной феи, олицетворяющий любимую женщину. Поэтическая зарисовка неопределённого и размытого образа первого поцелуя — ещё один пример поэтической картины мира эстетики символизма:

6–6 C'était le jour bénit // de ton premier baiser.
 6–6 Ma songerie aimant // à me martyriser
 6–6 S'enivrait savamment // du parfum de tristesse
 6–6 Que même sans tristesse // et sans déboire laisse
 6–6 La cueillaison d'un Rêve // au coeur qui l'a cueilli.

(Mallarmé. Poésies, 1887)

(Это был благословенный день твоего первого поцелуя // Моя мечтательность, наслаждаясь своими муками, // Искусно опьяняла себя запахом печали, // Которая без сожалений и разочарований позволяет // Сбор Мечты для сердца, который её собрал).

В цитируемом отрывке нет ни одного объективного образа, ни одного конкретного слова. Сам абстрактный образ поцелуя конкретизируется только порядковым числительным «premier» и притяжательным местоимением «ton». Вся окружающая образ поцелуя словесная ткань строится по основному принципу метафорических сочетаний: абстрактные существительные (jour, baiser, songerie, parfum, tristesse, tristesse, déboire, cueillaison) сочетаются с глаголами, требующими употребления конкретных существительных (aimer, enivrer, laisser, cueillir). Рождается удивительно поэтический образ, не воспроизводимый вербально. Он затруднён, затемнён, он герметичен для простого восприятия, требует повторного прочтения и тем самым даёт возможность семантическому пространству

поэтического символа расширяться в результате неоднозначной интерпретации.

Наиболее герметичным по смыслу представляется стих «La cueillaison d'un Rêve au coeur qui l'a cueilli» с его зеркальным ритмом 4–2–2–4 и таким же зеркальным лексическим наполнением. Интерпретация этой поэтической метафоры в рамках эстетики символизма может быть следующей: сорвать можно цветок, здесь же срывается Мечта как цветок, срывается для сердца, которое её, Мечту, и срывает. Стиховая строка как бы герметически замыкается сама в себе анэпифорическим звучанием начала и конца «La cueillaison — qui l'a cueilli».

Таким образом, исследование показало, что поэтическая картина мира, возникшая в эстетике символизма, представляет собой сложное филологическое явление, для осмысления которого требуется анализ ряда понятий, производных от философского содержания, заключённого в термине *картина мира*. Поэтическая картина мира французского символизма вмещает в себя общее эстетическое мировидение поэтов в сочетании с их индивидуальной поэтической картиной мира: конкретными художественными образами, поэтическими и стилистическими приёмами, конкретной стиховой организацией.

Проведённый анализ поэтических картин мира Поля Верлена и Стефана Малларме, таких разных по средствам поэтического и метрического выражения, но объединённых общей эстетической идеей поэтического символизма, даёт возможность в перспективе определить и разработать понятие эстетической картины мира (ЭКМ) как понятие, интегрирующее в том или ином конкретном эстетическом направлении семантико-прагматические особенности разных видов искусств.

Список литературы

1. Залевская А. А. «Образ мира» vs «языковая картина мира» // Картина мира и способы её репрезентации : научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование». Воронеж, 2003. С. 41–46.
2. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянских культур, 2012. 696 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
4. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 10–257.
5. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и её репрезентация в языке : дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2011. 421 с.
6. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира: методологическое обоснование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (026). С. 120–128.

7. Попова З. Д., Стернин И. А. Концептосфера и картина мира // *Язык и национальное сознание* / под ред. З. Д. Поповой, И. А. Стернина. Воронеж, 2002. Вып. 32. С. 4–8.
8. Попова Н. Б. Неопределённость как поэтический приём творчества Поля Верлена // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2011. Вып. 60. № 33 (248). С. 176–178.
9. Попова, Н. Б. От ментально-формальных границ александрийского стиха к импрессионистическому способу поэтического выражения // *Лингвистическая лимология : сборник статей по материалам Международной научной конференции (Москва, 27 октября 2018 г.)*. М. : ИИУ МГОУ, 2019. С. 121–132.
10. Попова, Н. Б. Поэтический дискурс: институциональные признаки французского символизма // *Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности : материалы X Всероссийской научной конференции*. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2018. С. 124–131.
11. Поэзия // *Советский энциклопедический словарь*. М. : Советская энциклопедия, 1985. С. 1046.
12. Тимофеев Л., Тураев С. Символизм // Тимофеев Л. И., Тураев С. В. *Словарь литературоведческих терминов*. М. : Просвещение, 1974. С. 349–351.
13. Тодоров, Л. Поэзия // Тимофеев Л. И., Тураев С. В. *Словарь литературоведческих терминов*. М. : Просвещение, 1974. С. 285–286.
14. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
15. Хайдеггер М. *Время картины мира* // Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления*. М. : Республика, 1993. С. 41–62.
16. Яковлев А. А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. Т. 15, № 2. С. 5–20.

Сведения об авторе

Попова Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. popova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 110–117.*

POETIC LIFE PICTURE OF FRENCH SYMBOLISM AESTHETICS

N.B. Popova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. popova@csu.ru

The article is devoted to study the notion “poetic life picture”. At the heart of this notion is informative poetic content in combination with all its components, one of which is the verse structure, which contributes to the transformation of words into aesthetically significant unity of the poetic discourse. The study data of our paper include the poetic texts of P. Verlaine and St. Mallarmé. The poets treat the objects of material world as the symbols of non-material presentations, as a passage from real world to the mystic world. The favorite images of poets-symbolists are dead leaves, faded flowers, the ringing of funeral bell (knell), the extinguished candle, last sparks in the hearth. The poetic life picture, representing a general aesthetic outlook of different poets with their individual particulars, depends on the concrete artistic figures and the poetical techniques, on the concrete application or modification of the verse organization features. The French symbolists realize this technique in the expression and content planes of their poetic creative work. For example, Paul Verlaine regularly makes good use of odd verses and short meters as decomposition means of normative verse structure. Stéphane Mallarmé, on the contrary, retaining the shape of the classical Alexandrine verse, decomposes the normative poetical images with unexpected components, which recompose into a generally acceptable poetical picture in the mosaic form thanks to the classical verse meter.

Keywords: *life picture, French symbolism, Alexandrine, short meter, odd verse.*

References

1. Zalevskaya, A.A. (2003) «Obraz mira» vp. «yazykovaya kartina mira». *Kartina mira i sposoby ee reprezentacii: Nauchnye doklady konferencii «Nacional'nye kartiny mira: yazyk, literatura, kul'tura, obrazovanie»*. Voronezh. Pp. 41–46. [in Russ.].
2. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelyov, A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira*. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ. 696 p. [in Russ.].
3. Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov*. 2 ed. Moscow. 349 p. [in Russ.].
4. Lotman, Yu.M. (1994) *Lekcii po struktural'noj poetike. Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. Moscow, Gnozis Publ. Pp. 10–257. [in Russ.].
5. Maslova, Zh.N. (2011) *Poeticheskaya kartina mira i ee reprezentaciya v yazyke* (Thesis). Tambov. 421 p.
6. Maslova, Zh.N. (2011) *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 1 (026), pp. 120–128. [in Russ.].
7. Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2002) *Konceptosfera i kartina mira. Yazyk i nacional'noe soznanie*. Ed by Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voronezh. Iss. 32. Pp. 4–8. [in Russ.].
8. Popova, N.B. (2011) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 33 (248), pp. 176–179. [in Russ.].
9. Popova, N.B. (2019) *Ot mental'no-formal'nyh granic aleksandrijkogo stiha k impressionisticheskomu sposobu poeticheskogo vyrazheniya. Lingvisticheskaya limologiya. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 27.10.2018)*. Moscow. Pp. 121–132. [in Russ.].
10. Popova, N.B. (2018) *Poeticheskij diskurs: institucional'nye priznaki francuzskogo simbolizma. Problemy konceptual'noj sistematiki rechi i rechevoj deyatel'nosti. Materialy H Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Irkutsk, Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet Publ. Pp. 124–131. [in Russ.].
11. Poeziya (1985). *Sovetskij enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ. P. 1046. [in Russ.].
12. Timofeev, L., Turaev, S. (1974) *Simvolizm. L. I. Timofeev i S. V. Turaev. Slovar' literaturovedcheskih terminov*. Moscow, Prosveshchenie Publ. Pp. 349–351. [in Russ.].
13. Todorov, L. (1971) *Poeziya. L. I. Timofeev i S. V. Turaev. Slovar' literaturovedcheskih terminov*. Moscow, Prosveshchenie Publ. Pp. 285–286. [in Russ.].
14. Uryson, E.V. (2003) *Problemy issledovaniya yazykovoj kartiny mira: analogiya v semantike*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ. 224 p. [in Russ.].
15. Hajdegger, M. (1993) *Vremya kartiny mira. Hajdegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya*. Moscow, Respublika Publ. Pp. 41–62. [in Russ.].
16. Yakovlev, A.A. (2017) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, vol. 15, № 2, pp. 5–20. [in Russ.].

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ (на примере пьесы М. Хейфеца «Спасти камер-юнкера Пушкина»)

С. Г. Рау

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается приём парцелляции с точки зрения возможности передавать эмоциональность устного высказывания в письменном художественном тексте с помощью определённых синтаксических конструкций. Представлены основные функции парцелляции как средства речевого воздействия: образительная, характерологическая и эмоционально-выделительная — на примере пьесы М. Хейфеца «Спасти камер-юнкера Пушкина: история одного несостоявшегося подвига» (2011 г.). Сделан вывод о том, что приём парцелляции способен передавать в письменном тексте эмоциональную разговорную речь и оказывать влияние на эмпатическое восприятие.

Ключевые слова: парцелляция, функции парцелляции, речевоздействующие средства, стилизация разговорной речи, художественный дискурс, драматургический текст, Михаил Хейфец.

Исследование средств речевого воздействия, используемых в тексте, — одно из актуальных направлений современной лингвистики. В этом аспекте особенно пристально рассматриваются рекламный и публицистический тексты, медиатекст, художественный поэтический текст. Пока ещё недостаточно внимания уделяется художественной прозе. Тем не менее от того, какие средства речевого воздействия использует автор произведения, зависит восприятие и интерпретация текста читателем. Немалое место в художественном тексте занимает разговорная речь как неотъемлемая часть бытия, описываемого автором.

Автор художественного текста стремится передать в своём произведении разговорную речь именно так, чтобы читателем она воспринималась со всей выразительностью, характерным смыслом, со всеми интонациями и эмоциями, которые в ней заложены. Наиболее актуальна эта задача для автора драматического произведения, так как его творение полностью состоит из диалогов и монологов персонажей, являющихся главным средством передачи их характеристик и действий.

Для воспроизведения речи своих героев драматургу необходимо использовать особые приёмы письменного литературного языка, «стилистические фигуры речи»*, «экспрессивные синтаксические конструкции»**, средства эмотивного

синтаксиса***, одним из которых является **парцелляция**. В письменном тексте она помогает передавать с помощью знаков препинания характерную для эмоциональной разговорной речи неоднородность, прерывистость. Под *разговорной речью* мы понимаем здесь «разновидность устной литературной речи, обслуживающую повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющую функцию общения и воздействия» [9, с. 407]. Приближая текст к реальности, обыденности, автор достигает правдоподобия и, как следствие, адекватного восприятия произведения той категорией читателей, которой оно адресовано.

Лингвистический термин *парцелляция* образован от французского слова *parcelle* — *частица* и обозначает «стилистический приём, заключающийся в расчленении синтаксической структуры — предложения — на несколько интонационно-смысловых единиц — фраз» [17, с. 454–455]. Структурно господствующую часть парцелляции (парцеллированной конструкции) называют базовой частью, а структурно зависимую часть (части) — парцеллятом (парцеллятами). Для отделения парцеллята от базовой части и парцеллятов друг от друга используются знаки конца предложения (точка, многоточие, восклицательный или вопросительный знак). При этом логический смысл высказывания заключён целиком во всей парцеллированной конструкции; парцеллят неясен без базовой части.

*Л. В. Рыжова-Гришина и Е. Н. Гришина.

** А. П. Сквородников.

*** О. А. Турбина — см. список литературы.

Парцеллированными могут быть предложения простые, сложносочинённые и сложноподчинённые; в качестве парцеллят могут выступать различные члены предложения, однородные члены, вводные слова или словосочетания.

Один из первых авторитетных исследователей парцелляции Ю. В. Ванников назвал этим термином «речевую презентацию предложения в виде нескольких коммуникативно самостоятельных сегментов (фраз) одного высказывания» [5, с. 58].

А. П. Сковородников отнёс парцелляцию к экспрессивным* синтаксическим конструкциям, определил как «представленность предложения в виде двух или нескольких фраз в экспрессивных целях» [13, с. 141], обозначил и классифицировал её функции.

О. А. Турбина выделяет парцелляцию как одну из категорий эмотивного** синтаксиса, «конструкции которого рождаются в процессе речевого акта импровизационными средствами и, следовательно, по преимуществу имеют окказиональный (индивидуальный или субъективный) характер» [15, с. 4].

Нам важна парцелляция с точки зрения её экспрессивных свойств — возможности передавать в письменном художественном тексте с помощью определённых синтаксических конструкций эмоциональность устного высказывания. Как известно, знаки препинания определяют на письме тот или иной способ прочтения/произнесения текста, графически оформляют интонации устной речи, зафиксированные в письменном тексте, интонации в свою очередь передают эмоции автора или персонажей, выраженные в разговорной речи, а их эмоции оказывают влияние на эмоциональное состояние читателя/слушателя. Таким образом осуществляется речевое воздействие текста на читателя.

Онтология речевого воздействия и методология его исследования в текстах подробно разработана в монографии Е. В. Шелестюк [20]. «Речевое воздействие есть влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, обусловленное особыми предметными целями говорящего» [20, с. 10]. Такими целями субъекта

*Экспрессивный (от лат. expression — выражение) — выразительный, способный отразить эмоциональное состояние.

** Эмотиология — когнитивная теория эмоций, объединяющая когнитивную психологию и лингвистику.

(автора) могут быть влияние на эмоциональный настрой реципиента (читателя или слушателя), а далее на его поведение и личностные качества.

В исследовании воздействующих особенностей парцеллированных конструкций в тексте монопьесы*** Михаила Хейфеца «Спасти камер-юнкера Пушкина» [1] используется классификация функций парцелляции как экспрессивной (выразительно-эмоциональной) синтаксической конструкции в художественных прозаических произведениях, разработанная А. П. Сковородниковым [13, с. 161–171]. В художественном стиле он выделяет функции парцелляции: изобразительную, характерологическую, эмоционально-выделительную и грамматико-семантическую. Все они достаточно полно и разнообразно представлены в пьесе, с точки зрения речевого воздействия на читателя нам интересны *изобразительная, характерологическая и эмоционально-выделительная* функции. Рассмотрим их подробнее на примерах из текста (курсивом выделены соответствующие своим функциям парцеллаты; авторская пунктуация сохранена). Добавим, что пьеса адресована современному юному читателю/театральному зрителю и имеет соответствующую стилистику.

Парцелляция, имеющая **изобразительную функцию**, помогает автору, в соответствии с его интенцией (замыслом), конкретизировать определённый художественный образ, обратить на него внимание читателя, заставить его испытывать различные эмоции. Парцеллированные конструкции с изобразительной функцией занимают значительное место в художественной речи. Эта функция может быть реализована в тексте в нескольких вариантах:

1. Парцелляция разбивает описание последовательно происходящих действий на отдельные короткие фрагменты, словно на кадры кинофильма, и читатель фиксирует в своём воображении каждый такой «кадр», как будто просматривает киноленту: «Пушкин падает. *Пистолет летит в снег. Все к нему бросаются. Но он хочет стрелять*».

2. Эффект кадрирования создают также парцеллированные конструкции, описывающие окружающую действительность, — словно камера перемещается с предмета на предмет, последовательно показывая обстановку, в которой происходят события: «Бывший лицей — старинный четырёхэтажный особняк. *Длиннющие коридоры. Лепка. Зеркала*».

*** Определение автора.

Парцеллированные конструкции, выполняющие изобразительную функцию и описывающие «покадрово» действия персонажей и окружающую их обстановку, позволяют читателю «видеть» каждое действие, каждый предмет — каждый «кадр» — в отдельности, собирая в своём воображении единую картину происходящего. Лаконичные парцелляты, в отличие от развёрнутых описаний, позволяют читателю самостоятельно представить себе подробности событий, почувствовать себя сопричастным им.

3. Парцелляты, разбивающие текст на отдельные синтагмы (единое смысловое целое), создают замедленный ритм, усиливают эффект длительности, постепенности происходящих событий. Такие парцеллированные конструкции строятся по тому же принципу, что и описанное выше «покадровое» описание действий, но в этом варианте указывают на их протяжённость во времени, что определяется на лексическом уровне: «Но нашли ребята, которые поняли не хуже меня, что это за место. *Пришли. Объяснили популярно. Пришлось делиться. Потом ещё. Потом опять. А потом уже и делить нечего было...*».

Благодаря таким синтаксическим конструкциям внимание читателя останавливается на каждом парцелляте, заставляя его осмысливать описываемые события в соответствии с собственным опытом.

4. Парцеллят выделяет из общей картины наиболее существенные детали или элементы поведения персонажа. Зачастую для того, чтобы заострить на них внимание, автору достаточно выделить одно-единственное характерное слово: «Училка хищно смотрит. *Скалится*. Но для приличия ждёт», «Теперь-то времена другие. *Интернет*. Не надо никуда ходить».

5. Парцеллят выделяет важное, с точки зрения автора, определение, конкретизируя описываемый художественный образ, уточняя некоторые его детали, акцентируя на них внимание читателя: «Получается — языковой барьер. *Да и социальный*. Не будет со мной Дантес стреляться. Даже и разговаривать не будет».

С помощью таких приёмов парцелляции, как выделение из изображаемой писателем общей картины наиболее существенных элементов действий или определений, автор помогает читателю увидеть те акценты, которые соответствуют его интенции.

6. Парцелляция может являться средством усиления изобразительного контраста, противоречия.

Такие синтаксические конструкции автор может использовать в психологическом портрете персонажа, в представлении его поведения, а также в описании ситуации или обстановки: «Побегал Дантес вокруг Наташки с пистолетом. Поугрожал прямо тут себя и кончить, от несчастной любви. *Но не кончил. Может, не успел. А может, помешал кто. А может, и не очень хотелось*».

Каждая деталь такого описания воспринимается изолированно от других, как отдельная черта, в совокупности создавая многогранный, противоречивый образ.

7. Парцеллированные конструкции обеспечивают перебой ритма текста, что создаёт эффект неожиданности, усиливает экспрессию (выразительность) действия: «А что Пушкин? // А ничего. // Поставил своего противника к барьеру, доел не спеша вишню. *А потом пальнул в воздух, да и поехал себе домой*». В этом примере парцелляты отделены от базовой части парцеллированной конструкции не только точкой, но и абзацем, что «расценивается как приём усиления коммуникативной выразительности» [3, с. 245].

Такие описания с помощью парцелляции помогают читателю переживать эмоции — радости, облегчения, возмущения, гнева, сопереживать персонажам произведения, что немаловажно для формирования его личностных качеств.

В тесной связи с изобразительной находится **характерологическая функция парцелляции**, которая заключается в имитации речевой манеры субъекта повествования (автора, рассказчика, лирического героя) или персонажа художественного произведения. Эта функция может быть реализована в тексте в следующих вариантах:

1. Парцелляция как средство придания речи повествователя или персонажа разговорной интонации присоединения, а также как средство выражения периферийной присоединительной связи, характерной для разговорной речи: «Это сейчас мы знаем. *Что он гений и что он — наше всё. А тогда мало кто об этом догадывался*».

Такие парцеллированные конструкции приближают повествователя или персонаж к читателю, который как бы становится его собеседником.

2. С помощью парцелляции автор может включать в повествование элементы речи персонажа, а в речь персонажа — элементы речи другого персонажа, создавая тем самым контекст несобственно-прямой (сочетающей в себе элементы прямой и косвенной) речи: «Началось... // *Да как ты смеешь... Имя Пушкина... Ничего святого...*

Прав был Дубасов. *Чего его Дантес раньше не кончил?* Короче, выгнали меня из класса».

Подобные конструкции передают стремительность речи персонажа — ему не до пояснений, он торопится передать «в лицах» чужие слова или диалог, и читатель проникается тем же состоянием.

3. Парцелляция является одним из средств характеристики внутреннего состояния персонажа через трансляцию его внутренней речи — её дискретности (прерывистости, дробности) и слабой синтаксической организованности: «У меня всех родителей — одна мама. *Жалко её. Себя жалко. Дубасова жалко... Всех жалко, кроме Пушкина*».

Воспроизведение внутренней речи, характерной для того персонажа, каким его задумал автор, помогает ему добиться от читателя сопереживания своему герою.

Эмоционально-выделительную функцию имеют синтаксические конструкции, в которых с помощью парцелляции передаётся эмоциональное состояние персонажа (реже — автора), усиление его эмоций или его субъективная эмоциональная оценка тех или иных явлений, уже обозначенных в тексте на лексическом уровне. Таким образом, средством выражения эмоциональной оценки является ассоциативная связь слов и интонации, обозначенной на письме парцелляцией. Причём не имеет значения, в парцелляте или в базовой части находится вербальное выражение эмоции: «И чтобы мальчишки постоянно не дрались, у нас на эту машинку очередь была на месяц вперёд расписана. *И надо же!* Именно сегодня как раз должна была быть моя очередь. // *А я стою в углу!*» (эмоция возмущения есть и в базовой части — подчеркнута, и в парцелляте), «Белые ночи. Мосты сводят-разводят. *Красиво*».

Эмоции персонажей, зафиксированные графически автором произведения, хорошо передаются

читателю, задевают струны его души. Читатель в свою очередь испытывает ту же гамму эмоций, что и персонаж; разделённые эмоции дают ощущение близости, сопричастности, спасают от равнодушия.

Следует добавить, что грамматико-семантическая функция парцелляции проявляется на формально-структурном уровне анализа текста. Она заключается в модификации графического оформления отношений между членами одного ряда, которые несут чаще всего поясняющий или уточняющий смысл, и является общей, сквозной для описанных выше функций парцелляции как речевого воздействующего средства.

Художественный стиль является самым «парцеллирующим» стилем [13, с. 151], а из всех прозаических жанров, пожалуй, наиболее «парцеллирующим» является жанр драматургии. Особенно современная драматургия и особенно драматургия, адресованная преимущественно юному читателю/зрителю — в силу специфики его восприятия, обусловленной «клиповым» сознанием. Чтобы «достучаться» до своих читателей, быть услышанным, пробудить в них эмоции, которые послужат формированию чувств, а в дальнейшем ценностных ориентаций и мировоззрения, станут основой мотиваций их деятельности, драматург разговаривает практически на одном с ними языке.

Таким образом, проанализировав в тексте пьесы М. Хейфеца «Спасти камер-юнкера Пушкина» варианты воспроизведения разговорной речи при помощи парцеллированных конструкций, можно заключить, что парцелляция, обладая изобразительной, характерологической и эмоционально-выделительной функциями, является эффективным средством речевого воздействия и может оказывать влияние на эмоциональное восприятие текста читателем.

Список литературы

1. Хейфец М. Спасти камер-юнкера Пушкина: история одного несостоявшегося подвига // Михаил Хейфец [сайт]. — URL: <https://mihhey.jimdo.com/пьесы/пушкин/пушкин-2/> (дата обращения: 28.02.2020).
2. Адамова М. В. Роль и место эмоций в языковой картине мира человека // Внутренний мир человека: эмоции, когниция, коммуникация : сборник научных статей / отв. ред. И. П. Амзаракова; науч. ред. М. В. Малинович. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2017. С. 10–15.
3. Акимова, Г. Н. Наблюдения над сегментированными конструкциями в современном русском языке // Синтаксис и стилистика / отв. ред. Г. А. Золотова ; Академия наук СССР, Институт русского языка. М. : Наука, 1976. С. 237–247.
4. Валгина, Н. С. Теория текста : учебное пособие. М. : Логос, 2004. 280 с.
5. Ванников, Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М. : Русский язык, 1979. 296 с.

6. Ваулина Т. Л. К вопросу о разграничении присоединения и парцелляции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 458–464. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razgranichenii-prisoedineniya-i-partselljatsii/viewer> (дата обращения: 28.02.2020).
7. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2013. 240 с.
8. Каркошко О. П. Парцелляция: структура, семантика, функция: (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.19 «Теория языка» / Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2011. 27 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/345001/a?#?page=27> (дата обращения: 28.02.2020).
9. Лаптева О. А. Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 407–408.
10. Нашхоева М. Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. Вып. 12, № 1. С. 95–98.
11. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского ; сост. Л. А. Карпенко. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство политической литературы, 1990. 494 с.
12. Рыжкова-Гришина Л. В., Гришина Е. Н. Художественные средства: изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи : словарь. М. : Флинта, 2015. 337 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/70393> (дата обращения: 28.02.2020).
13. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования : [монография]. Томск : Издательство Томского университета, 1981. 256 с.
14. Турбина О. А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10, № 2. С. 4–9.
15. Турбина О. А. Эмотивный синтаксис и его категории // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики : тезисы докладов Всероссийской научной конференции / Челябинский государственный университет. Челябинск : [б. и.], 1996. С. 117–118.
16. Флоря А. В. Русская стилистика : курс лекций. 6-е изд., стер. М. : Флинта, 2019. 892 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/115808> (дата обращения: 28.02.2020).
17. Цумарев А. Э. Парцелляция // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 454–456.
18. Чепиль А. Р. История изучения приёма парцелляции в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. URL: <https://www.sworld.com.ua/index.php/uk/philosophy-and-philology-311/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-311/7717-history-of-admission-parcelling-in-the-works-of-domestic-and-foreign-linguists> (дата обращения: 28.02.2020).
19. Шелестюк Е. В. Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 20. С. 166–176. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/121/026.pdf> (дата обращения: 28.02.2020).
20. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2014. 344 с.

Сведения об авторе

Рау Светлана Генриховна — магистрант филологического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, главный библиограф научной библиотеки Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. swetlanarau@yandex.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 118—124.*

PARCELLING AS A MEANS OF PERSUASION IN MODERN DRAMATURGY (exemplified by Mikhail Heifets' play "Saving Kammer-Junker Pushkin")

S.G. Rau

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.
swetlanarau@yandex.ru*

The article discusses parcelling (detachment) as a particular syntactic construction in terms of its ability to convey the emotionality of oral utterances in a literary text. We consider the main persuasive functions of parcelling. The classification of parcelling functions developed by A. P. Skovorodnikov is taken by us as a basis. By the example of the play by M. Heifets "Saving Kammer-Junker Pushkin: the story of a failed feat" (2011), the pictorial, characterological, and emotional-emphatic functions of parcelling are considered in detail. It is concluded that the parcelling technique is able to convey emotional colloquial speech in a written text and ensure empathic perception.

Keywords: *parcelling, functions of parcelling, speech-acting tools, stylization of spoken speech, artistic discourse, dramatic text, Michael Heifets.*

References

1. Heifets, M. Spasti kamer-yunkera Pushkina: istoriya odnogo nesostoyavshegosya podviga [Saving the kammer-junker Pushkin: the story of a failed feat]. Available at: <https://mihhey.jimdo.com/пьесы/пушкин/пушкин-2>, accessed 28.02.2020. [in Russ.].
2. Adamova, M.V. (2017) Rol' i mesto emotsii v yazykovoii kartine mira cheloveka. Vnutrennii mir cheloveka: emotsii, kognitsiya, kommunikatsiya [The role and place of emotions in the language picture of the human world. Human inner world: emotions, cognition, communication]. I. P. Amzarakova, M. V. Malynovich (eds.). Abakan, N. M. Katanov KhSU Publ. Pp. 10–15. [in Russ.].
3. Akimova, G.N. (2017) Nabludeniya nad segmentirovannymi konstruktsiyami v sovremennom russkom yazyke. Syntaksis i stilistika [Study of segmented structures in the modern Russian language. Syntax and style]. G. A. Zolotova (ed.). Moscow, Nauka Publ. Pp. 237–247. [in Russ.].
4. Valgina, N.S. (2004) *Teoria teksta* [Text theory]. Moscow, Logos Publ. 280 p. [in Russ.].
5. Vannikov, Y.V. (1979) Sintaksis rechi i sintaksicheskie osobennosti russkoi rechi [The syntax of words and syntactic features of Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ. 296 p. [in Russ.].
6. Vulina, T.L. (2008) K voprosu o razgranichenii prisoedineniya i partselyatsii [On the issue of differentiation of joining and parcelling]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of history, philology and culture], no 22, pp. 458–464. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razgranichenii-prisoedineniya-i-partselyatsii/viewer>, accessed 28.02.2020. [in Russ.].
7. Issers, O.S. (2013) *Rechevoe vozdeistvie* [Speech impact]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 240 p. [in Russ.].
8. Karkoshko, O.P. (2011) *Parchelyatsiya: struktura, semantika, funktsiya (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Parcelling: structure, semantics, function (based on Russian and German): Abstract of Thesis]. Maykop. 27 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/345001/a/#?page=1>, accessed 28.02.2020. [in Russ.].
9. Laptva, O.A. (2002) *Razgovornaya rech. Lingvisticheskii enstiklopedicheskii slovar'* [Spoken language. Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yarceva (ed). Moscow, Big Russian encyclopedia Publ. Pp. 407–408. [in Russ.].
10. Nashchoeva, M.R. (2011) *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the SUSU. Series: Linguistics], iss. 12, no. 1, pp. 95–98. [in Russ.].
11. *Psikhologiya: slovar'* (1990) [Psychology: dictionary]. A. V. Petrovskii and M. G. Yaroshevskii (eds.), comp. L. A. Karpenko. Moscow, Political literature publishing house. 494 p. [in Russ.].

12. Ryzhkova-Gryshina, L.V., Gryshina, E.N. (2015) *Khudozhestvennye sredstva: izobrazitelno-vyrazitel'nye sredstva yazyka i stilisticheskie figury rechi: slovar'* [Artistic means: visual and expressive means of language and stylistic figures of speech: dictionary]. Moscow, Flinta Publ. 337 p. Available at: <https://e.lanbook.com/book/70393>, accessed 28.02.2020. [in Russ.].
13. Skovorodnikov, A.P. (1981) *Ekspressivnye sintaksicheskie konstruktzii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo issledovaniya* [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language: experience of system research]. Tomsk, Tomsk University Publ. 256 p. [in Russ.].
14. Turbina, O.A. (2013) *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the SUSU. Series: Linguistics], vol. 10, no. 2, pp. 4–9. [in Russ.].
15. Turbina, O.A. (1996) *Emotivnyi sintaksis i ego kategorii* [Emotive syntax and its categories]. *Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki: tezisy dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet* [Actual problems of theoretical and applied linguistics: abstracts of the all-Russian scientific conference, Chelyabinsk State University]. Chelyabinsk. Pp. 117–118. [in Russ.].
16. Florya, A.V. (2019) *Russkaya stilistika* [Russian stylistic]. Moscow, Flinta Publ. 892 p. Available at: <https://e.lanbook.com/book/115808>, accessed 28.02.2020. [in Russ.].
17. Tsumarev, A.E. (2003) *Partselyatsiya. Kultura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Parcelling. Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference]. L. Y. Ivanov, A. P. Skovorodnikov, E. N. Shiryayev (eds.). Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. Pp. 454–456. [in Russ.].
18. Chepill, A.R. *Istoriya izucheniya priyoma partselyatsii v trudakh otechestvennykh i zarubezhnykh lingvistov* [History of admission parcelling in the works of domestic and foreign linguists]. Available at: <https://www.sworld.com.ua/index.php/uk/philosophy-and-philology-311/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-311/7717-history-of-admission-parcelling-in-the-works-of-domestic-and-foreign-linguists>, accessed 28.02.2020. [in Russ.].
19. Shelestyuk, E.V. (2008) *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 20, pp. 166–176. Available at: <http://www.lib.csu.ru/vch/121/026.pdf>, accessed 28.02.2020. [in Russ.].
20. Shelestyuk, E.V. (2014) *Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya* [Speech effects: ontology and research methodology]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 344 p. [in Russ.].

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Ан. А. Селютин¹, Е. А. Селютина²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

Исследуются особенности языкового сознания студента вуза, обусловленные влиянием корпоративной культуры. На основе анализа коммуникативных практик студентов гуманитарных факультетов Челябинского государственного университета делается предположение о механизмах формирования устойчивых элементов языкового сознания и элементов языковой картины мира, выявляется влияние корпоративной коммуникации на формирование и закрепление образа вуза в языковом сознании студентов.

Ключевые слова: языковое сознание, языковая картина мира, образ вуза, корпоративная картина мира, корпоративная культура.

В нашей статье мы будем использовать в качестве базового термин «языковое сознание», под которым, вслед за Ж. Б. Абильдиновой, мы понимаем «сложный психолингвистический феномен, являющийся частью когнитивного сознания и отвечающий за механизмы речевой деятельности человека» [1, с. 40]. Данное определение подчёркивает познавательный момент речевой деятельности субъекта, и это важно учитывать, поскольку коммуникативные практики любого коллектива накладывают свой отпечаток на языковое сознание его членов, формируя определённые стереотипы, маркеры общей языковой картины мира (нормы нравственного поведения, сознание и самопознание). Результатом этого воздействия может быть появление корпоративного языка, особого кода, принятого в одной организации, который постороннему человеку будет не совсем понятен. Подобное языковое образование вполне успешно вписывается в такое явление, как корпоративная культура — связующее звено между членами коллектива, объединёнными общими целями и задачами, нормами, правилами поведения, традициями, принятыми в данной организации. Подробнее об исследованиях, посвящённых корпоративной культуре, можно найти в работах Е. М. Кобозевой [4], А. Б. Денисовой [2], А. В. Погодиной [6] и др. Также по аналогии с корпоративной культурой современные исследователи изучают и профессиональную культуру, формирующую профессиональный взгляд на мир сквозь призму профессионального языкового сознания [см, например 5; 9; 10]. В этом случае и в корпоративной культуре, и в профессиональной культуре наблюдаются схо-

жие явления, когда в среде носителей социально маркированного языка возникает определённая языковая картина мира, влияющая на восприятие окружающей действительности. То есть в процессе формирования языкового коллектива, для которого характерна определённая стандартизованная модель речевого поведения, «формируется мир говорящих на определённом языке, а языковая картина мира предстаёт как совокупность знаний о мире, запечатлённых в лексике, фразеологии, грамматике. Причём формирование этих установок осуществляется непосредственно при вхождении индивида в этот коллектив» [8, с. 18]. Но поскольку корпорация — это не абстрактная категория, а наоборот, имеющая свои многочисленные реальные проявления в виде здания, куда сотрудники каждый день ходят на работу, символики, корпоративной прессы и т. п., то можно говорить о том, что корпоративная картина мира очень тесно связана с образом самой корпорации и, возможно, им и ограничена.

Для выявления специфики языкового сознания студентов, находящихся в условиях воздействия определённой корпоративной культуры, мы провели эксперимент, в котором приняли участие студенты-старшекурсники факультетов историко-филологического, журналистики, Евразии и Востока Челябинского государственного университета (всего 45 человек). Мы сознательно не приглашали в данный эксперимент студентов младших курсов, поскольку наличие в их языковом сознании устойчивых элементов корпоративной культуры вуза является сомнительным. Выбор факультетов также был сознателен, так как все они гуманитарные

и находятся в одном здании, поскольку корпоративная культура вуза должна предположительно одинаково воздействовать на студентов этих специальностей, входящих в её сферу, а также способами формирования языкового сознания гуманитариев.

Всю проделанную работу мы разделили на три этапа:

- а) ассоциативный эксперимент;
- б) анкетирование;
- в) анализ текстов газеты «Университетская набережная» за 2019–2020 гг., выявление языковых маркеров, предположительно оказывающих влияние на формирование элементов языкового сознания.

В ходе первого этапа был проведён ассоциативный эксперимент. Испытуемым (студенты указанных факультетов) было предложено написать свободные ассоциации на слова-стимулы, отобранные в соответствии с задачами исследования. Полученные ассоциации мы подвергли количественному анализу, в ходе которого выявлены наиболее устойчивые ассоциации, признанные ассоциативным ядром, а также периферийные языковые ассоциации.

При проведении ассоциативного исследования в качестве слов-стимулов использовались корпоративно-маркированные слова, которые являются общеупотребительными, частотными для исследуемой среды, а также обладающие определённой семантической нагруженностью (дефиниция данных понятий дополняется элементами, важными для их функционирования в корпоративной среде). Слова-стимулы были поделены на пять тематических групп:

- 1) описание структурных элементов организации: библиотека, 1-й корпус, общежитие, профком, деканат, университет;
- 2) учебный процесс и связанные с ним элементы: сессия, экзамен, пара, зачёт, практика, знания, курсовая, семинар, учёба лекция;
- 3) сотрудники вуза и профессорско-преподавательский состав (то есть люди, которые работают в вузе): вахтёр, охрана, методист, кандидат, преподаватель, преподаватель, доцент, наука;
- 4) вещественные элементы учебного процесса, непосредственно связанные с обучающимся (студентом): стипендия, зачётка, шпаргалка;
- 5) качественная характеристика обучающегося: ленивый, добросовестный, умный.

В ходе обработки полученного ассоциативного материала были выявлены устойчивые, стереотипные элементы корпоративной картины мира, которые находят отражение в языковом сознании

студентов — носителей корпоративной культуры. Данные элементы обладают различными связями как на уровне лексико-вербальном, так и на уровне когнитивных построений, если пользоваться схемой описания языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым.

Анализ первой группы слов-стимулов, относящихся к описанию структурных элементов организации (библиотека, 1-й корпус, общежитие, профком, деканат, университет):

1) слово-стимул «библиотека» — преобладающая ассоциация с «книгами» (8), далее, по убывающей, мы отметили такие совпадения «второй дом» (5), что свидетельствует о постоянном нахождении студентов в библиотеке;

2) слово-стимул «1-й корпус» — «главный» (17), «ЧелГУ» (15), «красный» (9) реципиенты визуально воспринимают вуз, который построен из красного кирпича;

3) слово-стимул «общежитие» — связано с положительными характеристиками «веселье» (14), «дом» (11), «Молодогвардейцев» (6). Последняя ассоциация связана с локацией (названием улицы), на которой находится общежитие;

4) слово-стимул «профком» — преобладающая ассоциация «студенты» (32), так как они играют ключевую роль в профкоме. Это также указывает на прочную семантическую связь в сочетаниях «студенческий профком», «профком для студентов», «профсоюзная студенческая организация» и т. п.;

5) слово-стимул «деканат» — наиболее частотным ответом является ассоциация «декан» (28);

6) слово-стимул «университет» — ассоциации частично перекликаются со словом-стимулом «1-й корпус», присутствуют ответы «ЧелГУ» (17), классический (11), также встречается упоминание имён преподавателей/сотрудников, что свидетельствует об определённом авторитете преподавателя, когда категория личности человека и место работы совпадают.

Анализ второй группы слов-стимулов, относящихся к описанию учебного процесса и связанного с ним элементов: сессия, экзамен, пара, зачёт, практика, знания, курсовая, семинар, учёба лекция:

1) слово-стимул «сессия» — в основном преобладают негативные реакции, например, «ужас» (7), «кошмар» (13), что говорит о присутствии в языковом сознании студентов представления о сессии как об очень нервном, негативном процессе. Также присутствует атрибутивная реакция «экзамен» (10);

2) слово-стимул «экзамен» — большое разнообразие ассоциаций: от «нервы» (8), «проверка» (6), «оценка» (7) до «автомат» (8) и «шпаргалка» (5), что говорит о сугубо индивидуальном отношении каждого студента к этому слову-стимулу;

3) слово-стимул «пара» большое количество ассоциаций, связанных со временем, что показывает смещение семантического поля слова «пара», студентами оно воспринимается однозначно как временной отрезок;

4) слово-стимул «зачёт» — наиболее распространённое слово-реакция «автомат» (15), что подчёркивает определённые традиции и, соответственно, ожидания студентов от этого процесса; «зачётка» (9), что свидетельствует о взаимосвязанности этих понятий, их неразрывности;

5) слово-стимул «практика» вызвало многочисленные ассоциации, которые не поддаются группировке, однако семантической доминантой является сема «работа», что показывает смещение семантического поля у студентов старших курсов под влиянием прохождения производственной практики в различных учреждениях;

6) слово-стимул «знания» — преобладают ассоциации, связанные с временным отрезком «пара» (6); с крылатым выражением «сила» (5);

7) слово-стимул «курсовая» — вызывает наиболее частую реакцию «работа» (11), имеющую, как мы полагаем, устойчивую семантическую связь с формой представления результатов исследования и не подразумевающую сам процесс подготовки;

8) слово-стимул «семинар» вызывает разнообразные ассоциации, среди которых преобладают «общение» (4), «ответ» (4), связь с определённым предметом (ИЗЛ, философия и т. п.), а также наличие определённых материалов, используемых при подготовке (библиотека, практика);

9) слово-стимул «учёба» вызывает реакции, связанные со знанием;

10) слово-стимул «лекция» — преобладают ответы, связанные со временем «пара» (7), с состоянием студентов «сон» (5).

Анализ третьей группы слов-стимулов, относящихся к описанию сотрудников вуза и профессорско-преподавательского состава: вахтёр, охрана, методист, кандидат, преподаватель, преподаватель, доцент, наука:

1) слово-стимул «вахтёр» ассоциируется со словом «пропуск»;

2) слово-стимул «охрана» ассоциируется с «формой» (9), что отличает охрану от других сотрудни-

ков; «пропуск» (6) — необходимей элемент, чтобы пройти в университет;

3) слово-стимул «методист» вызвало разнообразные реакции, что показывает незначительное присутствие данной леммы в языковом сознании студентов и редкое его употребление. Самая распространённая реакция — «разработчик» (3);

4) слово-стимул «преподаватель» ассоциируется со словом-реакцией «умный», что свидетельствует об авторитете преподавателя;

5) слово-стимул «кандидат» — большинство испытуемых отреагировало на этот стимул словами «наук» (14), что говорит о семантическом корреляте этих слов, образующих устойчивое словосочетание;

6) слово-стимул «доцент» — наиболее частая ассоциация «умный» (11), что подтверждает наличие некоего устойчивого профессионального образа;

7) слово-стимул «наука» получило наибольшую реакцию «знания» (12), а также слова, синтаксически связанные с этим стимулом.

Анализ четвёртой группы слов-стимулов, связанной с вещественными элементами учебного процесса: стипендия, зачётка, шпаргалка:

1) слово-стимул «стипендия» вызывает реакции, связанные с «деньгами» (21). Это свидетельствует о том, что студент воспринимает стипендию как источник дохода;

2) слово-стимул «зачётка» имеет парадигматическую связь со словами: «синяя книжка» (4), «оценка» (8), «сессия» (9), что свидетельствует о взаимосвязанности этих понятий, их неразрывности, то есть в сознании студентов «зачётка» аккумулирует в себя весь эмоциональный фон, связанный с процессом сдачи экзаменов, зачётов, в том числе непосредственное общение с преподавателем;

3) слово-стимул «шпаргалка» воспринимается студентами как источник спасения: «помощь» (7), «уверенность» (5).

Анализ пятой группы слов-стимулов, связанных с качественной характеристикой обучающегося: ленивый, добросовестный, умный:

1) слова-стимулы «ленивый» и «добросовестный» связаны в сознании со словом «студент» (7), что говорит о стереотипности восприятия;

2) слово-стимул «умный» ассоциируется с «очками» (7), что говорит о стереотипности восприятия.

Полученные результаты ассоциативного эксперимента мы сравнили с данными Русского ассоциативного словаря [1] и получили следующие результаты:

В первой группе есть прямые совпадения: «библиотека» — книги, «общежитие» — студенческое, что является следствием традиционного восприятия действительности.

Во второй группе есть совпадения: «сессия» — экзамены, практика — работа, «пара» — два, «курсовая» — работа, «знание» — сила, что указывает на традиционное восприятие данных элементов учебного процесса.

Слова-стимулы из других групп, такие как *профком, декан, деканат, зачётка, пропуск, охрана, семинар, шпаргалка, вахтёр*, отсутствуют в Русском ассоциативном словаре, поэтому сравнение полученных реакций невозможно. Тем не менее данные слова зафиксированы в устном и письменном употреблении в речи студентов, причём с достаточно большой частотой, и поэтому они имеют большое значение для формирования языковой картины мира представителя данной корпоративной культуры. Ассоциативная реакция на эти слова подтверждает специфичность их восприятия.

Таким образом, можно отметить, что в каждой ассоциативной группе присутствуют как типичные стереотипы восприятия реалий, относящихся к вузу, характерные для широкого круга респондентов, так и специфические ассоциации, подтверждающие изменение языкового сознания студентов (в части восприятия семантического поля слова) под влиянием корпоративной культуры вуза. Сходство слов-стимулов у студентов ЧелГУ показало, что ассоциативные реакции являются имиджевыми маркерами (показателями) корпоративной культуры в целом и корпоративной культуры отдельного вуза в частности.

Для подтверждения данных, полученных в ходе проведения ассоциативного эксперимента, мы воспользовались методом анкетирования. Испытуемым были предложены вопросы, напрямую относящиеся к вузу, связанные с его историей, структурой, подразделениями. Например:

1. В каком году основан университет?
2. Сколько факультетов в ЧелГУ?
3. Сколько корпусов у ЧелГУ?
4. Какие два факультета были первыми?
5. В каких городах находятся филиалы ЧелГУ?
6. Сколько институтов у ЧелГУ? и т. д.

Также для выявления устойчивых стереотипов языкового сознания мы предложили закончить фразы, в которых первый компонент семантически связан с университетом (Университетская ...; институт ...; Челябинский ... университет; Житни-

ковские ...; Университетские ... и т. п.). Респонденты, заканчивая фразу, подсознательно вписывали нужное/предполагаемое слово. Этот метод основан на выявлении базисных представлений об изучаемом явлении, перешедших в разряд неосознанных. Так, в словосочетании «житниковские», как правило, ответ был «чтения»; «университетская» — «набережная», «университет» — «классический» и т. п. Также было предложено задание расшифровать аббревиатуры, что является косвенным подтверждением знания элементов корпоративной культуры вуза (например, ЦТС — центр творчества студентов; ИЭкОБиА — институт экономики отраслей, бизнеса и администрирования; ФЛиП — факультет лингвистики и перевода).

Ответы ориентированы на знание, носят фактический характер и складываются в некую единую систему знаний, которые навязываются в качестве обязательных всем представителям ЧелГУ. Возникает как бы «пространство значений», то есть закреплённые в языке представления о мире (в данном случае о вузе) вплетаются в национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на определённом языке, а языковая картина мира предстаёт как совокупность знаний о мире, запечатлённых в лексике, которые помогают понять, чем отличаются корпоративные культуры, как они взаимодействуют друг с другом.

Ещё одним проверочным элементом результатов ассоциативного эксперимента выступили тексты внутрикорпоративной газеты «Университетская набережная», которые мы методом сплошной выборки проверили на предмет частотного употребления различных слов и словосочетаний. Полученный результат поделили на три группы:

1) творчество студентов: творчество, весна студенческая, первые шаги, фестиваль творчества, шаг в творчество;

2) события в жизни университета: конференция (международная, научная, студенческая, трудового коллектива...), олимпиада (по математике, лидеров...), день (здоровья, переводчика, знаний в Троицком филиале, археолога...), неделя (французского языка, здорового образа жизни...), отпраздновали;

3) достижения: высокий уровень (научной подготовки...), почётные грамоты, достижения (научные, спортивные), награды (заслуженные, нашли наших героев), лучшие (студенты, инвесторы, молодой специалист, результаты в международном праве, в России, книги, командообразования,

лидеры молодого поколения), лауреаты (стипендии), развитие (университета).

В «Университетской набережной» употребляется местоимение «мы», которое говорит о том, что коллектив воспринимает себя как единое целое. Вследствие этого появляется феномен языкового объединения, в том числе и в рамках языковой картины мира, а следовательно, и появляются схожие стереотипы языкового сознания. Задача газеты — показать, заметить лучшее для создания позитивного имиджа, поскольку «Университетская набережная» — это своеобразное отражение вуза.

Таким образом, в ходе проведённого анализа элементов корпоративной коммуникации, а также выявленных устойчивых стереотипов языкового сознания носителей корпоративной культуры вуза мы пришли к выводу, что в языковом сознании студентов формируются определённые стереотипные формы восприятия окружающей действительности, обусловленные продолжительным нахождением в корпоративной среде. Данные языковые стереотипы находят своё отражение и в когнитивном плане, что подтверждают данные ассоциативного эксперимента.

Список литературы

1. Абильдинова Ж. Б. Языковое сознание как психолингвистический феномен // Нефилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 33–43. DOI: 10.20310/2587–6953–2018–4–14–33–43.
2. Денисова А. Б. Информационные и коммуникационные технологии в формировании корпоративной культуры вуза // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 2. С. 23–29.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Кобозева Е. М., Осипова Н. Е. Методы и подходы к исследованию корпоративной культуры организации // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 3. С. 52–56.
5. Мыскин С. В. Профессиональное самоопределение языковой личности // Вопросы психолингвистики. 2013. № 18. С. 66–77.
6. Погодина А. В., Крылова С. Д. Модели корпоративной культуры вузов // Психологическая наука и образование. 2008. № 5. С. 92–97.
7. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т 1 : От стимула к реакции : около 7 000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М. : Астрель : АСТ, 2002. 784 с.
8. Селютин А. А. Корпоративная культура как совокупность текстов: лингвокультурологический анализ : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 126 с.
9. Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. 336 с.
10. Чернышова Л. А. Профессиональная языковая картина мира: общее и обусловленное // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6, т. 2. С. 98–102.

Сведения об авторах

Селютин Андрей Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. blind11@yandex.ru

Селютина Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и русского языка, Челябинский государственный институт культуры. Челябинск, Россия. L22502@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 125–130.*

FEATURES OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF UNIVERSITY STUDENTS

An.A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. blind11@yandex.ru

E.A. Selyutina

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia. L22502@yandex.ru

The article examines the features of the language consciousness of a university student due to the influence of the corporate culture and its social environment. Based on the analysis of communicative practices of students of the Humanities faculties of Chelyabinsk State University, the authors make an assumption about the mechanisms of formation of stable elements of language consciousness and elements of the language picture of the world caused by the influence of a certain corporate culture. The influence of corporate communications on the formation and consolidation of the image of the university in the language consciousness of students is revealed through an associative experiment, questionnaires and the analysis of corporate newspaper texts.

Keywords: *linguistic consciousness, linguistic picture of the world, the image of the university, the corporate world, corporate culture.*

References

1. Abildinova, Z.B. (2018) *Neofilologiya* [Neophilology], vol. 4, no. 14, pp. 33–43. DOI: 10.20310/2587–6953–2018–4–14–33–43. [in Russ.].
2. Denisova, A.B. (2012) *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the peoples ‘friendship University of Russia], no. 2, pp. 23–29. [in Russ.].
3. Karaulov, Ju.N. (2010) *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost’* [Russian language and language personality]. Moscow, LKI Pubk. 264 p. [in Russ.].
4. Kobozeva, E.M. (2019) *Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Bulletin of the southern Institute of management], no. 3, pp. 52–56. [in Russ.].
5. Myskin, S.V. (2013) *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], no. 18, pp. 66–77. [in Russ.].
6. Pogodina, A.V. (2008) *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], no. 5, pp. 92–97. [in Russ.].
7. *Russkij asociativnyj slovar’ v 2 tomakh* (2002). Tom 1. Ot stimula k reakcii: okolo 7000 stimulov [Russian associative dictionary in 2 volumes]. Moscow, Astrel Publ, AST Publ. 784 p. [in Russ.].
8. Seljutin A.A. (2007) *Korporativnaja kul’tura kak sovokupnost’ tekstov: lingvokul’turologicheskij analiz* [Corporate culture as a set of texts: linguoculturological analysis. Thesis]. Chelyabinsk. 126 p. [in Russ.].
9. Harchenko, E.V. (2003) *Modeli rechevogo povedenija v professional’nom obshhenii: monografija* [Models of speech behavior in professional communication: monograph]. Chelyabinsk. 336 p. [in Russ.].
10. Chernyshova, L.A. (2011) *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow state regional University. Series: Linguistics], no. 6, vol. 2, pp. 98–102. [in Russ.].

КАУЗАТИВНАЯ СЕМАНТИКА ДВУСОСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СЛОГАНА (на материале английского языка)

Л. А. Саубанова, Ф. А. Хуснутдинова

Бакирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа, Россия

Объектом исследования являются английские рекламные слоганы, представленные двусоставными именными конструкциями и глаголами широкой семантики. Такие конструкции могут приобретать семантику каузативности за счёт полифункциональной прагматической установки слогана и более полного развёртывания сценария. В статье также рассматриваются стандартные языковые механизмы, которые способствуют формированию побудительной семантики слогана.

Ключевые слова: каузация, побудительность, слоган, экзистенциональность, посессивность, когнитивная метафора.

Употребление номинативных и императивных глагольных конструкций в рекламных слоганах связано с каузацией адресата к покупке. Помимо номинативных и императивных конструкций в рекламных слоганах отмечается употребление двусоставных конструкций в каузативной функции. Конструкции-слоганы имеют в себе функции создания положительных ассоциаций у адресата, связанных с товаром потребления. Анализ литературы по вопросу о функциях слогана показал, что каждый автор подчёркивает разнообразие выделенных функций, полифункциональность слогана, но при этом отмечается, что в каждом конкретном случае используемые слоганы могут проявлять себя как доминантные, так и второстепенные [5; 8–10].

Исследование показало, что двусоставные конструкции используются в рекламе предприятий, которые не могут обойтись только краткими императивными и номинативными конструкциями, создающими положительные ассоциации с рекламируемым товаром. Компаниям необходимо раскрыть сущность рекламируемого товара, его выгодные свойства по сравнению с другими (**агональная функция**), те свойства, которые определяют стиль поведения (**поучительная функция**), заставить потенциального клиента действовать в нужном ключе любыми вербальными и невербальными средствами (**побудительная функция**), сформировать позитивное отношение к рекламируемому бренду (**презентационная функция**), выбрать стилистически положительно окрашенную лексику, которая будет способствовать созданию благоприятного настроения при описании

рекламируемого товара или услуги (**декоративная (орнаментальная) функция**), что требует более развёрнутой языковой информации в виде сценария [5, с. 8]. Некоторые авторы дополняют список функций у слогана: **воздействующая функция** (включает в себя эмотивное, эстетическое и убеждающее воздействие), **информативная функция** (выражается в информировании потенциального покупателя о важнейших свойствах рекламируемого товара или услуги), **аттрактивная функция** (заключается в привлечении внимания адресата сообщения к компании, её миссии, деятельности, товарам и услугам с целью вызвать определённый положительный отклик), **текстообразующая функция** (выражается в резюмирующем характере рекламного слогана, несущего в себе основное информационное ядро рекламного послания), **коннективная функция** (проявляется в том, что слоган является связующим звеном между отдельными компонентами рекламной коммуникации), **мнемоническая функция** (определяется через фиксирование рекламного послания и названия рекламируемого бренда в сознании потенциального потребителя), **магическая функция** (напрямую зависит от суггестивности рекламного слогана, его способности воздействовать на сознание адресата сообщения при помощи разнообразных языковых средств), **моделирующая функция** (проявляется в том, что рекламные слоганы принимают непосредственное участие в конструировании специфической модели мира) [8, с. 149; 9, с. 258–262]. Перечисленные функции являются тем прагматическим фактором, который формирует каузативную функцию слогана и, соответственно,

анализируемых двусоставных конструкций. Гипотезой исследования является то, что функция слогана с помощью соответствующего языкового механизма способствует появлению каузативной семантики в двусоставных предложениях.

Исследование двусоставных английских рекламных слоганов показывает, что наиболее часто предикативная часть представляет собой составное именное сказуемое с глаголом-связкой *be*, например: *Guinness is good for you!* (пивной бренд, принадлежащий ирландской компании *Diageo*), *The Sky's the limit* (US Air Force — один из видов Вооружённых сил Соединённых Штатов Америки). Исходя из теории экзистенциальности и посессивности вся глагольная лексика может быть охарактеризована в виде глаголов экзистенциальности и посессивности [12]. Например, с помощью глагола *wait* в слогане *Victory won't wait for the nation that's late* (Big Ben Clocks) выражается сущностная информация, связывающая категорию времени и рекламную продукцию. Предикативная часть всего предложения в целом может рассматриваться как экзистенциальный предикат, то есть как семантический эквивалент глагола *Be*. Было выявлено, что для слоганов, содержащих составное именное сказуемое с глаголом-связкой *be* и его эквивалентами, актуально понятие экзистенциальности, под которой понимается локализованное событие на оси времени [12, с. 139]. Благодаря двусоставности конструкции слоган становится более выразительным, динамичным, объёмным в своей фазовой представленности на оси времени, а полифункциональная прагматика слогана способствует появлению каузативной семантики в двусоставных конструкциях слогана.

Наряду с экзистенциальным типом предикатов каузативная семантика может проявляться в конструкциях с семантикой бенефактивности, или посессивности. В лингвистической литературе существуют две основные тенденции толкования понятия посессивности: с одной стороны, это понятие часто сводят к понятию обладания, собственности [1], а с другой стороны, даётся чрезвычайно широкое определение, в соответствии с которым посессивность охватывает почти любое отношение между субстанциями [3], а иногда и отношения между предметом и признаком [4]. Согласно точке зрения О. Н. Селиверстовой, которая также определяет посессивность как широкую и всеохватывающую категорию, варианты посессивности сводятся к трём основным случаям, в соответствии с чем объектом посессивного отношения бывает:

1) то, на что распространяется власть посессора (моральная, юридическая, физическая). Например, *Have you ever had a bad time in Levi's?* (Levi Strauss & Co (Levi's) производитель одежды (в первую очередь джинсовой) и обуви);

2) то, что является частью посессора или частью его существования. Например, *You have my word* (Isuzu — первая японская автомобилестроительная компания);

3) то, что несёт в себе элемент самого посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору) — *Do you have the bunny inside?* (Energizer) [11, с. 136–137]. Данные примеры с предикатами посессивности формируют позитивное отношение между адресантом и адресатом и, соответственно, побудительную семантику.

В примере *Like a good neighbor, State Farm is there* (американская страховая компания State Farm) наблюдается использование когнитивной метафоры как языкового средства появления каузативной семантики. *A good neighbor* является Неизвестным, Целью механизма когнитивной метафоры, который создаёт образ соседства, *a State Farm* является Источником, или Известным в структуре когнитивной метафоры, что характеризует саму страховую компанию *State Farm*. Тем самым определяется наличие общих признаков между объектом (*State Farm*) и средством отождествления (*a good neighbor*). Используя данную когнитивную метафору, производитель (адресант) обращает внимание адресата на близость расположения офисов компании *State Farm*. Таким образом, адресат скрыто каузируется к использованию услуг данной компании. Языковая развёрнутость сценария двусоставной конструкции вполне оправдывается необходимостью описать содержательную составляющую рекламируемого института. Прагматический потенциал в приведённом примере актуализируется через агональную и информативную функции.

Копирайтеры компании Apple при создании цифрового аудиоплеера iPod shuffle выбрали для своей продукции слоган *Life is random*. Двусоставность конструкции представлена субъектной частью *life*, предикативной частью в виде составного именного сказуемого с глаголом-связкой *be* и именной частью *random*. Языковым механизмом, способствующим появлению семантики каузативности, является когнитивная метафора, которая как Известное характеризует суть жизни, её случайность. Именно эта семантика случайности, микширования, содержащаяся в структуре двусоставной конструкции *life is random*, используется

для характеристики Неизвестного — iPod shuffle. Описательная развёрнутость данной конструкции позволяет не просто призвать покупателя к приобретению данного товара, но и раскрыть достаточно глубоко весь потенциал приобретаемого товара. Ведущими прагматическими функциями данного слогана, формирующими побудительную семантику, являются агональная и декоративная (орнаментальная) функции. Позитивный образ рекламируемого товара, связанный с метафорическим смыслом возможности сделать свою жизнь независимой, напрямую связан со способом достижения цели — покупки iPod shuffle.

В примере *Because you're worth it* (слоган французской компании, лидера мирового рынка парфюмерии и косметики L'Oréal) двусоставная конструкция слогана с глаголом *be* представлена в виде парцелированной конструкции сложноподчинённого каузативного предложения. Основным элементом конструкции является фразеологическое сочетание с элементом *worth*, характеризующее высшую степень хвалебной оценки адресата и рекламируемого товара. Адресатом является Прекрасная Женщина, а рекламируемым товаром — продукция фирмы, которая сделает её ещё более прекрасной. Агональная и побудительная функции данного слогана позволяют раскрыть в двусоставной фразеологической конструкции связь между приобретаемым товаром и адресатом. Тем самым формируется каузативная семантика в двусоставной конструкции с глаголом *be*.

В примере *Life's journey. Enjoy the ride* (слоган автопроизводителя Nissan) двусоставность конструкции представлена субъектной частью *life*, предикативной частью в виде составного именного сказуемого с глаголом *be* в виде связки и именной частью *journey*. В первой части слогана просматривается концептуальная метафора, под которой понимается процесс, происходящий на уровне человеческого мышления, который затем находит отражение в языковой структуре. В теории концептуальной метафоры моделируется взаимодействие двух когнитивных структур, или областей: области Источника и области Цели [2, с. 5]. В данном примере область Цели, то есть то, что в действительности описывается (*life*), выражается с помощью области Источника (*journey*). Вторая часть слогана, с точки зрения прагматики, является директивным речевым актом в императивной конструкции. Каузативность данного слогана заключается в описании высшей степени положительной характеристики продукта, необходимого

для ежедневного потребления. Ведущими функциями слогана, определяющими его каузативную семантику, являются агональная, манипулирующая и декоративная (орнаментальная).

В примере *Great ideas come from great coffee* (слоган компании Nescafé) слоган представлен двусоставной конструкцией с простым глагольным сказуемым, выраженным глаголом широкой семантики *come*. Ведущими функциями прагматического потенциала данного слогана являются агональная и аттрактивная. Развёрнутость сценария данной конструкции создаёт положительный образ рекламируемого товара, описывает связь между хорошим качеством кофе (*great coffee*) и хорошим результатом (*great ideas*). Каузативная семантика данного слогана формируется за счёт экспликации тесной связи между приобретаемым продуктом и моментальным, положительным результатом употребления.

В примере *Do you have the bunny inside?* (слоган американского производителя химических источников тока Energizer) слоган представлен двусоставной конструкцией с глаголом *have* и характеризуется семантикой бенефактивности, или посессивности второго типа, которая раскрывается через развёрнутое описание ситуации. Данная конструкция создаёт в сознании адресата положительный образ рекламируемого товара. Сама ситуация эксплицирована с помощью изобразительной метафоры, где образ кролика — это символ торговой марки Energizer и служит воплощением силы и энергичности. В данном примере энергичность является содержанием, субъектом отождествления (Цель — Неизвестное), а образ кролика является средством отождествления (Источник — Известное). Таким образом, автор данного рекламного слогана заменил слово *сила* на *кролик* так, чтобы символ компании всегда ассоциировался с энергией. Каузативная семантика данной конструкции проявляется за счёт высшей степени положительной характеристики рекламируемого продукта, необходимого для ежедневного использования. Ведущими прагматическими функциями в данном слогане являются агональная, декоративная (орнаментальная), изобразительная и мнемоническая.

В рекламном слогане энергетического напитка *Redbull Redbull gives you wings* использована изобразительная метафора (*wings*), которая формирует образ в сознании адресата и даёт яркое представление о напитке. Синтаксическая структура слогана представляет собой двусоставную конструкцию с простым глагольным сказуемым, выраженным

глаголом широкой семантики *give*, сама же конструкция имеет семантику бенефактивности, или посессивности третьего типа. С помощью данной метафоры адресант говорит о возможностях рекламируемого напитка. В данном рекламном слогане *энергия*, которую рекламируемый товар может дать потенциальному покупателю, является субъектом отождествления (Цель — Неизвестное), и слово *wings* является средством отождествления (Источник — Известное). В основу изобразительной метафоры положены сходства, основанные на назначении сопоставляемых объектов. Каузативная семантика данной конструкции формируется за счёт агональной и декоративной (орнаментальной) функций слогана за счёт связи между рекламируемым товаром энергетического напитка (*Redbull*) и результатом его употребления (*wings*) в виде метафорического переноса.

Таким образом, анализ двусоставных конструкций в английских рекламных слоганах показал их способность содержать каузативную семантику, направленную на побуждение адресата к приобретению рекламируемого товара. Прагмати-

ческий потенциал слогана с набором ведущих функций требует не только использования побудительных и номинативных предложений, но также развёрнутых языковых структур в виде сценария, представленного двусоставными предложениями. Разнообразие глагольных лексем, используемых в двусоставных конструкциях, тем не менее ограничивается семантикой экзистенциальности и посессивности. Данная семантика направлена на характеристику рекламируемого товара в его экзистенциальной или локативной представленности. Ведущим языковым механизмом реализации прагматического потенциала слогана является когнитивная метафора, способная в наиболее яркой форме выразить отношение между предметом и его признаками. Гипотеза о том, что прагматические функции слогана определяют появление каузативной семантики в двусоставных конструкциях с помощью определённых стандартных языковых средств (когнитивная метафора, концептуальная метафора, изобразительная метафора), нашла своё подтверждение.

Список литературы

1. Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 16 с.
2. Бердышев С. Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления. М. : Дашков и Ко, 2008. 252 с.
3. Катернюк А. В. Практическая реклама. М. : Феникс, 2015. 155 с.
4. Колокольцева Т. Н. Слоган как ключевой компонент рекламного текста // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М. : Наука, 2011. С. 147–171.
5. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. 2-е изд. доп. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. 279 с.
6. Мартинович Е. А. Когнитивный потенциал императивной конструкции в рекламных слоганах (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014. 21 с.
7. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. М., 1990. 150 с.
8. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
9. Шатин Ю. В. Построение рекламного текста : учебное пособие. 2-е изд. М. : Бератор-Пресс, 2003. 121 с.
10. Hawkins R. Towards an account of the possessive constructions: NP's N and the N of NP // Journal of Linguistics. 1981. Pp. 247–269.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : Univ. of Chicago Press., 1980 (2008). 193p.
12. Seiler H. Possession: As an Operational Dimension of Language. Tübingen (Germany): G. Narr., 1983. 165p.
13. Warren B. Classifying adjectives // Gothenburg Studies in English : Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis. 1984. 56 p.

Сведение об авторах

Саубанова Лиарина Альфировна — аспирант Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы. Уфа, Россия. liarina@mail.ru

Хуснутдинова Фания Абдрахмановна — кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы. Уфа, Россия. super.faina509@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 131—135.*

CAUSATIVITY OF TWO-PART SLOGAN CONSTRUCTIONS (as Exemplified by English Language Slogans)

L.A. Saubanova

Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmullah, Ufa, Russia. liarina@mail.ru

F.A. Khusnutdinova

Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmullah, Ufa, Russia. super.faina509@yandex.ru

The subject of the analysis is advertising slogans represented by two-member sentences with names (nominal constructions) and verbs of wide meaning. Such constructions can express causative meaning because they indicate quality properties of products advertised. Two-component constructions with wide semantic predicates mostly express the meaning of possessiveness, which characterizes the relationship not only between substances/individuals, but also the relationship between the object and the sign. The pragmatic essence of the slogan demands that these two-member constructions should have a more extended structure of the script to advertise. The analysis of our material showed that two-member constructions in the function of the advertising slogan acquire causation meaning due to certain standard language mechanisms. Cognitive metaphor is one of them.

Keywords: *causation, motivation, slogan, existentiality, possessiveness, cognitive metaphor.*

References

1. Belousova, N.P. (2006) Osnovnye harakteristiki slogana kak subzhanra sovremennogo rossijskogo reklam-nogo diskursa. Samara. 16 p. [in Russ.].
2. Berdyshev, S.N. (2008) Reklamnyj tekst. Metodika sostavleniya i oformleniya. Moscow, Dashkov i K° publ. 252 p. [in Russ.].
3. Katernyuk, A.V. (2015) Prakticheskaya reklama. Moscow, Feniks Publ. 155 p. [in Russ.].
4. Kolokol'tseva, T.N. (2011) Slogan kak klyuchevoj komponent reklamnogo teksta. *Reklamnyj diskurs i reklamnyj tekst: kollektivnaya monografiya*. Moscow, Nauka Publ. P. 147–171. [in Russ.].
5. Krivonosov, A.D. (2002) PR-tekst v sisteme publichnyh kommunikacij. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 279 p. [in Russ.].
6. Martinovich, E.A. (2014) Kognitivnyj potencial imperativnoj konstrukcii v reklamnyh sloganah (na materiale anglijskogo yazyka) (Thesis abstract). Ufa. 21 p. [in Russ.].
7. Seliverstova, O.N. (1990) Kontrastivnaya sintaksicheskaya semantika. Opyt opisaniya. Moscow. 150 p. [in Russ.].
8. Seliverstova, O.N. (2004) Trudy po semantike. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ. 960 p. [in Russ.].
9. Shatin, Yu.V. (2003) Postroenie reklamnogo teksta: uchebnoe posobie. Moscow. 121 p. [in Russ.].
10. Hawkins, R. (1981) *Journal of Linguistics*, pp. 247–269.
11. Lakoff, G., Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 193 p.
12. Seiler, H. (1983) *Possession: As an Operational Dimension of Language*. Tübingen (Germany), G. Narr. Publ. 165 p.
13. Warren, B. (1984) Classifying adjectives. *Gothenburg Studies in English*. Gothenburg, Acta Universitatis Gothoburgensis. 56 p.

КОНЦЕПТ «УПРЯМСТВО» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ И СТРУКТУРЫ

Сюй Лили

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке Китайского стипендиального совета

Рассматривается репрезентация концепта «упрямство» в сознании носителей русского языка. По данным проведенного цепочечного ассоциативного эксперимента выделяется 21 когнитивный признак концепта «упрямство». Основное внимание уделяется описанию полевой организации содержания исследуемого концепта (ядра и периферий) и моделированию его структуры путём распределения когнитивных признаков на чувственно-образное, информационное и интерпретационное поле.

Ключевые слова: *концепт, ассоциативный эксперимент, когнитивный признак, содержание концепта, структура концепта.*

Введение. На рубеже XX–XXI вв. в современной лингвистической науке наблюдался переход от системно-структурной к антропоцентрической парадигме, в рамках которой главной задачей лингвистических исследований становится анализ «человека в языке и языка в человеке» [7, с. 12]. Внимание лингвистов сосредоточено уже не только на вербальных средствах, но и на невербальных факторах языковой деятельности, то есть на связи языка и мышления, языка и культуры, языка и ценностей человека. А. П. Бабушкин отмечает, что основанием когнитивной лингвистики является положение о «невербальности мышления и существование в сознании людей концептосферы, состоящей из ментальных единиц — концептов» [1, с. 5]. Таким образом, концепт как единица сознания становится одним из самых актуальных и популярных объектов исследования в современной лингвистике.

В качестве объекта исследования нами был выбран концепт «упрямство», так как упрямство, как сложное психическое явление, тесным образом связано с этической мыслительной деятельностью, чувственным состоянием и поведенческой моделью человека. В психологической и педагогической областях знаний этот вопрос был детально рассмотрен в трудах Е. П. Ильина [4], Дж. Стивенса [11], К. Д. Ушинского [13], А. А. Шавыриной [14], Л. И. Божович [3] и др. Тем не менее в лингвистической литературе отсутствуют работы, направленные на системное исследование концепта «упрямство». В связи с этим цель нашего исследования заключается в рассмотрении данного концепта с психолингвистической и лингвокогни-

тивной точек зрения. Главными задачами являются моделирование содержания концепта «упрямство» по полевой организации и моделирование его структуры путём распределения когнитивных признаков по зонам.

Материал и методы исследования. Поскольку концепт в сознании человека характеризуется комплексностью и ненаблюдаемостью, его исследование часто происходит посредством когнитивного анализа языковых средств его объективации. По мнению Е. С. Кубряковой, «язык делает исследование ненаблюдаемого когнитивного мира человека и структуры его сознания возможным и доступным» [6, с. 36]. А. Е. Кибрик также отмечает, что «языковая структура в значительной степени предопределена когнитивной структурой и является надёжным средством для реконструкции когнитивной структуры» [5, с. 148]. Материалом для исследования послужили языковые данные, полученные в результате ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «упрямство».

В психолингвистике ассоциативный эксперимент является важным и эффективным способом изучения индивидуального и коллективного языкового сознания. Н. В. Уфимцева отмечает, что ассоциативный эксперимент позволяет «судить об особенностях функционирования языкового сознания человека» и «рассматривать специфичный для данной культуры и языка “ассоциативный профиль” образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [12, с. 67]. В настоящее время этот метод часто используется для получения «информации о способах концептуализации

языка и мира человека, о содержании и структуре концептов как комплексных мыслительных единиц» и для выявления «не только концептуально значимых когнитивных признаков, но и образных, ценностных составляющих концептов» [2, с. 148].

Чтобы моделировать содержание и структуру концепта «упрямство» в русском языковом сознании, в нашем исследовании был использован цепочечный ассоциативный эксперимент — один из самых главных разновидностей ассоциативного эксперимента. Эксперимент был проведён среди 200 респондентов — носителей русского языка, представителей различных профессий, — гендерное соотношение: 50/50 %, возраст респондентов: 18–65 лет. В итоге на слово-стимул «упрямство» нами всего получено 598 реакций, из них 253 разных ассоциата. Для каждого ассоциата была подсчитана относительная частота с учётом коэффициента ранжирования (см. [10, с. 1022–1023]).

Моделирование содержания концепта «упрямство». Содержание концепта определяется как «совокупность когнитивных признаков, отражающих признаки концептуализируемого предмета или явления» [9, с. 81]. По мнению А. А. Огановой, когнитивный признак — это минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельную черту или признак концепта. Схожие реакции, полученные в ходе эксперимента, могут быть обобщены как единый когнитивный признак концепта [8, с. 69]. На основе проведённого нами цепочечного ассоциативного эксперимента со стимулом-словом «упрямство» нами был выделен 21 когнитивный признак (далее — КП). Согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, модель концепта может быть представлена в виде полевой структуры, состоящей из ядра и периферий (ближней, дальней и крайней) [9, с. 81]. Каждый когнитивный признак входит в определённую зону поля в зависимости от степени «яркости», или выраженности.

Таким образом, по данным эксперимента ядро концепта «упрямство» составляют три КП: КП «отрицательные черты характера (312)»: — наглость и вредность (152): *наглость (26); вредный (22); вредность (21); злость (12); плохо (9); наглый (8); злой (6); грубость (5); зло (4); дерзкий, вероломство, ненависть, недовольство, раздражает; хамство, ничтожество (3); зависть, злобный, злоба, обида, раздражимость, неуважение (2); бесстыжество, грубый, порок, пьяница, стиснув зубы, урод (1); — глупость (95): глупость (46); тупой (11); глупый, твёрдолобый (7); тупость (6), дурак, остолоп, тве-*

ролобость, тугодум, невежество (3); безумие (2); слепость (1); — эгоизм (34): эгоист (11); эгоизм (9); своенравие (3); своенравный, строптивость, капризный, избалованность (2); бескорыстный, каприз, самовлюблённость (1); — гордость (21): гордость (16); гордыня, тщеславие (2); заносчивость (1); — невоспитанность (9): невоспитанность (9); — неуверенность (1): неуверенность (1); КП «образ поведения животных (168)»: баран (78); осёл (32); бык (16); козёл (7); овен (4), ослик, овца, стена, слон, телец, рога (3), олень, стук, петух, корова, козорог (2); доска, забор, притча про двух баранов (1); КП «поведение, проявляющееся в противодействии окружающему миру (167)»: — нежелание делать что-либо или нежелание слушаться кого-либо (66): лень (20); нежелание (12); непослушный, не слушать (6); отказ, негативизм (4); закрытость, непослушание (3); непослушность, не хочет (2); замкнутость, невосприятие информации, ленивый человек, не делающий (1); — поведение, не допускающее компромисса, или отстаивание своего мнения (51): бескомпромиссность (6); непробиваемость, неуступчивость, отстаивание своих мыслей, стоять на своём, верный, мнение (3); непокорность, бескомпромиссность, не идёт на компромисс, бескомпромиссный, думать, отстаивать, отстаивать своё, правота, самоотверженность (2); неподвижность, непокорность, непрогибаемость, защищать, имеет своё мнение, осознание, отстаивание своего мнения, своё мнение, стою на своём мнении (1); — сопротивление внешним обстоятельствам (50): сопротивление (8); несогласие (8); спор (5); ссора, конфликт; отрицание, противный, противоборство, спорящий (3); противность, противоречие (2); агрессивный, агрессия, диалог, осуждение, протест (1).

К ближней периферии относятся четыре КП: КП «настойчивость (110)»: *настойчивость (62); настойчивый (12); настырный (7); непреклонность (6); стойкость (5); вязкий, настырность, несгибаемость (3); настырство, непреклонный, непоколебимость, напор (2); неприклонство, стальной (1); КП «упорство (65)»: упорство (60); упоротость (3); упорный (2); КП «носитель данной характеристики или его свойство (63)»: человек (10); — указание на возраст человека (28): ребёнок (20); детство (3); дочь, малыши, (2); молодой (1); — личные качества респондентов или их окружения (25): (моя) девушка (7); я (6); моё (3); наше, жена, (2); женщина, мужчина, подруга, друг, Серёжа (1); КП «стремление к поставленной*

цели (60)»: *целеустремлённость* (25); *цель* (22); *стремление, целеустремлённый* (3); *идти к своей цели, амбициозность, целеустремлённый* (2); *заинтересованность, целенаправленный* (1).

В дальнюю периферию входят семь КП: КП «источник проблем и сложностей (41)»: *сложный* (8); *тяжесть, тяжёлый* (6); *боль* (5); *сложность* (3); *неприятный, проблемный, страдание* (2); *зануда, не мой человек, надоедливый, лирика, портит, долг, скука* (1); КП «сила воли (38)»: *сила* (23); *воля* (11); *сила воли* (2), *насилие, сильный* (1); КП «принадлежность к категории черт характера (35)»: *характер* (22); *упрямый* (5); *качество* (3); *плохое качество, черта* (2); *черта характера* (1); КП «положительные черты характера (30)»: — принципиальность (8): *принцип* (5); *принципиальность* (2); *принципиальный* (1); — уверенность (4): *уверенность* (3); *самоуверенность* (1); — другие (18): *решительность, честность, терпение* (3); *гибкость, ответственность, твёрдый* (2); *твёрдость, стержень, смелость* (1); КП «трудовая деятельность и отношение к ней (28)»: *трудолюбие* (12); *труд* (6); *усердие* (3); *работать, усердие* (2); *работа, хорошая работа* (1); КП «упёртость (27)»: *упертость* (18); *упёртый* (9); КП «результат достижения чего-либо (26)»: *достижение* (8); *достигать* (5); *добиться, помогает, успешный, результат* (2); *достало, достигатель, достижение своего, достижения, успех* (1).

В крайнюю периферию входят остальные семь КП: КП: «авторитетное лицо / представитель власти» (5): *лидер* (5); КП «направленное движение (5)»: *прямолинейность* (4); *не сбито с пути* (1); КП «преодоление преград (4)»: *ограничение* (2); *барьер, трудность* (1); КП «временная характеристика (3)»: *вечный, время, долго* (1); КП «принадлежность к категории поведения (3)»: *поведение* (3); КП «эмоциональная характеристика (3)»: *эмоции* (2); *темперамент* (1); КП «качество, вдохновляющее человека (1)»: *вдохновляющее* (1).

Нетрудно заметить, что ядерное содержание концепта «упрямство» включает разные отрицательные черты характера человека, связанные с этическим поведением (*вредность, наглость, злой* и т. д.), с умственной или интеллектуальной способностью (*глупость, тупой, дурак* и т. д.), с самолюбием и эгоцентризмом человека (*эгоизм, своеобразие, гордыня* и т. д.) и с качеством воспитания (*невоспитанность*). Упрямото человека в большей степени проявляется в его поведении и отношении к окружающему миру. В связи с этим к ядру концепта «упрямство» относится КП «поведение,

проявляющееся в противодействии окружающему миру». По данным эксперимента нами были выделены три основных группы поведения человека, когда проявляется упрямото: одна связана с нежеланием действовать или неприятием внешней информации (*лень, нежелание, непослушание, замкнутость* и т. д.); другая включает в себя поведение бескомпромиссного отстаивания своего мнения и позиции (*бескомпромиссность, неуступчивость, отстаивать своё* и т. д.); третья группа соединяет ассоциаты, выражающие активное противодействие чужому (*сопротивление, конфликт, агрессивный* и т. д.). Вместе с тем в ядерную зону входит КП «образ поведения животных», так как *баран, осёл* и им подобные животные в русской культуре являются основным символом упрямота.

Составляющие ближней периферии в значительной мере связаны с синонимами лексемы «упрямото». В этой зоне главное место занимают КП «настойчивость» и КП «упорство». КП «стремление к поставленной цели» в ближней периферии тоже представляет собой смысловой компонент понятий настойчивости и упорства. Кроме того, в ближнюю периферию входит КП «носитель данной характеристики и его свойство». В первую очередь, упрямото воспринимается как качество, присущее человеку: так, ряд респондентов выделили общий ассоциат *человек*, не подразумевающий уточнения каких-либо признаков (возраст, пол и т. д.). По результатам исследования в группе КП «носитель данной характеристики или его свойство» ассоциаты, характеризующие детей (*ребёнок, детство, малыши* и т. д.), обладают наибольшей частотностью — 44,44 %; данный факт демонстрирует, что в русском языковом сознании упрямото преимущественно является чертой характера людей младшего возраста. Интересно, что в сознании некоторых респондентов упрямото более свойственно женщинам (*девушка, жена, женщина, подруга* и т. д.) — относительная частота составила 13, в то время как для ассоциатов, обозначающих лиц мужского пола (*друг, мужчина, Серёжа*), данный показатель составил только 3. Кроме того, для некоторых респондентов упрямото является качеством, характерным для них самих: так, были обнаружены следующие ассоциаты — *я, моё, наше*.

Дальняя периферия содержит ассоциаты *сложный, тяжёлый, проблемный, страдание* и т. д. Это показывает, что в сознании носителей языка упрямото является «источником проблем и сложностей». Поскольку «упрямото» принадлежит

к категории волевых черт характера человека, в дальнюю периферию входят КП «сила воли», КП «принадлежность к категории черт характера», КП «положительные черты характера», КП «трудовая деятельность и отношение к ней» и КП «результат достижения чего-либо», представляющие собой главные смысловые компоненты понятий «настойчивость» и «упорство», также принадлежат к периферийной зоне концепта «упрямство». К тому же в дальней периферии обнаружены ассоциации *упёртость, упёртый*, которые часто употребляются как просторечные в разговорной речи, выражая тот же смысл, как и слова *упрямство, упрямый*.

Крайнюю периферию концепта «упрямство» составляют КП «авторитетное лицо / представитель власти», КП «направленное движение», КП «преодоление преград», КП «продолжительность времени», КП «принадлежность к категории поведения», КП «эмоциональная характеристика», КП «качество, вдохновляющее человека». Несмотря на то, что по результатам эксперимента эти признаки имеют низкую частоту, на наш взгляд, они являются важными составляющими концепта «упрямство» и выполняют определённые функции в процессе мыслительной и коммуникативной деятельности. Все когнитивные признаки, и ядерные, и периферийные, позволяют всесторонне представлять содержание концепта «упрямство» в сознании носителей языка.

Моделирование структуры концепта «упрямство». По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, разграничение содержания концепта с его структурой является необходимым. Моделирование структуры концепта «упрямство» основывается на их положении, в соответствии с которым выделяются три основных компонента концепта — чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле [9, с. 81].

Чувственный образ в структуре концепта образован перцептивными когнитивными признаками, формирующимися в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств и образными признаками, формируемыми метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления [13, с. 81]. По данным ассоциативного эксперимента чувственно-образное поле концепта «упрямство» составляют признаки, формирующие те или иные образы в сознании испытуемых: КП «образ поведения животных», КП «носитель данной характеристики или его свойство». Наи-

более частотными в образном поле являются образы таких животных, как *баран, осёл, бык, козёл, овен, ослик, овца, олень, петух, корова, козлерог* и т. д. В сознании носителей языка «упрямство» человека часто сравнивается с ситуацией, когда животное пробивает что-нибудь рогами (*рога, стук, стена, доска, забор*). Другими важными составляющими в образном поле являются образы людей: образ человека младшего возраста (*ребёнок, малыши*), образ женщины и мужчины (*мужчина, женщина*) и т. д.

Информационное поле включает в себя признаки, определяющие наиболее существенные отличительные черты концепта. По данным ассоциативного эксперимента, информационное поле концепта «упрямство» в качестве доминирующего признака содержит КП «поведение, проявляющееся в противостоянии окружающему миру» и КП «принадлежность к категории поведения», так как упрямство в основном отражается в особенностях поведения человека. В связи с тем, что упрямство является одним из волевых качеств человека или одним из типов темперамента человека, в информационное поле входят и КП «сила воли», КП «принадлежность к категории черт характера», КП «эмоциональная характеристика». Кроме того, информационное поле включает в себя КП «направленное движение» и КП «временная характеристика».

Интерпретационное поле концепта формируется признаками, которые вытекают из основного информационного содержания концепта, дополняя и оценивая его. Согласно мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, в интерпретационном поле выделяются шесть основных зон: оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная, паремиологическая [9, с. 81]. Оценочная зона концепта «упрямство» включает в себя КП «отрицательные черты характера» и «положительные черты характера». Энциклопедическое поле объединяет когнитивные признаки, формирующиеся на основе опыта и испытания человека. Энциклопедическая зона интерпретационного поля концепта «упрямство» включает в себя КП «настойчивость», КП «упорство», КП «стремление к поставленной цели», КП «упёртость», КП «трудовая деятельность и отношение к ней» и КП «преодоление преград». Утилитарная зона включает признаки, выражающие прагматическую функцию концепта. К этой зоне относятся КП «источник проблем и сложностей», КП «результат достижения чего-либо» и КП «качество,

вдохновляющее человека». С одной стороны, упрямство мотивирует человека и помогает ему достичь результата, с другой стороны, упрямство приводит человека к сложной или проблемной ситуации. К паремиологической зоне можно отнести ассоциаты *баран, осёл, бык, козёл*, так как они представляют собой части фразеологизмов *упрямый как баран, упрямый как осёл, упрямый как бык, упрямый как козёл*. В социально-культурную зону концепта «упрямство» включается ассоциат *притча про двух баранов*, принадлежащий к сфере художественной культуры. По данным ассоциативного эксперимента регулятивная зона не представлена.

При рассмотрении пропорционального распределения структурных компонентов исследуемого концепта мы заметили, что в структуре концепта «упрямство» главную роль играет интерпретационное поле, которое составляет 63,15 % (в том числе оценочная зона — 25,77 %, энциклопедическая зона — 22,16 %, паремиологическая зона — 10,02 %, утилитарная зона — 5,12 %, социально-культурная зона — 0,08 %). Информационное поле занимает 19,14 %, чувственно-образное поле — 17,71 %. Стоит также отметить, что в структуре концепта «упрямство» большое место занимает оценочная зона, включающая в себя и отрицательно-оценочные признаки, и положительно-оценочные признаки. Среди них признаки

отрицательной оценки (23,51 %) значительно превышают признаки положительной оценки (2,26 %).

Заключение. Результаты проведённого нами анализа позволяют сделать вывод о том, что концепт «упрямство» в русском языковом сознании имеет сложную структуру и представляет многоаспектное смысловое содержание. По данным ассоциативного эксперимента, содержание концепта «упрямство» включает 21 когнитивный признак. Анализ полевой организации концепта позволяет нам утверждать, что ядерное содержание концепта «упрямство» в основном обозначает отрицательные черты характера человека, особенности поведения человека и образ поведения некоторых животных. Периферийное содержание тесно связано с близкими понятиями «настойчивость» и «упорство». Анализ распределения структурных компонентов концепта «упрямство» показывает, что интерпретационное поле этого концепта занимает самый большой объём. Несмотря на то, что «упрямство» является абстрактным понятием, в сознании носителей языка доля чувственно-образного поля оказалась очень объёмной, близкой к его информационному полю. Высокая частотность ассоциатов с отрицательно-оценочным компонентом также свидетельствует о преобладании отрицательного отношения носителей русского языка к упрямству.

Список литературы

1. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж : Ритм, 2018. 229 с.
2. Бессонова Л. Е., Зелинская А. Ю. Структурно-семантическое содержание ассоциативного поля концепта образование (из опыта проведения экспериментальных методик) // Учёные записки ТНУ. 2004. Т. 17, № 56. Филологические науки. С. 142–150.
3. Божович Л. И. Проблемы формирования личности. Воронеж : МОДЭК, 1997. 351 с.
4. Ильин Е. П. Психология воли. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. 368 с.
5. Кибрик А. Е. Когнитивный подход к языку и типология // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей : материалы. СПб., 2005. С. 146–151.
6. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
7. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс, 2008. 272 с.
8. Оганова А. А. Концепт Профессия в испанском и русском языковом сознании : дис. ... канд. фил. наук. Пятигорск, 2015. — 175 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток, 2007. 315 с.
10. Синелева А. В. Сравнительный анализ ассоциативно-семантических полей по данным свободного и цепочечного эксперимента // Информационные системы и технологии. Нижний Новгород : ИСТ, 2018. С. 1020–1025.
11. Стивенс Дж. Приручи своих драконов (как обратить свои недостатки в достоинства). СПб. : Питер Пресс, 1996. 480 с.

12. Уфимцева Н. В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания : сборник статей. М., 1996. С. 139–162.

13. Ушинский К. Д. Избранные труды : в 4 кн. Кн. 3 : Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. М. : Дрофа, 2005. 557 с.

14. Шавырина А. А. Психологическая сущность упрямства и негативизма у детей // Психология образования. 2008. № 5. С. 37–46.

Сведения об авторе

Сюй Лили — аспирант кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Института филологии и журналистики, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия. 1324559882@qq.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 136–142.*

CONCEPT “STUBBORNESS” IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS: MODELING THE CONTENT AND STRUCTURE

Xu Lili

N. I. Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia. 1324559882@qq.com

The article discusses linguistic representation of the concept “stubbornness” in the minds of native speakers of the Russian language. According to the data of a chain associative experiment, 21 cognitive attributes of the concept “stubbornness” were distinguished: “a quality that accompanies negative traits of a person’s character”, “a model or behavior of animals”, “human behavior, that manifests itself in counteracting the surrounding world”, “a source of problems and difficulties”, etc. On this basis, the author makes a description of the field organization of the content of the concept “stubbornness” and models the structure of the concept by distributing cognitive features into the sensory-image, information and interpretation field. We conclude that the core of the concept “stubbornness” is mainly composed of features that denote negative traits of a person’s character and their counteracting behavior, and peripheries are more related to the concept “perseverance”. The concomitant quantitative analysis shows that figurative and evaluative cognitive attributes play a significant role in the structure of the concept “stubbornness”.

Keywords: *concept, associative experiment, cognitive feature, content of concept, structure of concept.*

References

1. Babushkin, A.P. (2018) *Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya* [Cognitive Linguistics and Semasiology]. Voronezh, LLC “Rhythm”. 229 p. [in Russ.].
2. Bessonova, L.E., Zelinskaya, A.Yu. (2004) *Uchyonye zapiski TNU, Filologicheskie nauki*. [Scientific notes of TNU. . Philological sciences], vol. 17, no. 56, pp. 142–150. [in Russ.].
3. Bozhovich, L.I (1997). *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Voronezh, MODEK Publ. 351 p. [in Russ.].
4. Il’in, E.P. (2009) *Psihologiya voli* [Psychology of will. 2nd ed.]. Saint Petersburg, Piter Publ. 368 p. [in Russ.].
5. Kibrik, A.E. (2005) *Kognitivnyj podhod k yazyku i tipologiya* [Cognitive approach to language and typology]. *Vtoraya konferenciya po tipologii i grammatike dlya molodyh issledovatelej: Materialy* [Second conference on typology and grammar for young researchers: Materials]. Saint Petersburg. Pp. 146–151. [in Russ.].
6. Kubryakova, E.S. (1994) *Voprosy yazykoznanija* [Issues in Linguistics], no. 4, pp. 34–47. [in Russ.].
7. Maslova, V.A. (2008) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk: TetraSistems. 272 p. [in Russ.].
8. Oganova, A.A. (2015) *Koncept Professiya v ispanskom i russkom yazykovom soznanii* [Concept Profession in Spanish and Russian language consciousness. Thesis]. Pyatigorsk. 175 p. [in Russ.].

9. Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST Publ., Vostok Publ. 315 p. [in Russ.].
10. Sineleva, A.V. (2018) *Sravnitel'nyj analiz associativno-semanticheskikh polej po dannym svobodnogo i cepochechnogo eksperimenta* [Comparative analysis of associative semantic fields based on free and chain experiment data]. *Informacionnye sistemy i tekhnologii* [Information systems and technologies]. Nizhnij Novgorod, IST Publ. Pp. 1020–1025. [in Russ.].
11. Stivens, Dzh. (1996) *Priruchi svoih drakonov (kak obratit' svoi nedostatki v dostoinstva)* [Tame your dragons (how to turn your flaws into virtues)]. Saint Petersburg, Peter Press. 480 p. [in Russ.].
12. Ufimceva, N.V. (1996) *Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya* [Russian: experience of another self-knowledge]. *Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya. Sbornik statej* [Ethnocultural specificity of language consciousness. Collection of articles]. Moscow. Pp. 139–162. [in Russ.].
13. Ushinskij, K.D. (2005) *Izbrannye trudy. V 4 knigakh. Kniga 3: Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii* [Selected works. In 4 books. Book 3: Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology]. Moscow, Drofa Publ. 557 p. [in Russ.].
14. Shavyrina, A.A. (2008) *Psihologiya obrazovaniya* [Psychology of education], no. 5, pp. 37–46. [in Russ.].

ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ПЕРЦЕПТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В КОНТЕКСТЕ АПЕЛЛЯЦИЙ К ЧИТАТЕЛЮ

Г. А. Филатова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Рассмотрены особенности употребления перцептивных глаголов в текстовых фрагментах, где действия приписываются читателю, в русских переводах романа Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness». Такие действия выражаются при помощи обращений, форм императива и других изофункциональных средств. Их анализ показывает, что переводы по-разному интерпретируют приёмы создания у читателя иллюзии присутствия в хронотопе произведения.

Ключевые слова: перцептивные глаголы, апелляции к читателю, фактор адресата, перевод, сопоставительный анализ.

Введение. Некоторые художественные тексты содержат выражения, прямо указывающие на обращение нарратора к внешнему адресату — эксплицитному читателю. В ходе сопоставительного анализа были выявлены такие произведения, в которых помимо обращений в классическом терминологическом понимании* текст содержит разнообразные грамматические средства, объединённые апеллятивной функцией («конативной» [14, с. 200]). Во избежание путаницы мы предлагаем термин «апелляции», функционально объединяющий все варианты взаимодействия повествователя с внетекстовым читателем. В ряде случаев специфика повествования предполагает сознательное использование автором комплекса средств с апеллятивной функцией.

Такие средства не ограничены каким-либо одним языковым уровнем (например, формой повелительного наклонения глагола или звательной формой [14, с. 200]). Их включение в текст позволяет нарратору моделировать позицию читателя и управлять степенью его вовлечённости в повествование [13].

Одним из способов вовлечения читателя в хронотоп повествования является создание иллюзии определённых впечатлений у адресата, что может выражаться с помощью перцептивных глаголов —

* См. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_15.htm (дата обращения 15.03.2020); Кручинина И. Н. Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/340f.html> (дата обращения 15.03.2020).

обозначающих «отражение сознанием человека свойств и предметов внешнего мира» [7, с. 37]. В узком смысле под глаголами восприятия понимают лексемы, соответствующие действию основных органов чувств (например, *видеть*, *слышать*, *обонять*, *ощущать на вкус* и др.), при этом одним из важных компонентов значения таких глаголов является наблюдаемость [9].

При использовании перцептивных глаголов в апелляциях создаётся определённая модусная рамка [4, с. 280], эксплицирующая фикциональность мира, описываемого в тексте. Характерно, что две наиболее часто встречающиеся в романе формы перцептивных глаголов — это формы повелительного и сослагательного наклонений (*Прислушайся к миру; Окажись вы там, вы могли бы услышать слабое дыхание*).

Цель данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть особенности употребления и перевода перцептивных глаголов в апелляциях к читателю, а также показать, как может меняться текст в зависимости от переводческой стратегии.

Исследование является актуальным, поскольку перцептивные глаголы активно изучаются с точки зрения их функции в языке и в художественном тексте [8; 9], особенности их перевода рассматриваются на примере разных языков [3; 5; 6; 10], составлено несколько вариантов их классификации [7; 8], но формы ирреальных наклонений этих глаголов, используемые в контексте апелляции к читателю, изучены недостаточно.

Новизна исследования состоит в том, что ранее, несмотря на значительное число работ по семантике, функционированию и переводу перцептивных глаголов, их подробный анализ в контексте

фактора адресата не проводился. Кроме того, работ по творчеству Р. Желязны существует немного [1; 2; 12], а роман «Creatures of Light and Darkness» ранее не становился объектом изучения.

Описание материала и методов исследования. Материалом исследования является роман Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness» и его русские переводы. Роман был опубликован в 1969 г. и в первую очередь задумывался как письменное упражнение [15], вследствие чего содержит в себе элементы разных литературных родов и жанров: в тексте часто встречаются лирические фрагменты, а эпилог романа оформлен в виде сценария пьесы. Наиболее известны три перевода романа на русский язык: перевод В. Лапицкого «Порождения света и тьмы» (1992), перевод М. Денисова и С. Барышевой «Создания света — создания тьмы» (1993) и перевод А. Ганько* «Создания Света, Создания Тьмы» (2003). Кроме того, существует анонимный перевод издательства «Топикал Тонар», выпущенный в 1992 г., однако он содержит значительное число ошибок, поэтому будет привлекаться только в некоторых случаях.

В романе Желязны соединяет футуристические технологии с элементами фэнтези и опирается на известные потенциальному читателю элементы разных мифологий. Основным источником заимствований является египетская мифология: главными героями становятся египетские боги, чьи функции и поведение значительно переосмыслены. Важным аспектом для сюжета является постоянное перемещение героев по различным локациям (как небольшим — городам, крепостям и т. д., так и крупным — целым мирам), поскольку именно для их описания читателю нарратор использует перцептивные глаголы.

Основным методом исследования был выбран сопоставительный семантико-синтаксический анализ [11, с. 55].

Перцептивные глаголы в апелляциях к читателю. Роман является достаточно репрезентативным материалом для исследования апелляций разных типов, поскольку в тексте встречается значительное количество фрагментов, адресованных читателю. Основная часть подобных фрагментов с апелляциями сосредоточена в тех главах, где вводится новая локация или старое описание дополняется новыми сведениями. Предполагается, что читатель, который перемещается вслед за героями и нарратором по мирам, не ориентируется

* Псевдоним группы переводчиков издательства «Центрполиграф».

там, поэтому его необходимо познакомить с некоторыми особенностями очередного места, где будет что-либо происходить. В данном романе почти новые локации вводятся фрагментами в репродуктивном регистре [4, с. 29], и только потом подключается информативный.

Один из часто используемых способов апелляции к читателю в подобных фрагментах — употребление глаголов в форме императива, преимущественно перцептивных глаголов (требование куда-либо посмотреть, что-то послушать, почувствовать и т. д.), однако иногда с ними в пределах одного фрагмента появляются указания на необходимое ментальное действие (подумать, вспомнить, забыть и т. д.). Всего в произведении насчитывается 10 фрагментов, обращённых к читателю, в которых использованы перцептивные глаголы.

Чаще всего встречаются глаголы *listen* и *look*, перевод которых совпадает почти во всех текстах ('послушай(те)' и 'взгляни(те)' соответственно).

Глагол *listen* обозначает восприятие действительности через слуховой канал и поддерживается описанием звуков, которые должен «слышать» читатель (после его использования в тексте перечисляются звуки), а глагол *look (at)* обозначает восприятие действительности через зрительный канал и поддерживается описанием воспринимаемых объектов и их цветов (после него также перечисляются объекты):

1. *Listen to the world. It is called Bliss, and it is not hard to hear at all: the sounds may be laughter, sighs, contented belches...*

*Прислушайся к миру. Зовётся он Близ, и слышать его легче лёгкого; вот его звуки — смех, вздохи, а там кто-то пытается сдержаться и не икать...***

2. *Then forget the sounds and the words and look at the world. First, colors: Name one. Red? There's a riverbank that color, green stream hauled between, snagged on purple rocks.*

Теперь забудь слова и звуки и взгляни на этот мир. Прежде всего — цвета; назови один. Красный? Цвет берегов, между которыми лениво несёт свои воды зелёный поток, натывается на фиолетовые камни.

При этом в переводах встречается необычный пример перевода *listen* как 'посмотрите' (табл. 1).

В переводе Денисова и Барышевой акцент переносится со звуков схватки на наблюдение за ней.

** В качестве иллюстрации выбран перевод В. Лапицкого. Здесь и далее цитируется по: Желязны Р. Порождения Света и тьмы / пер. с англ. В. Лапицкого. М., 2017.

Таблица 1

Пример 3

R. Zelazny*	В. Лапицкий	М. Денисов, С. Барышева**
The Citadel of Marachek, empty, not empty, empty again. Why? Listen... Set stands his ground, facing the monster, and it lunges toward him. For a long while they wrestle, there in the courtyard.	Цитадель Марачека — пустая, не пустая, вновь пустая. Почему? Послушай... Сет без колебаний встречает чудовище, когда оно бросается на него. И некоторое время они борются там, во дворе.	Цитадель Марачека пуста, обитаема, вновь пуста. Почему? Посмотрите... Сет стоит, глядя на чудовище, оно прыгает к нему, и схватка их в тени стен Цитадели длится нескончаемо долго.

*Здесь и далее цитируется по: Zelazny R. *Creatures of Light and Darkness*. London, 2010. URL: https://bookscafe.net/read/zelazny_roger-creatures_of_light_and_darkness-156503.html#p1 (дата обращения 15.03.2020).

** Здесь и далее цитируется по: Желязны Р. *Создания света — Создания тьмы* / пер. с англ. М. Денисова, С. Барышевой. М., 1993. С. 15–173.

Возможно, это связано с тем, что в этом фрагменте Желязны не даёт никакого перечисления звуков (которые есть в описаниях других локаций после *listen*), а сразу описывает наблюдаемое событие, что позволяет переводчикам допустить такую трактовку.

Также следует указать на стратегическое различие текстов, касающееся этого примера и последующих, связанное с вариативностью перевода английского местоимения *you*. В переводе Лапицкого все глагольные формы и местоимения, имеющие отношение к читателю, выражаются формами единственного числа, в других переводах — формами множественного числа. Из-за этого перевод Лапицкого чаще может восприниматься как более близкий читателю (но и более фамильярный по отношению к нему). Продемонстрировать это можно на следующем примере (табл. 2).

Почти все глаголы переводятся по-разному (*swallow* — ‘глотай’ — ‘пейте’, *hold in belly* — ‘переваривай’ — ‘объедайтесь’ — ‘примите в себя’), при этом фрагмент у Лапицкого выглядит более грубо и натуралистично. Однако только в нём сохраняется оригинальная фраза *Burst with it* (‘Лопни от него’), которая подчёркивает многогранность этого мира, чрезмерное количество его физических проявлений, доступных для перцепции.

В анонимном переводе это предложение также сохранено, однако переведено некорректно (‘Горите им’).

Особенности перевода глагола *regard*. От интерпретации переводчиков зависит, какой канал перцепции при обращении к читателю будет выбран: аудиальный или визуальный, что определяет перевод глагола *regard*.

В романе *regard* в апелляциях к читателю переводится как ‘видеть’ 3 раза из 4. Кроме того, в примере 5 в переводе Денисова и Барышевой значение ‘видеть’ поддерживается глаголом *смотреть* во втором предложении (отсутствующим в оригинале) (табл. 3).

Сам глагол *regard* не содержит в себе семы, имеющей отношение к слуховому каналу восприятия. Толковые словари английского языка дают различные варианты раскрытия значения слова, которые сводятся к разным оттенкам значения ‘смотреть, видеть’, а также ‘замечать, отмечать’ и ‘обращать внимание’, ‘иметь отношение’* (это отражено в анонимном переводе лексемой ‘задумайтесь’). По данным параллельного подкорпуса

*По англоязычным толковым словарям Webster (<https://www.webster-dictionary.org>), Merriam-Webster (<https://www.merriam-webster.com>), Cambridge Dictionary (<https://dictionary.cambridge.org>).

Таблица 2

Пример 4

R. Zelazny	В. Лапицкий	М. Денисов, С. Барышева	А. Ганько*
Smell the world. Taste it, swallow it and hold it in your belly. Burst with it.	Обоняй этот мир. Пробуй его, глотай , переваривай . Лопни от него.	Вдохните этот мир. Попробуйте на вкус, пейте его и объедайтесь им.	Принюхайтесь к этому миру. Попробуйте его на вкус, проглотите , примите в себя. Насладитесь им <...>

* Здесь и далее цитируется по: Желязны Р. *Создания Света, Создания Тьмы* / пер. с англ. А. Ганько. М., 2003.

Таблица 3

Примеры 5, 6

R. Zelazny	В. Лапицкий	М. Денисов, С. Барышева	А. Ганько
5. Regard the world of Blis, with its color and its laughter and its breezes. Regard the world of Blis as Megra of Kalgan.	Всмотрись в мир, что зовётся Блис, — с его цветом, смехом, ласковыми ветерками. Всмотрись в него, как Мегра из Калгана.	Взгляните на мир Блис с его красками, с его смехом и его ветерками. Взгляните на мир Блис так, как смотрит на него Мегра из Калгана.	Вглядитесь в Мир под названием Блис, с его многоцветьем, смехом и ласковым ветерком. Смотрите на него так, как Мегра из Калгана.
6. Regard the sounds of Blis: There are screams within the Life Fair.	Вслушайся в звуки Блиса: сегодня на Ярмарке Жизни вопли.	Прислушайтесь к звукам Блиса: вопли раздаются на Ярмарке Жизни.	Прислушайтесь к звукам Блиса: на Ярмарке Жизни раздаются вопли.

НКРЯ *regard* переводится как ‘видеть’ только 11 раз (из 601 употребления), из них — только два раза в качестве апелляции к эксплицитному читателю (в переводе романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит»^{*}). Перевода ‘слышать’ нами не было обнаружено.

Возможно, перевод глагола *regard* в примере 6 как ‘слушать’ связан с желанием переводчиков сильнее разграничить воспринимаемые по-разному объекты, поэтому там, где присутствует указание на звуки (*вопли* в примере 6), и появляется *слушать*.

Другие конструкции с перцептивными глаголами. Кроме формы императива, перцептивные глаголы в тексте встречаются в апелляциях к читателю, включающих условные предложения, где

^{*} По НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.03.2020).

используются звуковой и слуховой каналы восприятия: «*Если бы у вас были (здесь) глаза/уши*». Всего в текстах встречается 7 примеров на такое описание локации. Приведём часть из них (табл. 4).

Во фрагментах из примера 7 читатель не только не приближается к миру, но напротив, подчёркивается, что читателя здесь нет, а даже если бы и мог быть, то он всё равно ничего бы не услышал и не увидел.

В переводах Денисова и Барышевой и Ганько придаточное условное предложение начинается с предположения о нахождении в этом месте самого читателя (*окажись вы там, будь вы там*), в то время как в оригинале и у Лапицкого этот фрагмент предполагает наличие там не самого читателя, а его перцептивного органа (*будь у тебя в месте том глаза, будь у тебя там уши*). В главной части предложения переводы Денисова — Барышевой и Ганько совпадают с оригиналом:

Таблица 4

Примеры 7, 8

R. Zelazny	В. Лапицкий	М. Денисов, С. Барышева	А. Ганько
7. There is nothing in the great Hall to cast such a shadow, but had you ears in that place you could hear a faint breathing. It moves slowly about the Hall and returns to rest upon the throne, blotting it completely from your sight , had you eyes in that place.	И нечему в Тронном Зале Дома Мёртвых отбрасывать подобную тень, но, будь у тебя в этом Зале уши, услышали бы они тихое дыхание. Медленно движется она по Залу и наконец возвращается на троне, целиком закрывая его от твоих глаз, будь у тебя там таковые .	В огромном зале нет ничего, что могло бы отбрасывать такую тень, но, окажись вы там, вы могли бы услышать слабое дыхание. Она медленно движется по залу, останавливается у трона, и там, где он только что возвышался, зияет чернота.	В Большом Чертоге нет никаких предметов, способных отбрасывать такую тень, но человеческий слух могло бы уловить лёгкое дыхание. Тень медленно скользит по Чертогу. Вот она падает на трон, полностью скрывая его из виду.
8. The chamber he enters is semidark, but a portion of the green glow can be felt within, it.	Комната погружена в полутьму, но и здесь чувствуется присутствие зелёного свечения.	Комната, куда он попадает, погружена в полумрак. Но, приглядевшись, вы различили бы слабое зелёное сияние.	Комната погружена в полутьму, точнее, в зеленоватый сумрак.

субъектом восприятия является сам читатель (*вы бы не услышали, вы бы не увидели*), а в переводе Лапицкого субъектом являются те же органы (*они бы слышали, будь у тебя там таковы*).

Интересно отметить, что перевод Лапицкого точно следует оригиналу: такая структура повторяется в русском тексте только там, где она есть у Желязны. Только в этом переводе присутствует упоминание глаз в примере 7. В противоположность этому перевод Ганько максимально снижает степень участия читателя в наблюдении, полностью выводя его из этой локации (убраны все апелляции к читателю: *человеческий слух* вместо *вы бы услышали*), а в анонимном переводе этот абзац пропущен. В переводе Денисова и Барышевой таких фрагментов становится даже больше, чем в оригинале (пример 8), перцептивные глаголы используются «как осознанный приём локализации точки зрения наблюдателя в хронотопе происходящего» [10, с. 58]. Интересно, что при этом не все оригинальные употребления этой структуры повторяются в русском тексте (пример 7).

Заключение. В статье проведён семантико-сопоставительный анализ перцептивных глаголов в апелляциях к читателю на материале русских переводов романа Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness», который ранее не становился объ-

ектом лингвистического исследования. Впервые были рассмотрены основные случаи употребления таких глаголов в аппеллятивных фрагментах — в форме повелительного и сослагательного наклонений.

Анализ выявил специфические варианты перевода глагола *regard*, который может передаваться по-разному в зависимости от контекста и того, что переводчики считали приоритетным для интерпретации: наблюдаемые события или описывающие их звуки. Иногда эта стратегия распространяется и на глаголы, имеющие вполне однозначный перевод (*listen* как ‘посмотрите’).

При передаче сложноподчинённых предложений с придаточным условным использование перцептивных глаголов отражает степень предполагаемой вовлечённости читателя в мир произведения. Перевод Ганько максимально отдаляет читателя, снижает степень его участия в наблюдении и возможности видеть всё «собственными глазами». В переводах Лапицкого и Денисова и Барышевой, напротив, чаще используются конструкции, позволяющие вовлечь читателя в сюжет хотя бы посредством тщательного наблюдения за миром, при этом перевод Лапицкого обнаруживает большую формальную точность.

Список литературы

1. Анисимова О. В. «Вернись к месту убийства, Алиса, любовь моя» Роджера Желязны и «Алиса в стране чудес», «Алиса в зазеркалье» Льюиса Кэрролла (К вопросу об интертекстуальности) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 169–172.
2. Анисимова О. В. Поэтика «Хроник Эмбера» Роджера Желязны : автореф. канд. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 23 с.
3. Аянитова А. Е., Степанова З. Б. Лексико-семантическая классификация японских перцептивных глаголов // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 418–421.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Институт рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. 544 с.
5. Мартынычева А. С. Глагольные средства репрезентации категории перцептивности во французском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3–2 (57). С. 112–115.
6. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород : Изд-во БелГУ 2005. 248 с.
7. Муравьёва Н. Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 447 с.
8. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
9. Петрова А. В. Семантика и функционирование перцептивных глаголов в лирике Ф. И. Тютчева : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 180 с.
10. Уржа А. В. Перцептивизация как элемент переводческой тактики // Гуманитарный вектор. 2014. № 4 (40). С. 57–62.

11. Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М. : Спутник+, 2016. 352 с.
12. Фролова О. А. Жанровое своеобразие романа Р. Желязны «Остров мёртвых» // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2011. № 13. С. 370–371.
13. Чумирина В. Е. Тактические приёмы моделирования пространства в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 177 с.
14. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
15. Kovacs C. S. «...And Call Me Roger»: The Early Literary Life of Roger Zelazny // The Collected Stories of Roger Zelazny. Vol. 2 : Power & Light. Framingham : NESFA Press, 2009. P. 531–570.

Сведения об авторе

Филатова Ганна Алексеевна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. gphilatova@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 143–149.*

TRANSLATION OF PERCEPTUAL VERBS IN THE CONTEXT OF APPELLATIONS TO THE READER

G.A. Filatova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. gphilatova@gmail.com

The purpose is to consider the features of using the perceptual verbs in text fragments where actions are attributed to the reader in Russian translations of R. Zelazny's novel "Creatures of Light and Darkness". The main content is an analysis of the functioning of perceptual verbs in appellations to the reader — fragments of text that are explicitly addressed to the real reader and do not influence the plot. Appellations can be expressed through references, forms of the imperative and other isofunctional means. The main research method is comparative semantic and syntactic analysis. The results of the study are demonstrating of a significant difference between translations in interpretation of techniques for creating the reader's illusion of presence in the chronotope of the work. Non-standard cases of verb translation were identified to increase the intensity of the appeal's impact on the reader. Conclusions are made about grammatical and lexical features of the use of perceptual verbs in the appellative function.

Keywords: *perceptual verbs, appellations to the reader, recipient factor, translation studies, comparative analysis.*

References

1. Anisimova, O.V. (2009) *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 110, pp. 169–172. [in Russ.].
2. Anisimova, O.V. (2010) Pojetika «Khronik Embera» Rodzhera Zheljazny [Poetics of "The Chronicles of Amber" by Roger Zelazny. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2010. [in Russ.].
3. Ajanitova, A.E., Stepanova, Z.B. (2019) *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of science, culture, education], no. 6 (79), pp. 418–421. [in Russ.].
4. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K., Sidorova, M.Ju. (2004) *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka* [Communicative grammar of Russian language]. Moscow, Institut russkogo jazyka RAN imeni V. V. Vinogradova. [in Russ.].
5. Kovacs, C.S. (2009) "...And Call Me Roger": The Early Literary Life of Roger Zelazny. The Collected Stories of Roger Zelazny. Vol. 2: Power & Light. Framingham: NESFA Press. Pp. 531–570. [in Russ.].
6. Martynicheva, A.S. (2016). *Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], no. 3–2 (57), pp. 112–115. [in Russ.].

7. Moisejeva, S.A. (2005) *Semanticheskoe pole glagolov vospriyatiya v zapadno-romanskikh jazykakh* [Semantic field of perception verbs in Western Romance languages]. Belgorod, BelGU Publ. [in Russ.].
8. Murav'yova N.Ju. (2008) *Kategorija pertseptivnosti v semantike glagola i v tekste* [Perception category in the verb semantics and text. Thesis]. Moscow. [in Russ.].
9. Paducheva, E.V. (2004) *Dinamicheskije modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. [in Russ.].
10. Petrova, A.V. (2018) *Semantika i funkcionirovanije perceptivnykh glagolov v lirike F. I. Tjutcheva* [Semantics and functioning of perceptual verbs in F. I. Tyutchev's lyrics. Thesis]. Moscow. [in Russ.].
11. Urzha, A.V. (2014) *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian Vector], no. 4 (40), pp. 57–62. [in Russ.].
12. Urzha, A.V. (2016) *Russkij perevodnoj khudozhestvennyj tekst s pozicij kommunikativnoj grammatiki* [Russian literary translation in the view of communicative grammar]. Moscow, Sputnik+ Publ. [in Russ.].
13. Frolova, O.A. (2011) [Genre originality of R. Zelazny's novel "Island of the dead"]. *Sborniki konferencij NIC "Sociosfera"* [Collections of conferences of the scientific-publishing center "Sociosfera"], no. 13, pp. 370–371. [in Russ.].
14. Chumirina, V.E. (2005) *Takticheskije prijemy modelirovanija prostranstva v khudozhestvennom tekste* [Tactical methods of space modeling in a literary text. Thesis]. Moscow. [in Russ.].
15. Jakobson, R. (1975) [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: pros and cons]. Moscow, Progress Publ. Pp. 193–230. [in Russ.].

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТРАКТОВКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЖИВОТНОЕ»

Е. В. Харченко, Бай Сюйхаожань

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена изучению понимания фразеологизмов с компонентом «животное» носителями русской и китайской лингвокультур. В работе анализируются результаты лингвистического эксперимента, в котором приняли участие 100 китайских и 100 русских студентов. Были выявлены особенности трактовки выбранных фразеологизмов, причины возникновения ошибок в понимании носителями иной культуры, приведена классификация этих ошибок.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизм с компонентом «животное», понимание, интерпретация, этнокультурная специфика, культурная интерференция.

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что расширение межкультурных контактов выявило коммуникативные барьеры между носителями разных лингвокультур. Традиционно считалось, что непонимание в первую очередь обусловлено недостаточным знанием языка. Учёные традиционно изучали понятие ошибки в педагогике, психологии, лингводидактике, лингвистике, психолингвистике (В. С. Аванесов, В. В. Алимов, Т. В. Ахутина-Рябова, Ю. К. Бабанский, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, А. А. Залевская, И. А. Зимняя, В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев, О. Д. Митрофанова, Н. Н. Рогозная, Н. Ф. Талызина, А. М. Шахнарович, Л. В. Щерба, Лу Цзянци (鲁健骥), Тан Сунбо (唐松波), Чжан Дэлу (张德禄), Ши Чжунбао (石中宝), Юй Лимин (俞理明), Ян Лан (杨连) и многие другие).

Однако в последние годы стали обращать внимание на культурную составляющую, которая необходима для понимания информации, поскольку раскрывает то, что стоит за словом. Важно отметить, что язык не существует без определённого культурного фона, именно поэтому для полноценного изучения иностранного языка необходимо обращение к лингвокультуре во всей её полноте. Язык всегда является носителем культуры, важным отражением функционирования человеческого общества, которому он принадлежит. Известно, что экстралингвистические факторы (культура, мышление, национальность и др.) в большой степени влияют на производство и восприятие речи человеком, поэтому мы считаем важным полипарадигмальный подход к изучению межкультурной коммуникации.

В данной статье мы исследуем этнокультурные особенности трактовки фразеологизмов. Мы придерживаемся точки зрения Н. М. Шанского, который считает, что фразеологизм (фразеологическая единица) — это «воспроизводимая, значимая, устойчивая, по своему значению <...> устойчивая в своём составе и структуре» [10, с. 231]. В китайском словаре «现代汉语词典» («Современный китайский словарь») фразеологизмы понимаются как «устойчивые словосочетания или фразы, которые люди использовали в течение длительного времени, с краткой формой и глубоким неоднозначным смыслом» [12, с. 166].

Трудности в понимании фразеологизмов носителем иной культуры обусловлены отсутствием определённых знаний, связанных с культурой. Эти знания, как правило, передаются от поколения к поколению. Все фразеологизмы являются частью национальной истории, другими словами, они являются результатом слияния языка и культуры, в них отражаются исторические, религиозные, географические особенности, общественные обычаи и привычки. Носители иной культуры при понимании фразеологизмов опираются на знания, полученные в своей культуре, поэтому часто возникают ошибки, которые можно объяснить культурной интерференцией. Однозначной трактовки данного термина нет, Т. И. Жаркова рассматривает его в разных аспектах и приводит среди прочих понимание интерференции в психолингвистике («рассматривают как неотъемлемую составную часть процесса медленного постепенного проникновения того или иного иноязычного элемента в систему воспринимающего языка в процессе овладения им») и в лингвистике («нарушение би-

лингвом (человеком, владеющим двумя языками) норм и правил соотношения двух контактирующих языков») [3]. Нам близок подход Н. А. Суховой: «взаимовлияние родной картины мира носителей языка на последующие (вторую и третью картины мира и наоборот их влияние на родную культуру), формирующиеся в процессе изучения иностранных языков и культур, проявляющееся на языковом, языковом культурологическом, языковом страноведческом уровнях» [6].

Фразеологизм и лингвокультура. Фразеологизм имеет устойчивую форму и особое значение, известное всем носителям культуры, которое не является прямой суммой значений слов, входящих в его состав. Устойчивые выражения изучаются многими учёными в первую очередь как языковое культурное достояние. Так, Т. З. Черданцева рассматривает понятие фразеологии в любом языке как «ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражаются видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нём народа» [9, с. 58]. В. Н. Телия применительно к фразеологизмам даёт следующее определение: «на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями, а субъект речевой деятельности — это всегда субъект национальной культуры» [7, с. 214]. Как полагает В. Н. Телия, фразеологический состав языка служит своего рода зеркалом, в котором «общество идентифицирует своё национальное самосознание» [7, с. 251]. По мнению китайского учёного 马国凡 (Ма Гофань), «фразеологизм — это часть языка, которая может лучше всего выражать национальные особенности. С точки зрения содержания материалы, используемые в идиомах, тесно связаны с историей и даже обычаями нации; с точки зрения формы, средства выражения и структура фразеологизма — все показывают специфику национального языка» [11, с. 38–54].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров также указывают на важность фразеологического фона в процессе исследования национальной культуры. По их мнению, можно выделить три способа, посредством которых фразеологизмы отражают национальную культуру. Во-первых, они отражают национальную культуру комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, то есть своими идиоматичными значениями. Во-вторых, русские фразеологизмы отражают национальную культуру расчленённо,

единицами своего состава. В-третьих, фразеологизмы отражают русскую национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определённые обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое [2, с. 178]. На основании всего перечисленного можно сделать определённые выводы, которые послужили основой для нашего исследования. Во-первых, фразеологизмы всегда отражают национальную культуру, поэтому они уникальны и непонятны носителям другой культуры. Во-вторых, невозможно сделать точный перевод фразеологизмов на другой язык. В-третьих, фразеологизмы часто содержат исторические данные, устаревшие слова и формы слов.

Можно утверждать, что фразеологизм с культурой имеет неразрывную связь. Именно знание культуры позволяет его понять. Изначально фразеологизм, как и любое устойчивое выражение, имеет историю и мотивировку, но с течением времени становится общепринятой формой языка в общении. Часто и сами носители культуры не могут объяснить, как возникло то или иное высказывание, однако правильно понимают их и используют. Для носителей другой культуры устойчивые выражения часто непонятны, иногда они пытаются объяснить их с помощью своей культуры. Для исследования особенностей трактовки устойчивых выражений носителями иной культуры мы выбрали фразеологизмы с компонентом «животное». Всем известно, что в процессе развития человеческого общества животные с древности до наших дней обладали важным значением во всех странах в любых культурах, поэтому во многих культурах приобрели особый смысл и стали символизировать качества человека и особые ситуации. Приведём примеры таких устойчивых выражений, которые понятны носителю культуры, но несут скрытые смыслы для иностранца. Приведём примеры. Часто фразеологизм содержит сравнение животного и отдельные черты характера или поведения человека. Так, когда китайцы слышат о зайце/кролике, то сразу могут подумать о его ловкости. В Китае часто используется фразеологизм «静如处子, 动如脱兔» (*тихая, словно невинная девушка, стремительная, словно убегающий от опасности заяц*). В данном примере заяц символизирует скорость. В русской лингвокультуре за зайцем закреплены такие качества, как робость и трусость: «*трусливый как заяц*»; «*дрожать, как заяц*». Эти устойчивые выражения используют для описания тех, кто очень

робкий или сильно напуган. А для китайского народа таким символом трусости является мышь, например, китайский фразеологизм “胆小如鼠” (*трусливый, как мышь*). Есть примеры, в которых символическое значение совпадает, например, лошадь, которая в обеих исследуемых культурах связана с трудолюбием и тяжёлой работой: «работать как лошадь», 《当牛作马》 (усердно трудиться, «пахать как конь»), гнуть (ломать) спину (горб, хребет). Однако в русской лингвокультуре можно встретить и другое значение: «тёмная лошадка», так говорят о человеке, который что-то скрывает, его поведение и характер непонятны окружающим.

Таким образом, мы видим, что при изучении иностранного языка важно учитывать культурные факторы. Искажения в понимании фразеологизмов могут влиять на результат межкультурной коммуникации.

Описание эксперимента и анализ полученных данных. Нами был проведён эксперимент с целью выявления этнокультурных особенностей в понимании фразеологизмов с компонентом «животное» при изучении иностранного языка. Было опрошено 100 китайских студентов и 100 русских учащихся университетов (бакалавры, магистранты, аспиранты). Эксперимент был проведён в трёх челябинских университетах: в Южно-Уральском государственном университете, Челябинском государственном университете и Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете. Испытуемые — в возрасте от 18 до 27 лет, изучающие иностранный язык (китайский и русский языки). Анкетный лист составлялся на двух языках (русском и китайском языках соответственно). Студентам предлагались фразеологизмы и варианты значений, из которых нужно было выбрать один. Личные данные включали пол, возраст, специальность, время изучения иностран-

ного языка. В целом анкета включает в себя 51 вопрос с несколькими вариантами ответов. Вопросы были связаны со знанием значения символики цветов, животных, чисел, звукоподражательных слов, фразеологизмов, эвфемизмов, модных неологизмов и т. д. В данной статье мы рассмотрим особенности трактовки фразеологизмов с компонентом «животное».

Для анализа мы выбрали три вопроса, на которые китайские студенты дали ошибочные ответы. Мы получили следующие результаты: из 100 китайских студентов, принявших участие в эксперименте, на первый вопрос («Дойная корова») только 13 китайских студентов ответили правильно (13%), на второй вопрос («Волчий аппетит») — 27% от общего числа; третий вопрос («Ни рыба ни мясо») — 29%. Эти данные мы отразили на рисунках.

Очевидно, большинство китайских студентов считают, что выражение «дойная корова» означает человека с ограниченными взглядами. В китайском языке 牛 является общим названием для крупного рогатого скота: быков, волов, буйволов, коров и т. д. В долгой истории Китая вол — это основа сельского хозяйства, а также символ силы, например, есть фразеологизм «сильный, как вол». Люди уважают и любят волов, но в то же время люди часто связывают с волком такое качество, как упрямство. Например, в китайском языке «牛脾气» (упрямый, как бык) — значит строптивый характер, упрямство. Поэтому многие китайские студенты (43%) и ассоциировали этот фразеологизм с человеком с ограниченными взглядами, и полагают, что упрямый характер может быть связан с ограниченными взглядами (рис. 1). Но «дойная корова» во фразеологическом словаре современного русского языка — это «источник доходов, материальных благ, используемый кем-либо в личных интересах» [4,

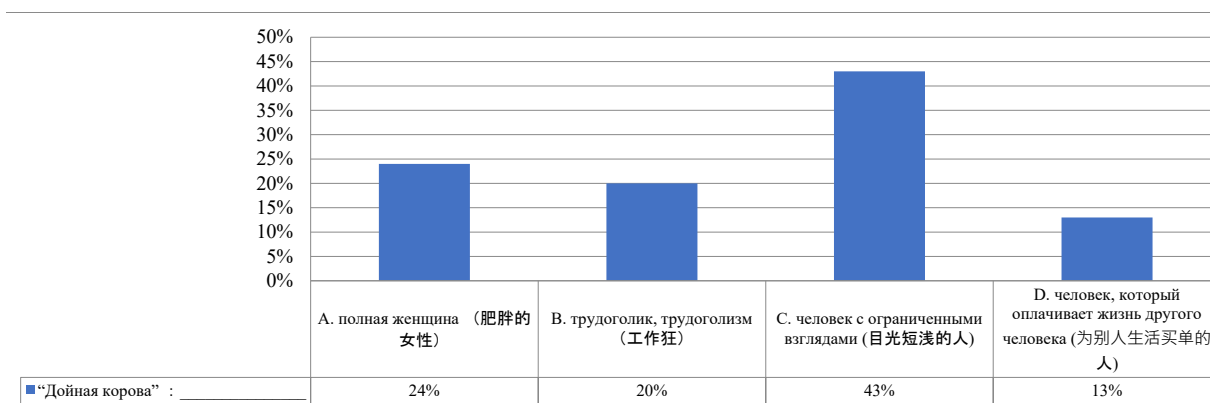

Рис. 1. Статистика ответов китайских студентов на вопрос о русском фразеологизме «дойная корова»

с. 145]. Абсолютно разные стереотипы и, как следствие, ошибочное понимание фразеологизма. Не удивительно, что 24 % студентов выбрали ответ «полная женщина», они провели ассоциацию с внешним видом (подробнее, сравнение как корова...), а 20 % студентов сделали выбор «трудоголик, трудоголизм», возможно, они выбрали этот вариант, основываясь на трудолюбивом характере этих животных. Меньше всего (13 %) выбрали правильный ответ, возможно, они были знакомы с этим фразеологизмом, поскольку в китайской культуре такой смысл в символике коровы не заложен.

В китайской культуре характеристика плохого человека связана с образом волка, он часто является свирепым, жестоким, жадным, злым, наглым и склонным к преступлениям. Например, китайский фразеологизм «狼心狗肺» («Волчьё сердце и собачьи лёгкие») — значит жестокий, свирепый, бесчеловечный, бессовестный злодей. Также фразеологизм «狼贪鼠窃» («Жадный и безжалостный, как волк, ворует, как мышь»). Часто используют для описания врага как жадного, жестокого и подлого. Как показывает диаграмма (рис. 2), большинство (36 % студентов) посчитали, что фразеологизм имеет смысл «отбить аппетит (интерес)», потому что традиционно в Китае волк символизирует что-то плохое, порочное, и китайские студенты выбрали вариант с этим смыслом. 28 % студентов также из-за негативного восприятия характера волка определили значение этого фразеологизма как «потерять аппетит». У древних китайских кочевников волк символизировал храбрость, сотрудничество и духовность. В западной культуре он символизирует необычайную силу, дикость и свободу. В словаре А. И. Фёдорова фразеологизм

«волчий аппетит» имеет такое объяснение: «разг. экспрес. Беспредельная жадность, алчность. — Владеет он сотнями тысяч денег, пароходы у него и баржи, мельницы и земли... Дерёт он с живого человека шкуру... Аппетит у него — волчий...» (Горький М. Тронуло) [8, с. 14].

При выборе значения фразеологизма многие студенты опираются на свою культуру. Как правило, в качестве основного компонента для трактования смысла выбираются именно животные и закреплённые за ними символические значения.

Из рис. 3 видно, что ответы разделились примерно поровну, 29 человек (29 %) дали правильный ответ. В русском языке «ни рыба ни мясо» в словаре — «заурядная, посредственная личность» [8, с. 587]. Следует отметить, что рыба в китайской культуре означает счастье, богатство, любящую пару, счастливую любовь и светлое будущее. В династии Хань есть притча «鲤鱼跃龙门» («Карп перепрыгнул ворота» (обр. Получить повышение и сделать стремительную карьеру)). Но этот фразеологизм в русской культуре имеет негативный оттенок. Поэтому китайские студенты понимают этот фразеологизм с помощью культурной коннотации родного языка, для них сложно определять скрытый смысл. Выбор 24 % студентами варианта «вегетарианец, вегетарианка, приверженец вегетарианства» может свидетельствовать о том, что это сейчас модное направление.

Мы также выбрали три китайских фразеологизма, смысл которых понятен не всем русским студентам. Правильно определили значение фразеологизма «蝙蝠» (летучая мышь) — «счастливый» только 18 %, «井底之蛙» (лягушка на дне колодца) — 51 % от общего числа, «落汤鸡» (курица в супе) — 47 %.

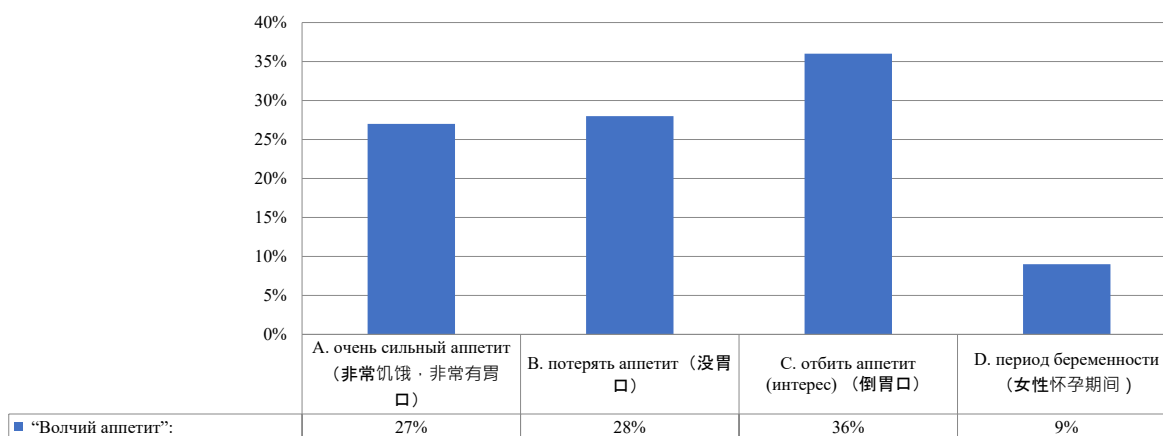

Рис. 2. Статистика ответов китайских студентов на вопрос о русском фразеологизме «волчий аппетит»

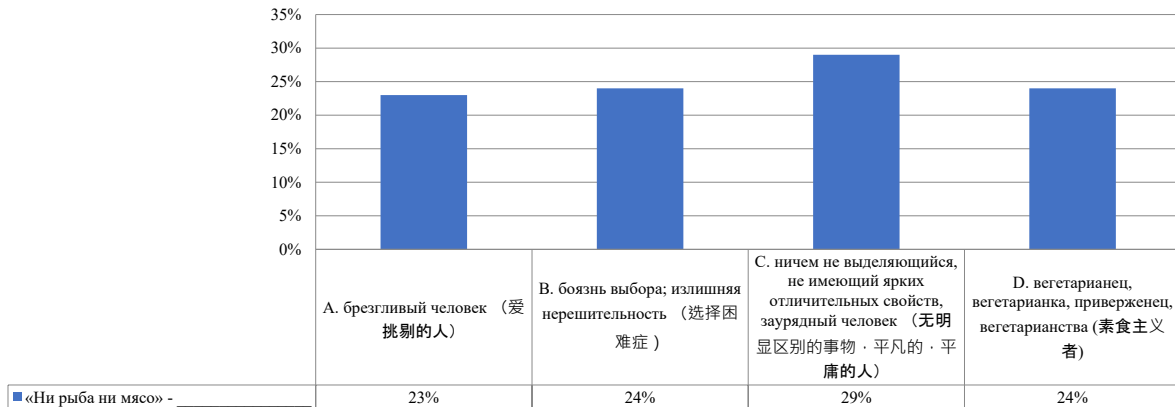

Рис. 3. Статистика ответов китайских студентов на вопрос о русском фразеологизме «ни рыба ни мясо»

Только 18 % русских студентов правильно определили смысл этого фразеологизма. Дело в том, что в Китае очень часто используется созвучие для переноса значения. В русской культуре это практически не применяется, чаще перенос значения делается на основе схожести (метафора) или смежности (метонимия). Объясним принцип, используемый в китайской лингвокультуре. В китайском языке слово «蝙蝠» (летучая мышь) читается как *бянь фу*, его омоним «遍福» (счастье везде), поэтому китайцы считают, что летучая мышь символизирует счастье, желание или безграничное счастье. Люди используют летучих мышей, чтобы выразить своё счастье, успех, долговечную жизнь и другие благоприятные стороны. Пять летучих мышей, используемых в народной живописи, означают «Пять Благословений». Итак, правильный ответ представляет собой «счастливый», но 74 % русских студентов дали ответ «человек не спит всю ночь» (рис. 4). Известно, что летучая мышь является одним из немногочисленных ночных

животных, которое связывается в сознании русских с мистикой, ужасами, вампирами. По словам И. И. Акимовской, «народная фантазия соединила эту биологическую особенность рукокрылых животных с нелепыми поверьями о злых духах и колдунах, которые тоже творят своё чёрное дело под покровом ночи» [1, с. 79–80]. Именно опираясь на свою культуру, большинство русских студентов выбрали этот ответ. Правильно ответили только те студенты, которые владели информацией о китайской культуре.

«井底之蛙» (лягушка на дне колодца) — это классический фразеологизм при изучении китайского языка. Он означает, что лягушка на дне колодца считает небо размером с замочную скважину, то есть символизирует ограниченный кругозор. 51 % студентов, скорее всего, сталкивались с этим фразеологизмом при обучении или в детстве (есть перевод этой притчи как сказки). Можно предположить, что второй по частоте выбор (25 %) «несчастливая участь» обусловлен образом лягуш-

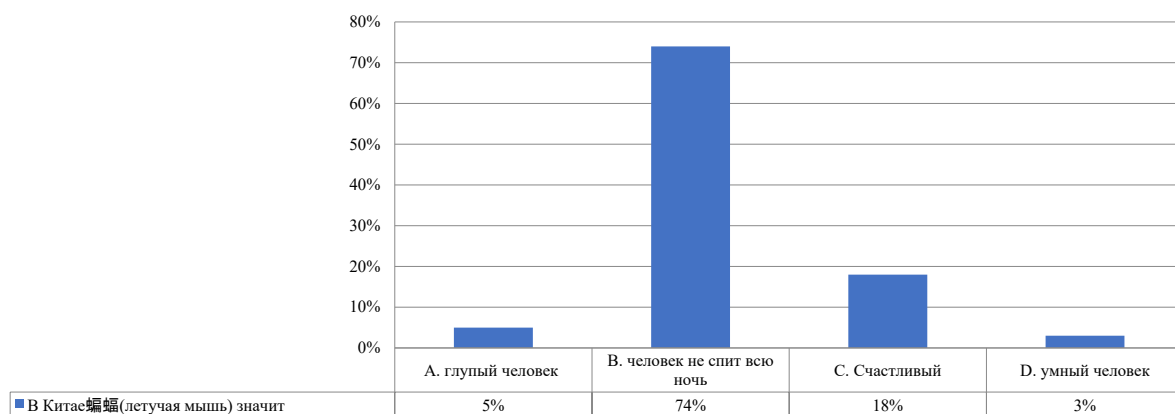

Рис. 4. Статистика ответов русских студентов на вопрос о китайском фразеологизме 蝙蝠 (летучая мышь)

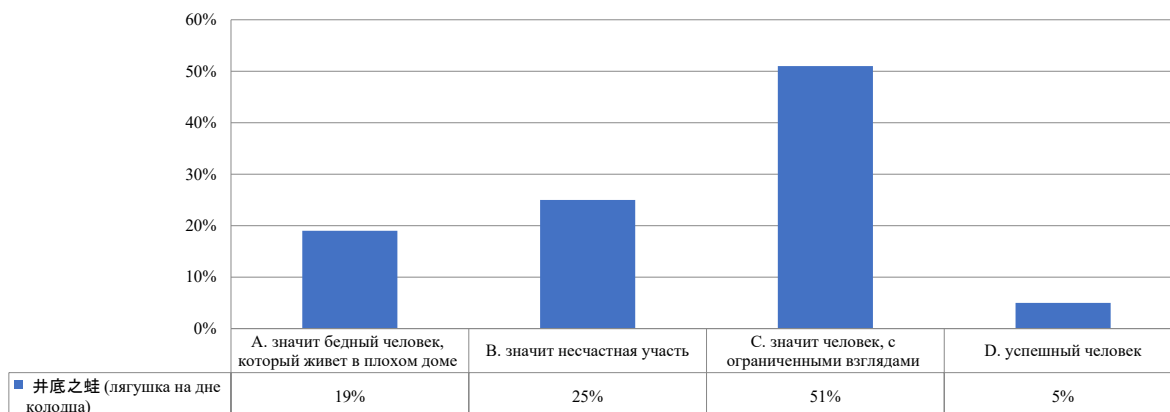

Рис. 5. Статистика ответов русских студентов на вопрос о китайском фразеологизме 井底之蛙 (лягушка на дне колодца)

ки в русских сказках (рис. 5). По М. В. Пименову, «лягушка в русской языковой картине мира имеет ассоциативные связи с царевной в сказке “Лягушка-царевна”» [5, с. 130]. И поэтому русские студенты сделали простое умозаключение: так как лягушка-царевна подверглась несчастной участи, то смысл этого фразеологизма — несчастная участь. Выбор 19 % значения «бедный человек, который живёт в плохом доме», вероятно, связан с устойчивым выражением «на дне», которое означает «очень плохое положение, самый низкий социальный статус».

Буквальное значение фразеологизма «落汤鸡» — это «掉在热水里的鸡, 用来比喻浑身湿透的狼狈相» (курица упала в воду), дополнительное значение: промокнуть до нитки, сухого места нет, мокрая курица [12, с. 864]. 47 % студентов сделали правильный выбор, потому что в русском языке тоже существует похожий фразеологизм «мокрая курица», но 36 % студентов выбрали ответ «куриный бульон для души (умные и красивые слова)», возможно, они перепутали с другим выражением в ки-

тайском языке — «心灵鸡汤». 16 % решили просто сделать перевод и сказали, что курица в супе — это куриный бульон (рис. 6).

Анализ полученных данных показал, что правильное понимание фразеологизмов, принадлежащих другой лингвокультуре, базируется на знании этих фразеологизмов, в этом случае происходит узнавание. Если это неизвестное высказывание, то, как правило, используются знания, полученные в рамках своей культуры. Данная стратегия часто приводит к ошибке понимания, поскольку происходит культурная интерференция. Схожие культурные установки помогают понять смысл фразеологизма, а различные — приводят к нарушению понимания. Следует также помнить об особенностях языков и способах переноса значений.

Вывод. Культурные и когнитивные различия, а также особенности мировосприятия влияют на ошибочное понимание фразеологизмов с компонентом «животное» носителями другой культуры. В межкультурной коммуникации интерференция мешает общению, поскольку затрудняет процесс

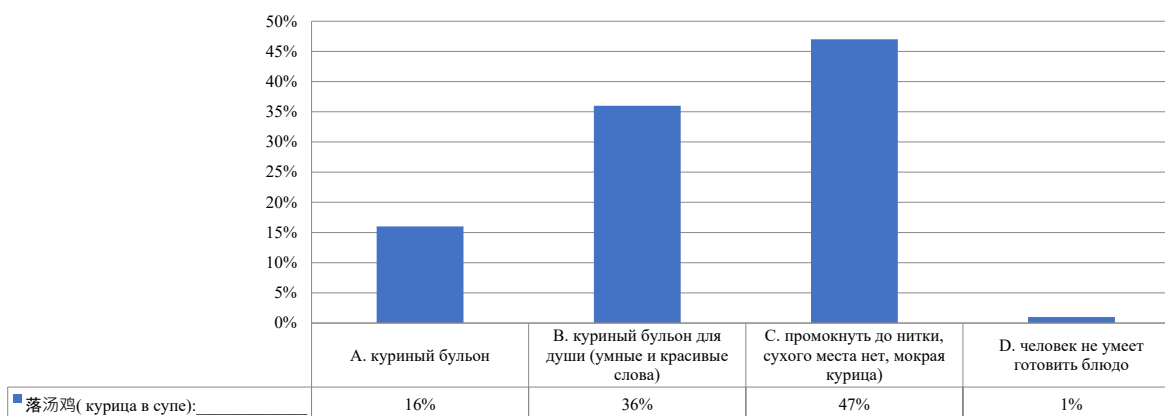

Рис. 6. Статистика ответов русских студентов на вопрос о китайском фразеологизме 落汤鸡 (курица в супе)

понимания. Иностранцам учащимся для понимания фразеологизма нужно узнать этот смысл, понять его значение.

Таким образом, мы пришли к выводу, что для эффективного общения между носителями разных культур недостаточно знания языка общения, необходимо владеть системой культурно обусловленных образов, закреплённых в этническом языковом

сознании. Именно знание фразеологизмов и их значений позволяет их правильно использовать в речи. Незнание фразеологизма приводит к тому, что слушающий пытается трактовать устойчивое выражение, используя знания, полученные в рамках своей родной культуры, что часто приводит к ошибке.

Список литературы

1. Акимушкин И. И Тропою легенд. М. : ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1965.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Жаркова Т. И. Интерференция как один из барьеров для реализации бизнес-общения. URL <http://festival.1september.ru/articles/518122/> (дата обращения: 25.06.2020)
4. Ларионов Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2004. 512 с.
5. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 126–132.
6. Сухова Н. А. Культурно-страноведческая интерференция в деловой коммуникации // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 196. С. 54–57. URL <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-stranovedcheskaya-interferentsiya-v-delovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 15.06.2020)
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
8. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского языка литературного языка. М. : Астрель, АСТ, 2008.
9. Черданцева Т. З. Идиоматика и культура // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58–70.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 2-е изд., доп. М. : Высшая школа, 1969. 231 с.
11. 马国凡, 成语, 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1978。Ma Guofan, Chengyu. Huhehaote: Neimenggu chubanshe, 1978.
12. 现代汉语词典, 第7版, 中国社会科学语言研究所词典编辑室, 北京, 商务印书馆, 2016年。1800页。Xiandai hanyu cidian, diqiban, zhongguo shehui kexue yuyan yanjiusuo cidian bianjishi, Beijing: Shangwu yinshuguan, 2016. 1800页

Сведения об авторах

Харченко Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. kharchenkoev@susu.ru

Бай Сюйхаожань — стажёр кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. baisujhaozhan@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 150—157.*

ETHNOCULTURAL SPECIFIC TREATMENT OF PHRASEOLOGISMS WITH ANIMAL COMPONENTS

E.V. Kharchenko

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia. kharchenkoev@susu.ru

Bai Xuhaoran

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia. baisujxaozhan@yandex.ru

The article is devoted to the study of the understanding of phraseological units with the “animal” component by the carriers of the Russian and Chinese linguistic cultures. The paper analyzes the results of a linguistic experiment in which 100 Chinese and 120 Russian students took part. The peculiarities of the interpretation of the selected phraseological units were revealed, the reasons for the occurrence of errors in understanding by the carriers of a different culture were revealed, and the classification of these errors was given.

Keywords: *cultural linguistics, phraseological unit with the “animal” component, understanding, ethno-cultural specificity, cultural interference.*

References

1. Akimushkin, I.I. (1965) Tropoju legend [A path of legends]. Moscow, Molodaja gvardija Publ. [in Russ.].
2. Vereshhagin, E.M., Kostomarov, V.G. (1990) Jazyk i kul'tura [Language and culture]. Moscow. 178 p. [in Russ.].
3. Zharkova, T.I. Interferencija kak odin iz bar'erov dlja realizacii biznes-obshhenija [Interference as one of the barriers to the implementation of business communication]. Available at: <http://festival.1september.ru/articles/518122/>, accessed 25.06.2020. [in Russ.].
4. Larionov, Ju.A. (2004) Frazеологический словарь современного русского языка [Phraseological dictionary of the modern Russian language]. Moscow. 512 p. [in Russ.].
5. Pimenova, M.V. (2011) *Gumanitarnyj vektor*, no. 4 (28), pp. 126–132. [in Russ.].
6. Suhova, N.A. (2013) *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, [Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts], vol. 196, pp. 54–57. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-stranovedcheskayainterferentsiya-v-delovoy-kommunikatsii>, accessed 15.06.2020. [in Russ.].
7. Telija, V.N. (1996) Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow. 288 p. [in Russ.].
8. Fjodorov, A.I. (1965) Frazеологический словарь русского языка литературного языка [Phraseological dictionary of the Russian language of the literary language]. Moscow, 2008. 14 p. [in Russ.].
9. Cherdanceva, T.Z. (1996) *Voprosy jazykoznanija*, no. 1, pp. 58–70. [in Russ.].
10. Shanskij, N.M. (1969) Frazеологический словарь современного русского языка [Phraseology of the modern Russian language]. 2nd ed. Moscow. 231 p. [in Russ.].
11. Ma Guofan (1978) Chengyu [Idioms]. Huhehaote, Neimenggu chubanshe (In Chinese.)
12. Xiandai hanyu cidian diqiban (2016) [Modern Chinese Dictionary, 7th Edition] zhongguo shehui kexue yuyan yanjiusuo cidian bianjishi. Beijing, Shangwu yinshuguan. 1800 p. (In Chinese.)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РАЗНОТИПНЫХ ЯЗЫКАХ (на материалах китайского, русского и английского языков)

Е. В. Харченко, Цзин Байлян

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Морфологическая форма слов является одним из важных признаков, используемых для выделения частей речи. В данной статье представлен анализ признаков частей речи в разнотипных языках (русском, китайском и английском), делается попытка обоснования разных подходов к морфологическим признакам частей речи. Для обоснования полученных теоретических выводов выполнен эксперимент, результаты которого анализируются в статье.

Ключевые слова: *теория языка, части речи, морфологические признаки частей речи, грамматика, китайский язык, русский язык, английский язык.*

В мире существуют различные языки, которые разделены по нескольким основаниям. Одна из классификаций принадлежит А. Шлейхеру, который по морфологическим признакам разделил языки на четыре вида: флективные, полисинтетические, агглютинативные и изолирующие. Среди них, по определению, изолирующие и флективные наиболее контрастные, поскольку флективные языки имеют богатые формы склонения и спряжения (например, русский язык), а изолирующие языки — это языки, в которых полностью отсутствуют формы словоизменения, поэтому в данных языках слабо противопоставлены формы знаменательных и служебных слов, а способ выражения грамматики представляет порядок слов (например, китайский язык). Морфология определяется нами как «часть грамматического строя языка, которая объединяет грамматические классы слов (части речи), принадлежащие этим классам грамматические (морфологические) категории и формы слов» [6, с. 452], она рассматривается не только как важный элемент при изучении грамматики, но и как важный критерий для выделения частей речи. Термин «части речи» появился в греческом языке, позже он распространился среди индоевропейских языков, на базе которых и были выделены критерии частей речи, одним из важнейших был признан морфологический. Из-за особенностей китайского языка вопрос о том, существуют ли части речи в китайском языке, долгое время был спорным. Например, русский востоковед Н. Я. Марр считал, что китайский язык относится к первичному языку, он не имеет никаких морфологических признаков и грамматических форм [4, с. 47]. В отличие

от него, другой русский исследователь китайского языка — А. А. Драгунов — подчёркивал, что в китайском языке существуют части речи и выделять их нужно, используя следующее: 1) способность слова выступать в роли предложения, 2) соединимость данного слова с другими словами [1, с. 7]. Мы считаем, что центральным вопросом о том, существуют ли в китайском языке части речи, является наличие морфологических признаков в китайском языке. Таким образом, основной целью данной статьи является анализ и сравнение морфологических признаков в языках разных типов.

Изучение морфологии является неотъемлемой основой для исследования грамматики и выделения частей речи. До сих пор оно основывается на традиции описания индоевропейских языков, а в этих языках морфология обычно выражается через флективные формы (например, русский и английский языки). В этом отношении китайский язык сильно отличается от индоевропейских языков. Первая книга по грамматике «Объяснение правил письменного языка господина Ма» («*马氏文通*») была написана господином Ма (马建忠) по образцу индоевропейского языка. Поэтому, опираясь на описание индоевропейской языковой семьи, автор сделал вывод о том, что в китайском языке можно выделить очень мало морфологических форм или вообще нет морфологии. А поскольку традиционно части речи тесно связывали с морфологией, некоторые учёные (в том числе П. С. Кузнецов, Гао Минкай (高名凯) и т. п.) считали, что в китайском языке нет ни морфологии, ни частей речи. Сравним выражение определённых категорий в трёх языках: китайском, русском и английском.

Таблица 1

Категория числа имени существительного

苹果 — 苹果	房子 — 房子	西红柿 — 西红柿
яблоко — яблоки	дом — дома	помидор — помидоры
apple — apples	house — houses	tomato — tomatoes

Таблица 2

Категория лица глагола

我看他。	她看他。
Я смотрю на него.	Она смотрит на него.
I look at him.	She looks at him.

Как мы видим, в этих примерах именно окончания в русском и английском языках указывают на лицо глаголов, но в китайском языке нет и не может быть окончаний. Такие признаки в русском и английском языках мы относим к морфологии в узком смысле.

Язык возник как инструмент коммуникации, который состоит из множества комбинаций компонентов. Каждый язык имеет свои особенности, связанные с условиями возникновения и функционирования. Если мы это признаём, то нам нужно признать и то, что существуют различия между языками, в частности одни и те же грамматические категории могут иметь отличное выражение. Например, для выражения множественного числа имён существительных в русском языке к словам *стол*, *самолёт* нужно добавить окончание *-ы*, в английском к словам *friend*, *cat*, *style* добавляется *-s*, в то же время в этих языках есть слова, которые не изменяются. Таким образом, под морфологическими в узком смысле подразумеваются формальные признаки этих разных функций слов. Другими словами, морфология в узком смысле не может быть рассмотрена изолированно от функции.

Однако это не распространяется на все языки. Как отметил русский лингвист С. Е. Яхонтов, «система частей речи в каждом языке своя; нельзя автоматически переносить список частей речи одного языка в другой» [7, с. 77; 8, с. 167]. С углублением исследований в области грамматики появились новые подходы. В конце 1930-х гг. китайский лингвист Фан Гуандао (方光焘) выдвинул теорию «морфологии в широком смысле». По его мнению, части речи можно различать по тому, как они вступают в связи между словами и сочетаниями слов (комбинация необязательно должна быть

предложением). Например, *кусоч сухой китайской туши*, *кусоч железа*. В приведённых примерах (*китайская*) *тушь* и *железо* могут быть объединены со словом *кусоч*, поэтому они могут быть включены в одну и ту же категорию. Он считал, что такая взаимосвязь между словами, а также сочетание слов является морфологией в широком смысле: «中国单语本身的形态, 既然缺少, 那么辨别词性, 字不能不求助于这广义的形态了» («Поскольку морфологическая форма в узком смысле в китайском языке отсутствует, то мы не можем не полагаться на эту морфологическую категорию в широком смысле для различения частей речи в китайском языке») [10, с. 3–4].

Таким образом, отсутствие изменений слов в китайском языке предполагает то, что изучение морфологических признаков частей речи не может быть ограничено отдельным словом, необходимо анализировать связи слов между собой.

В данной случае мы согласны с теорией господина Фан Гуандао (方光焘) и полагаем, что морфология в широком смысле также должна включать в себя порядок слов.

Что касается морфологии в узком смысле (морфология в индоевропейских языках), мы видим, что морфологические признаки позволяют быть критерием для разграничения частей речи. Другими словами, подтверждением того, имеют ли слова в китайском языке морфологические признаки, является их способность выражать грамматическое значение. Рассмотрим на примерах, как слова в китайском языке выражают грамматическое значение.

Например,

1. 由于空间不够, 她只在客厅设计了一个窗户。

*Перевод был сделан автором статьи. — Ц. Б.

(Из-за недостатка места она спроектировала только одно окно в гостиной.)

2. 一般学校的教室里有三四个窗户。

(Обычно в классе есть три или четыре окна.)

3. Он только купил одно манго.

4. Эти пять манго очень свежие.

5. He saw many deer in the forest.

(Он видел много оленей в лесу.)

6. Uncle gave her one deer as a birthday gift.

(Дядя подарил ей одного оленя на день рождения.)

7. The novel consists of seven books, each of them is very interesting.

(Этот роман состоит из семи книг, каждая из них очень интересная.)

8. The shop closes at 7:30 p. m.

(Магазин закрывается в 7:30 вечера.)

Данные примеры показывают, что только по форме слов почти невозможно правильно различать их грамматические значения и функции. Например, если в предложениях 1 и 2 мы решим, что все слова с окончанием *-a* относятся к одной категории, то слова *спроектировала* и *окна* выражают одинаковую грамматическую функцию. Однако мы знаем, что слово *спроектировать* является глаголом, окончание на *-a* в данном случае выражает прошедшее время единственного числа женского рода. Во втором слове *окна*, которое является существительным, окончание *-a* указывает на множественное число (также окончание *-a* может указывать родительный падеж единственного числа). В английском языке слова *books* в предложении 7 и *closes* в предложении 8 также имеют одинаковое окончание, но при этом оно выражает в этом случае разное грамматическое значение, поскольку это разные части речи. Таким образом, мы считаем, что морфология в узком смысле ограничена функцией, а не наоборот. Это можно проанализировать на примере китайского языка, который не имеет узкой морфологии. В предложениях 1 и 2 существительное 窗户 имеет только одну форму, но благодаря порядку слов и связи с другими словами мы можем выделить его разные формы и их грамматические значения. Во-первых, в предложениях 1 и 2 перед словом 窗户 стояло счётное слово: 个 (значение данного слова как *штука* в русском языке), поэтому благодаря сочетанию и месту счётного слова мы поняли, что слово 窗户 является существительным. Перед этим счётным словом стояли слова, обозначающие количество, то есть мы получили порядок слов китайского языка: *слово, обозначающее количе-*

ство, + счётное слово + имя существительное, что обозначает грамматическое значение *число или количество* предмета. В русском и английском языках мы сможем найти похожие примеры. Например, в предложениях на русском языке 3, 4 и предложениях на английском языке 5, 6. В этих предложениях русское слово *манго* и английское слово *deer* являются так называемыми неизменяемыми словами. В таких случаях грамматическое значение (например, категория числа) выражается через их сочетания с другими словами. Например, в предложении 3 перед словом *манго* стоит имя числительное *одно*, поэтому мы знаем, что это единственное число, в предложении 4 перед словом *манго* стоит слово со значением количество — *пять*. То же самое в предложениях на английском языке 5, 6. Если мы видим отдельное слово *deer*, то не знаем: это форма единственного или множественного числа, а благодаря словам, которые стоят рядом, можно определить грамматическое значение. Слово *many* значит *много*, *one* — это числительное — *один*. Таким образом, мы пришли к выводу, что если слово изменяется, то морфология в узком смысле позволяет определить грамматическое значение, а когда слово не изменяется, на помощь приходит морфология в широком смысле.

Наши выводы соответствуют мнениям О. Есперсена и М. И. Стеблина-Каменского. Как отметил О. Есперсен, «форма употребляется здесь в очень широком смысле, включая формальные слова и место слова в предложении» [2, с. 52]. М. И. Стеблин-Каменский так сказал: «Сочетание служебного слова со знаменательным, хотя и синтаксично по форме, поскольку оно является сочетанием отдельных слов, а не частей слова... может быть морфологично по значению. Такие морфологические словосочетания естественно отнести к морфологии» [3, с. 21].

Мы провели эксперимент в двух вузах (в Южно-Уральском государственном университете и Челябинском государственном университете), чтобы проверить, используется ли морфология в широком смысле в языке с богатыми формами словоизменения (например, в русском языке) и какое отношение между морфологией в широком смысле и морфологией в узком смысле. Участниками данного эксперимента стали 200 студентов: 100 русских студентов, изучающих китайский язык, и 100 китайских студентов, изучающих русский язык. Наша цель — проверка того, будет ли учащийся использовать морфологию в широком смысле при

Посмотрите картинки и опишите ситуацию. Напишите 3–5 предложений.		
	Китайский язык	Русский язык

Рис. 1. Содержание эксперимента

описании ситуации, изображённой на картинках. Образец экспериментального материала представлен на рис. 1.

Мы уже отметили, что морфология в широком смысле выражается в основном через сочетаемость частей речи, поэтому на следующем этапе мы выбрали только те части речи, которые имеют полное значение. Например, в русском языке можно поставить почти любое слово в начале предложения, которое мы хотим подчеркнуть, поскольку русский язык обладает изменяемыми формами слов, это не мешает нам понять грамматическое и семантическое значение слова, но при этом структура

предложения должна быть полной. Если мы видим порядок слов *наречие + местоимение = сегодня моя*, то мы не можем понять смысл, поскольку такое высказывание не имеет полной структуры. Поэтому подобные высказывания мы не использовали в эксперименте (табл. 3)*.

Полученные результаты показали, что между частями речи китайского и русского языков с точки

* Из-за грамматических особенностей китайского языка, в целях облегчения понимания и обеспечения семантической целостности примеров китайского языка, мы сохранили другие компоненты в некоторых примерах. Основные компоненты отмечены рамками.

Таблица 3

Результаты эксперимента

Русский язык	Китайский язык
Существительное	Существительное
Сущ. + сущ. Например, кусок + мяса, день + рождения.	Сущ. + сущ. Например, 菜板 + 上(на разделочной доске), 厨房 + 里 (на кухне).
Сущ. + глаг. Например, девушка + готовит, мама + режет.	Сущ. + глаг. Например, 锅 + 开了 (Горшок кипит).
Сущ. + прил. Например, мама + красивая, мясо + свежее.	Сущ. + прил. Например, 热气 + 腾腾 (горячий)
Глагол	Глагол
Глаг. + сущ. Например, готовит + суп, режет + хлеб.	Глаг. + сущ. Например, 做 + 饭 (готовить обед), 切+肉(резать мясо)
Глаг. + глаг. Например, нравится + готовить, готовит + кушать.	Глаг. + глаг. Например, 烧 + 开 (кипятиться), 放学 + 回家 (возвращаться домой после занятия)
Глаг. + мест. Например, проведать + меня, положить + его.	Глаг. + мест. Например, 准备 + 另外一个 (готовить другое), 等 + 她 (ждать её)
Глаг. + нареч. Например, вернулся + домой.	Глаг. + нареч. Например, 感觉 + 很开心 (чувствовать себя очень весело), 看起来 + 非常快乐 (выглядеть очень радостно)
	Глаг. + прил. Например, 有 + 黑色的长发 (есть чёрные волосы), 做 + 好了 (подготовил).

Окончание табл. 3

Русский язык	Китайский язык
Местоимение	Местоимение
Мест. + сущ. Например, мою + маму, это + женщина.	Мест. + сущ. Например, 这个 + 女人 (эта женщина), 她 + 旁边 (около неё).
Мест. + глаг. Например, она + старается, она + режет.	Мест. + глаг. Например, 她 + 穿着 (она носит), 她 + 做了 (она готовила).
Мест. + мест. Например, это + его, она + моя.	Мест. + прил. 她 + 笑咪咪地切菜 (она режет овощи с улыбкой), 她 + 幸福地等着 (она ждёт счастливо).
Наречие	Наречие
Нареч. + глаг. Например, уже + кипит, вкусно + готовит.	Нареч. + глаг. Например, 她正在 + 切 (она режет), 妈妈在 + 做饭 (мама готовит).
Нареч. + нареч. Например, очень + вкусно, вчера + вечером.	Нареч. + нареч. Например, 非常 + 好吃 (очень вкусно), 很 + 好吃 (очень вкусно).
Нареч. + прил. Например, очень + красивая, очень + довольна.	Нареч. + прил. Например, 很 + 美味 (очень вкусно), 很 + 开心 (очень весело).
Предлог	Предлог
Предл. + сущ. Например, в + кухне, с + девушкой.	Предл. + сущ. Например, 在 + 厨房 (на кухне), 从 + 房间里 (из комнаты).
Предл. + мест. Например, у + неё, ко + мне.	Предл. + мест. Например, 当 + 她做饭时 (когда она готовила), 当 + 我回家时 (когда я вернулся домой).
Прилагательное	Прилагательное
Прил. + сущ. Например, любимый + суп, праздничный + ужин.	Прил. + сущ. Например, 大 + 鸡腿 (большой окорочок), 小 + 姐姐 (младшая сестра).
Прил. + прил. Например, китайское + национальное.	
Союз	Союз
Сущ. + союз + сущ. Например, молоком + и + мясом, лапшу + и + курицу.	Сущ. + союз + сущ. Например, 丈夫 + 和 + 女儿 (муж и дочь), 鱼 + 和 + 肉 (рыба и мясо).
Глаг. + сущ. + союз + глаг. + сущ. Например, режет + мясо + и + варит + суп.	Глаг. + сущ. + союз + глаг. + сущ. Например, 切 + 肉 + 和 + 炖 + 汤 (резать мясо и варить суп).
Числительное	Числительное
Числ. + сущ. Например, сорок пять + лет.	Числ. + сущ. Например, 第一 + 名 (первое место)

зрения морфологии в широком смысле существует определённое сходство. Чтобы объяснить и проанализировать результат эксперимента, мы использовали коэффициент Жаккара [Jaccard].

Формула коэффициент Жаккара: $K_1 = NA + B / (N A + N B - N A + B)$, где «NA + B — число общих видов в сравниваемых описаниях А и В. N A и N B число видов в каждом из описаний» [5, с. 51].

В качестве примера мы выбрали имя существительное в китайском и русском языках.

Рассмотрим NA как сочетаемость существительного с другими частями речи в китайском языке = {Сущ. + сущ., Сущ. + глаг., Сущ. + прил.}, то есть всего три ситуации, и мы пишем 3, то же самое NB как сочетаемость существительного с другими частями речи в русском языке = {Сущ. + сущ.,

Сущ. + глаг., Сущ. + прил.}, и мы тоже пишем 3, поэтому мы получили их объединение $(N A + N B) = 6$ и их пересечение $(N A + N B) = 3$. Таким образом, их коэффициент сходства (K_1)

$$= 3 (N A + N B) / (3 (N A) + 3 (N B)) - 3 (N A + N B)$$

$$= 3 / (6 - 3)$$

$$= 1 (100 \%)$$

Обобщив данные в двух языках, мы получили степень сходства сочетаемости между данными частями речи (табл. 4).

Таблица 4

Сходство сочетаемости, %	
Часть речи	%
Существительное	100
Глагол	80
Местоимение	66
Наречие	100
Предлог	100
Союз	100
Числительное	100

Таким образом, в данной работе мы показали, что морфология в широком смысле существует не только в изолирующих (например, в китайском языке), но и во флективных языках (например, в русском языке). Из-за того, что морфология в узком смысле в основном понимается как формы словоизменения, дополнительные морфологические признаки не так очевидны. По сходству сочетаемости частей речи в китайском и русском языках мы считаем, что морфология в широком смысле включает морфологию в узком смысле (рис. 2).

Вывод. Таким образом, мы пришли к выводу, что основной функцией частей речи в изолирующем (в китайском языке) и флективном (в русском языке) языках является выражение грамматического значения. Однако критерии выделения частей речи в разных языках будут разными, поскольку в одних языках преобладают слова, которые выражают грамматическое значение с помощью изменения формы слова, а в других слова не изменяются, поэтому основным способом выражения грамматического значения становится сочетаемость слов. В первом случае мы говорим о морфологии в узком понимании, во втором — в широком понимании.

Рис. 2. Соотношение морфологии в широком и узком смысле

Список литературы

1. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Т. 1. Части речи. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 231 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики. М. : Издательство иностранной литературы, 1958. 400 с.
3. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л. : Наука, 1976. 695 с.
4. Конрад Н. И. О китайском языке // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 45–78.
5. Миркин Б. М. Толковый словарь современной фитоценологии. М. : Наука, 1983. 134 с.
6. Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М. : Наука, 1980. 789 с.
7. Яхонтов С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Л. : Наука, 1968. С. 70–79.

8. Яхонтов С. Е. Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию. СПб. : Студия НП-Принт, 2016. 656 с.
9. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London : George Allen & Unwin Ltd., 1951. 358 p.
10. 方光焘. 方光焘语言学论文集. 北京.: 商务印书馆, 1997. 686 p. Fang Guangdao. Fang Guangdao yuyan xue lunwen ji. Beijing.: Shangwuyin shuguan, 1997. 686 с.

Сведения об авторах

Харченко Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. kharchenkoev@susu.ru

Цзин Байлян — стажёр кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. bailyanczzin@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 158—165.*

MORPHOLOGICAL FEATURES OF PARTS OF SPEECH IN DIFFERENT TYPES OF LANGUAGES (Based on Chinese, Russian and English Languages)

E.V. Kharchenko

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia. kharchenkoev@susu.ru

Jing Bailiang

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia. bailyanczzin@yandex.ru

The morphological form of the word is one of the important criteria for distinguishing parts of speech, but in different types of languages this criterion manifests itself in different ways. Morphology arose in Greek, and then was widely distributed and developed in Indo-European languages. So the beginning of the study of morphology arose in Indo-European languages. Since most of the words in Indo-European languages have rich forms of change, the study of morphological characters is mainly focused on individual words. From this point of view, some scholars believed that isolating languages lacked morphology and grammar. As linguists conducted deeper studies, they determine the morphological characters in a broader perspective on the basis of the relationship of words, and on this basis we can explain the means of expressing grammar in isolating languages. In this article, we conducted an experiment on the materials of the Russian, Chinese and English languages and on the basis of a traditional study of morphology in a broad sense analyzed the morphological features of parts of speech in different languages.

Keywords: *morphological features, grammar, Chinese, Russian, English.*

References

1. Dragunov, A.A. (1952) Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitajskogo yazyka. Tom 1. Chasti rechi [Research on grammar of modern Chinese language. Volume 1. Parts of speech]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 231 p. [in Russ.].
2. Espersen, O. (1958) Filosofiya grammatiki [The Philosophy of Grammar]. Moscow, Foreign Languages Publishing House. 400 p. [in Russ.].
3. Zhirmunskij, V.M. (1976) Obshchee i germanskoe yazykoznanie [General and Germanic linguistics]. Leningrad, Nauka. 695 p. [in Russ.].
4. Konrad, N.I. (1952) *Voprosy yazykoznanija* [Issues in Linguistics], no. 3, pp. 45–78. [in Russ.].
5. Mirkin, B.M. (1983) *Tolkovyj slovar' sovremennoj fitocenologii* [Explanatory dictionary of modern phytoecology]. Moscow, Nauka Publ. 134 p. [in Russ.].
6. Shvedova, N.Yu. (1980) *Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Volume. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word-formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ. 789 p. [in Russ.].

7. Yakhontov, S.E. (1968) Ponyatie chastej rechi v obshchem i kitajskom yazykoznanii [The concept of parts of speech in general and Chinese linguistics]. *Voprosy teorii chastej rechi. Na materiale yazykov razlichnyh tipov* [Issues in the theory of parts of speech. Based on languages of different types]. Leningrad, Nauka Publ. Pp. 70–79. [in Russ.].

8. Yakhontov, S.E. (2016) Problemy' kitajskogo i obshhego yazy'koznaniya. K 90-letiyu [Problems in Chinese and general linguistics: for the 90th anniversary]. Saint Petersburg, Studiya NP-Print Publ. 656 p. [in Russ.].

9. Jespersen, O. (1951) *The Philosophy of Grammar*. London, George Allen & Unwin Ltd. 358 p.

10. Fang Guangdao (1997). Fang Guangdao yuyanxuelunwenji [Collection of Fang guangdao's linguistic papers]. Beijing, Commercial Press. 686 p. [In Chinese].

ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГЛОРИФИКАЦИИ В ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Чжан Канкан

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия

Исследуются экспрессивно-эмоциональные способы выражения глаорификации, которые позволяют реализовать подчеркнутое, акцентированное выражение положительной оценочной семантики языковых единиц в торжественной речи по поводу важных и социально значимых событий. Новым аспектом исследования является описание закономерностей функционирования эпидейктики в современной общественно-политической речевой практике, выделение в качестве важного предмета изучения глаорификации как возвышения социального лица коммуникантов.

Ключевые слова: торжественная (эпидейктическая) речь, глаорификация, экспрессивность, тропы и фигуры речи, эмоциональность, воздействие.

Эпидейктическая торжественная речь — это речь по торжественному поводу, «по случаю» [13, с. 14]. Жанры эпидейктической речи в риторике связываются с выступлениями ораторов по значимому случаю и рассматриваются как сфера для реализации языка высоких чувств.

Торжественное красноречие, которое зародилось в далёкой античности, прошло долгий путь исторического развития. Аристотель называл эпидейктической или торжественной такую разновидность речи, назначение которой хвалить и порицать [1; 3]. В современной официальной и неофициальной коммуникативной ситуации эпидейктическая речь остаётся актуальным и востребованным объектом изучения, что связано с повышением требований к «этикетно организованному строю речи» [17, с. 3].

Эпидейктическая речь сегодня используется в торжественной обстановке и по поводу важных и социально значимых событий (см. торжественная речь на юбилеях, в дружеском кругу, на общественных, политических и других торжественных мероприятиях). Это может быть вступительное или благодарственное слово, поздравление, презентация (см., например: *инаугурационная речь, юбилейная речь, благодарственная речь, нобелевская речь, торжественное поздравление, благодарность, надгробная речь (соболезнование), речь на награждении и др.* [10, с. 181–185]). В качестве материала в данном исследовании использованы примеры торжественных текстов по поводу знаменательных событий, взятых с разных официальных сайтов открытого доступа: <http://tass.ru>; <https://www.gazeta.ru>; <http://www.kremlin.ru>; <https://russian.rt.com>; <https://www.putin-today.ru>; <https://russian.rt.com>.

Основополагающей функцией любой торжественной речи является «воодушевление и сплочение аудитории в ситуации важного момента» [3, с. 14]. При этом первостепенными задачами выступающего являются убеждение, похвала, иногда с элементами панегирики, оды; призыв, поощрение и т. д. Таким образом, главная цель торжественной речи состоит в том, чтобы показать «прекрасное» в предмете речи. Контексты употребления слова *торжественный* в современном дискурсе демонстрируют, что в понятии торжественного всё более соединяются формы социального взаимодействия и средства социально одобряемого общения и поведения.

Основываясь на указанных признаках торжественной речи, мы выделяем новый аспект исследования, связанный с лингвистическим описанием закономерностей функционирования эпидейктики в современной коммуникативной среде, общественно-политической речевой практике, отражённой в публичных изданиях и массмедиа. Существенным дополнением к выделенным выше признакам, по нашему мнению, является то, что значительное число образцов торжественной речи сегодня представляют собой вид позитивной коммуникации, который, в отличие от «хулы», связывается с формами речевого глаорифицирования — возвышения социального лица коммуникантов. По определению О. А. Леонтович, позитивная коммуникация — это «благотворная и желательная форма человеческого взаимодействия» [9, с. 165] и «всегда характеризуется принятием собеседника, надеждой на благоприятное развитие событий и взаимоотношений» [Там же].

Глаорификация, как свойство возвышающей коммуникации, может иметь разные частные функ-

ции, при реализации которых значительную роль играют эмоционально-экспрессивные средства. В торжественной речи они передают положительную оценочную семантику в подчёркнуто выразительной форме [16], обеспечивая эффект ликозавышения.

Как отмечает С. В. Ионова, в торжественных текстах разных исторических периодов отмечаются различные интерпретации значимых параметров предмета речи, её содержания [7; 8], что справедливо также для понятия глаголизации. Так, язык ранних торжественных текстов в большей степени включал лексические и фразеологические «украшения». В более поздних текстах он становится более патетическим, связывается с прославлением героя, что буквально реализует значение слова *glorified*, включающее семантику ‘нечто лучшее’ [6]. Эта особенность отмечается в современной эпидейктической речи, для которой характерно выражение эмоциональных состояний удовлетворения, восторга, гордости, уважения, патриотизма.

Умелое сочетание стилистических приёмов и риторических фигур во многом обуславливают эмоционально-экспрессивную стилистику торжественной речи. Наряду с этим применение лингвистического понятия глаголизации позволяет уделить внимание также семантическому аспекту ликозавышения, который определяет уместность и выразительность языка эпидейктического выступления.

Понятие глаголизация тесно связано с оценочной семантикой предмета или адресата речи и в публичной торжественной речи в значительной степени связано с актуализацией социальных положительных ценностей. В позитивной коммуникации, протекающей в ситуации важного для общества момента, в торжественной обстановке, направленной на воодушевление и сплочение аудитории, значимым является выбор средств выражения информации о важнейших позитивных ценностях общества. Торжественная речь включает в себя лексику оценочной семантики:

1) существительные с положительной семантикой (*подвиг, героизм, достижение, вклад, развитие, общее благо, общественная польза, трудолюбие, героизм, преданность, патриотизм, знания, опыт, взаимопомощь и др.*);

2) прилагательные с положительной семантикой (*преданный: благодатный, бесспорный, неизменный, достоверный, непогрешимый, благодар-*

ный, поздравительный, антивоенный, честный, миролюбивый и др.);

3) перформативные глаголы, лежащие в основе речевых актов и жанров позитивной коммуникации, и их именные обозначения (*поздравляю, благодарю, клянусь, торжественно обращаюсь; похвала, благодарность, поздравление и др.*) и др.

Экспрессивность и эмоциональность речи выступают в качестве коммуникативных способов передачи значимой информации в наиболее яркой форме, позволяющей выделить предмет речи (или адресата) из числа рядовых и придать им статус лучших образцов социального поведения. Это достигается следующими средствами:

1) использованием суперлатива — грамматической формы превосходной степени прилагательных и наречий как выражения высшей степени проявления признака (*наивысшие достижения; ярчайший пример; самый яркий представитель; чрезвычайно авторитетный человек; наиболее известный специалист; наиважнейший участок работы; глубочайший ум; самый преданный из представителей этой профессии и др.*);

2) использованием лексем с положительной семантикой в денотативном компоненте (*талантливый, важный, благо, самоотдача, служение*);

3) использование лексем с семантикой интенсивности и эмоционально-экспрессивной окраской (*трепетный, великий, выдающийся, блестящий, архиважный, сверхусилия, гигантский, неимоверный, впечатляющий и др.*);

4) устойчивыми оборотами и связанными конструкциями (*великий сын своей страны; готов в огонь и в воду; болеет душой; предан своему делу; долг чести; беззаветное служение; на благо родины и др.*).

Тропы и фигуры речи являются средствами, с помощью которых акцентируется информация о позитивных состояниях говорящего и сохраняется образность. Принято считать, что они используются в качестве украшения речи: «Нет красноречия, если нет восхищения слушателей» — утверждал Цицерон [15, с. 86]. Однако анализ нашего материала показывает, что их использование в торжественных текстах чаще всего связано с повышением оценки, решением прагматических, коммуникативных задач. В русском языке насчитывается несколько десятков риторических фигур, каждая из которых полезна для достижения целей автора [3, с. 77–78].

Как типичные средства выражения эмоций говорящего, тропы и фигуры обладают образной

выразительностью и экспрессивностью [2, с. 523] позволяют выступающему объединить обе функции торжественной речи: выразить семантику «лучшего», возвысить предмет речи, но сделать это изящно, при помощи использования стилевых «украшений». Тропы и фигуры призваны реализовать эстетическую функцию: сделать речь «красивой», пышной, яркой, повысить эффективность речи [4]. Кроме этого они выполняют функцию акцентирования внимания на информации о позитивных качествах предмета речи. Экспрессия наслаивается на позитивную оценку и эмоциональное содержание речи и является решающим при выборе оптимальных форм его репрезентации. В этом случае повышается степень убедительности и силы воздействия на слушателей, речь приобретает направленность не только на констатацию фактов, акцентирование положительных ценностей, но и на эмоциональное воздействие на аудиторию.

Риторические тропы и фигуры как средства реализации глаголирующих целей речи используются для повышения экспрессивности и эмоциональности торжественной речи. Среди наиболее распространённых средств традиционно используются сравнение, метафора, эпитет, аллегория, ирония, призыв, риторический вопрос, риторическое восклицание, повтор. Однако их отбор в глаголирующих речевых актах эпидейктической речи всегда имеет точную цель — осуществление возвышающей коммуникации. Например, сравнение в его развёрнутой и свёрнутой (метафорической) формах демонстрирует возможность квалификации качеств и действий глаголируемого лица путём апелляции к их лучшим образцам: *Так же, как много лет назад первопроходцы отдавали свои жизни ради открытия новых земель, новых пространств, вы самоотверженно, с невероятной самоотдачей открываете нам новое знание, новые интеллектуальные миры* (речь министра просвещения России по случаю Дня знаний, 1 сентября 2019 г.).

К важным риторическим фигурам в торжественной речи относится повтор, который закрепляет основную мысль, повышает её убедительность [11, с. 73]: *Так рождаются герои. И вы настоящие герои, подвиг которых состоит в самоотверженной, героической работе на благо Родины* (речь участника акции «Мы вместе», 26 июня 2020 г.). Мы полагаем, повтор является эффективным средством утверждения позитивной ценности, которая эксплицитно относится к предмету речи, а имплицитно апеллирует к сознанию адресатов.

Основываясь на семантике повышения оценки при выражении глаголизации, лексический повтор используют для эмоционального воздействия в торжественной речи. Эту же функцию имеет повтор с градацией (как правило, усилением): *Мы гордимся великим поколением победителей, гордимся Россией — самодостаточной, сильной, открытой страной...* (речь В. В. Путина по случаю вручения государственных премий Российской Федерации, 24 июня 2020 г.).

Параллелизм — повторение фраз с одинаковой синтаксической структурой — способ имплицитного глаголирования путём соотнесения действий отдельных лиц с высшими общественными ценностями: *«Мы отдаём дань бесконечного признания великому, жертвенному подвигу советского народа, людям разных национальностей, стоявших плечом к плечу на фронте и в тылу. Время не властно перед их мужеством, единством, достоинством и поистине стальной силой духа»* (речь В. В. Путина по случаю празднования Дня Победы, 9 мая 2020 г.).

Анализ материала показывает, что различные риторические средства в глаголирующем тексте часто используются комплексно. См., например, соединение стилистического повтора, лексем с позитивной оценкой и глаголирующей семантикой: *Это и гордость за нашу страну, за россиян, за наших людей, за медицинских работников, ведущих самоотверженную борьбу за жизнь, здоровье наших пациентов, а им необходим индивидуальный подход* (речь В. В. Путина по случаю вручения государственных премий Российской Федерации, 24 июня 2020 г.).

Глаголирующая семантика высказываний может строиться на основе риторического отрицания, при котором происходит исправление негативной ценности или её замены позитивной: *Хочу напомнить только одну простую вещь, что ни одно пожертвование, ни один закон, ни одна глобальная инициатива не имеют смысла, если в центре их идей не стоит человек и помощь человеку* (речь В. В. Путина по случаю вручения государственных премий Российской Федерации, 24 июня 2020 г.).

Для торжественной речи характерно использование призыва как риторического приёма. В риторических призывах актуализируется модальность долженствования (*обязательно, неизбежно, надлежит, надо, должен* и т. д.), используется экспрессивное обращение (*Мои коллеги! Мой гениальный оппонент!* и т. д.), прилагательные в форме

превосходной степени (*самый выдающийся, самый замечательный, самый профессиональный*) с целью показать ценность или величие предмета речи перед другими объектами [5, с. 19–20], побудить равняться на лучшие образцы: *это величайшие мировые достижения; это самое трудное, но на этом держится прогресс*. Необходимо отметить, однако, что призыв как риторический приём способствует повышению эффективности торжественной речи, разве только большинство слушателей положительным образом относятся к личности оратора и его идеям, предмету обозначения. Частотное использование данного средства снижает его риторическую, эмоциональную и смысловую эффективность.

Эффективной риторической фигурой, в том числе и в торжественном тексте, принято считать риторический вопрос и восклицание. Нередко они выступают в качестве композиционного текстообразующего элемента, эффективность которого во многом обусловлена тем, что он «ненавязчиво навязывает» слушателю определённую мысль, которую хочет донести до него выступающий [3, с. 79]: *Кто из присутствующих сомневается, что наш сотрудник (юбиляр) достоин высшей похвалы?; Неужели этот пример не доказывает высоту мыслей и моральную возвышенность юбиляра?! Риторическое восклицание, предназначенное для эмоционального воздействия на слушателей, характерно для официальной торжественной речи и чаще всего направлено на глорифицирование адресата или предмета речи: *Вы так прекрасны, совершенны, лучезарны!; Как много лет с тобой мы вместе и как это ценно для нас!**

Как видно из приведённых примеров, экспрессивно-эмоциональные средства — частотное явление в торжественных текстах. Они являются важным средством выражения глорифицирующей функции речи, которая направлена на акцентирование позитивной оценки, её интенсификацию, сопоставление с обозначением позитивных ценностей общества [6], а также для изящного, «украшенного» изложения идеи автора, наиболее эффективно воздействующего на сознание адресата.

Выводы. Экспрессивно-эмоциональные средства русской речи — это не только мощные средства усиления выразительности речи, позволяющие сделать слова в торжественной речи легко запоминающимися, яркими. Они способствуют усилению воздействующей силы торжественной речи, оказывают влияние на её эффективность. Комплексное использование различных приёмов для выражения глорифицирующей функции — явление распространённое в торжественных текстах, однако оно не должно отождествляться с чрезмерным употреблением тропов и фигур, быть однообразным. В связи с этим эффективные средства глорифицирования — это соединение рационального обозначения позитивных ценностей, к которым нужно стремиться, экспрессивных форм передачи информации о позитивных качествах и действиях глорифицируемого лица, образного представления этой информации. Комплексное использование этих средств позволяет реализовать подчёркнутое, акцентированное выражение положительной оценочной семантики языковых единиц и обеспечить эмоциональное воздействие торжественного текста на аудиторию.

Список литературы

1. Аннушкин В. И. История русской риторики : хрестоматия. 2-е изд. М. : Флинта, 2002. 416 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов : около 7000 терминов. М. : Либроком, 2013. 608 с.
3. Воронцова Т. А. Риторика как публичная коммуникация : учебное пособие. Ижевск, 2011. 132 с.
4. Голуб И. Б. Русская риторика и культура речи : учебное пособие. М. : Логос, 2014. 328 с.
5. Ерещенко М. В., Кравченко Н. В. Опыт стилистического анализа текста (на примере выступления В. В. Путина) // Молодой учёный. 2016. № 7.4 (111.4). С. 19–22.
6. Ионова С. В. Семантика глорификации в коммуникативной концепции «возвышения языком» // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 97–117. URL: www.tverlingua.ru
7. Ионова С. В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2015. № 1. С. 20–30.
8. Ионова С. В. Интерпретация как вид вторичной текстовой деятельности // Вестник ВГУ. Сер. 2. Языкознание. 2008. № 1 (7). С. 6–11.

9. Леонтович О. А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 164–177.

10. Меньшенина С. В. Классификация речей. Жанры эпидейктической речи // Вестник ЮУрГУ. 2005. № 7. С. 181–185.

11. Риторика : учебник для академического бакалавриата / В. Д. Черняк [и др.] ; под общ. ред. В. Д. Черняк. М. : Юрайт, 2016. 430 с.

12. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 1965 с.

13. Стернин И. А. Практическая риторика в объяснениях и упражнениях для тех, кто хочет научиться говорить. Воронеж : Истоки, 2012. 169 с.

14. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд. Мю : Азъ, 1994. 907 с.

15. Хьюмс, Д. Секреты великих ораторов. Говори как Черчилль, держись как Линкольн. М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. 302 с.

16. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб. : Изд-во В. И. Губинского, 1910. 676 с.

Сведения об авторе

Чжан Канкан — аспирант, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. Москва, Россия. 15522676781@163.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 166–171.*

EXPRESSIVE-EMOTIONAL WAYS OF EXPRESSING GLORIFICATION IN EPIDEICTIC SPEECH

Zhang Kangkang

The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia. 15522676781@163.com

The article examines the expressive and emotive ways of rendering glorification in solemn speeches in important and socially significant events. New aspects of the problem under discussion are the description of the regularities in the functioning of the epideictics in modern socio-political speech practice and the highlighting of ways of raising the social status (adorning “the social face”) of communicants. The article discusses a set of tools that allow to actualize the emphatic, accentuated expression of positive evaluative semantics of linguistic units and ensure the emotional impact of a solemn text on the audience. The analysis of the most common expressive-emotive means found in the epideictic texts under study allows us to judge how effective epideictic speeches are constructed and the expression of glorification is best rendered.

Keywords: *solemn (epideictic) speech, glorification, expressiveness, tropes and figures of speech, emotionality, impact.*

References

1. Annushkin, V.I. (2002) *Istorija russkoj ritoriki. Hrestomatija* [History of Russian Rhetoric. Reader: Textbook]. 2nd ed. Moscow, Flinta Publ. 416 p. [in Russ.].
2. Ahmanova, O.S. (2013) *Slovar' lingvisticheskikh terminov: Okolo 7000 terminov* [Dictionary of Linguistic Terms: About 7000 terms]. Moscow, Librokom Publ. 608 p. [in Russ.].
3. Vorontsova, T.A. (2011) *Ritorika kak publichnaja kommunikacija. Uchebnoe posobie* [Rhetoric as public communication. Textbook]. Izhevsk. 132 p. [in Russ.].
4. Golub, I.B. (2014) *Russkaja ritorika i kul'tura rechi: Uchebnoe posobie* [Russian rhetoric and culture of speech: textbook]. Moscow, Logos Publ. 328 p. [in Russ.].
5. Ereshhenko M.V., Kravchenko N.V. (2016) *Molodoj uchenyj*, no. 7.4 (111.4), pp. 19–22. [in Russ.].
6. Ionova, S.V. (2015) *Mir lingvistiki i kommunikacii*, no. 4, pp. 97–117. [in Russ.].

7. Ionova, S.V. (2015) *Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika*, no 1, pp. 20–30. [in Russ.].
8. Ionova, S.V. (2008) *Vestnik VGU. Ser. 2. Jazykoznanie*, no 1 (7), pp. 6–11. [in Russ.].
9. Leontovich, O.A. (2015) *Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika*, no 1, pp. 164–177. [in Russ.].
10. Men'shenina, S.V. (2005) *Vestnik JuUrGU*, no 7, pp. 181–185. [in Russ.].
11. Chernjak, V.D. (2016) *Ritorika: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata* [Rhetoric: textbook for academic bachelor's degree]. Moscow, Jurajt Publ. 430 p. [in Russ.].
12. Chernyshjova, V.I. (1948–1965) *SSRLJa Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 tomakh* [Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 volumes]. Moscow, AN SSSR Publ. [in Russ.].
13. Sternin, I.A. (2012) *Prakticheskaja ritorika v objasnenijah i uprazhnenijah dlja teh, kto hochet nauchit'sja govorit'* [Practical rhetoric in explanations and exercises for those who want to learn to speak]. Voronezh, Istoki Publ. 169 p. [in Russ.].
14. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Ju. (1994) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow. 907 p. [in Russ.].
15. H'jums D. (2012) *Sekrety velikih oratorov. Govori kak Cherrhill', derzhis' kak Linkol'n* [Hume James Secrets of Great Speakers. Speak like Churchill, keep like Lincoln]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ. 302 p. [in Russ.].
16. Chudinov, A.N. (1910) *Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka* [Dictionary of foreign words, included in the Russian language]. V. I. Gubinsky Publ. 676 p. [in Russ.].

ТЕКСТ ЗАКОНА: СПЕЦИАЛЬНЫЙ VS НЕСПЕЦИАЛЬНЫЙ

О. И. Шарафутдинова¹, В. И. Поповская²

¹Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются тексты законов как тексты, занимающие пограничное положение между специальными (профессиональными) и неспециальными. Приводятся некоторые характеристики законодательных текстов, которые позволяют отнести их к категории текстов «для всех»: профессионально не маркированный адресат, неперсонифицированный адресант, особая функция и специфическая терминология. Однако отмечается, что, будучи составляющими юридического дискурса, они испытывают на себе влияние профессиональной сферы деятельности.

Ключевые слова: специальный текст, юридический текст, текст закона, юридический дискурс.

На сегодняшний день в научной литературе достаточно часто поднимается вопрос о понимании правового текста неспециалистом. С одной стороны, данная проблема активно изучается правоведами, заинтересованными в единообразном понимании правовой нормы всеми гражданами государства, с другой стороны, вопросы понимания и интерпретации текста не могут не рассматриваться представителями отдельных направлений лингвистики, в которых накоплен определённый опыт анализа речевого произведения специфическими лингвистическими методами.

В своих работах лингвисты и правоведа исходят из разных презумпций: для первых текст закона является большей реальностью, чем правовая идея, лежащая в его основе, поскольку текст — материально существующий объект, заключающий в себе ту или иную информацию, которая может быть из него вычленена всеми носителями языка путём прочтения и анализа. К сожалению, можно констатировать, что на сегодняшний день многие юридические тексты не выражают в полной мере идеи, вкладываемой законодателем, что влечёт за собой проблемы его понимания и интерпретации. Кроме того, текст закона, как и любой другой, представляет собой обычное речевое произведение, которое в силу своей природы допускает большое число интерпретаций [2].

Большинство теоретиков права придерживаются иных взглядов, считая, что в процессе интерпретации юридического текста главной задачей является постижение «духа», а не «буквы» закона, то есть выяснение воли законодателя [6]. В таком случае рядовой носитель языка не может самостоятельно постичь правовую идею, так как она

не вычленяется путём декодирования текста закона, а следовательно, должен обращаться за профессиональной юридической помощью. При этом часто в научных работах юристов, пытающихся решить проблему понимания правовых текстов, отмечается, что именно юридическое образование даёт человеку возможность понимать и применять право [4, с. 6]. В связи с этим нередко подчёркивается уникальность правового мышления, которое не может сформироваться у рядовых граждан. Последние могут иметь лишь собственные представления о личном праве, справедливости, законе и т. д. [3].

Говоря о юридическом (правовом) мышлении, Н. Г. Храмцова подчёркивает его уникальность, которая проявляется в использовании специфических методов и средств мышления, способах мыслительной работы [11]. Также автор замечает, что правовой дискурс в целом формируется как результат мыслительной деятельности специалистов-юристов.

В свою очередь отметим, что любая профессиональная деятельность является основанием для формирования соответствующего типа дискурса. Кроме того, в процессе профессиональной подготовки формируется определённый тип мышления и осваиваются специфические методы. Таким образом, мышление лингвиста, инженера, музыканта действительно не похоже на мышление рабочего, фермера, предпринимателя и по-своему уникально. Очевидно, что каждый член общества не обязан быть специалистом-филологом или профессиональным музыкантом, при этом он способен слушать произведения Моцарта, читать романы Ремарка, воспринимая и интерпретируя

их с точки зрения простого обывателя. Не подлежит сомнению тот факт, что степень и глубина понимания художественного текста профессиональным филологом и рядовым носителем языка будут значительно отличаться, однако вопрос об отнесении произведений художественной литературы к текстам неспециальным («для всех») не вызывает сомнений. В случае с юридическими текстами в целом и с текстами законов в частности дело обстоит иначе.

Традиционно все юридические тексты относятся к категории специальных, что обычно считается аксиомой и часто берётся за исходный тезис дальнейшего исследования. Вопрос о понимании правового текста интерпретируется как проблема понимания специального текста неспециалистом, при этом вопросу обоснования или опровержения принадлежности правовых текстов к специальным в научной литературе, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания. Мы, в свою очередь, предполагаем, что не все тексты юридического дискурса должны маркироваться как специальные, и в рамках данной статьи предпринимаем попытку рассмотреть тексты законов как тексты, занимающие пограничное положение между специальными и неспециальными.

Письменная разновидность юридического дискурса представлена разными группами текстов, среди которых, по мнению А. В. Малько, можно выделить следующие:

- а) нормативные правовые акты, содержащие нормы права;
- б) правоприменительные акты-документы, содержащие индивидуальные властные предписания;
- в) интерпретационные акты-документы, полученные в результате официального толкования юридических норм и нормативных актов;
- г) акты, возникшие в результате договора (соглашения) между соответствующими субъектами и содержащие как юридические нормы (нормативные договоры), так и индивидуально-правовые решения (сделки между различными субъектами) [8, с. 279].

Существование и функционирование всех групп обусловлено наличием первой группы текстов, являющихся прецедентными для всего юридического дискурса. В частности, к таковым относятся Конституция РФ, федеральные законы (в том числе кодексы), международные договоры и некоторые другие. Нормативные правовые акты являются доминирующими источниками права, другими словами, тексты правового содержания не имеют

юридической силы, если они не включены в контекст определённых нормативных правовых актов.

Именно тексты законов занимают, на наш взгляд, пограничное положение между собственно специальными и текстами «для всех».

Вслед за А. М. Клёстер и М. С. Шумайловой, под специальным текстом мы понимаем результат профессиональной коммуникации, отражающий её многоаспектность, а также подчёркивающий тонкости определённой сферы науки и техники [5, с. 107]. Основываясь на данном определении, к собственно специальным текстам можно отнести все документы, используемые юристами в рамках профессиональной коммуникации: правоприменительные, интерпретационные документы, индивидуально-правовые решения, а кроме того, тексты юридической науки и учебные юридические тексты. В этот же ряд невозможно включить нормативные правовые акты, содержащие нормы права (в рамках данной работы будем называть их обобщённо — законодательными), так как, являясь прецедентными для всех вышеперечисленных документов, они служат не результатом, а единственным основанием профессиональной юридической коммуникации. В связи с этим уместно провести аналогию с текстами художественных произведений, которые обеспечивают существование литературоведческих работ.

Кроме того, есть ещё ряд причин, не позволяющих отнести законодательные тексты к категории специальных.

1. Адресат. Специальный текст в качестве своего адресата подразумевает субъекта профессиональной деятельности, тогда как «в качестве адресатов законодательного текста могут быть рассмотрены, с одной стороны, целевая аудитория, коллективный субъект (общество, группа людей, органы власти, организации и др.), с другой — человек как представитель общества, индивидуальный субъект» [1, с. 73]. Подчёркнём, что адресат законодательного текста не только профессионально не маркирован, но и, наоборот, предельно обобщён.

2. Функция. Специальный текст служит основным средством накопления и передачи профессионального знания, в то время как текст закона, в первую очередь, является знаком правового государства, символом верховенства закона. Как отмечает Е. А. Юртаева, «тексты законодательных актов фактически являют собой пример структурно-семиотического оформления функционирования государственной власти и социальной жизни» [12, с. 119]. Таким образом, в законодательных

текстах на первый план выходят не столько коммуникативная и гносеологическая функции, сколько функция правоустанавливающая.

Следующие отличия менее значимы, однако они также могут служить основанием для разграничения законодательных и специальных юридических текстов.

3. С функцией тесно связана категория адресанта. Автор специального текста имеет достаточно точные характеристики:

1) является профессионалом в конкретной — часто узкой — сфере деятельности;

2) обладает определённым набором знаний и/или накопленным личным опытом, который может быть передан коллегам;

3) чаще всего автор известен. Кроме того, именно профессиональный статус автора специального текста зачастую определяет авторитетность изложенной в нём информации.

Говоря о категории адресанта юридических текстов в целом, отметим, что большая их часть характеризуется отсутствием персонифицированного автора. Однако в данном контексте наиболее важным для нас является тот факт, что в процессе создания текста закона принимают участие не только специалисты-юристы, но и лингвисты, а также, при необходимости, эксперты отдельных отраслей знания. Кроме того, в процессе обсуждения закона в парламенте, инициаторами, а следовательно, адресантами выступают конкретные лица, которые вносят законопроект на рассмотрение, при этом они могут быть непричастными к собственно языковому оформлению текста. В целом, можно сказать, что текст закона составляется коллективным обезличенным автором, а авторитетность адресанта юридического текста не играет никакой роли, так как степень легитимности того или иного закона определяется значимостью лица, его подписавшего.

4. Терминология. «Термин (от. лат *terminus* — граница, предел) — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [7, с. 508]. Уже сама дефиниция ограничивает принадлежность термина той или иной сферой науки или профессиональной деятельности. В юридическом дискурсе термины занимают одно из ключевых мест, так как обеспечивают соблюдение требования точности языка закона, а также единообразного применения правовых норм. Однако юридическая терминология крайне разнообразна, в частности, С. П. Хижняк выделяет два типа юридических терминов: терминологию

права (закона) и терминологию правоправедения (юриспруденции) [10, с. 6]. Отметим, что термины, употребляющиеся в законах, намного проще и доступнее для понимания, чем термины, встречающиеся в научной юридической литературе, что отмечает и сам С. П. Хижняк: «терминология правоправедения сложнее, чем терминология права. В ней употребляются термины, обозначающие теоретические понятия, которые не встречаются в текстах законов: “гипотеза”, “диспозиция”, “механизм правового регулирования”» [10, с. 6]. В качестве примера представим список некоторых терминов, встречающихся в Гражданском кодексе РФ: «дееспособность», «брак», «ребёнок», «наследодатель», «завещание», «недвижимость» и др.

Если говорить о терминологии законодательных текстов отдельно, вне контекста юриспруденции как науки, то можно отметить, что подавляющее большинство понятий представляют собой слова естественного языка, значение которых либо общеизвестно, либо достаточно просто может быть понято любым носителем языка. Очевидно, что данные лексемы возникли задолго до появления юридической науки. Это же отмечал и С. П. Хижняк: «Русская юридическая терминология возникла примерно в X в. как терминология права, закреплённая в древних законодательных актах. Терминология правоправедения появилась гораздо позже, примерно в XVIII в., когда началось систематическое изучение права как социального феномена и теоретическое осмысление правовой науки» [10, с. 7]. Однако, в связи с появлением и активным развитием юриспруденции, в процессе формирования её терминосистемы произошла юридизация слов естественного языка, бытовавших в законодательных текстах и, как следствие, возникло явление омонимии.

Таким образом, мы в контексте данной работы вынуждены разделять собственно юридические термины и омонимичные им лексемы, подчёркивая, что изначально в текстах законов бытовали именно неюридизированные слова естественного языка, что на сегодняшний день создаёт мнимую простоту терминов закона. Так, многие исследователи, в том числе и Р. А. Ромашов, видят в этом явлении определённую долю опасности, так как совпадение юридических терминов и общеупотребительных слов для рядовых носителей языка создаёт «лишь иллюзию понятности» правовой нормы [9, с. 55].

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что терминология также не может являться

основанием, на котором законодательные тексты выделяются в категорию специальных.

5. Опубликование. Об особом статусе и природе текстов закона говорит факт необходимости официального опубликования законов для всеобщего ознакомления с ними. Если же говорить об основном законе страны — Конституции РФ, то её текст или же серьёзные поправки принимаются на всенародном референдуме, что ещё раз обозначает многонациональный народ не только как адресатов, но и как своеобразных адресантов текста закона.

Таким образом, законодательные тексты — сложный и крайне противоречивый в силу своей природы феномен. На наш взгляд, их отнесение к категории специальных неправомерно, так как, во-первых, они являются не результатом, а главным основанием профессиональной юридической коммуникации, во-вторых, описанные нами выше особенности, такие как: профессионально немаркированный адресат, особый тип адресанта, специфическая терминология, омонимичная словам естественного языка и др., позволяют вывести их за рамки специальных текстов. С другой стороны, было бы также неправомерно называть их текстами «для всех», так как, будучи составляющими юридического дискурса, они испытывают на себе влияние данной профессиональной сферы деятельности. В частности, тексты создаются на юридическом языке — языке для специальных целей, содержат юридические термины и понятия (несмотря на то, что это юридизированные лексемы естественного языка), в конце концов, многие законы не могут быть поняты рядовыми носите-

лями языка без профессиональной юридической помощи. Последняя особенность, вероятно, и обусловила безоговорочное отнесение законодательных текстов к категории специальных. Разумеется, не подлежит сомнению тот факт, что профессиональный юрист обладает определённым набором методов, обеспечивающих не только глубокое понимание содержания юридического текста, в том числе с учётом правовой (экстралингвистической) ситуации, но и возможностью прогнозирования тех или иных правовых последствий, однако данная особенность не может служить основанием для отнесения текстов закона к категории специальных. Роль законодательных текстов в юридическом дискурсе схожа с ролью текстов художественных произведений для дискурса литературоведения или текста Священного Писания для богословия, при этом очевидно, что романы Достоевского и Библия не могут быть названы текстами специальными. В том числе фактом, подтверждающим данное положение, является наличие максимально широкого адресата подобных произведений (ранее мы уже отмечали, что адресат законодательного текста тоже достаточно широк).

Особое положение текстов закона — на границе между специальными и неспециальными — осложняет не только сам процесс их понимания и интерпретации рядовыми носителями языка, но и приводит к появлению совершенно противоположных взглядов на саму природу понимания правовой нормы и, как следствие, затрудняет решение одной из ключевых проблем современной юрислингвистики в целом и юридической герменевтики в частности.

Список литературы

1. Батюшкина М. В. Законодательный текст, его адресант и адресат // Гуманитарный вектор. 2017. № 2. С. 70–76.
2. Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138–148.
3. Зыков Д. В. Некоторые вопросы теории юридического мышления // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 2. С. 274–280.
4. Иеринг Р. Юридическая техника / перевод с немецкого Ф. С. Шендорфа. СПб., 1905. 105 с.
5. Клёстер А. М., Шумайлова М. С. Описание модели специального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7–2 (73). С. 107–109.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / [сост., автор вступ. ст., ком-мент. А. Н. Медушевский]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 520 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 464 с.

9. Ромашов Р. А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 52–57.
10. Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. акад. МАН ВШ Л. И. Баранниковой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 136 с.
11. Храмова Н. Г. Правовое мышление и язык права — объективные основания правового дискурса // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 54–58.
12. Юртаева Е. А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 106–120.

Сведения об авторах

Шарафутдинова Олеся Ильясовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, Россия. gadkie_lebedi@mail.ru

Поповская Вера Игоревна — магистрант историко-филологического факультета, ассистент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. pshen555@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 12 (446). Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 172–177.

TEXT OF LAW: SPECIAL vs NON-SPECIAL

O.I. Sharafutdinova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. gadkie_lebedi@mail.ru

V.I. Popovskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pshen555@mail.ru

Traditionally, all legal texts are classified as special, but the question of understanding a legal text is interpreted as a problem of understanding a special text by a non-specialist. This paper provides arguments in favor of the fact that not all texts of legal discourse should be marked as special, and also attempts to consider the texts of laws as texts that occupy a borderline position between special and non-special. It is concluded that some features of legislative texts (the widest possible range of addressees, not limited professionally, depersonalized addressee, a special function and specific terminology) allow them to be considered texts “for all”, but it is separately noted that the inclusion of laws in the sphere of communication of lawyers determines their existence as professional.

Keywords: *special text, legal text, text of the law, legal discourse.*

References

1. Batyushkina, M.V. (2017) *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian vector], no. 2, pp. 70–76. [in Russ.].
2. Golev, N.D. (2015) *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], no. 4, pp. 138–148. [in Russ.].
3. Zykov, D.V. (2012) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudenciya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence], no. 2, pp. 274–280. [in Russ.].
4. Iering, R. (1905) *Yuridicheskaya Tekhnika* [Legal Technique]. St. Petersburg. 105 p. [in Russ.].
5. Klyoster, A.M., Shumajlova, M.S. (2017) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice.], no. 7–2 (73), pp. 107–109. [in Russ.].
6. Korkunov, N.M. (2010) *Lektsii po obshchej teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). 520 p. [in Russ.].
7. Yarceva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya. 685 p. [in Russ.].
8. Morozova, L.A. (2014) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Norma Publ, NIC INFRA-M Publ. 464 p. [in Russ.].

9. Romashov, R.A. (2010) *Yurilingvistika* [Jurislinguistics], no. 10, pp. 52–57. [in Russ.].
10. Hizhnyak, S.P. (1997) *Yuridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav* [Legal terminology: formation and composition]. L. I. Barannikova (ed.). Saratov, Saratovskiy universitet Publ. 136 p. [in Russ.].
11. Hramtsova, N.G. (2009) *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian law], no. 1, pp. 54–58. [in Russ.].
12. Yurtaeva, E.A. (2009) *Zhurnal rossijskogo prava* [Russian law journal], no. 11, pp. 106–120. [in Russ.].

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРТНЁРСКОЙ СЕТИ ЦЕНТРОВ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗА РУБЕЖОМ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Л. И. Шестакова, Я. Л. Березовская

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Анализируются задачи российских министерств и ведомств в области поддержки русского языка за рубежом, рассмотрен опыт реализации развития партнёрской сети Южно-Уральского государственного университета. Поставлены задачи по функционированию центров русского языка, способствующих укреплению позиций русского языка. Активизация интереса к русскому языку является средством мягкой силы при формировании языковой политики.

Ключевые слова: *русский язык, русский язык как иностранный, преподавание русского языка в Китае, языковая политика, центр открытого образования на русском, Южно-Уральский государственный университет.*

Вопросы сохранения и популяризации русского языка, национальной самоидентификации являются одними из основных не только в научной среде, но и при решении проблем государственного уровня при формировании языковой политики. Пятого ноября 2019 г. на заседании Совета по русскому языку В. В. Путин отметил, что язык обеспечивает суверенитет, единство и идентичность российской нации. Президент подчеркнул, что необходимо увеличить поддержку образовательных программ и программ по продвижению национальной культуры [10]. В. В. Путин указал на необходимость финансирования библиотек, школ, музеев, появление новых литературных журналов.

Сохранение и укрепление позиций русского языка в мире является вопросом национальной безопасности в целом. По замечанию членов Совета по русскому языку при Президенте РФ, язык является мягкой силой, способной влиять на различные сферы жизни общества [10].

Значимость проектов по разработке и реализации системы мероприятий, направленных на формирование русской образовательной среды с этнокультурным компонентом за рубежом, подчёркивают как члены Совета по русскому языку при Президенте РФ (Е. А. Амосова), так и другие учёные-лингвисты, занимающиеся развитием организаций, осуществляющих образовательную деятельность на русском языке. В частности, Д. А. Горбатова в статье «Государственно-общественное управление в сфере поддержки русского языка: портфель ключевых проектов по линии совета по русскому

языку при Правительстве Российской Федерации» выделяет основные проектные направления, рекомендуемые к внедрению в субъектах Российской Федерации: 1) обеспечение условий для качественного изучения русского языка, в том числе в многоязычных регионах (повышение квалификации учителей, новые ресурсы для мотивации и изучения русского языка); 2) развитие творческого потенциала детей и молодёжи средствами русского языка (новые программы дополнительного образования, система конкурсов, поддержка талантов и одарённости) [15]. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассмотрен и обобщён опыт реализации научной и просветительской деятельности центра по популяризации русского языка, внедрённый на Южном Урале. Данный опыт может использоваться при создании инструмента поддержки русского языка при реализации государственной политики в других регионах России и за рубежом.

Решение вопросов установления равноправных отношений с иностранными партнёрами предусматривает использование различных направлений государственной политики, при этом один из важнейших инструментов усиления позиций Российской Федерации на международной арене — поддержка и популяризация русского языка, являющегося конкурентоспособным в современном международном сообществе. Для достижения поставленной задачи необходима консолидация как органов государственной власти, так и образовательных, общественных и неправительственных организаций, фондов, локальных центров

по поддержке русского языка в мире. В частности, в Челябинске действует Совет по русскому языку и российской словесности, координирующий значимые мероприятия по популяризации русского языка. В состав Совета входят ведущие учёные-лингвисты вузов Челябинска, а также руководители общественных социально значимых некоммерческих организаций. Ежегодно при поддержке Совета проводятся мероприятия по продвижению русского языка, например, международный конкурс ораторов «Златоуст» [11].

Популяризации русского языка в мировом сообществе способствует развитие новых сетевых форм взаимодействия с зарубежными образовательными организациями. Активизация интереса к русскому языку в социально-экономической и политической сферах является средством мягкой силы при формировании языковой политики государства. Необходимость проведения мероприятий по поддержке и продвижению русского языка за рубежом является главной идеей государственной политики и реализуется в ряде документов. В п. 12, 13 «Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом» особое внимание уделяется использованию имеющихся возможностей, а также положительного опыта в сфере популяризации русского языка. Акцентируется внимание на том, что указанная деятельность носит долгосрочный стратегический характер и требует соответствующего ресурсного обеспечения [7].

В Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2018–2025 гг. особое внимание уделено кадровому обеспечению специалистов образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, формированию необходимой учебно-методической базы, развитию современной технологической инфраструктуры. Для реализации этой цели в рамках программы «Развитие образования» Южно-Уральским государственным университетом были разработаны и внедрены программы повышения квалификации преподавателей, в том числе «Создание авторского электронного курса по русскому языку как иностранному». Выбор тематики курсов обусловлен формированием цифровой образовательной среды, требующей использования новых инструментов, которые способствуют индивидуализации учебного процесса, обеспечивают многоканальность восприятия материала, дают возможность вновь обращаться к изученному ранее материалу, дублировать выполнение заданий

и т. д. Интерес к этой программе вызван тем, что в системе образования зарубежных стран, в частности, в Китайской Народной Республике, активно применяются технологии смешанного обучения.

В соответствии с Концепцией численность участников партнёрской сети к концу 2020 г. должна возрасти до 33, в связи с чем Южно-Уральский государственный университет ведёт активное сотрудничество со странами ближнего и дальнего зарубежья по созданию центров открытого образования и развитию партнёрской сети на базе образовательных организаций. Полагаем, что распространение и укрепление позиций русского языка посредством увеличения количества центров открытого образования на русском языке способствуют формированию положительного образа России в зарубежных странах, повышению её международного авторитета.

Реализация комплекса мероприятий по поддержке центров открытого образования, развитие кадрового потенциала преподавателей, осуществляющих или планирующих осуществлять педагогическую деятельность на русском языке, способствуют популяризации русского языка, проявлению интереса к русской культуре, науке и образованию в целом, развивают формы сотрудничества Российской Федерации с иностранными партнёрами. Этому способствуют создание единой информационной площадки, доступ к качественным тематическим веб-ресурсам в области преподавания русского языка в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В частности, научным коллективом Южно-Уральского государственного университета разработаны программы работы виртуального кабинета по обучению фонетике русского языка, массовые открытые онлайн-курсы по фонетике для носителей арабского и китайского языков, размещённые на платформе «Образование на русском». Для получения актуальной информации о проводимых мероприятиях и возможностях онлайн-обучения функционирует сайт партнёрской сети центров Южно-Уральского государственного университета (<https://pushkin.susu.ru>).

Функционирование и поддержка центров открытого образования на русском языке будет формировать устойчивый интерес к России и расширять возможности по изучению русского языка и культуры. Популяризация богатства и выразительных возможностей русского языка за пределами Российской Федерации развивает интерес к её культуре в мировом сообществе, что в целом способствует укреплению культурных позиций

Российской Федерации. Сформированная партнёрская сеть позволит повысить уровень кадрового педагогического потенциала организаций, ведущих образовательную деятельность на русском языке, активизирует интерес среди желающих изучать русский язык.

Одной из основных задач является создание эффективной системы поддержки русской языковой среды за рубежом. Указанную задачу реализует созданный в Южно-Уральском государственном университете в 2014 г. в рамках плана мероприятий по поддержке русского языка и образования на русском языке по заданию Министерства образования и науки Российской Федерации научно-образовательный и координационный центр «Институт Пушкина». Центр реализует задачи по формированию сети научно-образовательных и координационных центров открытого образования на русском языке на базе образовательных организаций; введению в пилотную эксплуатацию образовательных ресурсов для дистанционного обучения граждан на русском языке, в том числе мотивирующих пользователей целевых групп на изучение русского языка; организации и проведению занятий по программам дополнительного образования, в том числе профессиональной переподготовки. За время работы центра при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Русский язык», а также программы «Развитие образования» создана и функционирует партнёрская сеть в девяти высших учебных заведениях Китайской Народной Республики. Ежегодно проводятся и получают распространение образовательные акции по русскому языку, такие как «Тотальный диктант» (ср.: в 2016 г. на базе ЮУрГУ тотальный диктант написали 86 иностранных граждан, в 2019 г. — 333 иностранных участника), международная интернет-олимпиада по русскому языку и русской культуре, конкурс каллиграфии, конкурс проектов и др. Развиваются программы дополнительного образования: «Русский язык в специальных целях», «Русский язык в профессиональной коммуникации», «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного», «Переводчик в сфере профессионального общения (русский язык)». Южно-Уральский государственный университет ежегодно организует мастер-классы и вебинары по русскому языку для преподавателей вузов-партнёров: по обучению фонетике русского языка, по подготовке к сдаче

лингводидактического тестирования по русскому языку как иностранному и др. Выбор тематики вебинаров («Зрительная наглядность как средство повышения эффективности преподавания русского языка как иностранного», «Приёмы формирования коммуникативной компетенции слушателей электронного курса по русскому языку как иностранному») обусловлен актуальностью вопросов преподавания русского языка как иностранного с использованием технологий дистанционного обучения.

Мероприятия, проводимые Южно-Уральским государственным университетом в области поддержки русского языка, содействуют повышению качества преподавания русского языка в мире, направлены на поддержку зарубежных преподавателей русского языка, активизируют интерес в области совместных научных исследований, способствуют формированию единого информационного пространства.

Образовательная и просветительская деятельность партнёрской сети Южно-Уральского государственного университета была оценена на встрече с послом России в КНР А. И. Денисовым 11 апреля 2019 г. в Тяньцзиньском университете иностранных языков.

Для успешного развития и функционирования партнёрской сети представляется важным выполнение следующего ряда задач:

- мониторинг наличия центров и фондов поддержки и популяризации русского языка за рубежом;
- определение основных направлений деятельности центров и фондов в зависимости от запроса в образовательной среде;
- мониторинг потребностей в преподавателях русского языка в средних и высших учебных заведениях;
- анализ современных программ повышения квалификации, развитие и совершенствование кадрового потенциала;
- обеспечение ресурсной поддержки открытого образования на русском языке (в том числе с использованием дистанционных технологий);
- разработка образовательных ресурсов в дистанционном формате, в том числе для преподавателей, ведущих обучение на русском языке;
- консультационное сопровождение преподавателей русского языка и преподавателей-предметников, обучающихся на русском языке;
- реализация масштабной информационной кампании по укреплению позиций и продвиже-

нию русского языка и созданной системы его изучения;

– доступность качественных тематических веб-ресурсов в области образования на русском языке и обучения русскому языку в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Дистанционные практические курсы как для изучающих русский язык, так и для преподавателей, ведущих обучение на русском языке, должны учитывать лингвокультурную специфику материала носителей различных языков, выступающих получателями информации.

Расширение пространства русского языка и образования на русском языке за рубежом не только способствует снижению уровня напряжённости международных отношений, но и заставляет обратить внимание на задачи, решаемые в долгосрочной перспективе. Продвижение русского языка, материальной и духовной культуры России, коммуникативных и когнитивных практик многонационального и поликонфессионального

российского общества могут рассматриваться как средства мягкой силы, последовательно формирующие положительный образ России, влияющие на сознание иностранных граждан, изучающих русский язык. Эффективное функционирование партнёрской сети центров открытого образования на русском языке формирует ощущение духовного единства, масштабности русской культуры, способствует вхождению в языковую среду. Популяризация богатства и выразительных возможностей русского языка за пределами Российской Федерации развивает интерес к её культуре в мировом сообществе, что в целом способствует укреплению культурных позиций Российской Федерации. Мероприятия партнёрской сети направлены на духовно-нравственное воспитание молодёжи, на воспитание толерантности в поликультурном обществе, на формирование творческого потенциала молодёжи, а также межнационального, межкультурного диалога.

Список литературы

1. Антонова Е. А. Продвижение русского языка за рубежом // Электронные ресурсы открытого образования по русскому языку: лучшие практики : сборник статей международной научно-практической конференции (7–8 декабря 2017 г., Москва) / отв. ред. В. Н. Климова. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 16–17.
2. Арская Ю. А. Продвижение русского языка за рубежом как инструмент «мягкой силы»: роль вузов в реализации Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (на примере деятельности Иркутского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 22. С. 141–148.
3. Березовская Я. Л. Из опыта проведения всероссийской акции «Тотальный диктант» для иностранных учащихся // *Lingua mobilis*. 2016. № 1 (54). С. 14–18.
4. Березовская Я. Л. Практика создания массовых открытых онлайн-курсов по фонетике русского языка // Электронные ресурсы открытого образования по русскому языку: лучшие практики : сборник статей международной научно-практической конференции (7–8 декабря 2017 г., Москва) / отв. ред. В. Н. Климова. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 27–31.
5. Горбатова Д. А. Государственно-общественное управление в сфере поддержки русского языка: портфель ключевых проектов по линии совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации // Электронные ресурсы открытого образования по русскому языку: лучшие практики : сборник статей международной научно-практической конференции (7–8 декабря 2017 г., Москва) / отв. ред. В. Н. Климова. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 161–164.
6. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» : утв. Постановлением Правительства РФ от 26.12.2017 г. № 1642)
7. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом : утв. Президентом РФ 03.11.2015 N Пр-2283). URL: http://rs.gov.ru/uploads/document/file/22/konceptsiya_gosudarstvennoy_podderzhki_i_prodvizheniya_russkogo_yazyka.pdf
8. Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг. : утв. распоряжением Правительства РФ от 20.12.2014 г. № 2647-р). URL: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/13/fcp2016.pdf>
9. Паспорт ведомственной целевой программы «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации» : утв. распоряжением

Министерства просвещения РФ от 16.05.2019 г. № Р-60). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/945997ac798972c086b17a4e4ec0e126/download/1512/>

10. Совет при Президенте по русскому языку. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/45877>

11. Совет по русскому языку и российской словесности Челябинской области. URL: <http://www.minobr74.ru/htmlpages/Show/Deyatelnost/Vyssheobrazovanie/Sovetporusskomuyazykuirossijsk>

12. Beresovskaya Y.L., Isupova T.D., Katsay D.A., Sharafutdinova O.I., Shestakova L.I., Elagina O.B. An Intelligent System of Analysis of Intonation Structures: Application in Teaching the Russian Language to the Chinese Language Native Speakers // Bulletin of the South Ural State University. Series: Computational Mathematics and Software Engineering, 2018. vol. X, no. Y, pp. Z1–Z2. (in Russian) DOI: 10.14529/cmseXXXXXX.

Сведения об авторах

Шестакова Людмила Ивановна — кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, Россия. shestakovali@susu.ru

Березовская Ядвига Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, Россия. berezovskaiail@susu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 12 (446). *Philology Sciences. Iss. 122. Pp. 178–183.*

CREATING AND DEVELOPING A PARTNER NETWORK OF CENTERS FOR OPEN EDUCATION IN RUSSIAN ABROAD AS A FORM OF IMPLEMENTING GOVERNMENTAL LANGUAGE POLICIES

L.I. Shestakova

South-Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia. shestakovali@susu.ru

Ya.L. Berezovskaya

South-Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia. berezovskaiail@susu.ru

The article analyzes the goals of the Russian ministries and agencies aimed at popularizing and supporting the Russian language abroad; we analyze the experience of creating and developing a partner network at South Ural State University. We set several goals relating to the functions of centers of open education in Russian which support the popularization of the Russian language, thereby strengthening its position abroad. We stress the value of projects dedicated to development and implementation of a system of events aimed at forming a Russian educational environment with an ethnocultural component abroad. To achieve these goals, organs of governmental power must be consolidated alongside academic, social, and non-governmental organizations and funds dedicated to supporting the Russian language around the world. Activating interest in the Russian language in social, economic, and political spheres is a form of “soft power” with the formation of a governmental language policy.

Keywords: *Russian language, Russian as a foreign language, teaching the Russian language in China, language policy, open education center in Russian, South Ural State University.*

References

1. Antonova, E.A. (2018) Prodvizhenie russkogo yazyka za rubezhom [Promoting the Russian Language Abroad]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Elektronnyye resursy otkrytogo obrazovaniya po russkomu yazyku: luchshiy praktiki»* [International Research Conference “Online Resources for Open Learning for Russian Language: Best Practices”] (7-8 December 2017, Moscow): Proceedings. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute. Pp. 16–17. [in Russ.].

2. Arskaya, Yu.A. (2017) *Irkutsk State University Bulletin. Series “Politologiya. Religiovedeniye”*, 2017, issue 22, pp. 141–148. [in Russ.].

3. Berezovskaya, Ya.L. (2016) *Lingua mobilis*, no. 1 (54), pp. 14–18. [in Russ.].
4. Berezovskaya, Ya.L. (2018) Praktika sozdaniya massovykh otkrytykh onlayn-kursov po fonetike russkogo yazyka. [Creating Massive Open Online Courses on the Phonetics of the Russian Language]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Elektronnyye resursy otkrytogo obrazovaniya po russkomu yazyku: luchshiy praktiki»* [International Research Conference “Online Resources for Open Learning for Russian Language: Best Practices”] (7-8 December 2017, Moscow): Proceedings. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute. Pp. 27–31. [in Russ.].
5. Gorbatova, D.A. (2017) Gosudarstvenno-obshchestvennoye upravleniye v sfere podderzhki russkogo yazyka: portfel' klyuchevykh proyektov po linii soveta po russkomu yazyku pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii [State and Social Management for the Promotion of the Russian Language: a Case Study of Projects by the Russian Federation Council on Russian Language]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Elektronnyye resursy otkrytogo obrazovaniya po russkomu yazyku: luchshiy praktiki»* [International Research Conference “Online Resources for Open Learning for Russian Language: Best Practices”] (7-8 December 2017, Moscow): Proceedings. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute. Pp. 161–164. [in Russ.].
6. Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» (utverzhdena Postanovleniyem Pravitel'stva RF ot 26.12.2017 № 1642) [Russian Federation State Program “Developing Education” (approved by Resolution of the RF Government from 26.12.2017 No. 1642). Available at: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/7793/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201642%20%D0%BE%D1%82%2026.12.2017.pdf>] [in Russ.].
7. Kontseptsiya gosudarstvennoy podderzhki i prodvizheniya russkogo yazyka za rubezhom (utverzhdena Prezidentom RF 03.11.2015 N Pr-2283) [Concept of State Support and Promotion of the Russian Language Abroad (approved by the President of the RF 03.11.2015 No. Pr-2283). Available at: http://rs.gov.ru/uploads/document/file/22/koncepciya_] [in Russ.].
8. Kontseptsiya federal'noy tselevoy programmy «Russkiy yazyk» na 2016-2020 gg. (utverzhdena rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 20.12.2014 g. № 2647-r) [Concept for the Federal Target Program “Russian Language” for 2016-2020 (approved by resolution of the RF Government from 20.12.2014 No. 2647-r)]. Available at: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/13/fcp2016.pdf>] [in Russ.].
9. Paspport vedomstvennoy tselevoy programmy «Nauchno-metodicheskoye, metodicheskoye i kadrovoye obespecheniye obucheniya russkomu yazyku i yazykam narodov Rossiyskoy Federatsii» (utverzhdyon rasporyazheniyem Ministerstva prosveshcheniya RF ot 16.05.2019 g. № R-60) [Passport of the Departmental Target Program “Scientific, Methodological, and Staff Support for Teaching Russian Language and the Languages of the Peoples of the Russian Federation” (approved by Order of the Ministry of Education of the Russian Federation from 16.05.2019 No. R-60). Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/945997ac798972c086b1>] [in Russ.].
10. Sovet pri Prezidente po russkomu yazyku [Presidential Council on Russian Language]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/45877>] [in Russ.].
11. Sovet po russkomu yazyku i rossiyskoy slovesnosti Chelyabinskoy oblasti [Presidential Council on Russian Language and Literature]. Available at: <http://www.minobr74.ru/html/pages/Show/Deyatelnost/Vy>] [in Russ.].
12. Beresovskaya Y.L., Isupova T.D., Katsay D.A., Sharafutdinova O.I., Shestakova L.I., Elagina O.B. (2018) *Bulletin of the South Ural State University. Series: Computational Mathematics and Software Engineering*, vol. X, no. Y, pp. Z1–Z2. DOI: 10.14529/cmseXXXXXX. [in Russ.].